
ПИСЬМЕННОЕ
НАСЛЕДИЕ
ВОСТОКА

Абдуллах бин Абдул Кадир Мунши

История Абдуллаха

WRITTEN
HERITAGE
OF THE EAST

I

THE SERIES IS BEING PUBLISHED SINCE 2021

ПИСЬМЕННОЕ
НАСЛЕДИЕ
ВОСТОКА

I

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2021 ГОДУ

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies

**Abdullah bin Abdul Kadir
Munshi**

The Story of Abdullah

Translated from the Malay
with introduction and notes
by Liubov Gorjaeva

Moscow
IOS RAS
2021

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Абдуллах бин Абдул Кадир
Мунши**

История Абдуллаха

перевод с малайского,
исследование, комментарии и указатели
Л. В. Горяевой

Москва
ИВ РАН
2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПИСЬМЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА»

В. В. Наумкин (председатель), А. К. Аликберов (зам. председателя),
В. И. Брагинский, М. Д. Бухарин, Е. Ю. Ванина, Л. В. Горяева,
Т. А. Денисова, С. В. Дмитриев, Д. В. Дубровская (секретарь),
Г. М. Емельянова, И. В. Зайцев, А. О. Захаров, А. И. Иванчик, Л. Е. Коган,
Д. В. Микульский, В. Н. Настич, Н. И. Сериков, Е. Б. Смагина,
И. С. Смирнов, А. Д. Цендина, Н. Ю. Чалисова

Ответственный редактор: *Д. В. Микульский*

Рецензенты: *к. филол. н. Е. С. Кукушкина (ИСАА МГУ),*
д. филол. н. Н. И. Пригарина (ИВ РАН)

Утверждено к печати Издательской комиссией
Ученого совета Института востоковедения РАН

Абдуллах бин Абдул Кадир Мунши

А13 История Абдуллаха; Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку / пер. с малайского, исслед., коммент. и указ. Л. В. Горяевой; отв. ред. Д. В. Микульский; Ин-т востоковедения РАН. — М. : ИВ РАН, 2021. — 390 с., [12] с. ил. — (Письменное наследие Востока. I / редкол.: В. В. Наумкин (пред.) и др.)

ISBN 978-5-907543-03-4

В книге представлен комментированный перевод с малайского на русский язык двух сочинений выдающегося малайского писателя 1-й пол. XIX в. Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши (1796/7–1854) — мемуаров «История Абдуллаха», изданных в последней авторской редакции (1849), а также его посмертного творения, «Рассказа о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» (1854) — путевых записок писателя, отправившегося в хадж и волей судьбы скончавшегося в Мекке. Оба эти сочинения служат ценным свидетельством многих исторических событий, совершавшихся на северо-западе Малайского архипелага в этот период, в том числе обстоятельств соперничества Великобритании и Нидерландов в этом регионе, а также основания Сингапура как форпоста британского владычества на архипелаге.

Оглавление

Предисловие.....	7
История Абдуллаха	60
Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку.....	355
Список литературы	376
Указатель личных имен.....	384
Summary	389

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории стран островной Юго-Восточной Азии первые десятилетия XIX в. были отмечены политическими событиями, имевшими далеко идущие последствия. Многолетнее соперничество двух колониальных держав — Великобритании и Голландии, достигшее своей кульминации в период наполеоновских войн, завершилось подписанием Лондонской конвенции 1814 г., согласно которой голландцам возвращались ранее принадлежавшие им владения, расположенные в Малайском архипелаге.

Не мирясь с утраченными позициями, британцы постепенно наращивали свое присутствие в северо-западной части региона, стремясь взять под контроль морской торговый путь, ведущий из Индийского океана в Китай. Окончательный раздел сфер влияния на британскую и нидерландскую части был закреплен Лондонским договором 1824 г., подтвердившим, в частности, права Великобритании на Малакку и Сингапур [Холл, 1958, с. 349–355]. Следующим вопросом, стоявшим перед британской колониальной администрацией, было постепенное включение населения этих территорий в политический и общегуманитарный контекст метрополии.

В этот период одним из передовых отрядов британского и, шире, европейского влияния стали миссионеры-протестанты — основатели типографий и школ для местной молодежи. Целью большинства из них был юго-восток Китая, район Кантона (Гуанчжоу) и Макао. Однако из-за препятствий, чинимых китайскими властями, первым из миссионеров — таким, как Уильям Милн и Роберт Моррисон — пришлось обосноваться в Малакке, где также проживало немало китайцев. В этом регионе, названном впоследствии «Миссией-за-Гангом» (Ultra-Ganges Mission) [Lovett, 1899, p. 429–439], они наладили издание книг, которые затем можно было бы распространять и в самом Китае. В 1815 г. открылась первая христианская школа, и тиражом в сто экземпляров был выпущен журнал «Китайский ежемесячник» (Chinese monthly), за ним, в 1817 г.,

последовал англоязычный, адресованный европейцам «Индо-китайский сборник» (Indo-Chinese Gleaner). Оба просуществовали до 1822 г. [O'Sullivan, 1984, p. 62, 67].

Одновременно налаживалось и печатание книг на малайском языке — как латиницей, так и арабо-малайским письмом *джави*. Наряду с переводами христианской литературы стали издаваться журналы и альманахи просветительской направленности [Putten, 2008, p. 411]. Целью образовательной и издательской деятельности миссий было воспитание новой местной элиты, способной стать посредницей между колониальной администрацией и местным населением, остававшимся в плену традиционных, зачастую архаических, представлений и обычаев.

Для решения этой задачи европейцам требовались помощники, хорошо знающие народ, к которому миссионеры обращались со своей проповедью, и способные одновременно облечь эту проповедь в понятные для слушателей слова, апеллировать к доводам, внятным для местной публики. Наиболее последовательно и успешно справился с этой задачей уроженец Малакки, книжник и полиглот, а впоследствии писатель, Абдуллах бин Абдул Кадир Мунши (1796/7–1854). В истории культуры народов островной Юго-Восточной Азии он занимает особое место и вполне заслуженно именуется родоначальником современных малайской и индонезийской литератур. Главный труд его жизни — мемуары «История Абдуллаха»/ *Hikayat Abdullah* — по охвату исторического материала не имеет себе равных как в предшествующие, так и в последующие времена.

Абдуллах оказался свидетелем и непосредственным участником событий, разворачивавшихся на его родине в первой половине XIX в. Частная жизнь автора мемуаров причудливо переплеталась с событиями подлинно исторического масштаба, а его личные наблюдения — поистине бесценный материал для исследователя. Будучи главным героем своей книги, Абдуллах не прятался от читателя под завесой анонимности и почти никогда не называл себя «владельцем этой истории» (*sahib ul-hikayat, yang empunya ceritera*), как полагалось по традиции, но говорил от первого лица (*aku, sahaya*).

Чистокровным малайцем он не был. Прадед Абдуллаха, Шейх Абдул КаDIR, йеменский араб по происхождению, у себя на родине принадлежал к духовной элите. Ревностный мусульманин, движимый стремлением проповедовать истинную веру среди других народов, он перебрался на юго-запад Индии, в Майсур, где женился на тамилке. После кончины Шейха Абдул КаDIRа четверо его сыновей продолжили движение на восток. Один из них, Мухаммад Ибрахим, обосновался в Малакке и взял себе в жены местную девушку, полутамилку, как и он сам. В честь покойного деда его сын был назван Абдул КаDIRом. Юноша отличался ревностью к вере и лингвистическими дарованиями, преподавал малайский язык европейцам, вел их деловую переписку, а позднее был назначен капитаном торгового судна, курсировавшего между островами Малайского архипелага. Его миссией, среди прочего, было собирание рукописей для голландского правительства Батавии.

Абдуллах — сын Абдул КаDIRа от второго брака с местной уроженкой, также наполовину тамилкой, — унаследовал и развил многочисленные таланты своего отца. Вот как рисует его портрет Дж. Томсон, ученик Абдуллаха и владелец одной из рукописей его мемуаров:

«Внешне он выглядел как тамил с юга Индостана: слегка сутулый, худощавый, смуглый, с овальным лицом и высокой переносицей, один глаз немного косит. Одевался на манер малаккских тамиллов. Ачехские брюки, клетчатый саронг, баджу с набивным рисунком, шапочка и сандалии. Энергичный и гордый, как араб, настойчивый и деликатный, как индеец, он был малайцем лишь по языку и душевному расположению» [Sheehan, 1936, p. 227].

Родившийся, по разным источникам, в 1796 или 1797 г. [Hill, 1970, p. 35], Абдуллах с детства отличался слабым здоровьем и находился на попечении матери, а также бабушки, школьной учительницы, давшей ему первые уроки грамоты. Затем за обучение Абдуллаха взялся отец, отправивший сына в кораническую школу для индийских детей и строго следивший за его успехами в учебе (см. главу «Начало обучения чтению Корана»). К одиннадцати годам у мальчика появились первые заработки: он переписывал тексты из Корана

для индийских солдат-мусульман из британских воинских частей, расквартированных в Малакке, и осваивал с их помощью язык хиндустани. Им же мальчик был обязан и прозвищем «Мунши» — «Учитель языков», сохранившимся за писателем до конца жизни.

Непредвиденный случай, когда Абдуллах с успехом заменил отца и составил финансовый договор для его клиента, стал поворотным в судьбе будущего литератора. Став помощником Абдул Кадира, он начал брать уроки у самых опытных малайских книжников Малакки, постигая секреты малайского письма и стиля, штудировав рукописи разных жанров. Помимо этнических малайцев, его учителями были малаккские тамилы и гуджаратцы, а также прибывшие из Хадрамаута арабы — знатоки и толкователи Корана.

Именно тогда Абдуллах-подросток задался вопросом: почему малайский язык не преподают в школах, как арабский? Почему малайцы считают, что в загробной жизни им будет потребен лишь язык Корана, а родной язык и изучать нечего? О насущной необходимости изменить это положение Абдуллах неустанно твердил на протяжении всей своей жизни.

Переломным моментом в его биографии стала работа переписчиком в малаккской канцелярии британского колониального администратора, будущего основателя Сингапура Томаса Стэмфорда Раффлза (1781–1826). Человек самых разносторонних интересов, выходявших далеко за рамки его служебных обязанностей, Раффлз использовал все свое свободное время для изучения малайского региона: его этнографии, истории, флоры и фауны, памятников архитектуры и, в особенности, письменного наследия народов архипелага.

Личность Раффлза, его характер, привычки, исследовательские и организаторские таланты произвели неизгладимое впечатление на четырнадцатилетнего Абдуллаха. И хотя время их первоначального общения было сравнительно недолгим (1810–1811 гг.), а впоследствии отрывочным, вплоть до окончательного отъезда Раффлза на родину в 1824 г., однако именно он символизировал для юного клерка все достоинства европейской цивилизации: не только ее технические достижения, но и правовую культуру, образование,

отношение к нижестоящим — более справедливое и гуманное, чем то, что юный клерк мог наблюдать в традиционном малайском обществе.

Вся последующая жизнь Абдуллаха протекала в постоянном контакте с сотрудниками протестантских миссий — форпоста европейской цивилизации в регионе островной Юго-Восточной Азии. Начитанный, талантливый и восприимчивый Абдуллах редактировал переводы священных книг христианства, помогал европейцам постигать секреты малайского языка и глубже понимать особенности края, где они закрепились всерьез и надолго, освоил типографское дело. Все эти обстоятельства позволили ему выработать свой собственный, отнюдь не однобокий взгляд на окружающую действительность, нашедший свое отражение в его автобиографическом сочинении — «Истории Абдуллаха».

Основные события, описанные в книге, разворачивались в Малакке и Сингапуре, не считая кратковременной поездки автора в Келантан (1838) и паломничества в Мекку (1854), где Абдуллах и завершил свой жизненный путь. Будучи переводчиком и редактором миссионерских изданий, писатель оказался на перекрестке двух религий и культур: ислама и христианства, малайской исламской книжности и европейской цивилизации Нового времени. Абдуллах отнюдь не противопоставлял их друг другу. Правильнее будет сказать, что он вел постоянный диалог с самим собой: признавая многие преимущества Запада, он одновременно стремился продолжать лучшие традиции малайской словесности, боролся за чистоту малайского языка, заявлял о необходимости его преподавания в школах. Одним из способов возродить «исконный малайский» (*Melayu sungguh*) Абдуллах считал распространение книгопечатания [Maier, 1997, p. 681].

Вступить на писательскую стезю Абдуллаху помог американский миссионер и издатель Алфред Норт (1807–1869), сотрудник сингапурского бюро Американского совета уполномоченных по делам иностранным представительствам (ABC FM — American Board of Commissioners for Foreign Missions). Пробой пера стал «Рассказ о плавании Абдуллаха в Келантан» (1838). В нем описывалась

поездка автора в качестве переводчика миссии, призванной урегулировать некоторые вопросы торговли между Малаккой и Келантаном. Об истории этого сочинения сам А. Норт рассказывал так:

«В 1838 году британские власти направили его в качестве переводчика в Келантан, малайское государство на севере полуострова, с инспекцией, дабы узнать о судьбе судна с ценным грузом, находящимся в собственности здешних купцов и задержанном из-за разразившейся там гражданской войны. Во время поездки ему пришла мысль вести дневник по образцу европейских путешественников. По возвращении он представил мне сжатый очерк о событиях плавания и спросил меня, о чем обычно европейские путешественники пишут в таких дневниках. Я постарался все ему растолковать, и он полностью переписал очерк, включив множество замечаний о нравах и обычаях обитателей восточного побережья, в соответствии с моими предложениями. Сочинение это было напечатано латинским шрифтом вперемежку со страницами на *джави* [...]. Ранее на малайском языке не было написано ничего подобного» [Skinner, 1978, p. 480].

Тем самым было положено начало деятельности Абдуллаха как писателя. Спустя пять лет на его счету уже были такие сочинения документального характера, как «Рассказ о пароходе» (*Cerita Kapal Asap*), «Поэма о пожаре Сингапура» (*Syair Singapura Terbakar*) и, наконец, первая версия автобиографической «Истории Абдуллаха». У их истоков стоял тот же настойчивый и неутомимый Алфред Норт. В октябре 1843 г. он отправил в Америку копии «Рассказа о плавании в Келантан», а также недавно завершённой «Истории Абдуллаха»¹. В сопроводительном письме Норт поведал об обстоятельствах создания этой книги:

«...Я предложил ему (Абдуллаху — Л.Г.) сочинить произведение, о котором прежде ни один малаец и не помышлял. [...] Из написанного по-малайски мне никогда не встречалось ничего, кроме глупых рассказней, пригодных разве что в качестве примера словоупотреблений, но совершенно бесполезных для умственного развития людей [...]. Пока они (малайцы — Л.Г.) не поймут, что заблуждались, до тех пор не смогут продвинуться к цивилизации ни на шаг. Я дал ему список тем, на которых при написании мемуаров стоило остановиться подробнее: характер его отца, его жизненные установки, отношение к детям и пр.; затем обстоятельства его собственного обучения и самое примечательное из сохранившегося в памяти на протяжении всей жизни. Попутно стоило рассказать о характере выдающихся людей, учителем которых ему довелось быть, о Раффлзе, докторе Милне, Кроуфурде и других;

---

¹ Собрание Библиотеки Гарвардского университета, шифр рукописи: Orient So. Asia 2.

о малайских суевериях, школах, быте; об их раджах, обычаях, законах и обо всем, что было бы интересно европейцам и что, естественно, скрывалось от их глаз. Опираясь на эти общие указания, он создал любопытнейшее сочинение, написанное великолепным малайским языком и во всех отношениях новаторское» (цит. по [Skinner, 1978, p. 480–481]).

В полном соответствии с пожеланиями А. Норта Абдуллах начал свое повествование с истории собственной семьи, рассказа о детстве и годах учения. Последующие события он изложил в хронологическом порядке — как отдельные, тематически обособленные эпизоды. Если какой-то из них имел продолжение во времени, автор возвращался к нему в последующих главах.

Задуманная как книга для «белых людей», т.е. европейцев, «История Абдуллаха» не вмещалась, однако, в рамки уготованной ей роли. Ее автор, посредник между двумя культурами, двумя образами жизни и мировидения, не мог ограничиваться описанием сугубо этнографических подробностей быта родного края — он сравнивал прошлое и настоящее, жизненный уклад и культуру народов Нусантары с европейской цивилизацией во всех видимых для него проявлениях. Воспитанный на классической словесности прошлого, Абдуллах скорбел об утрате малайскими княжествами их былого величия и, в полном соответствии с традицией малайских хроник, связывал это с нравственной деградацией правителей и их приближенных. Одновременно автором двигало желание рассказать местным уроженцам на доступном им языке об обычаях европейцев, их навыках и установлениях, на которые его соотечественникам следовало бы равняться.

Читатель книги Абдуллаха может убедиться, что писатель при этом был весьма далек от «черно-белого» восприятия действительности. Предметом его прямой или косвенной критики стали не только отсталые и эгоистичные правители малайских княжеств, но и новые хозяева, способные при случае обвести последних вокруг пальца и навязать им свои условия (см., напр., главу «О Тенгку Лонге»).

Весьма разнообразна не только документальная, но и стилистическая сторона книги. При ее написании Абдуллах использовал

приемы так называемого «хикайатного» повествования, присущего малайской сюжетной прозе (в том числе и историческим хроникам), а также «китабной» литературы с ее упором на дидактику классического мусульманского образца. Помимо чередующихся между собой «хикайатных» и «китабных» отрывков, в книге представлены такие традиционные жанры, как документальный поэтический нарратив (*шаир*) и лирико-дидактические четверостишия (*пантуну*). Авторские комментарии к описываемым событиям изобилуют пословицами и поговорками, призванными придать повествованию дополнительный вес и убедительность.

Начав рисовать еще в детстве, Абдуллах не оставлял этого занятия до конца жизни. Его иллюстрации появлялись, в частности, в миссионерских изданиях просветительского характера, посвященных техническим достижениям западного мира и географическим описаниям других стран [Putten, 2008, p. 409, 416, 434]. Рисунки, помещенные в его «Истории», сравнительно немногочисленны и весьма своеобразны в плане тематики: это орудия наказания, принятые в малайских школах, погребальные носилки султана Хусейн Шаха и меч, дарованный губернатором Баттеруортом теменггунгу Джохора в 1845 г. [Kassim Ahmad, 2008, p. 23–24; 306; 335]. Семь зарисовок с натуры были представлены и в посмертном сочинении писателя — «Рассказе о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» (1854), однако оно дошло до нас лишь в копиях, без иллюстраций.

Будучи новаторской по содержанию, книга Абдуллаха сохранила немало черт, присущих письменному наследию прошлого. Исследователь и издатель его трудов Амин Суини отмечает влияние, которое оказала на писателя хроника *Сулалат ус-салатин*, также известная как *Седжарах Мелайю* («Малайские родословия») [Sweeney, 2008, p. 31–35]. Рассказывая о современных ему событиях, Абдуллах облекает повествование в привычную, единственно мыслимую для него литературную форму.

В предисловии к книге автор, следуя традиции, говорит о себе в уничижительном тоне: «Во-первых, я — человек низкого звания, во-вторых — беден, в-третьих — бестолковый недоучка,

в-четвертых — писатель из меня никудышный». Далее по образцу «Малайских родословий» он представляет свой труд не как плод собственной инициативы, но как ответ на просьбу «дорогого его сердцу белого человека» (Алфреда Норта) и выражает надежду на помощь Аллаха в исполнении возложенной на него миссии. Оба памятника роднит между собой хронологический принцип повествования, изобилие пословиц и поговорок, стихотворных вставок. Как известно, в годы работы над мемуарами писатель был параллельно занят подготовкой к изданию так называемой «краткой» версии «Малайских родословий»², что не могло не отразиться на его собственном сочинении.

На первый взгляд «История Абдуллаха» в полной мере соответствует жанру документального повествования. В ней описываются важнейшие эпизоды истории Малакки и Сингапура 1810-х — 1840-х гг., увиденные сквозь призму биографии автора. Наряду с событиями исторического значения (подготовка к вторжению на Яву в 1811 г., переход Сингапура под власть Великобритании) книга также содержит экскурсы в недавнее прошлое Малаккского полуострова («Родословия правителей Нанинга»), этнографические обзоры (обычаи джакунов, малайские поверья о нечистой силе, описание ритуалов китайского тайного союза *Тянь ди хуэй* и т.д.).

Достоверность многих фактов и, прежде всего, преувеличение роли самого Абдуллаха в описываемых им событиях вызывали вполне обоснованные вопросы [Hill, 1970, p. 13; Sweeney, 2008, p. 155–158, 165–166]. Причину тому следует искать не только и не столько в недобросовестности мемуариста, сколько в самой малайской концепции жанра исторического повествования, допускающей вымысел и иные приемы, присущие «изящной литературе».

Оказавшись в силу обстоятельств центральным персонажем (т.е. «героем») своей книги, автор должен был занять соответствующее место в повествовании: быть непосредственным свидетелем того или иного исторического события, информантом, советником

---

² Первое печатное издание «Малайских родословий» с предисловием А. Норта было подготовлено Абдуллахом и вышло в свет в Сингапуре. Ввиду отсутствия в книге библиографических данных, исследователи по косвенным признакам датируют ее 1840 или 1841 г.

или помощником важной персоны, оправдывая тем самым свою роль протагониста. Менялось его окружение, сменяли друг друга британские правители, приезжали и уезжали миссионеры, но сам Абдуллах неизменно оставался «гением места», главным действующим лицом, превратившимся с годами в беспристрастного наблюдателя.

В полной мере это его качество проявилось в «Рассказе о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» (1854), незавершенном посмертном труде писателя, логически примыкающем к мемуарам и подводящем итог его творчеству в целом. Принадлежащее к жанру путевых заметок, это сочинение писалось не по чьему-либо заказу, но по инициативе самого автора. В нем Абдуллах смотрит на мир сквозь призму собственного жизненного опыта и не может не сравнивать нравы и обычаи чужих краев с теми, что он видел у себя на родине. Паломничество (хадж) стало венцом его жизни: внезапная кончина постигла Абдуллаха в Мекке, где он, по-видимому, и был похоронен. Путевые записки Абдуллаха позднее были переданы семье писателя кем-то из его товарищей по путешествию.

**Рукописи, издания и переводы
«Истории Абдуллаха» и «Рассказа о плавании Абдуллаха
из Сингапура в Мекку»**

До настоящего времени дошли три рукописи «Истории Абдуллаха». Две из них находятся в собраниях США и попали туда благодаря все тому же Алфреду Норту. Их копиистом был Хусейн бин Исмаил, бугиец по происхождению, работавший под началом Норта в бюро ABCFM и хорошо знавший Абдуллаха. Первая хранится в Библиотеке Конгресса, шифр Orient So. Asia [Asma Ahmat, 1992], а вторая — в библиотеке Гарвардского университета (Houghton Library), шифр MS Indo 23. Оба списка были созданы не позднее 1843 г., когда сингапурское бюро ABCFM было закрыто.

Третья рукопись, так называемая «рукопись Томсона³», датированная 1846 г., принадлежит собранию Университета Отаго г. Данидин (Новая Зеландия) под шифром Hocken Library AG 726/5. До 1984 г. она хранилась в архиве правнука Дж. Т. Томсона, Джона Холл-Джонса [Traill, 1984, p. 67–69]. Помимо «Истории Абдуллаха», занимавшей 1–192 стр., рукопись содержала еще одно сочинение — «Повесть о Маронге Махавангсе», или «Кедахские родословия». Едва ли сам Абдуллах переписал подряд оба текста: более вероятно, что новозеландская рукопись была копией с подаренного Томсону оригинала. К теме новозеландской рукописи исследователи обращались не раз (см. [Ché-Ross, 2002; Tol, 2001]), однако вопрос, кто был ее копиистом, по-прежнему остается открытым.

Источниками при работе над русским переводом «Истории Абдуллаха» послужили две публикации на латинице: книга из серии Karya Agung («Великие сочинения») под редакцией Кассима Ахмада, вышедшая в Куала-Лумпуре тремя изданиями [Kassim Ahmad, 2004, 2007, 2008], а также текст, представленный в томе 3 напечатанного в Джакарте «Полного собрания сочинений Абдуллаха бин Абдул Кадира Мунши» под редакцией Амина Суини [Sweeney, 2008, p. 235–549]. В основе двух этих публикаций лежит последняя авторская версия памятника — сингапурское литографированное издание 1849 г., выполненное малайско-арабским письмом (*джави*) рукой самого мемуариста [Keasberry, 1849]. В период между 1880 и 1917 г. книга переиздавалась в Сингапуре 14 раз [Proudfoot, 1993, p. 99–103].

Начало работы Абдуллаха над рукописью датируется 1840 г., в 1843 г. была завершена ее первая версия, однако в последующие годы автор внес в книгу ряд правок и дополнений. По этой причине издание 1849 г. является одновременно ее автографом и последней авторской версией мемуаров. Абдуллах первым из своих соотечественников освоил технику литографии и представил свой труд в формате *de luxe*, с использованием цветной печати. Вполне заслуженно британская исследовательница А. Гэллоп назвала

---

³ Дж. Т. Томсон (John Turnbull Thomson, 1821–1884) — британский инженер-строитель, с 1841 г. работал в Сингапуре, с 1856 г. — в Новой Зеландии. Основатель Университета Отаго в г. Данидин.

это издание «самым выдающимся и ярким из малайских сочинений, опубликованных в то время в Стрейтс-Сеттлментс⁴», а самого Абдуллаха — «Отцом малайской печати» [Gallop, 1990, p. 98].

Объем книги — 441 страница размером 26×21,5 см., по 15 строк на странице в рамке 17,5×11,5 см., с иллюстрациями в тексте [Keasberry, 1849, p. 28–29, 383, 419]. Немногочисленные экземпляры этого издания представлены в библиотеках Лондона, Джакарты, Лейдена, Сингапура, Куала-Лумпура и Парижа. Практически весь тираж хранился в доме писателя в Сингапуре и погиб во время пожара [Sweeney, 2008, p. 5–6]. Некоторым экземплярам было предпослано написанное по-английски посвящение:

Глубокоуважаемому подполковнику У. Дж. Баттеруорту,
губернатору Острова принца Уэльского⁵, Малакки и Сингапура,
чье просвещенное и свободное от предрассудков правление было отмечено неизменной поддержкой малайским народам,

тому, кто оказывал их правителям почет и моральную поддержку, призванные обеспечить их приверженность британским интересам и активное содействие в деле уничтожения пиратства и продвижение британских интересов на всем архипелаге,

эта скромная попытка вернуть жизнь в малайскую литературу на тех берегах, где прежде она процветала, продиктованная надеждой, что под отеческой опекой Вашей Чести она сможет укорениться в современном Сингапуре и попечением его английских жителей обрести прежнюю силу, с Вашего позволения почтительно посвящается Вашим покорным слугой

Абдуллахом бин Абдул Кадиром Мунши.

Ввиду общности первоисточника, в публикациях К. Ахмада и А. Суини текст памятника идентичен, не считая различий в написании некоторых имен собственных. Книга А. Суини более фундаментальна в текстологическом плане: в ней подробно рассматриваются варианты орфографии и словоупотребления, сравнивается первая версия «Истории Абдуллаха» (1843) по трем рукописям с его окончательной авторской редакцией (1849), дается аннотированный

---

⁴ Букв. «Поселения у Пролива». Общее наименование британских владений в Малайе — Пенанга, Малакки и Сингапура.

⁵ Так первоначально именовался британцами о. Пенанг.

указатель всех упоминаемых в нем персонажей и т.д. Сам текст источника занимает менее 40% всего издания — академического в полном смысле этого слова. Издание К. Ахмада более «литературно» по своей сути: текст Абдуллаха занимает 85% его объема, текстологических примечаний меньше, чем у Суини, зато (по-видимому, в интересах «массового» читателя) приложен комментированный указатель редких слов и оборотов, а также пословиц и поговорок с толкованием их смысла.

Первые переводы отдельных фрагментов «Истории Абдуллаха» на английский, французский и китайский языки стали появляться с 1852 г. Их публикаторов интересовала не книга в целом, а те или иные конкретные эпизоды (разрушение Малаккского форта, ловля и укрощение слонов, обстоятельства установления британского господства в Сингапуре и т.п.) [Chambert-Loir, 1975, р. 411–413]. Отрывки из книги в английском переводе, выполненном одним из учеников Абдуллаха и владельцем третьей рукописи, инженером Дж. Томсоном, были изданы в 1874 г. [Sheehan, 1936, р. 226]. Еще один перевод на английский первой половины текста «Истории Абдуллаха» был осуществлен и напечатан преп. Уильямом Шеллабером в 1918 г., однако продолжения работы не последовало [Shellabear, 1918].

Первый аннотированный перевод на английский полного текста книги, снабженный картами и необходимым справочным аппаратом, был осуществлен А. Х. Хиллом и опубликован в 1955 г. в «Журнале Малайского отделения Королевского Азиатского Общества» (*Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*) [Hill, 1955, р. 3–354]. Позднее этот перевод вышел отдельным изданием [Hill, 1970].

В предисловии Хилл сообщает, что поначалу в целях краткости он намеревался ограничиться более или менее вольным переводом текста на современный английский. Однако интерес, проявленный к книге Департаментом исследований Юго-Восточной Азии (Университет Малайя), и готовность последнего участвовать в финансировании издания изменили его планы. Пришлось «пожертвовать связностью изложения и сохранить многословие и повторы

оригинала, демонстрируя тем самым разнообразие стилей, которыми пользовался автор» [Hill, 1970, vii].

Перевод Хилла подвергся жесткой критике со стороны А. Суини, который по его поводу пишет следующее:

«Классическим переводом» ныне принято считать перевод Хилла (1955). На первый взгляд это не может не удивить: ведь качество его довольно среднее. Дело не только в ошибках, но и в поверхностности восприятия, неспособности уловить нюансы. Перевод его полон присущих колониалистам предвзятостей, особенно заметных в комментариях. Недостаточно владея малайским, он берет на себя смелость судить о языке Абдуллаха, но по сути дела впадает в ошибку сам...» [Sweeney, 2008, xv].

Главным недостатком Хилла как переводчика и комментатора «Истории» А. Суини считает его фиксацию на достоверности описываемых событий и неспособность понять, что «История Абдуллаха» — литературное сочинение. Разумеется, многие из замечаний Суини справедливы. Однако нельзя не заметить, что примечания Хилла к переводу и обнаруженные им несоответствия в некоторых датах и фактах позволяют лучше понять особенности этой книги как памятника словесности и роль домыслов и преувеличений, к которым прибегал ее автор.

Последнее сочинение Абдуллаха — «Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» — ждала непростая судьба. По словам А. Суини, путевые заметки писателя были переданы кем-то из родных покойного автора его коллеге, издателю альманаха *Cermin Mata bagi segala orang yang menuntut pengetahuan* («Очки для ищущих знания») Бенджамину Кисберри⁶, и спустя четыре года, в 1858–1859 гг., напечатаны в трех выпусках этого альманаха. О судьбе оригинальной рукописи сведения отсутствуют.

К настоящему времени известны три варианта текста «Рассказа о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку»:

- 1) публикация с продолжением в трех номерах альманаха *Cermin Mata* за 1858–1859 гг.,
- 2) рукопись, переданная Х. К. Клинкертом в 1866 г. библиотеке Лейденского университета (шифр K1.63). Клинкерт

---

⁶ Подробнее о нем см. (Leow, 2002, p. 64–65).

опубликовал ее голландский перевод [Klinkert, 1867], а позднее — малайский текст, отредактировав его по образцу публикации в *Cermin Mata* [Klinkert, 1889],

- 3) рукопись W 215 из собрания А.Ф. фон де Валля [Ronkel, 1909, s. 463], хранящаяся в фондах Национальной библиотеки Республики Индонезия и восходящая к не дошедшему до нас оригиналу.

Сопоставление трех этих текстов [Sweeney, 2005, p. 305–330] выявило ряд различий между ними. На уровне отдельных слов обнаруживаются типичные для малайских рукописей расхождения, не меняющие общего смысла высказывания: добавление или изъятие служебных частиц *-lah* и *-pun*, удвоение корневых морфем (*beranyutlah* и *beranyut-anyutlah*), замена слов на сходные по звуку, написанию и значению (*ombak/ombang, meling/melengah*) и т.п. Смысловые ошибки чаще встречаются в рукописи W 215: *dua sen* вместо *dusen, cur* вместо *nyuur*. Это лишний раз подтверждает, что ее копиист пользовался оригиналом и не сверял свой текст с текстами *Cermin Mata* и K1.63.

На уровне фраз и абзацев различия носили по преимуществу редакционный характер. В издании *Cermin Mata*, где книга Абдуллаха шла в нескольких номерах, в конце каждого отрывка проставлено указание «Продолжение следует». Кроме того, при подготовке записок к печати из текста были изъяты пассажи, восстановленные позднее в публикациях К. Ахмада [Kassim Ahmad, 1964] и А. Суини: упоминания Аллаха, мусульманских ритуалов и молитв, рассказы о посещении писателем святых мест ислама, ссылки на рисунки, иллюстрирующие повествование, а также заключительные стихи, венчающие собой записки. В них Абдуллах говорит о счастье, которое он испытал, достигнув желанной цели — Мекки. Волею судьбы эти строки оказались для него последними.

Финальный фрагмент со стихами, наличествующий в рукописях W 215 и K1.63, лишний раз подтверждает: оба эти списка были скопированы с несохранившегося оригинала. О том, что рукопись K1.63 редактировалась переписчиком по собственной инициативе, без оглядки на *Cermin Mata* или рукопись W 215, говорит тот факт,

что мусульманские по духу фрагменты в ней частично были выпущены, а частично сохранены. Тем же, по-видимому, можно объяснить и различия в названии записок, которые в издании *Cermin Mata* поименованы «Рассказом о плавании Абдуллаха», тогда как рукопись W 215 озаглавлена «Плавание Абдуллаха Мунши из Сингапура в Мекку», рукопись Kl.63 — «Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку», а литографированное издание 1889 г. того же Клинкerta имеет заглавие «Рассказ о плавании Абдуллаха в Джидду» (в нем опущен эпизод о переезде в Мекку и, разумеется, финальные стихи).

Наконец, в издании *Cermin Mata* и рукописи Kl.63 из текста были изъяты фразы, комментирующие рисунки автора. Автограф содержал не менее семи рисунков — об этом свидетельствуют ссылки, сохранившиеся в джакартской рукописи W 215 (естественно, также лишенной иллюстраций). На то, что Абдуллах в ходе путешествия постоянно рисовал, указывают не только эти фразы, но и эпизод, где капитан просит писателя запечатлеть с натуры «карту» Джидды.

Русский перевод «Рассказа о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» был выполнен нами по изданию Кассима Ахмада [Kassim Ahmad, 1964].

Структура повествования в мемуарах Абдуллаха

Как уже отмечалось, автор описывал события своей жизни и сопутствующую им историческую обстановку в строго хронологическом порядке. К некоторым из рассказов, растянутым по времени, он возвращается в нескольких главах. Так, например, история о миссии на Яву (1810–1811) содержится в главах 6 и 8, а сюжет о незадачливом «правителе» Сингапура султана Хусейн Шахе, описывающий события 1819–1835 гг., — в главах 11, 13, 14, 15 и 22. В оригинальном издании главы не нумерованы и указано лишь название каждой из них. Для удобства ссылок мы даем их нумерацию, подобно тому, как это было сделано в английском переводе [Hill, 1970], и обозначаем временные рамки описанных там событий. Ошибки в датировке, допущенные самим автором, не столь многочисленны; правильные даты указаны в комментариях к переводу.

Краткое изложение содержания «Истории Абдуллаха»

Введение. В нем, следуя традиции, автор рассказывает об обстоятельствах, побудивших его взяться за перо и о собственных несовершенствах, в которых он заранее кается перед читателями.

Глава 1⁷ (Нач. XVIII в. — 1815/6). Жизнеописание автора открывается историей его семьи, начиная с момента, когда прадед писателя покинул родной Хадрамаут и перебрался в Индию. Абдуллах рассказывает об этапах продвижения его арабских предков на Восток и их браках с местными уроженками. В регионе островной Юго-Восточной Азии — Нусантары — престиж арабов был высок. Будучи носителями «чистого» ислама и мусульманской культуры, они в то же время активно проявляли себя в сфере предпринимательства и торговли. Отец Абдуллаха — Абдул Кадир — в полной

---

⁷ Первая после Введения глава обозначена в книге как «История Абдуллаха», хотя фактически в ней рассказывается об истории его семьи.

мере сочетал в себе эти качества. И он сам, и его сын, будущий писатель, родились и выросли в колониальную эпоху. С европейцами по преимуществу были связаны их деятельность и заработок. Занятия отца как знатока книг, преподавателя малайского языка, делопроизводителя и администратора в одном лице в значительной мере предопределили будущую профессию Абдуллаха⁸ и его миссию посредника между двумя цивилизациями.

Глава 2 (1796/7–1803). «Как Абдуллах появился на свет». История «чудесного» рождения мальчика, ставшего возможным благодаря молитвам святого проповедника Саййида Хабиба Абдуллаха, носит отчетливо выраженный «житийный» характер как по содержанию, так и по стилистике и является полностью вымышленной. Затем автор повествует о своих детских годах вплоть до семилетнего возраста, прошедших под попечением бабушки, начальницы школы по изучению Корана, где Абдуллах впервые пробует писать на грифельной доске, еще не зная букв.

Глава 3 (1805–1809). «Начало обучения чтению Корана». В ней Абдуллах подробно рассказывает о своих занятиях в коранической школе и о наказаниях за ошибки и лень, которые мальчик претерпел и от наставника, и от собственного отца. Автор сразу же подчеркивает, что все эти меры пошли ему на пользу и что ныне он пожинает благодатные плоды своих прежних трудов и учительских строгостей. Специальный раздел главы посвящен орудиям наказания нерадивых учеников и сопровождается иллюстрациями.

По завершении школы Абдуллах проходит ритуал обрезания, а затем в течение двух с половиной лет изучает келингский (тамилский) язык и грамоту. В то же время под руководством отца мальчик совершенствует навыки письма по-арабски и по-малайски. Вскоре он начинает сотрудничать с прибывшими из Индии солдатами-сипаями⁹: переписывает для них Коран, берет уроки хиндустани

⁸ В известной мере эту судьбу разделил и сын писателя — просветитель, педагог и литератор Мухаммад Ибрахим Мунши (1840–1904) [Phillips, Sweeney, 1975].

⁹ Сипа́и (от перс. سپاهی *sipāhi*, «солдат») — наёмные солдаты в колониальной Индии, рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами из среды местного населения.

и, наконец, убеждает отца в своей способности стать ему помощником и секретарем, вести деловую переписку. Одновременно он самостоятельно изучает законы малайской письменной речи и постигает тонкости исламской науки под руководством заезжих арабских богословов. В завершение этого, весьма пространного, рассказа о своих школьных годах Абдуллах впервые заявляет о насущной необходимости для малайцев изучать свой родной язык и словесность во всех ее тонкостях. К этой теме он не раз обращается впоследствии.

Глава 4 (1808–1809) «О Малаккской крепости» — первый из разделов книги, где Абдуллах выступает не главным героем, но свидетелем происходящего. Рассказ о разрушении британцами старой португальской цитадели в 1808–1809 гг. начинается с подробного описания этого сооружения и завершается сценой взрыва цитадели, принесшего человеческие жертвы. При всей своей краткости эта глава очень информативна в плане фактологии, однако мотивы, подвигнувшие британскую администрацию на этот шаг, юному наблюдателю были неизвестны, и он не дает событию никакой оценки.

Глава 5 (1808–1810) «О правителе Фаркухаре» открывается эпизодом о предполагаемом покушении на резидента Малакки со стороны некоего британского часового (по-видимому, речь здесь шла о несчастном случае, поэтому история дальнейшего продолжения не имела). Затем автор рассказывает историю ловли диких слонов по приказу Уильяма Фаркухара, их «укрощения» и гибели. Поведав о неудачном опыте приручения тигра и о зверинце резидента, Абдуллах завершает свой очерк восхвалением Фаркухара как человека, равно расположенного к людям любого звания. По контрасту с Фаркухаром автор рисует мрачную картину бесчинств прибывших из Индии матросов и в особенности одного из офицеров, чья репутация весьма повредила британцам в глазах населения Малакки.

Глава 6 (декабрь 1810) «О господине Раффлзе» посвящена приезду последнего в Малакку и поступлению юного Абдуллаха писцом в его контору. Автор подробно рисует портрет Раффлза, рассказывает о его привычках, о проявленном им интересе к языку и обычаям малайцев, к местной флоре и фауне и т.д. Вместе с Абдуллахом Раффлз посещает кораническую школу, спрашивает наставника об изучаемых там предметах. Автор отмечает широту интересов своего патрона во всем, что касается малайского мира, его природы, языка и культуры. Особое восхищение Абдуллаха вызвала жена Раффлза, Оливия — подлинный соратник и единомышленник своего супруга.

Следующий сюжет главы — подготовка британской экспедиции на Яву и рассказ о сиякском наследном принце Саййиде Зайне, эмиссаре Раффлза, посланном туда за полгода до вторжения, дабы заручиться поддержкой местных правителей. Сообщив об отплытии миссии Саййида Зайна (декабрь 1810 г), автор дает подробное описание прибытия в Малакку военного контингента из Индии, умений и повадок солдат, а особенно — восхитившей его кавалерии.

Глава 7 (май 1811) «О лорде Минто» посвящена генерал-губернатору Британской Индии и пышной церемонии его встречи в порту Малакки 18 мая 1811 г. Одним из первых мест, которые посетил лорд Минто, стала малаккская тюрьма, где он распорядился освободить узников, попавших в заключение за нетяжкие преступления. Затем он появляется в конторе Раффлза, беседует с младшим писцом — юным Абдуллахом — и хвалит его за усердие. Последующие дни Минто посвятил знакомству с Малаккой. Автор особо подчеркивает демократизм генерал-губернатора в его обращении с народом, выгодно отличающий его от спесивых малайских раджей и вельмож.

Глава 8 (май–июнь 1811) «О Главнокомандующем» возвращает читателя к истории сиякского принца Саййида Зайна, отправленного с миссией на Яву. В ней рассказано о «разоблачении» Саййида Зайна, якобы обманувшего Раффлза и не добравшегося до цели,

а затем скрывшего это при помощи подложного письма¹⁰. Флотилия готова к отплытию, но мать Абдуллаха не разрешает своему единственному сыну последовать за Раффлзом на Яву.

Глава 9 (1815–1819) «Англо-Китайский Колледж». Прибытие в Малакку пастора Уильяма Милна. Абдуллах начинает осваивать английский язык и обучать Милна малайскому, затем берет в ученики пастора Клаудиуса Генри Томсена. Подробный рассказ Абдуллаха о поверьях малайцев, связанных с нечистой силой, публикуется Милном в журнале *Indo-Chinese Gleaner* (апрель-июль 1819). Продолжаются его занятия с Томсеном, Робертом Моррисоном и другими миссионерами. Абдуллах знакомится с печатным делом и осваивает мастерство наборщика.

Закладка и торжественное открытие Англо-Китайского колледжа в Малакке (1818). Миссионеры убеждают отца Абдуллаха не препятствовать сыну работать у них и учить английский, участвуют в расходах по его свадьбе. Смерть пастора Милна (1819). Томсен предлагает Абдуллаху редактирование и печатание «Евангелия от Матфея» и «Деяний апостолов», оказавшихся в числе первых книг, изданных в Малакке типографским способом.

Глава 10 (1818) «О том, как полковник Фаркухар выбирал место для постройки города». Автор подробно рассказывает о плавании Фаркухара в поисках места для строительства нового порта взамен Малакки, переходящей под власть голландцев. Церемония поднятия голландского флага над Малаккой проходит в отсутствие Фаркухара.

Глава 11 (1818–1819) «О городе Сингапуре» продолжает историю поисков британцами места для нового порта. Переговоры Фаркухара с Тенгку Лонгом, наследником султана Джохора, которому принадлежал Сингапур, об основании там британской фактории, обещают увенчаться успехом. Получено согласие

---

¹⁰ Как явствует из сохранившихся документов, обвинение не имело под собой никакой почвы. Подробнее об этом см. далее [Gallor, 1994, p. 144–150].

генерал-губернатора Британской Индии, и все дальнейшие действия согласованы с Раффлзом. Фаркухар обследует остров, склоняет в пользу англичан теменггунга, сподвижника Тенгку Лонга, и подписывает с ним предварительный договор. Глава завершается пространным очерком флоры и фауны острова и его аборигенов, *оранг лаут*.

Глава 12 (1818–1822) «Голландцы в Малакке» описывает жизнь новых хозяев города после ухода англичан. Абдуллах рисует самыми черными красками новую администрацию, прежде всего секретаря губернатора, и их меры по борьбе за чистоту. По Малакке разносятся слухи о растущей мощи Сингапура, но голландцы и пираты мешают сообщению с островом. Постепенно Малакка начинает приходить в упадок.

Глава 13 (1819–1822) «О Тенгку Лонге». Корабль Раффлза бросает якорь на рейде Сингапура. Тенгку Лонг прибывает в Сингапур и встречается с Раффлзом на его корабле. Тенгку Лонга объявляют султаном Сингапура под именем султана Хусейн Шаха, подписывается его договор с британцами.

В городе бьет ключом торговая жизнь. Одновременно растет и преступность, обостряются конфликты между этническими группами. Расцветает рыболовный промысел, в него включаются и аборигены острова. Султан Хусейн Шах требует у британцев увеличить его ежемесячное содержание. Прибрежная территория Сингапура благоустраивается, строится жилье, в том числе и дом для Раффлза.

Глава 14 (1823) «О нападении на полковника Фаркухара». Конфликт по делу о неуплате долга неким Саййидом Ясином, где Фаркухар выступает третейским судьей, заканчивается заключением должника под стражу, но он совершает бегство. В момент его задержания (11 марта 1823 г.) Саййид Ясин тяжело ранит Фаркухара, но сам погибает в схватке. Раффлз приказывает поступить согласно английскому закону: повесить преступника, пусть даже мертвого. Тело, провисевшее в железной клетке, по словам Абдуллаха, десять

или более дней (по другим данным — всего три дня), затем было отдано для погребения соплеменникам Ясина.

Вражда и потасовки между малаккцами и людьми теменггунга (приспешника султана Хусейн Шаха) завершились переездом последнего в отдаленную часть Сингапура и объявлением Раффлзом запрета на ношение оружия для всех, кроме немногих приближенных султана и теменггунга. Предложение Раффлза отправить сыновей султана и двух-трех высших сановников в Бенгалию, чтобы учиться английскому и другим наукам, пребывая в кругу приближенных генерал-губернатора, было встречено отказом. Абдуллах резко осуждает их неразумие и недалководидность.

Глава 15 (1823) «Учебное заведение господина Раффлза». Раффлз объявляет султану Хусейн Шаху и его сановникам о своем намерении основать в Сингапуре бесплатную малайскую школу. Проводится сбор средств на ее строительство, выбирается место, проходит закладка здания школы.

Затем автор приводит подробный отчет о прибытии в Сингапур судна с рабами, вывезенными с других островов Малайского архипелага. Он описывает безжалостное обращение с ними работорговцев и предвидит дальнейшую судьбу несчастных. В завершение этой истории Абдуллах сообщает, что, по словам Раффлза, в недалеком будущем парламент Великобритании наложит законодательный запрет на работорговлю.

Глава 16 (до 1823) «О письме правителя Сиама». Документально неподтвержденный эпизод о том, как Раффлз получает письмо с оторванным уголком от правителя Сиама и объясняет Абдуллаху, что это знак пренебрежения к адресату. В качестве иллюстрации он рассказывает притчу о слепом мальчике и петухе. По поручению Раффлза Абдуллах сочиняет ответ сиамскому королю, прекрасно оформленный, но ничтожный по содержанию.

Глава 17 (январь 1823) «О том, как господин Раффлз учредил законы города Сингапура». Раффлз разрабатывает свод правил

для жителей Сингапура, текст наскоро печатается в типографии Томсена при участии Абдуллаха. Запрет на азартные игры вызывает недовольство китайцев и одобрение прочих жителей города.

Затем Абдуллах переходит к характеристике Раффлза и отмечает его благое влияние и помощь автору на протяжении всех лет их общения. В этот период жизнь писателя протекает между Сингапуром и Малаккой, в частых разлуках с семьей.

Глава 18 (июнь 1823) «Отъезд господина Раффлза». Абдуллах помогает Раффлзу в его сборах перед отплытием в Европу. Раффлз вручает ему рекомендательное письмо для будущих работодателей. Абдуллах провожает их с супругой на корабль и сочиняет стихи в честь своего патрона. Спустя несколько дней после отплытия он узнает о случившемся на судне пожаре, уничтожившем все собранные Раффлзом рукописи и прочее имущество.

Глава 19 (декабрь 1823) «Отъезд полковника Фаркухара». В преддверии отъезда первого резидента Сингапура автор в самых восторженных тонах описывает его достоинства и подробно рассказывает о проводах Фаркухара, куда собрались благодарные жители города, и об их прощальных подарках. Преемником Фаркухара становится Джон Кроуфурд, о котором Абдуллах отзывался пренебрежительно.

Глава 20 (между 1822 и 1827) «Как доктор лечил меня от гидроцеле» повествует о внезапном недуге, постигшем автора, и о помощи, которую ему оказал англичанин-хирург.

Глава 21 (между 1823 и 1826) «Союз Тянь ди хуэй в Сингапуре» — история о том, как автор, прикинувшись нищим, проник в тайное прибежище китайской Триады, «Союза Неба и Земли», и был свидетелем церемонии принятия в члены этого братства. Абдуллах описывает свои приключения очень подробно, а под конец, возвратившись в Сингапур, сообщает обо всем резиденту Кроуфурду. Однако полиция бессильна, и преступления членов

братства в Сингапуре не прекращаются как на суше, так и на море. Борьбу с братством осложняет трудность проникновения в глубинные районы острова, где они находят свое прибежище.

Глава 22 (август 1824) «О господине Кроуфурде и султани Хусейн Шахе в Сингапуре». В ней продолжена история Тенгу Лонга, ставшего номинальным султаном Сингапура под именем Хусейн Шаха. Британская администрация, намеренно сокращая его ежемесячное содержание, вынуждает Хусейн Шаха передать власть над островом Британской компании. Кроуфурд, вопреки протестам султана, дает свободу его рабам и начинает строительство в городе, не считаясь с его интересами.

С прибытием в Сингапур молодых английских коммерсантов растет число учеников Абдуллаха. Занятия с самым способным из них, мистером Дугаллом, завершаются его внезапной смертью. Автор снова и снова возвращается к вопросу о тонкостях малайского языка и отмечает нерадивость большинства своих учеников. После многочисленных просьб Абдуллах возвращается в Малакку работать в Англо-Китайском колледже — преподавать язык приезжим европейцам и следить за работой типографии.

Глава 23 (1826–1832) «Часовня — молитвенный дом европейцев в Малакке». История покупки участка земли близ китайской кумирни и устройства часовни.

Преподавание малайского языка в колледже сокращается. Основными языками обучения становятся английский и китайский. Абдуллах покидает Малакку и возвращается в Сингапур.

Торговая жизнь в городе бьет ключом, число его учеников растет. Ожидается прибытие в Сингапур первого парохода. Абдуллах рассказывает своим соплеменникам об успехах технической цивилизации Запада, но ему не желают верить. Эпидемия оспы и опасения перед прививками у местных жителей. Знакомство Абдуллаха с британцем-гидрографом.

Пожар в Сингапуре¹¹. Переход Малакки под власть англичан, оживление хозяйственной жизни города и контактов с Сингапуром (1823). Абдуллах описывает, как в Сингапуре по новым правилам строится судопроизводство.

Отъезд в Малакку по приглашению пастора Хьюгса: преподавание и работа в типографии. У автора зарождается намерение написать малайскую грамматику. Знакомство и занятия с переводчиком и востоковедом Томасом Ньюболдом (1832). Поездка в горы для знакомства с племенем джакунов. Абдуллах собирает сведения об обычаях племени, их обрядах и языке. Отъезд Ньюболда (1835).

Война с Нанингом (1831–1832). Абдуллах включает в свою хронику «Родословия правителей Нанинга» и помогает писателю и артиллерийскому офицеру Питеру Бегби в написании его книги по истории Малаккского полуострова.

Глава 24 (1832–1837) «Сингапурский султан Хусейн Шах». Продолжение истории о султани Хусейн Шахе: рассказ о его фаворите Абдул Кадири. Ненависть к фавориту жителей Сингапура и его бегство в Малакку. Следом за ним султан с семьей переезжает туда же. Покушение на фаворита. Султан выдает за него свою дочь. В пространным «наставлении» Абдуллах вспоминает величие правителей прошлого и нравственное падение современных ему малайских государей.

Абдуллаха приглашают к фавориту Абдул Кадиру и просят изготовить для него печать по образцу печатей малайских государей. Кончина и погребение султана Хусейн Шаха (1835). Смерть Абдул Кадира.

Завершение работы автора над переводом «Панчатантры». Отъезд Абдуллаха в Сингапур, перевод на малайский язык учредительных документов вновь созданной Торговой палаты (1837).

Глава 25 (1835–1841) «Об английской церкви Сингапура». Начало строительства церкви (1835) и распространение нелепых измышлений по этому поводу среди местного населения.

---

¹¹ Абдуллах ошибочно относит сингапурский пожар 1830 г. к первой половине 20-х гг. XIX в.

Переполох в торговом квартале. Жена пишет Абдуллаху о донесшихся до Малакки слухах. Приезд автора в Малакку и кончина дочери. Абдуллах по просьбе жены пишет назидательное сочинение, помогшее ей избавиться от скорби.

Абдуллах возвращается в Сингапур, чтобы начать преподавать прибывшим туда американским пасторам. Знакомство с Алфредом Нортом (1836) и плавание в Келантан (1837). Сочинение рассказа об этом плавании. Приезд Бенджамина Кисберри (1839). Работа с Нортом над переводом «Евангелия от Иоанна» и изданием «Малайских родословий».

Автор заболевает брюшным тифом и спешно отплывает в Малакку. После его выздоровления внезапно умирает жена Абдуллаха (1840). После ее похорон писатель вместе с детьми перебирается в Сингапур.

Б. Кисберри знакомит автора с техникой дагерротипа. В Сингапур прибывает первый пароход (1841), Абдуллах сочиняет и издает книжку, где объясняет принцип действия парового механизма.

Глава 26 (1843–1846) «О губернаторе Баттеруорте». Приезд нового губернатора и начало его занятий с Абдуллахом. Простота и демократичность Баттеруорта, его успехи в борьбе с пиратством с помощью теменггунга Сери Махараджи (1810–1862). Эпизод о награждении теменггунга мечом от имени генерал-губернатора Британской Индии (1846) и рассказ о первой опиумной войне Великобритании с Китаем, наступлении на Кантон и подписании Нанкинского договора 1842 г. были включены в текст «Истории» позднее, при подготовке книги к изданию в 1849 г.

Краткое заключение книги, где указана дата ее завершения — 3 мая 1843 года.

Приложение без заглавия¹² подводит итог всей книге. В нем Абдуллах вновь обращается к основным вопросам, неоднократно

---

¹² Этот раздел книги в различных изданиях именуется по-разному: Penutup (Заключение) [Kassim Ahmad, 2008, p. 344], Lampiran — Tanpa Judul (Приложение — Без заглавия) [Sweeney, 2008, p. 541], Bab yang Kedua (Раздел второй) [Hill, 1970, p. 310].

звучавшим на ее страницах. Это самый пространный раздел, целиком написанный в жанре «назидания» и недвусмысленно указывающий на дидактическую направленность его сочинения.

«Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» (январь–апрель 1854) — посмертное сочинение автора, писавшееся им по собственному почину, без оглядки на его британских или американских патронов, выдержано в том же духе, что и мемуары в целом. Первый и единственный опыт знакомства писателя с внешним, не-малайским, миром показал, что Абдуллах до конца сохранял приверженность вере отцов, будучи открытым при этом идеям прогресса и гуманизма. Его внезапная кончина в Мекке символически завершает историю скитаний йеменского шейха Абдул Кадира и его потомков.

* * *

Краткий очерк содержания автобиографических записок Абдуллаха свидетельствует, что они никак не вмещаются в рамки традиционной литературы и являют собой качественно новый этап развития малайской прозы. Едва ли поддается четкому определению сам жанр этого сочинения, весьма разнообразны его стилистика и образность, круг тем и сюжетов, оказавшихся в поле зрения мемуариста. У читателя, знакомого с предысторией написания книги, возникает немало вопросов, касающихся выбора тематики для ее глав, влияния литературной традиции прошлого, соотношения между правдой и вымыслом в повествовании и, наконец, авторской идентичности: культурной, национальной, идеологической. Именно эти факторы предопределили характер мемуаров Абдуллаха Мунши — книги, не похожей на другие, созданные до или после нее, малайские сочинения.

**«История Абдуллаха»
и малайская письменная традиция**

Из приведенного выше письма А. Норта явствует, что общий круг тем книги был намечен именно им. Разумеется, план Норта предусматривал в основном констатирующую, «этнографическую» часть, интересную для западных читателей: описание сложившегося порядка вещей и образа жизни традиционного общества. Однако автор не мог и отнюдь не собирался ограничиваться поставленной заказчиком задачей и еще менее — этой аудиторией.

Сквозная тема книги и пафос всего творчества Абдуллаха — необходимость просвещения для его соплеменников. Он обращается к ней, начиная с рассказа о своих школьных годах, а затем устами Раффлза ставит вопрос о необходимости изучения в школах не только языка Корана, но и родного, малайского, языка и словесности. Главный адресат его книги — люди Малайского мира, замкнувшиеся, по мнению писателя, в кругу отживших представлений и воспринимающие все новое как посягательство на устои ислама. Именно к ним обращены более или менее пространные «назидания» (*nasehat*), встречающиеся в тексте «Истории» 14 раз. С помощью этого приема, традиционного для мусульманской культуры, автор призывает соотечественников обратить свои взоры в будущее.

Популяризации достижений европейской науки и техники было посвящено такое сочинение писателя, как «Рассказ о пароходе» (*Seritera Kapal Asap*, 1843). Одновременно Абдуллах участвовал в переводе с английского на малайский разнообразных брошюр, написанных А. Нортом и Б. Кисберри; некоторые из них вышли из печати уже после его смерти [Putten, 2008, p. 419–420].

Сотрудничество писателя с британскими и американскими миссионерами продолжалось три с лишним десятка лет. По словам одного из них, Абдуллах оказался практически единственным знатоком малайского языка и идиоматики из числа местных уроженцев (цит. по [Putten, 2008, p. 427]). Первым опытом этого сотрудничества стало редактирование переводов книг Нового Завета.

Наряду с проповедью христианской доктрины издатели-европейцы ставили перед собой задачу ознакомления жителей региона с мировой историей, основами современного научного знания, достижениями техники. Книги монографического характера для этой цели не подходили. Наиболее актуальными и востребованными стали периодические издания или же сборники, где под общей обложкой соседствовали тексты самого разнообразного содержания. Развитие книгопечатания в регионе, начиная с 1817 г. [Proudfoot, 1993, p. 655], создало для этого все необходимые условия.

Одним из наиболее известных стал уже упомянутый выше альманах «Очки для ищущих знания» (*Cermin Mata Bagi Segala Orang Yang Menuntut Pengetahuan*), публиковавшийся в 1858–1859 гг. в Сингапуре издательством Mission Press¹³. Преподобный Бенджамин Кисберри (1811–1875) был инициатором и главным лицом альманаха. Благодаря его усилиям в Сингапуре были открыты первые светские малайские школы для мальчиков и девочек [Макерееасе, 1991, p. 448], выпускались такие периодические издания, как «Сад знаний» (*Taman Pūgetahuan*, 1848–1852) и «Собрание частичек знаний» (*Pūngutip Sagala Remah Pūngatauan*, 1852–1854). По содержанию они не отличались от «Очков...» и представляли собой подборку библейских сюжетов, назидательных историй, географических очерков, рассказов о достижениях современной науки и техники [Putten, 2008, p. 411]. По замыслу издателя, альманахи были призваны служить учебным материалом в местных миссионерских школах. Последнее обстоятельство предопределило стилистику большинства их разделов, построенных по образцу традиционного малайского эпического нарратива, привычного для восприятия учащихся. О несомненных достоинствах «Очков...» говорит и тот факт, что в 1866 г. по рекомендации Батавского общества искусств и наук (*Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen*) избранные материалы альманаха были опубликованы отдельной книгой для чтения в школах Нидерландской Индии [Tjërmin mata, 1866],

---

¹³ Издательство Mission Press было основано в 1823 г. После переезда в Китай в 1847 г. местного отделения Лондонского миссионерского общества Б. Кисберри, оставшийся в Сингапуре, сохранил часть типографского оборудования и право издавать книги с пометкой Mission Press.

а позднее, в 1877 г., переведены и на яванский язык [Кемп, 2004, р. 107].

Абдуллах стал ключевой фигурой в деле издания первых альманахов. Сотрудничая с Кисберри, он выполнял сразу несколько функций: автора статей, копииста, редактора, переводчика, иллюстратора и типографа. В издательстве Кисберри увидело свет и первое литографированное издание мемуаров Абдуллаха [Keasberry, 1849]. И хотя «Очки...» вышли в свет спустя четыре года после смерти писателя, они по содержанию, стилистике и оформлению продолжали традицию «Сада знаний» и «Собрания частичек знаний», к созданию которых он был причастен. В трех номерах альманаха печатался с некоторыми сокращениями посмертный «Рассказ о плавании Абдуллаха».

«История Абдуллаха» строилась по тому же принципу, и разнородность ее содержания автора не смущала. Приведенная ниже таблица тематики отдельных глав двух томов альманаха Кисберри¹⁴ наглядно демонстрирует это сходство:

<i>Т. 1, № 3 (октябрь 1858 г.)</i>	<i>Т. 2, № 5–7 (июль — октябрь 1859 г.)</i>
Название главы	Название главы
О человеческом разуме	Поход армии Наполеона на Россию
О Европе	Кругосветные плавания
Об усердии	История Робинзона Крузо
О правдивости	О терпении
О ветре	Полезные советы
Рассказ о плавании Абдуллаха	Стихи
История Руфи	История Робинзона Крузо (продолжение)
О мусульманине, принявшем христианство	О Европе (продолжение)
О лени	О познании мира и жизни в мире
Пословицы	История Абу Таммама
Речения Сулеймана	Полезные советы
Стихи	Стихи

¹⁴ Опубликовано на сайте Southeast Asia digital library <https://sea.lib.niu.edu/islandora/object/SEADigitalImages:ORB304571collection#page/35/mode/1up> (дата обращения: 20.12.2020).

В силу вполне понятных причин круг тем, к которым обращался Абдуллах в своей «Истории», не столь широк. Однако, как можно заметить, отдельные главы «Очков...» вполне могли найти свое место на страницах его мемуаров: прежде всего — очерк о путешествии автора в Мекку, наставления и житейские советы, пословицы и стихи, резюмирующие какой-то раздел или весь выпуск альманаха.

«Историю Абдуллаха» и альманах Кисберри роднит еще одна особенность. В малайской традиции (как и в письменной культуре ислама в целом) рукопись нередко содержала несколько близких по тематике сочинений (полностью или в отрывках). По своему составу такие сборники делились на два типа. Одни принадлежали сфере изящной литературы (поэзии или прозы), другие черпали свой материал из области «литературы пользы»: текстов вероучительного, дидактического, законодательного, медицинского или иного характера. Наиболее вероятно, что их компиляторами были переписчики, сводившие воедино целый ряд фрагментов сходного содержания, заимствованных из разных источников¹⁵.

Хорошо известен случай, когда малайские копиисты по собственному произволу полностью трансформировали текст известного памятника. Это «Повесть о Бахтиаре», принадлежащая к распространенному на Востоке жанру «обрамленной повести» и известная во множестве вариантов и редакций, прежде всего — на персидском и арабском языках. В малайской традиции существуют две ее основных версии: «краткая» и «длинная». Но если в первой из них и рамочная, и внутренние истории (число их равно 9) совпадают с персидским оригиналом, то в списках второй сходство с прототипом обнаруживает лишь рамка, а число внутренних историй варьируется от списка к списку, достигая нескольких десятков.

По своему содержанию две эти версии также несхожи между собой. В первой из них сквозной темой и рамочной, и внутренних

---

¹⁵ Множество примеров тому дает «Каталог малайских и минангкабауских рукописей из Библиотеки Лейденского университета и других собраний Нидерландов» [Wieringa, 1998].

историй является проповедь осмотрительности и терпения (*sabar*). Напротив, компилятор «длинной» версии тематически себя никак не ограничивал. Ее внутренние (вставные) рассказы более разнообразны и параллельны с «краткой» версией не обнаруживают. Наряду с новеллами «хикайатного» характера там представлены мусульманские предания и легенды, истории о справедливых государях, практические советы по медицине, психологии, физиогномике и т.п. [Горяева, 1989, с. 15].

Очевидно, что в «длинной» версии «Повести о Бахтиаре» формат «обрамленной повести» позволил компилятору действовать по своему усмотрению и свести воедино весьма разнородный материал. Общая поучительная направленность вставных историй, почерпнутых из самых разных источников, роднила «длинную» версию со знаменитыми малайскими зеркалами XVII в., прежде всего — с «Короной царей» Бухари ал-Джаухари [Брагинский, 1983, с. 312; Горяева, 1989, с. 10–11, 151–152; Горяева, 2011, с. 371–646]. Судя по всему, компилятор воспринимал свой текст как дидактический по преимуществу, а этой цели могли служить как назидательные истории, так и прямые поучения.

Сходство «Истории Абдуллаха» с «длинной» версией «Повести о Бахтиаре» и одновременно с малайскими зеркалами XVII в. сомнений не вызывает. Роль рамки в его сочинении выполняла сама личность автора: действующего лица, наблюдателя, а порой — простого передатчика чужого рассказа о случившемся. Для вящей убедительности некоторые эпизоды «Истории» завершаются «Назиданием» (*Nasehat*) — более или менее пространным рассуждением, где дается моральная оценка описанному событию.

Подобные пассажи выдержаны в «китабном» стиле, присутствующем малайским дидактическим трактатам XVII в., а одно, самое пространное из «назиданий», завершает мемуары, отмечая всякие сомнения в их принадлежности к «литературе пользы». Абдуллах-хронист действует здесь бок о бок с Абдуллахом-ментором, формулирующим свои наставления в полном соответствии с правилами и стилем дидактической прозы. Однако связь его книги с традиционной малайской словесностью этим не ограничивается.

Неоднократно отмечалось влияние, которое оказала на автора самая известная из хроник Нусантары — «Малайские родословия» (*Сулалат-ус-салатин*). Над подготовкой ее текста к изданию Абдуллах работал одновременно с написанием своей «Истории» [Hill, 1970, p. 291; Sweeney, 2008, p. 32–39]. Сочинения роднит целый ряд общих признаков: хронологический порядок изложения событий, наличие «сюзерена»/высокопоставленного лица, предложившего писателю взяться за эту работу, а также сама стилистика эпического нарратива.

Живя, по выражению Д. Кэрролл, «в отраженной славе Малаккского султаната», Абдуллах хотел сохранить память о его «золотом веке» и о нравственных ценностях прошлого. Одновременно он не мог не сознавать, что его собственная книга во многом будет созвучна «Малайским родословиям» [Carroll, 1999, p. 92]. С традицией малайской историографии «Историю Абдуллаха» также сближает их общий пафос: убежденность в том, что главной причиной бедствий, выпавших на долю страны, является нравственное падение ее правителей.

Прямо или косвенно хронисты прошлого неизменно обращались к теме нравственных качеств, необходимых для государя: душевной щедрости, великодушия, благородства. Являясь сакральной фигурой, посредником между горним и дольным мирами, правитель был обязан вершить свою власть по законам небесной справедливости. В тех случаях, когда он по каким-либо низменным мотивам преступал эти законы, его страну и самого владыку постигало несчастье, кара высших сил. Примерами тому служат такие эпизоды из «Малайских родословий», как разрушение Сингапура яванскими войсками и завоевание Малакки португальцами, ставшие расплатой за бесчинства их правителей [Ревуненкова, 2008, с. 207–208, 383–401], а также история из самой ранней малайской хроники — «Повести о раджах Пасея», рассказывающая о гибели этого княжества как возмездии султану, погубившему своих сыновей [Горяева, 2015, с. 92–115].

Следуя примеру предшественников, автор «Истории Абдуллаха» критикует малайских раджей, принцев и высших сановников

за их спесь, жадность, лень, распутство, отсутствие попечения о народе, противодействие просвещению. Своего рода «романом в романе» является история джохорского наследного принца Тенгку Лонга, ставшего номинальным правителем Сингапура под именем султана Хусейн Шаха.

Автору очевидно, что британцы просто обвели Хусейн Шаха вокруг пальца и обманным путем закрепили свою власть над островом. Безвольный и не приспособленный к новым поворотам судьбы, Хусейн Шах деградировал и окончил свои дни игрушкой в руках бессовестного фаворита — Абдул Кадира, чье тщеславие и скудоумие Абдуллах живописует самыми яркими красками. В повествование о Хусейн Шахе также включен рассказ о бесчинствах его сводных братьев-принцев, внебрачных сыновей султана Махмуда, в Паданге и Ретехе. Писатель отдает последнюю дань Хусейн Шаху, подробно описав его пышные похороны и проиллюстрировав свой рассказ изображением его погребальных носилок.

История незадачливого султана и его родичей могла бы стать частью едва ли не любой малайской хроники. Причиной дурного поведения своих персонажей автор объявляет несоблюдение ими нравственных предписаний ислама. При этом в своем комментарии Абдуллах подчеркивает: подобные безобразия были бы немыслимы, если бы правосудие вершилось так, как это принято у европейцев, и завершает рассказ о принцах словами: «Да благословит Аллах королеву Викторию!», шокировавшими некоторых его исследователей [Sweeney, 2008, p. 73]. Как можно убедиться, его «хроника» отнюдь не завершается на мрачной ноте: автор видит перспективы возрождения своей страны в просвещении и соблюдении законности.

Между Западом и Востоком

Исследователи творчества Абдуллаха неизменно упоминают прозвище «пастора», присвоенное ему малаккцами за сотрудничество с британскими миссионерами. Разумеется, никто не подвергал сомнению мусульманскую идентичность писателя, даже критики Абдуллаха, смотревшие косо на его контакты с чужеземцами.

Однако факт есть факт: главными положительными героями «Истории» чаще всего выступают не земляки писателя и менее всего их нынешние правители, а деятельные и образованные британцы и американцы, с которыми в малайский мир приходят школы западного образца, книгопечатание, современная наука и техника, правовая культура.

Главным из них, несомненно, является Томас Стэмфорд Раффлз, чей характер и привычки описаны Абдуллахом с нескрываемым восхищением. Будучи не только чиновником, но и пытливым, разносторонним ученым, Раффлз оставил значительный след в науке и, в частности, собрал обширную коллекцию малайских рукописей. Последние не только приобретались им у владельцев, но и копировались писцами, работавшими в аппарате Раффлза. В числе последних оказался и Абдуллах, компетенции которого пришлось здесь весьма кстати. Раффлз не проявлял особого интереса к сочинениям богословского характера, в отличие от произведений изящной литературы, исторических хроник и уложений. Для Абдуллаха как будущего писателя работа с этими материалами стала настоящей школой стилистики, раскрыв перед юношей все выразительные возможности малайского книжного языка.

Мемуарист рисует его портрет:

«Вот каким предстал моему взору господин Раффлз. Среднего роста, не мал, не высок, не толст и не тонок. Лоб широкий, что говорит о душевном благородстве. Голова круглая, с развитой лобной частью, что является признаком ума. Волосы рыжеватые — признак храбрости. Уши широкие — признаку умения слушать. Брови густые, левый глаз немного косит. Нос тонкий, щеки немного впалые, губы тонкие, что говорит об умении вести беседу. Речь его благозвучна, рот большой, шея длинная, кожа не слишком белая, грудь широкая, в поясе он тонок, ступни не малы и не велики. Когда идет — слегка сутулится».

Исследователи неоднократно отмечали, что при первом знакомстве с Раффлзом Абдуллах определил характер своего будущего патрона, опираясь на данные физиогномики, почерпнутые им из «Короны царей» Бухари ал-Джаухари. Однако внимательное

сравнение этого отрывка с посвященной физиогномике главой 19 «Короны царей» показывает, что далеко не все особенности внешности одинаково трактуются обоими авторами (см. [Sweeney, 2008, p. 147–148]). Для Абдуллаха каждая черта облика Раффлза: форма головы, носа, лба, цвет волос и т.д. — неоспоримо свидетельствует о его высоких интеллектуальных и нравственных качествах. Напротив, для создателя «Короны царей» основным признаком морального совершенства служит внешность «умеренных пропорций» [Горяева, 2011, с. 578–579]. Не ограничиваясь описанием облика Раффлза, писатель дает ему такую развернутую характеристику:

«Он уважительно и любезно ведет беседу со всяким, будь то человек невысокого звания или же важный господин. К людям относится сердечно и всегда щедр с бедняками. Он не терпит пустословия, и во время беседы улыбка не покидает его уст. Он прекрасно разбирается в делах прошедших времен. Обратившись к какому-нибудь вопросу, не торопится и доводит дело до конца. Любит уединенные места, где может в тишине заниматься писанием и чтением книг. Когда он что-то изучает или занят беседой с кем-то, то до окончания этих занятий не принимает посетителей. Для всякого занятия у него отведено своё время, и одно не мешает с другим. Я мог наблюдать за его привычками, когда вечером, после чаепития с друзьями, его ждал большой стол с бумагой, чернилами и двумя свечами в подсвечниках. Устав от хождения по комнате, он укладывался на стол лицом к потолку и закрывал глаза, словно спящий. Думаю, пару-тройку раз он действительно засыпал. Спустя минуту он внезапно просыпался и принимался писать. Потом снова укладывался, и так продолжалось до 11–12 часов, когда он отправлялся на покой».

Здесь наглядно видна параллель с образом идеального государя, рисуемым Бухари ал-Джаухари:

«Царю надлежит быть умеренным в еде, питье, сне и не поддаваться влечениям страстей, дабы надлежащим образом исполнять свои трудные государственные обязанности... Следует, чтобы царь, ведя разбирательство дел, судил справедливо и беспристрастно... Двери царя должны быть всегда открыты для его подданных, дабы

любой ходатай нашел их отпертыми и мог немедля же поведать государю о своем деле, а тот мог незамедлительно вынести по нему решение ... Следует, чтобы царь, верша свой суд, проявлял мудрость, рассудительность и осторожность, не пренебрегая ни одним явившимся к нему ходатаем» (цит. по [Горяева, 2011, с. 480, 491, 568, 572]).

Искреннюю симпатию автора вызывает первый резидент Сингапура Фаркухар, с которым так трогательно прощались местные жители перед его отбытием на родину, а также губернатор Стрейтс-Сеттлментс — Баттеруорт, которому он посвятил свой труд. Писатель сохранил добрую память о протестантских миссионерах — просветителях, педагогах, издателях, о лоцмане-англичанине, ставшем другом Абдуллаха и подарившем ему часы, о талантливом юноше-секретаре мистере Дугалле, о докторе Строннаке, познакомившем его с техникой дагерротипа, и о не названном по имени хирурге, вылечившем Абдуллаха от тяжелой болезни.

Нельзя не сказать, наконец, об особой роли, которую сыграл в жизни автора американский миссионер и издатель Алфред Норт, давший толчок его литературному творчеству. Не следует забывать, что именно миссионеры и ряд других деятелей колониальной администрации немало способствовали повышению статуса малайского языка в регионе. Сбор и копирование рукописей, введение книгопечатания, организация малайских школ, издание журналов просветительской направленности содействовали, в конечном счете, укреплению его позиций как языка культуры [Putten, 2008, p. 410–411].

Присущее Абдуллаху чувство справедливости не позволяет ему смотреть на «белых людей» исключительно через розовые очки. Он, в частности, подробно описывает свои споры с пастором Томсеном во время работы над переводом «Евангелия от Матфея» и «Деяний апостолов». Цитируя один из фрагментов малайского перевода «Евангелия от Луки», изданного Томсеном в Сингапуре в 1834 г. без участия самого Абдуллаха, писатель показывает издержки буквалистского подхода к тексту стихов 27–28 главы 2. Писатель возмущается «европейцами-недоучками»: своей неуклюжей редактурой они дискредитируют христианство в глазах малайских читателей! В то же время он выступает пылким защитником традиционной

арабо-малайской орфографии от нелепых новаций, предлагаемых тем же Томсенем (глава 9).

Без особого восторга автор описывает и Дж. Кроуфурда, сменившего Фаркухара в должности резидента Сингапура и достаточно пассивного — не считая, впрочем, ловкой операции по окончательному вытеснению с острова злополучного Хусейн Шаха. Причина тому крылась, возможно, и в отношении Кроуфурда к малайской литературе, столь дорогой сердцу Абдуллаха. В своей двухтомной «Истории Индийского архипелага», вышедшей в свет в 1820 г. и, по всей вероятности, знакомой автору мемуаров, Кроуфурд выносит приговор малайской письменной традиции как вторичной по сюжетике и маловыразительной по языку, отмечая, что сравнения с литературой Явы она, безусловно, не выдерживает (см. [Crawfurd, 1820, p. 47–58]).

Говоря о противостоянии двух соперничающих в Нусантаре европейских держав, Абдуллах безоговорочно принимает сторону британцев. Он рассказывает о том, как лорд Минто уничтожил голландские пыточные орудия, установленные в малаккской тюрьме, как надменны были голландцы в общении с малайцами (в отличие от англичан), как пострадало местное население от перехода Малакки в руки Нидерландов в 1818 г. и т.п. Именно по этой причине «История Абдуллаха», в отличие от «Очков для ищущих знания», не была рекомендована к изданию в Нидерландской Индии [Putten, 2008, p. 418]. Ситуация оставалась неизменной вплоть до 1882 г. [Klinkert, 1882].

Большинство своих соотечественников (в особенности — так называемых «простых» людей) Абдуллах по тем или иным причинам не упоминает по имени. Неизвестными остаются имена его жены и детей, за исключением рано скончавшейся дочери Сити Лелы, имя китайца, ставшего проводником Абдуллаха в тайное убежище Союза *Тянь ди хуэй*, и многих других персонажей. Едва ли стоит видеть в этом пренебрежение к лицам низкого звания. Скорее всего, для автора были важны персонажи, играющие активную роль в его рассказе. В их числе встречаются и достаточно одиозные личности, такие, как ловец слонов Паванг Гаджах, как

покушавшийся на жизнь Фаркухара Саййид Ясин и фаворит султана Хусейн Шаха — Абдул Кадир.

В качестве безусловно положительного героя из числа местных уроженцев упоминается Теменггунг Сери Махараджа, помогший губернатору Баттеруорту справиться с сингапурскими пиратами. Церемония его награждения мечом от имени властей Британской Индии, речи губернатора и самого Теменггунга Абдуллах описывает очень подробно и сопровождает свой рассказ иллюстрацией — изображением подаренного меча. Этот эпизод, последний из относящихся к Сингапуру, завершается славословием и стихами в честь губернатора, где «изгнание разбойников из Пролива» приписывается исключительно ему.

Правда и вымысел в «Истории Абдуллаха»

Едва ли можно считать мемуары писателя произведением документального жанра, как того хотел их заказчик, Алфред Норт. Пожалуй, творческая задача, поставленная перед собой Абдуллахом, в наибольшей мере соответствовала формуле Горация: «Развлекая, поучать».

Чтобы сделать свой рассказ максимально ярким и убедительным, автор объявляет себя свидетелем событий, о которых знал лишь понаслышке, и додумывает предполагаемые поступки и диалоги между персонажами. Наиболее ярким примером тому является история подготовки к британскому вторжению на Яву (1811) и предполагаемой измены сиякского принца Саййида Зайна, рассказанная Абдуллахом спустя тридцать с лишним лет после этого события (подробнее об этом см. [Горяева, 2020, с. 457–469]).

Главным действующим лицом операции вторжения был Томас Стэмфорд Раффлз, занимавший должность «Уполномоченного генерал-губернатора в малайских государствах» (*Agent to the Governor-General with the Malay States*) с резиденцией в Малакке [Boulger, 1897, p. 89]. Согласно его замыслу, Ява, находившаяся доселе, как и другие острова Нусантары, в сфере экономического и политического влияния голландцев, должна была стать частью

Восточной Империи, создаваемой британской Ост-Индской компанией [Холл, 1958, с. 332].

Прибыв в Малакку за несколько месяцев до вторжения, Раффлз создал там обширную разведывательную сеть для сбора сведений об оборонительных возможностях голландцев и степени их влияния на архипелаге. В круг доверенных лиц, доставлявших Раффлзу эту информацию и выступавших в качестве его полномочных представителей (*wakil*), входил Тунку Пангеран Кусума Дилага, известный также под именем Саййид Зайн, — сын правителя Сиака, княжества на северо-востоке Суматры. Раффлз находился в переписке с Саййидом Зайном и высоко ценил его деловые и нравственные качества [Gallor, 1994, p. 145; Ahmat Adam, 2009, p. 138].

Подготовка к вторжению предполагала отправку на Яву миссии под его руководством. По пути следования вдоль восточного побережья Суматры Саййиду Зайну надлежало изучить обстановку, провести переговоры с местными правителями и доставить им письма Раффлза с просьбой о поддержке, а затем добраться до Явы и заручиться сотрудничеством правителей северо-запада острова в момент высадки британцев.

Достоверно известно, что за время плавания, с января до апреля 1811 г., Саййид Зайн отправил Раффлзу по меньшей мере пять писем [Ahmat Adam, 2009, p. 171–223]. В них он подробно описывал причуды погоды, затрудняющей движение судна, и перечислял все сложности возложенной на него задачи: налаживать контакты с местными правителями, склоняя их на свою сторону в преддверии вторжения.

По прибытии в Индрамаю, город на северо-западе Явы, Саййид Зайн вручил находящемуся там султану Чиребона Сепуху VII и его брату послание Раффлза, содержащее просьбу оказать поддержку британцам. В ответном письме, написанном в тот же день, 26 апреля 1811 г., в двух экземплярах — на малайском в арабской графике и на яванском в яванской¹⁶, переданном Саййиду Зайну,

---

¹⁶ Письмо хранится в рукописном фонде Британской библиотеки под шифрами *Mss Eur D.742/1 f.49* (малайский вариант) и *Mss Eur D.742/1 f.49ab* (яванский вариант).

султаны выразили свое согласие сотрудничать с будущей британской администрацией.

Четырнадцатилетний Абдуллах лично не участвовал в путешествии и не мог присутствовать при переговорах Раффлза с Саййидом Зайном — как до отплытия миссии, так и по ее возвращении. Это не помешало ему написать подробный драматический рассказ обо всех перипетиях этого плавания, как они якобы были изложены Раффлзу одним из спутников Саййида Зайна, значащимся под именем Пангеран, по возвращении миссии в Малакку в начале мая 1811 г. Пангеран, в частности, объявил, что Саййид Зайн надолго задержался на Суматре по причинам сугубо личного характера и был занят собственными коммерческими операциями и пиратскими вылазками, а до Явы так и не добрался. Ответное письмо султанов Раффлзу Пангеран представил фальшивкой [Sweeney, 2008, p. 317–318].

Несоответствие рассказа Абдуллаха реальным событиям отмечалось прежде всего исследователями переписки Раффлза [Ahmat Adam, 2009, p. 137–138; Gallop, 1994, p. 144–150], однако о причинах появления этой версии они не говорят. Ключевым свидетелем при расследовании воображаемого предательства мог бы стать уже упомянутый Пангеран, однако ни в переписке Раффлза, ни в книге Абдуллаха этот персонаж больше не встречается, и личность его не установлена. Кроме того, участник миссии едва ли бы смог отрицать сам факт ее прибытия на Яву, ибо в скором времени его обман мог раскрыться.

Можно лишь гадать о причине, по которой подобная версия событий появилась на страницах мемуаров Абдуллаха. Очевидно, что по своему статусу юный клерк никак не мог лично присутствовать при встречах Раффлза с Саййидом Зайном и Пангераном — как до плавания, так и по его завершении. Финальные эпизоды этой истории — гнев и угрозы Раффлза в адрес Саййида Зайна — имеют отчетливо видную «литературную» окраску. Угроза поместить «предателя» в жерло пушки, приписываемая автором Раффлзу, совсем не вяжется с образом человека, который, по свидетельству того же Абдуллаха, отличался завидным самообладанием. Отсутствуют

и данные о каких-либо преследованиях Саййида Зайна со стороны англичан. В дальнейшем последний благополучно проживал в родном Сиаке, в постоянном сотрудничестве с европейцами [Gallor, 1994, p. 156].

Эпизод с «предательством» Саййида Зайна обнаруживает явное сходство с эпизодом, известным по все той же «Короне царей» и многим другим мусульманским источникам, — письмом Искандара Зу-л-Карнайна к царю Даре, которое его посол подделал. За это Искандар велел вырвать предателю язык и объявить во всеуслышание, что такая кара ждет всякого, кто осмелится исказить царское послание [Горяева, 2011, с. 546–547]. Очевидно, Абдуллах не смог удержаться от искушения использовать в своем сочинении тот сюжетный ход, что уже встречался ему в других малайских сочинениях.

Еще одним примером художественного вымысла является рассказ об этапах установления британского владычества над Сингапуром (главы 10, 11 и 13). Очевидцем этих событий Абдуллах не был: он впервые посетил остров вместе с пастором Томсеном в промежутке между второй четвертью 1821 и маем 1822 г., поэтому его утверждение о приезде «спустя четыре месяца после основания Сингапура» не соответствует действительности [Gibson-Hill, 1969, p. 107–111]. Тем более он не мог присутствовать и при встрече Раффлза с Тенгку Лонгом в начале 1819 г. и быть свидетелем заключения договора между двумя сторонами.

Сцена их знакомства на борту корабля, с которым Раффлз прибыл к Сингапуру, описана автором ярко и эмоционально, с использованием диалогов, эпических клише и иных выразительных средств, но, увы, вымышлена с начала и до конца. Согласно рассказу свидетеля этого события, опубликованному более чем полвека спустя, Раффлз встречал Тенгку Лонга не на борту своего корабля, а на берегу, в построенном для него доме [Haughton, 1882, p. 285–286]. Впрочем, как отмечал А. Суини, противопоставление литературы fiction и non-fiction, принятое у европейцев, в малайской традиции отсутствует [Sweeney, 2008, p. 59–60]. Абдуллах лишь следовал

канону, живописуя эту сцену, как она ему представлялась, и делая акцент на эмоциях действующих лиц.

Нельзя не признать при этом, что фактическая сторона событий — в частности, содержание подписанного договора — передана Абдуллахом верно. То же относится и к завершающей части главы: краткой этнографической зарисовке, посвященной полудикому «морскому народу» (*orang laut*), к описанию природы и ландшафта Сингапура и рассказу о первых шагах по благоустройству острова, предпринятых британцами.

Особое место в этом ряду занимает глава, посвященная переписке Раффлза с правителем Сиам в 1823 г. Вызывают вопросы едва ли не все детали этого сюжета. Сам факт обмена письмами исторического подтверждения не нашел: тогдашний статус Раффлза как генерал-губернатора Бенгулена, то есть лица, не равного по положению сиамскому королю, не предполагал переписки между ними, да и сам король не стал бы писать Раффлзу по-малайски. По мнению британской исследовательницы А. Гэллоп, подобное послание (если таковое вообще имело место) было бы написано по-тайски с переводом на английский или французский или даже португальский языки, но никак не на малайский.

А. Гэллоп предлагает свою трактовку значения «оторванного» уголка у бумаги с письмом сиамского короля. Хотя, по словам Абдуллаха, Раффлз увидел в этом намерение символически унизить получателя письма, фактически дело обстоит куда проще: в малайском мире к началу XIX в. дипломатическая переписка стала вестись на бумаге, импортируемой из Калькутты и Мадраса. Ее особенностью был как бы срезанный правый нижний угол рамки листа (цит. по [Sweeney, 2008, p. 138–140]).

О вымышленном характере эпизода говорят и параллели с некоторыми сюжетами из все тех же «Малайских родословий», где рассказано о переписке правителя Маджапахита с сингапурским правителем и малаккского султана Мансур Шаха с правителем Китая [Ревуненкова, 2008, с. 172, 248–249]. В первом случае речь шла о символических подарках как закодированных посланиях от одного сюзерена к другому. Во втором случае и текст письма,

и обстоятельства его вручения демонстрировали нежелание султана поставить себя ниже своего адресата.

Как можно понять из слов Абдуллаха, подобными же мотивами руководствовался Раффлз, задумавший «поставить на место» не в меру возгордившегося сиамского короля. Автор сообщает, что притча о петухе, поведенная ему его патроном, помогла Абдуллаху в считанные часы сочинить ответное письмо. Ничтожное по содержанию, оно сопровождалось богатыми подарками от Раффлза, в том числе тканями, расшитыми золотыми цветами. Как известно, сделанные из золота цветы издавна служили подношением и символом вассальной преданности малайских княжеств — Кедаха, Патани и Келантана — сиамским правителям, а позднее — знаком дружеского расположения британцев Малайского мира к своим северным соседям [Холл, 1958, с. 350; Abu Talib, 2003, р. 209]. В данном же случае и бессодержательное письмо, и подарки служили завуалированной насмешкой над адресатом.

Описывая эпизод с письмом, Абдуллах превозносит хитроумие и лукавство Раффлза, объяснившего ему с помощью притчи, по примеру мудрецов прошлого, как должно быть написано ответное послание сиамскому королю. Автор не забывает попутно похвалить сам себя за умелость и быстроту в исполнении приказа.

Если бы эта история не была плодом вымысла, Абдуллах непременно привел бы в книге текст сочиненного им письма, вызвавшего восторг Раффлза и его жены, подобно тому, как в других местах он цитирует текст договора британцев с султаном Хусейн Шахом или Нанкинского англо-китайского договора 1842 г. Как можно заметить, в «Истории Абдуллаха» сугубо документальные главы мирно соседствуют с придуманными (полностью или отчасти) эпизодами. По-видимому, автор полагал, и небезосновательно, что подобные плоды его фантазии придают повествованию необходимый драматизм и занимательность.

Едва ли документален и рассказ Абдуллаха о поведении Раффлза после покушения на Фаркухара. Автор явно сгустил краски, рисуя эту сцену:

«...Он (Раффлз — Л.Г.) потряс кулаком перед самым лицом господина Бернарда, так что у того слетел с головы его тропический шлем, и произнес: «Запомните хорошенько: если Фаркухар умрет, я отправлю вас на виселицу прямо здесь, в Сингапуре!» Господин Бернард пал на колени, моля о снисхождении».

Очевидно, что реальные Раффлз и Бернард вряд ли могли вести себя подобным образом. Скорее всего, Абдуллах использовал здесь очередное эпическое клише: разгневанный владыка, вершащий свой суд, и склонившийся у его ног подданный.

Автор или герой?

Едва ли не главным вымышленным лицом книги предстает сам писатель. Как справедливо отметил А. Суини, Абдуллах-персонаж есть плод воображения, и его «Историю» едва ли можно отождествлять с биографией Абдуллаха как исторического лица [Sweeney, 2008, p. 25].

В малайской традиции автор (как правило, безымянный) пребывает «за сценой». Он — «рассказчик вообще», но одновременно и судья персонажей своей истории, оценивающий их поступки с самых высоких нравственных позиций. Оставаясь таковым, Абдуллах параллельно выступил главным положительным героем своей истории: порой наблюдателем, а порой ее активным началом. Абдуллаху-автору волей-неволей следовало идеализировать Абдуллаха-протагониста и приписывать ему более важную роль в событиях, нежели это было на самом деле.

Абдуллаха-ребенка он описывает вполне реалистически, сдержанно похваливая мальчика за страсть к учению. Образ знатока — переводчика, копииста, педагога начинает рисоваться в тот момент, когда подростком он вступает в контакт с сипаями и получает у них прозвище «Мунши» (учитель языков). Тема находит свое дальнейшее развитие в рассказе о сотрудничестве Абдуллаха с У. Милном и другими британскими миссионерами: за это соплеменники наградили его пренебрежительной кличкой «Абдуллах-пастор».

Силой сложившихся обстоятельств с самой ранней юности писатель обрел возможность увидеть себя, профессионально реализоваться и осознать свои достоинства лишь благодаря людям иного языка и культуры: поначалу индийцам, а затем англичанам и американцам. Они ценили его способности и трудолюбие, поддерживали его и сами обращались к нему за помощью. Абдуллах-протагонист книги — это сподвижник и консультант европейцев, а одновременно — культуртрегер, рассказывающий отсталым соотечественникам о достижениях мирового прогресса и пользе школьного образования. Однако для «белых людей» он, по-видимому, не представлялся столь же яркой фигурой.

Исследователи творчества Абдуллаха уже замечали, что большинство высокопоставленных европейских патронов писателя, будь то Раффлз, Фаркухар или Кроуфурд, за исключением разве что Баттеруорта, нигде не упоминают его имени [Hill, 1970, p. 4–5; Sweeney, 2008, p. 26–27]. На него не ссылаются Бегби и Ньюболд, в чьих книгах, в частности, приводились данные о войне с Нанингом, предоставленные им Абдуллахом¹⁷. Редкое исключение составляли «крестный отец» его мемуаров Алфред Норт и некоторые из миссионеров.

Одним из близких писателю людей стал британский инженер-строитель, работавший в Сингапуре в 1841–1853 гг. и учившийся у него малайскому, — Дж. Т. Томсон (1821–1884). Непосредственно из рук Абдуллаха он получил одну из трех сохранившихся рукописей его «Истории»¹⁸: автор попросил Томсона перевести его книгу на английский [Sheehan, 1936, p. 226; Wong Wei Wen, 2015]. Томсон хорошо знал многих из описанных Абдуллахом персонажей, однако не вошел в их число, что, по-видимому, стало для автора дополнительным аргументом в его пользу как переводчика. Они часто беседовали, обсуждая и самые общие вопросы, и проблемы религии, причем здесь, по свидетельству Томсона, Абдуллах высказывался куда свободнее, чем на страницах своей книги:

---

¹⁷ См. [Begbie, 1834; Newbold, 1835].

¹⁸ Ее подробное описание см. в [Ché-Ross, 2002, p. 1–50].

«Я спрашивал его: «Какова загробная судьба неверующих?» Он отвечал: «Имамы скажут, что их ждет ад, ну, а у мирян, таких, как я, есть разные мнения». А затем продолжил: «Абсурдно утверждать, будто преподобные Милн и Моррисон пойдут в ад, ибо не верят в Мухаммада. Но духовенство и женщины со мной не согласятся, и я не осмелюсь отстаивать эту точку зрения среди моих единоверцев. Они томятся за стеной невежества, которую я уже преодолел» [Sheehan, 1936, p. 227].

Его смешанное, арабо-тамилско-малайское, происхождение и сама жизнь, проведенная в атмосфере космополитических городов — Малакки и Сингапура, предопределили судьбу Абдуллаха и его представление о собственной идентичности. Воспитанный на малайской культуре, он считал себя малайцем и не мог не видеть, что из всех проживающих в регионе этнических групп именно они являются наиболее отсталыми, не говоря уже о полудиках «коренных народах» (*orang asli*) или «морских людях» (*orang laut*) — обитателях прибрежных областей. Китайцы, тамилы и арабы северо-запада Нусантары демонстрировали более высокий уровень образования, предпринимательской инициативы и, что не менее важно, взаимной поддержки на пути к успеху, тогда как малайцы в массе своей стояли значительно ниже на социальной лестнице [Carroll, 1999, p. 99].

Не мирясь с ситуацией, Абдуллах на протяжении всей жизни стремился быть услышанным малайским обществом: рассказывал о пользе просвещения, убеждал в необходимости соблюдения законов — единых для людей всех сословий. В первую очередь он обращался к новому поколению просвещенных малайцев: детям элиты, учившимся в школах европейского образца. Именно им он адресует самое пространное из «назиданий» — финальную часть книги, где звучит суровый приговор малайским правителям, которые своей косностью, праздностью и произволом обрекли народ на жалкое существование.

В то же время писатель не забыл и о самой широкой аудитории — «тех, кто будет читать или внимать чтению этой книги», то есть как грамотных, так и неграмотных. Им, простым людям, Абдуллах стремился рассказать обо всем новом и необычном: технике литографской печати, дагерротипии, паровых двигателях,

о природе солнечных и лунных затмений и т.д. К величайшему сожалению, его просветительство успеха не имело. С огорчением писатель констатировал: «Все мои объяснения не шли впрок. Опреденится ли море, если вылить в него чашку пресной воды? Столь же бесполезными были и мои слова» (глава 23).

Спустя пять лет после выхода мемуаров в свет Абдуллах отправился в паломничество в Мекку. Писать по чьему-либо заказу ему больше не пришлось. О том, что видел Абдуллах в последние месяцы своей жизни и как воспринимал эти новые для него впечатления, свидетельствуют посмертные записки писателя.

Судьба «Рассказа о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку»¹⁹

Замыслив это путешествие, Абдуллах, готовый ко всем связанным с ним опасностям, незадолго до отплытия в Мекку составил завещание [Ché-Ross, 2005, p. 83–111], датируемое 16 числом месяца раби ал-ахир 1270 г.х./16 января 1854 г.²⁰ Как и ожидалось, в плавании ему пришлось перенести немало испытаний — о них ярко свидетельствуют его записки. Причиной смерти писателя, постигшей его в мае того же года, уже по достижении Абдуллахом цели путешествия, стало, как утверждали, заболевание холерой [Ché-Ross, 2005, p. 90]. Сведения о месте его погребения отсутствуют: наиболее вероятно, что таковым стало одно из мекканских кладбищ.

Как уже было сказано, Абдуллах предстает в своих записках благочестивым мусульманином, задумавшим не только совершить паломническое путешествие в Мекку, но и добраться до тогдашней столицы исламского мира — Стамбула. По ходу плавания автор не раз обращает свои взоры к Всевышнему в минуту опасности

---

¹⁹ Русский перевод памятника впервые был опубликован нами в 2016 г. (см. [Горяева, 2016]).

²⁰ Мимо внимания публикатора завещания прошла описка в документе, сделанная самим Абдуллахом: вместо 1275 г.х. (١٢٧٥) там должен был значиться 1270 г.х. (١٢٧٠), а григорианская дата была ошибочно обозначена им как 18 января 1854 г. (вместо 16). Подобную же ошибку допустил он и в тексте записок.

и возносит молитвы Аллаху и Пророку, изучает мечети в Южной Индии, посещает святые места на Аравийском полуострове (в Мохе и Мекке).

Новые, незнакомые края автор описывает с позиций человека воспитанного и образованного, для которого многие чужеземные обычаи странны, если не неприемлемы. Он с удивлением рассказывает о театрализованном представлении, устроенном матросами в момент прохождения их корабля мимо Адамова Пика на Цейлоне, с неодобрением говорит о массовом попрошайничестве и антисанитарии, с которыми путешественник столкнулся в Индии. Его печалит история упадка Мохи, разграбленной бедуинами, грубость и алчность носильщиков из Ходейды, самоуправство турецких таможенных властей в Джидде. Очевидно, что точкой отсчета, своего рода культурным эталоном для писателя неизменно выступают Малакка и Сингапур. Хотя Абдуллах и не связывает напрямую достоинств родного края с цивилизующим влиянием европейцев, об этом косвенно свидетельствует его сравнение бедуинов о. Сокотры с аборигенами глубинных районов Малаккского полуострова, живущими в отрыве от цивилизованной космополитической среды прибрежных торговых городов.

Стиль повествования автора записок подчеркнуто строгий. Исключение составляют, пожалуй, лишь эмоционально окрашенные картины шторма у мыса Коморин, однако и они лишены примет традиционной образности, присущей малайскому классическому нарративу. В этом смысле текст Абдуллаха, написанный от первого лица, несомненно, принадлежит литературе нового времени. «Секретарская» привычка, выработанная автором за годы работы с европейцами, ярче всего проявилась в его описании Алфиаха и Каликута: возможно, Абдуллах полагал, что сведения об этих районах, находящихся в сфере интересов Великобритании, окажутся полезными для британской администрации у него на родине. При этом ссылки на самих англичан — упоминания их кораблей, владений в Индии и т.п. — у Абдуллаха не носят оценочного характера: он лишь фиксирует события или получаемую им информацию.

Травелог Абдуллаха, как и все его творчество, занимает особое место в кругу аналогичных сочинений малайских «писателей-секретарей»²¹ — сотрудников колониальных администраций. В отличие от Ахмада Риджалуддина, автора «Повести об управлении Бенгалией» (1811) [Skinner, 1982] и Абдуллаха ал-Мисри, создателя «Повести о раджах Сиама» (1823/24) [Zaini-Lajoubert, 2008], Абдуллаху Мунши свойственен непредвзятый подход к тем событиям, свидетелем которых ему приходилось быть в заморских краях. Автор не пытается делить своих персонажей на «хороших» и «плохих», не уснащает повествования вымышленными историями или местными легендами и вообще обходится без каких-либо стилизованных изысков, присущих изящной словесности. Творчество Абдуллаха-хроникера, внимательного наблюдателя, открытого новым впечатлениям и рисующего их «без гнева и пристрастия», знаменует собой новый этап в развитии малайской документальной прозы середины XIX в.

* * *

Несколько слов об особенностях стилистики оригинала и способах передачи его смыслов по-русски. Главной из задач, стоящих перед переводчиком, было преобразование текста, принадлежащего малайской литературной традиции, весьма далекой для нашего читателя, в текст, становящийся частью русской письменной культуры. Не менее важно было передать в переводе важнейшие особенности повествовательного стиля оригинала — в той мере, как они отражали дух первоисточника.

Как уже отмечалось, Абдуллах владел в совершенстве всеми приемами малайского традиционного нарратива и отдал должное практически всем жанрам как изящной литературы, так и «литературы пользы». «Хикайатное», сюжетное повествование перемежается у него с вкраплениями «назиданий», выдержанных в «китабном» стиле, а стихотворные отрывки, пословицы и поговорки призваны разнообразить и украсить рассказ. Приемы и трудности, с которыми переводчику пришлось столкнуться, здесь практически

---

²¹ Подробнее о них см. [Горяева, 2013, с. 51–52].

те же, что обнаруживались нами при работе над упомянутой ранее «Короной царей», и в значительной мере связаны со стилевой эклектичностью источника [Горяева, 2011, с. 438–440].

Наиболее сложными для перевода оказались отрывки, не маркированные автором как «назидания», но близкие к ним по духу и значительно более пространные. Сам автор пояснял: «У малайцев и иных жителей подветренных стран есть привычка говорить длинно и многократно повторять одно и то же» (глава 22). Тем самым писатель как бы стремился достучаться до самых непонятливых и нередко грешил тавтологией. Данная особенность присуща в основном финальному разделу «Истории Абдуллаха», где автор стремится представить свой труд как образец «литературы пользы», т.е. поучительной. Передать по-русски подобные пассажи, не греша многословием, было совсем не просто.

Отдельную трудность при переводе представляли диалоги. Желая подробно и документально воспроизвести какой-то разговор, Абдуллах нанизывал одну за другой вводные реплики с неизменными «сказал — ответил» (*kata — jawab*), порой до двадцати раз подряд. Приходилось искать новые и новые синонимы, что при длинном диалоге было непросто. Еще одной проблемой стали сложносочиненные предложения, длинные цепочки фраз, громоздящихся одна за другой, что по-русски просто-таки не звучало. Делить их на отдельные предложения без ущерба для интонации повествования получалось не всегда. Подспорьем в этом случае являлись причастные и деепричастные обороты, облегчавшие тяжеловесную конструкцию оригинала.

В числе особенностей стиля Абдуллаха, присущих малайской книжной словесности в целом, нельзя не отметить привычку к использованию блоков полных или частичных синонимов, например: *ber'akal dan berfikiran dan budi* («мудрый, вдумчивый и разумный») которые, разумеется, нельзя было переводить буквально. Приходилось делать выбор между изъятием одного из синонимов и более или менее удачными парафразами.

* * *

В завершение работы автор хотел бы выразить свою сердечную признательность Т. А. Денисовой (Институт востоковедения РАН), В. А. Погадаеву (МГИМО МИД РФ) за помощь в сборе материалов для этой книги, коллективу Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН и Общества «Нусантара», где проводилось обсуждение отдельных ее разделов, а также редколлегии журнала «Письменные памятники Востока», публиковавшего в 2016–2020 гг. переводы избранных глав этого сочинения.

ИСТОРИЯ АБДУЛЛАХА

Предисловие¹

В 1256 г. х. 25 числа месяца ша‘бан ал-мукаррам², или 22 октября 1840 г. христианского летосчисления один из моих друзей³, дорогой моему сердцу белый человек⁴ обратился ко мне с настоятельной просьбой рассказать историю моей семьи и всей моей жизни, сочинив об этом книгу на малайском языке. Размышляя о просьбе друга, я приуныл, и забота легла тяжким грузом на мои плечи: ведь все эти события — дела времен, давно минувших.

Тяготило меня и то, что я на самом-то деле человек недалекий, непросвещенный, слабый в грамматике, не говоря уже о моих писательских дарованиях, да и служебных обязанностей у меня по горло. Вот почему я впал в уныние.

Моей неуверенности в себе немало способствовало то, что я видел вокруг. В наше время многие строят из себя умников, мелют языком, чтобы их сочли людьми знающими, да только все это пустая болтовня. Стоит дать им какое-то задание — сочинить что-то или разъяснить значение написанного, как выяснится, что в головах у них пусто. Их слова и дела не говорят об учености: обо всем они знают понаслышке, а толком ни в чем не разбираются.

Слушая их речи, невежды и простаки обычно ведут себя [по поговорке], словно человек, охваченный дремотой: едва подсунешь ему подушку, как он уже спит. Так и они берут все на веру, не проверяя.

---

¹ В издании 1849 г. на страницах 1 и 2 заглавие книги дано в орнаментальных заставках, расположенных над рамкой с основным текстом. Слово «Предисловие» (Mukadimah) предвворяет вступительную главу книги в издании Кассима Ахмада.

² 21 октября 1840 г. (при переводе календарей возможна ошибка в один день).

³ Современники Абдуллаха имели различные мнения относительно этой личности. Дж. Т. Томпсон справедливо полагал, что «друг» — это американский миссионер и издатель Алфред Норт (1807–1869), тогда как А. Х. Хилл считал таковым британского миссионера-просветителя Бенджамина Кисберри (1811–1875), первого публикатора «Истории Абдуллаха» [Thompson, 1874; Hill, 1955, p. 275].

⁴ Т.е. человек, принадлежащий к белой расе, европеец.

Представьте себе ствол бамбука — им кажется, что это крепкое, стройное дерево без извилин, имеющее сердцевину. Умный же человек прежде срубит его, поглядит, что там внутри, и тут обнаружит, что ствол пустой.

Мудрецы говаривали: ювелир знает толк в самоцветах. Так и нынче — с тех пор, как у Пролива возник город⁵, «кузнечик стал соколом, клоп — черепахой, а червяк — змеем»⁶.

Все диковинное произошло от богатств земных. Будь кто и глуп, и ничтожен, но стоит ему разбогатеть, как он уже и умен, и благороден. Ну а коли кто и умен, и благороден, но богатства не имеет — того презирают.

Все эти речения, примеры и сравнения я взял себе за образец. Во-первых, я — человек низкого звания, во-вторых — беден, в-третьих — бестолковый недоучка, в-четвертых — писатель из меня никудышный. Так что неоткуда мне взять сил и способностей, догадливости и смекалки, кроме как от Аллаха. И во всякий час и всякую минуту мое убожество и слабости остаются при мне.

Поразмыслив так, я словно пробудился ото сна и сказал себе: «Если я ничтожен, буду просить у благородных, если я беден — буду просить у богатых, если же я неразумен — буду просить у Господа, обещавшего: просите, и дастся вам»⁷. Велика щедрость Аллаха Всевышнего, и, коли будет на то Его воля, я буду молить о помощи Того, кто распростер [над нами] необъятные небеса без единой опоры, дабы желание моего друга было исполнено. Не будучи знатоком в этом деле, уповаю на Его поддержку в моей скромной работе.

---

⁵ Слово *pegeri*, употребленное в оригинале, может переводиться и как «страна», и как «город». В первом случае оно обозначает город-государство, «столицу», включая и периферийные, тяготеющие к центру, области. Во втором, более узком, смысле *pegeri* — это собственно город. Здесь имеется в виду Сингапур.

⁶ Смысл поговорки: «ничтожный становится благородным, а придурковатый — умником» (Абдуллах приводит ее толкование в следующем абзаце).

⁷ «И сказал ваш Господь: «Зовите меня, Я отвечу вам» (Коран 40:62/60, пер. И. Ю. Крачковского).

Глава I. История Абдуллаха

А теперь слушай, дорогой друг. Книга эта — моя собственная история, и назвал я ее

ИСТОРИЯ АБДУЛЛАХА⁸

Задумал я начать свой рассказ со времен моих предков и дойти до того дня, когда матушка произвела меня на свет в Малакке. И поскольку Аллах хранил меня от опасностей и бед, в этой истории будет поведано все, что я видел и слышал о событиях, вершившихся с тех пор и в Малакке, и в Сингапуре, вплоть до дня, когда эта книга подойдет к концу. Убежден, что в ней непременно обнаружатся ошибки, сделанные по недосмотру или забывчивости, как в области слога, так и в самом рассказе, погрешности при написании буквосочетаний и неуклюжие обороты речи. Смиренно склоняю голову перед господами всякого звания, пожелавшими прочесть мою книгу и заметившими в ней недостатки. От всего сердца умоляю простить меня, бестолкового растяпу, ведь я уже в первых строках книги признался, что далеко не умен. Что поделаешь: ошибки и промахи — мои постоянные спутники.

Моим предком был йеменский араб из рода Усмани⁹, Шейх Абдул КаDIR, учитель богословия и [арабского] языка. Он двинулся из Йемена в подветренные страны¹⁰, на время обосновался в Келинге¹¹ — в Нагуре, где некоторое время проработал учителем. Там же его и женили.

Родилось у него четверо сыновей. Одного звали Мухаммад Ибрахим, второго Мухаммад Деса, третьего Нур Мухаммад,

---

⁸ Слово *hikayat*, употребленное в заглавии книги, означает «рассказ», «повесть», «история». В малайской литературе оно применяется к любым прозаическим нарративным сочинениям крупной формы — как к произведениям беллетристики, так и к историческим хроникам.

⁹ Т.е. рода, возводящего себя к потомкам третьего из т. наз. «правоверных» халифов — Усмана (575–656).

¹⁰ На восток.

¹¹ Келинг — принятое в малайском мире обозначение Южной Индии. Под понятием «язык Келинга» (см. ниже) обычно подразумевается тамильский.

а четвертого Зайнал ‘Абидин. Там он и скончался, а после его смерти сыновья отправились в подветренные страны. Мухаммад Ибрахим прибыл в Малакку и женился на моей бабушке Пери Ачи из семьи Шейха Мира Лебея, от брака родился мой отец, которого назвали Шейхом Абдул Кадиром в честь деда.

Остальные трое сыновей отправились на Яву. Мухаммад Деса двинулся на Амбон, где обзавелся женой и детьми. Нур Мухаммад направился в Седайю, там родились у него и дети, и внуки. А Зайнал ‘Абидин поехал в Семаранг, обзавелся потомством и жил там до самой смерти.

Отец же мой вырос в Малакке. Освоив чтение Корана, он взялся за изучение [малайского] языка и арифметики. Успешно овладев этими науками, он взялся за торговое дело — занялся доставкой товаров из Малакки в верховья¹². Некоторое время он пробыл там и не только торговал, но и обучал жителей верховий чтению Корана, молитве и прочим исламским премудростям. Этим он заслужил всеобщую приязнь. Ему нашли жену и поставили его хатибом¹³ в деревне Лубук Кепунг. Там они и поселились, но вскоре перебрались в Сунгей Бару, где он также стал хатибом. Родились у него сын, которого нарекли Мухаммадом ‘Али, и девочка, Шарифа. Отец хорошо знал индийский язык, то есть язык Келинга — умел на нем и писать, и вести счетные дела, но лучше всего знал малайский язык: переписывал, сочинял, занимался составлением писем, адресованных раджам-малайцам. Этим всем он тогда зарабатывал себе на жизнь. Кроме того, он давал уроки малайского некому англичанину, господину Марсдену¹⁴, и тот выдал ему грамоту, где значилось, что Марсден у него обучался.

---

¹² Малакка, как и большинство торговых городов малайского мира, расположена на берегу моря, в устье одноименной реки. Товары из материковых областей полуострова доставлялись по реке в прибрежный город — центр международной торговли, а в обратном направлении двигались товары, необходимые для населения внутренних областей.

¹³ Хатиб (ар. оратор, проповедник). Мусульманское духовное лицо, проводящее пятничную молитву в мечети.

¹⁴ Уильям Марсден (William Marsden, 1754–1836) — британский востоковед, лингвист и нумизмат, автор «Грамматики и словаря малайского языка» (1812).

Эту грамоту я обнаружил в отцовском ящике для письменных принадлежностей и показал ее пастору Томсену¹⁵, потому что сам в ту пору и слова не умел сказать по-английски, не говоря уже о чтении. Ознакомившись с грамотой, господин Томсен объяснил, что по-английски она именуется *character*¹⁶. Ею господин Марсден, составитель малайско-английского словаря, удостоверяет, что в свою бытность в Малакке он был учеником отца в течение года и девяти месяцев.

Некоторое время отец провел в Сунгей Бару, и тут его братья из числа живущих в Малакке загорелись мыслью найти ему малаккскую жену. В Сунгей Бару дело обернулось немалыми сложностями, и тогда малаккские братья явились, чтобы забрать его с собой. Он оставил жену в Сунгей Бару и вернулся назад в Малакку. Спустя некоторое время он сочетался браком с моей матерью, это произошло в 1200 г. х.¹⁷ Предками моей матери были индийцы, проживавшие в Кедахе. Они перебрались в Малакку, приняли ислам. Мать моя родилась в Малакке и была наречена именем Салмах.

В то время мой отец занимал должность шахбандара¹⁸ при голландцах: прежде в Малакке заправляли они. Отец тогда жил, словно мышь в рисовом амбаре: сиди себе да радуйся, только кликни — с правой ли, с левой ли стороны сразу отзовутся. Только вот когда монеты текут рекой, забываешь, что в мире все переменчиво. Родила матушка моего старшего брата, а он прожил четыре месяца и умер. Так умерли четыре моих старших брата.

Явились тут англичане и забрали Малакку у голландцев¹⁹. Прибыл английский правитель²⁰, господин майор Кук²¹, с инженером

---

¹⁵ Клаудиус Генри Томсен (Claudius Henry Thomsen, 1782—?) — британский миссионер и издатель, автор словарей англо-малайского и бугийского языков (1833).

¹⁶ Письменная рекомендация, характеристика.

¹⁷ 1785/86 г.

¹⁸ Шахбандар — начальник порта, один из высших сановников при малаккском дворе.

¹⁹ В 1795 г.

²⁰ Здесь и далее слово *raja* применительно к европейцам нами переводится как «правитель».

²¹ Личность не установлена. По мнению А. Суини, речь может идти о майоре Арчибальде Брауне, командовавшем сухопутными воинскими частями при переходе Малакки под власть Великобритании в 1795 г. [Sweeney, 2008, p. 576].

господином Фаркухаром²². Вскоре господин Кук отбыл, и его место правителя Малакки занял господин Фаркухар. К этому времени отец мой занялся торговыми делами, возил товары в Сиак и обратно, ибо Сиак в ту пору благоденствовал, и жизнь в нем кипела ключом. Оттуда в Малакку из года в год мешками²³ доставлялось золото, а Малакка была большим портом, и коммерция в нем процветала. Товары в Малакку свозились отовсюду, к тому же в те времена остров Пинанг еще не был застроен, поэтому устье²⁴ Малакки было забито судами из разных стран, иные даже швартовались выше по реке. В те дни большинство жителей Малакки разбогатело.

Миновало несколько дней, и отец поступил под начало господина Адриана Кука²⁵, генерал-губернатора Малакки, а чуть позже был поставлен капитаном большого судна под названием «Лайар Серет»²⁶, совершавшего рейсы до Кедаха и обратно, потому что господин Адриан Кук поддерживал дружеские отношения с правителями Кедаха. Это было время, когда отец привез слона из Кедаха в Малакку: кедахский раджа Тенгку Дауд отправил его в подарок господину Куку, и жители Малакки впервые увидели живого слона.

По роду своих занятий отец выступал послом малаккского правителя и генерал-губернатора, совершая поездки по малайским землям — на Линггу и Риау, в Паханг, Тренггану, Келантан, Палембанг, вплоть до Явы и прочих мест. Поэтому отцу удалось познакомиться с правителями всех этих областей. Немного спустя в Малакку пришло распоряжение из Батавии от секретаря губернатора, где отцу предписывалось совершить поездку на Линггу и Риау, в Паханг, Тренггану и Келантан в поисках книг на малайском языке и передать им

---

²² Уильям Фаркухар (1774–1839) — британский колониальный чиновник, в 1803–1818 гг. — резидент Малакки, участник военной экспедиции на Яву в августе 1811 г., в 1819–1823 гг. — первый британский резидент Сингапура.

²³ В оригинале — pikul (мера веса=62,5 кг).

²⁴ В регионе островной Юго-Восточной Азии портовые города обычно располагались в устьях рек. Слово «устье» в этом случае служит синонимом слова «город».

²⁵ Adriaan Koek (1759–1825) — голландский предприниматель, уроженец Малакки, сотрудничавший и с голландской, и с британской администрациями. С 1823 г. — и. о. губернатора Малакки. В 1812–1824 гг. — председатель Совета юстиции (Council of Justice) в Малакке.

²⁶ Layar Seret — «Натянутый парус».

письма от малаккского правителя Тиммермана Тайссена²⁷. Генерал-губернатор снарядил сторожевой катер под голландским флагом, выделил средства в размере пятисот ринггитов²⁸, и стал мой отец объезжать все эти края. Где-то покупал книги, где-то вручал правителям ценные подарки, где-то нанимал переписчиков для изготовления копий хикайатов²⁹ и kitabов³⁰ и таким образом собрал шестьдесят или семьдесят томов³¹ kitabов разного наименования и содержания.

Когда его посольская миссия подошла к концу, из Батавии поступил приказ: отцу надлежало отправиться на Риау в качестве переводчика с малайского — как устного, так и письменного. И отец поехал на Риау, где голландцы вели войну против бугийцев и малайцев. Все три года, пока длились война, он пробыл там. Но по его возвращении в Малакку события приняли новый оборот. По воле Аллаха, вершителя судеб Его рабов, в 1231 г.х.³² матушка моя скончалась, а затем волею Великого Господа в [том же] 1231 г.х. умер и мой отец, покинув сей бранный мир и перейдя в мир вечный. В то время я находился в Сингапуре и учил малайскому языку английских коммерсантов.

На моей родине, в Малакке, хранимой Аллахом от всех бед и несчастий, в ту пору всем заправляли англичане. Дважды они вели войну в Малакке. Рассказывают, что девяносто или сто лет назад, когда в Малакке властвовали голландцы, однажды в Малаккском море появились два корабля и кеч³³. Достигнув порта, они подошли поближе к берегу, к голландским судам, стоявшим там на якоре,

---

²⁷ Timmerman Thijssen, Jan Samuel (1782–1823) — голландский губернатор Малакки в 1818–1823 гг.

²⁸ Ringgit — серебряная монета достоинством в 2,5 рупии.

²⁹ Hikayat (рассказ, повесть, история) — общее наименование произведений нарративной прозы, как беллетристики, так и историографии. В более узком смысле этим словом именуются сочинения волшебного-авантюрного жанра, имеющие большую популярность в малайском мире.

³⁰ Kitab — в малайской традиции этим словом обозначаются сочинения богословского характера.

³¹ Приблизительные числительные: «месяцев шесть или семь», «пятнадцать или шестнадцать женщин», «девятнадцать или двадцать ринггитов» — характерная особенность стиля Абдуллаха.

³² Автор ошибается с датой: 1231 г.х. — это 1815/16 г. В Сингапуре Абдуллах начал работать гораздо позднее. Вероятно, следует: 1241 г.х., т.е. 1826 г.

³³ Ketch — тип двухмачтового парусного судна с косыми парусами, использовавшийся в основном для прибрежных перевозок.

и обстреляли их, а затем повернули обратно в море и были таковы. У голландцев и местных жителей это вызвало переполох. Узнав, что корабли эти были английские, люди взволновались еще больше: везде была установлена охрана из опасения, что те вернуться. Позднее Англия действительно взяла власть над Малаккой, без всякой войны и без усилий: Адриан Кук перешел на сторону противника и, войдя с англичанами в сговор, дал им возможность проникнуть в город через свой собственный сад, находящийся в Бандар Хилизе.

Глава 2. Как Абдуллах появился на свет

[Это случилось] в 1211 г.х., в седьмой день месяца сафара, в воскресенье³⁴ днем, когда на небе сияло солнце, восемь месяцев спустя после того, как англичане забрали Малакку у голландцев. Правителем от англичан был майор Кук, а инженером — господин Фаркухар.

Кампунг, где я родился, назывался Кампунг Пали — у келингов он звался «Кампунг-у-Мечети»³⁵. Четверо моих братьев по отцу и матери были старше по возрасту, а я был младший. Но старшие братья все умерли в детстве: один в возрасте шести месяцев, другой — года, третий — двух, а четвертый — трех лет. Из-за смерти детей матушка повредила рассудком, она целыми днями плакала и тосковала. Время шло, и вот приехал некий араб, саййид по имени Хабиб Абдуллах из рода Хаддад, святой проповедник. В Малакке его встретили с величайшим почетом, и все — мужчины и женщины — отправились обучаться у него исламской науке. Одна только моя мать не пошла и по-прежнему проводила время в слезах и скорби по умершим детям. А надо сказать, что дом наш стоял как раз напротив

---

³⁴ 7 сафара 1211 г.х. соответствует пятнице, 12 августа 1796 г. Автор мог ошибиться с днем недели, но год обозначен им верно, если вести отсчет от даты перехода Малакки в руки англичан. В ряде источников дается 1797 г., существует и предположение, что он родился еще в 1795 г. [Traill, 1982, p. 130–131].

³⁵ Кампунг — зд. квартал или округ города, населенный представителями тот или иной этнической группы. Kampung Pali (тж. Kampung Mesjid, Kampung Karug, Kampung Balik Pali) — один из старейших кампунгов Малакки. В 1748 г. там была воздвигнута мечеть, давшая кампунгу второе название.

дома, где поселился этот господин. Ежедневно он слышал ее рыдания и, наконец, велел позвать моего отца, чтобы узнать, отчего мать плачет. Отец рассказал, что все ее дети умерли. И сказал тот господин: «Иди к жене и скажи ей, что плакать не следует: милостью Аллаха у нее вскоре родится сын. Когда же он родится, нареки его моим именем». Пошел отец и передал матери слова этого господина, и мать перестала плакать и тосковать³⁶.

Спустя некоторое время по милости Всевышнего Аллаха, вершащего волю над рабами Его, матушка забеременела мною. Аллах простил ей все ее прегрешения и привел ее в обитель добра. Сколько страданий и мук перенесла она, вынашивая меня! Еда и сон шли ей не впрок, а в часы разрешения от бремени жизнь ее висела на волоске: она то умирала, то воскресала вновь, стонала и жаловалась, потлился с нее градом, словно жемчужины с рассыпанного ожерелья. Она то теряла сознание, то снова приходила в себя. В положенный день и час я появился на свет. Немало тревог доставило ей мое воспитание, начиная с раннего детства. Если я чуть-чуть ушибал себе ногу, она волновалась так, словно мне попали в глаз. Вот материнская любовь! Доживи я хоть до ста лет, служа ей верно и преданно, я едва ли смог бы отплатить за те страдания, что она перенесла, вынашивая меня. В годы моего детства, когда ее смаривал сон, а я вдруг принимался плакать, она тотчас же просыпалась, ласково баюкала меня, напевала, стараясь утешить, и сон бежал от нее. Целые ночи она держала меня у себя на коленях, пребывая в полудреме, кормила меня грудью. По бедности нашей у нас не было слуг, не было старших или младших сестер или братьев, что могли бы помочь ей. Из любви ко мне она не спускала меня с рук и не могла препоручить этого никому, опасаясь, как бы со мной чего-нибудь не приключилось.

Памятуя, как любила меня матушка, я полагаю, что любовь родителей дает силы вынести на своих плечах бремя всего мира с небом впридачу. Отплатить за это я могу лишь ежедневной молитвой, прося

---

³⁶ Хабиб Абдуллах ал-Хаддад — знаменитый хадрамаутский святой-суфий. Он скончался в 1719 г., за несколько десятилетий до рождения Абдуллаха, и к тому же никогда не покидал пределов Аравийского полуострова [Yusuf A. Talib, 1990, p. 29]. По мнению Суини, эпизод с участием саййида Абдуллаха является вымыслом, парафразом «чудесного рождения» героя в произведениях изящной словесности [Sweeney, 2008, p. 37].

у Аллаха для них места в раю, рядом с теми, кому Аллах на веки вечные уготовал это своей милостью. Аминь, аминь, аминь!

*Назидание*³⁷. Внемлите, разумные и досточтимые дети! Велики благодеяния, которыми родители осыпают своих отпрысков. Должны ли мы проявлять непослушание, действовать вопреки их воле, рая их душу и повергая в слезы? Мне приходилось встречать немало детей, не повинующихся родителям. Находятся и такие, что бьют отца и мать и осыпают их руганью. Думаю, Аллах отступится от них, и их удел — оказаться в аду. Больше не буду продолжать, не о том мой рассказ. Случись мне писать о родительской любви, я мог бы сочинить о ней целый трактат, и мудрым людям он оказался бы куда полезнее этой моей книги.

Итак, по благополучном разрешении матушки от бремени и от связанных с этим опасностей родители нарекли меня Абдуллахом по имени наставника матушки — Хабиба Абдуллаха Хадада.

От рождения и до четырехмесячного возраста я был здоров, и все шло благополучно, но потом самочувствие мое ухудшилось, я начал болеть. Одна хворь сменяла другую. Немало денег потратили родители на лекарства, покупали их и у индийцев, и у малайцев, и у китайцев. Два-три дня здоров, а четыре-пять — хвораю. Матушка моя не знала покоя. Любого, кто разбирался в снадобьях, тотчас же вели ко мне.

Вот как обстояли дела, и стали тут люди поговаривать: «Мальчик непрестанно болен: видно, родители плохо заботятся о нем. Лучше бы его продать в многодетную семью, как это было заведено в старину».

Назидание. Это глупый обычай, что был в ходу у наших предков, не познавших Всевышнего Аллаха. Разве оттого, что [ребенка] продадут, жизнь его будет долгой, а если его оставят у родителей, она будет краткой или же он умрет? Ни в коем случае не думайте так.

Обычай продажи ребенка — совсем не то, что продажа раба: дело просто в названии и обходится всего в пять-шесть дуитов³⁸. Получив деньги, родители покупают на них сладости или иную снедь

³⁷ Nasihat. Этим словом в памятниках малайской традиционной прозы обычно обозначаются вставные отрывки назидательного характера, прерывающие ненадолго ход повествования.

³⁸ Duit — мелкая медная монета, 1/120 рупии.

и съедают. Ребенок затем по-прежнему остается с ними, но зовется теперь отпрыском такого-то, а они уже не числятся его родителями.

Некоторые считают, что имя ребенка — очень важная вещь, с ним могут быть связаны его хвори или же смерть. Все это неправда, и обычай этот — полная глупость, ибо произошел не от Аллаха и Пророка. Отец с матерью очень любят свое дитя, и это уже хорошо. И слава Аллаху, если он жив. Но матушка моя таким образом продала меня шести-семи людям. Грудью кормили меня пятнадцать или шестнадцать женщин: одни по шесть-семь дней, другие по месяцу или по двум, потому что у матушки не было молока. Растить меня родителям было так же трудно, как раздуть пламя посреди воды. Но Аллах решил, чтобы я остался в живых. Спустя четыре-пять лет благодаря заботам матери я окреп и уже мог с грехом пополам говорить и попросить что-то. Матушка ликовала, видя, что я разговариваю, хотя и шепелявлю. Она еще больше полюбила меня и лелеяла, словно несла полную ладонь масла³⁹. Не доверяла никому кормить меня, купать или укладывать спать — все делала сама. Вот как любили мои родители свое дитя. Да прольет Аллах дождь своей милости на их могилы, да отпустит им грехи и да причтет их к кругу тех, кому даровано Его покровительство, аминь!

В то время в Малакке, в Кампунг Пали, моя бабушка с отцовской стороны руководила школой, где было около двухсот учеников, мальчиков и девочек, обучавшихся чтению Корана. Ученики там были самые разные: одни осваивали письмо, другие обучались малайской грамоте и языку, сообразно с желанием каждого. Едва ли не все жители Малакки отправляли туда своих детей на учение.

Матушка моя проживала в одном доме с этой бабушкой, потому что отец в ту пору уплыл в Сиак по торговым делам. В Сиаке, в Пекан Бару, кипела торговля, и ежегодно оттуда в Малакку привозились многие пикули⁴⁰ золота. Я оказался среди множества детей, но еще не учился и не мог произнести ни слова, не шепелявя. У бабушки я был любимчиком и всегда был рядом, когда она вела урок. Выслушивал все, чему бы она ни учила детей, и это было моим единственным

---

³⁹ Идиома, обозначающая бережное обращение с чем-то или кем-то.

⁴⁰ Пиккуль — мера веса, равная 62,5 кг.

развлечением, начиная с пробуждения и до шести часов вечера: я слышал лишь звуки зубрежки и чтение Корана. Мало-помалу они запечатлевались в моей памяти еще до того, как я овладел грамотой. Когда мне исполнилось шесть лет, у меня открылось кишечное кровотечение и долго не проходило. Нелегко пришлось моей матушке: едва ее сморит сон, как я принимаюсь кричать — меня мучат позывы. Где только ни искала она лекарств от этой хвори: одни я пил, другими она натирала мне живот, из третьих делала согревающие компрессы и тому подобное. Так миновал год, и не раз она принималась оплакивать меня, вообразив, что я умер. Тысячекратно благодарю ее за все заботы обо мне, павшие на ее плечи.

Наконец с помощью Аллаха болезнь оставила меня, и тело вновь обрело здоровье. Тогда-то бабушка и дала мне для забавы сделанное из папоротника⁴¹ перо, грифельную доску и немного чернил из рисового отвара. И сказала: «Вот этим будешь заниматься весь день. Если отправишься возиться в песочнице или играть на солнцепеке — я тебя отшлепаю». Я боялся отлучиться и сидел, малюя по доске с помощью пера и чернил. Когда вся доска бывала исписана, слугам полагалось смыть все и протереть доску. На сухой доске я снова принимался чертить свои каракули, и так по распоряжению бабушки проходил каждый мой день еще до того, как я начал учиться и узнал, как выглядят буквы.

Глава 3. Начало обучения чтению Корана⁴²

За таким занятием я провел некоторое время, и под конец рука моя привыкла к перу, и я понемногу научился копировать буквы, хотя и выходило это не слишком красиво. Однажды, когда бабушка увидела мои каракули, уже почти похожие на буквы, она написала мне задание на небольшой грифельной доске и велела выучить. Учился же

---

⁴¹ Resam — вид папоротника *Gleichenia linearis*, из стеблей которого делают перья.

⁴² Слово *mengaĵi* означает как «обучаться чтению Корана», так и «учиться» в более общем смысле.

я, если мне это было в охотку, а если нет — уходил играть. И вот мне уже семь лет, а я ни одного джуза⁴³ не одолел: очень уж баловала меня бабушка, не шлепала и не сердилась на меня, так что я мог не обращать внимания на учение и целые дни проводил за игрой.

Прибыл тут из Сиака мой отец. Приехав, он обратился к своей матери с вопросом. Он называл ее по-келингски «Ачи» (по-малайски это означает «старшая сестра»). Звал он ее так потому, что моего отца бабушка родила, когда ей было тринадцать лет, и их принимали за брата с сестрой. Отец спросил: «Ну как там Абдуллах, сколько джузов успел пройти и в чем еще преуспел?» Бабушка сказала: «Не надо его слишком загружать: здоровье у него слабое, и если бранить его или бить, он, неровен час, захворает».

Через несколько дней отец перебрался в другой дом, тоже неподалеку от Кампунг Пали. Каждое утро я уходил в школу учиться, а вечером отец занимался со мной дома. Сколько колотушек и оплеух на меня обрушилось, сколько грифельных досок было разбито учителем о мою голову, сколько розог было изломано об меня, и сколько слез пролила надо мной матушка из-за этих побоев! Порой пальцы у меня распухали от ударов, полученных за ошибки в письме. Да будет вам известно, что дорога к знанию и наукам, хорошим оценкам и успехам в учебе очень трудна.

В ту пору предметом моего недовольства, гнева и ненависти был учитель. Я непрестанно молился, чтобы он поскорее умер: тогда можно будет не мучиться с учебой, а отправляться играть, куда заблагорассудится. В ту пору я увлекался запуском бумажных змеев, за что отец не раз поколачивал меня и вешал змеев мне на шею. Он заставлял меня учиться, и, если наставник заболел и не мог вести урок, я ликовал, что могу идти играть. И когда во время урока учитель или кто-то другой посылал меня куда-нибудь с поручением, порой в опасные места, я был рад пойти, лишь бы избежать занятий. Испытывая легкое недомогание, я нарочно старался ухудшить свое самочувствие, чтобы не учиться. Мне приятнее было бы видеть перед собой морду тигра, нежели лицо наставника. Так уж ведется на свете: если

---

⁴³ Джуз — один из 30 разделов Корана.

не обнести забором сад с хорошими растениями, туда непременно забредут и его разорят животные или кто-нибудь еще.

Назидание. Знания и умения — ступень на пути к богатству, а богатство — путь к славе. Все вещи, сотворенные Аллахом в этом мире, имеют свою цену, и люди могут определить, сколько они стоят. А сколько стоят знания, они не могут определить. Но все земные сокровища, богатства и слава суть зло и подобны женщине легкого поведения, переходящей от одного к другому по своей прихоти. Но знания — совсем иное дело, они не предадут, и лик их лучезарен. Они — лучший друг для умного человека и покинут его лишь тогда, когда душа его расстанется с телом. Это одно из величайших творений Аллаха. Подумать только: их и червь не точит, и непогода не разрушит, их не похитит вор, они не тяготят того, кто возложил их на свои плечи, не загромождают нашего жилища, не требуют еды или питья, но всегда готовы к услугам. Поэтому мудрецы говаривали: получишь деньги — купи золота, продай золото — купи алмазы, продай алмазы — купи знания. Сколь велики их достоинства и преданность тому, кто их приобрел! Я уподобил бы их каменному столбу: сколько тяжестей ни положи на его вершину — он выдержит все. И если даже на него возложат груз, которого ему не вынести — он развалится на части, но не согнется и не искривится, словно деревянный или иной столб.

Когда я вспоминаю, как меня колотили, секли, хлестали по лицу и бранили, и о том, сколько грифельных досок было разбито о мою голову, как ворчали, хмурились и ругали меня учителя, то каждый рубец, что оставили на моем теле розги за время учения — словно факел для меня, а каждая пощечина — словно очки⁴⁴. Не имея я в руках этого факела, не вооружись очками — не раз мог бы свалиться в пропасть или в придорожные канавы, как это случалось со многими, лишенными этого факела: теми, кто раз за разом оступается, падает и встает, получает ссадины, кто измазан грязью и копотью, кто на моих глазах ломал себе руки и ноги. Молю Аллаха, чтобы Он своей милостью даровал процветание и благоденствие моим учителям, удержавшим меня от таких падений, вручившим мне

---

⁴⁴ Cermin mata. В переносном смысле — предмет, придающий особую остроту зрению.

пробный камень, дабы я не соблазнился фальшивым золотом и серебром и не принял алмаз за булыжник. Таковое случается со многими, не имеющими пробного камня и не могущими отличать добро от зла, а истину от лжи.

И ныне я вкушаю сотовый мед, которого жаждал отведасть с детства. Не раз я бывал ужален, так что все лицо мое и тело напухали от укусов. На мой нынешний вкус он слаще всего сладкого на свете. Многие боялись приблизиться к пчелиному улью из страха быть ужаленными и видели в том опасность, а о пользе пчелиного меда и не ведали.

Назидание. Завецаю это свое назидание детям, которым Аллах открыл очи их сердца. Даже если вы уже прожили на свете тысячу лет, не бойтесь тратить свое время на поиски знаний, ибо всякий из смертных ищет мирских почестей, славы и богатства, и никто не пренебрегает ими. Знания же — лестница для идущих к этой цели. И еще: если у тебя есть знания, тебе не грозит забвение или унижения, напротив — тебя будут почитать и помогать тебе на всем протяжении твоей жизни.

Итак, я усердно учился. С помощью Аллаха и моего собственного стремления достичь цели я научился писать и читать Коран самостоятельно. С чтением дело обстояло не так, как у других детей, которым учитель писал на доске, потому что в то время люди не уделяли внимания письму, но стремились лишь научиться читать Коран. А если с детства не обучишься писать и так доживешь до старости, а потом надумаешь взяться за письмо — хорошо ли у тебя получится? Ведь люди — словно ветки деревьев: пока молодые, гни их куда хочешь, они мягкие. А старые ветви сохнут; захочешь их согнуть — враз сломаешь. Вот как обстоит дело.

Шло время, и со мной занимались отец и бабушка, а также двое моих дядьев, Исмаил Лебей⁴⁵ и Мухаммад Латиф, братья моего отца по матери. Поглядеть на них было — словно взглянуть на тигра, но больше всего я боялся дядю Мухаммада Латифа. Он часто поколачивал меня во время занятий по письму и чтению Корана. Поначалу меня учили так: на доску пером, но без чернил, нацарапывали

---

⁴⁵ Лебей — мулла, человек, сведущий в религии.

надпись, а я должен был уже при помощи чернил обвести написанное, чтобы набить руку. Позднее я научился писать буквы слитно, как подобает, и почерк стал получше.

Когда бабушка узнала, что я умею читать и писать, она сделала меня старостой среди мальчиков моего возраста, чтобы я следил, как они читают, учатся и пишут на грифельных досках. Целый день с утра до вечера безостановочно шли занятия. Любые слова я мог перенести на письмо, и каждый из мальчиков в школе, которым было велено писать на досках, платил мне за это. Один давал мне дунит, другой сладости, третий делился фруктами и так далее. Уже в ту пору знания пошли мне впрок и принесли свои плоды. К тому же там, в школе, мое слово было законом, который никто не смел преступить, потому что я учил их чтению Корана и письму. А читали и писали мы в ту пору по-арабски, ибо испокон века никто у нас не слыхивал о школах, где учат по-малайски.

Орудий наказания за всяческие проступки в школе было немало. Во-первых, ротанговые палки⁴⁶ и китайские клещи. Изготавливались китайские клещи из ротанга сага⁴⁷, из четырех пластин длиной в пядь. С одного конца они скреплялись, а с другого привязывался длинный шнур, как показано на картинке⁴⁸. Этим устройством пальцы сдавливались, словно клещами, — таково было наказание за кражу или за побои, нанесенные товарищу.

Были еще деревянные зажимы. В обрубке бревна шириной в грудную клетку мужчины проделывали три отверстия, веревка закреплялась в правом и левом отверстиях, а ее концы продевались в среднее отверстие. Это было наказание для тех, кто сбежал с занятий, лазал по деревьям или пинал ногами своих товарищей. Их ноги продевали в петли, подтягивали повыше и били по пяткам. Вот как выглядели эти зажимы.

Была еще железная цепь длиной в маховую сажень⁴⁹ или более. Ее крепили к бревну, а с другого конца она запиралась на ключ. Она

⁴⁶ Орудие наказания наподобие розог.

⁴⁷ Вид ротанга *Calamus caesiis* с тонкой блестящей корой.

⁴⁸ Упомянутые здесь и ниже орудия наказания см. Рис. 1.

⁴⁹ Маховая сажень (деpa) — расстояние между концами пальцев разведенных в стороны рук (≈1,8 м).

служила для наказания мальчиков, которые постоянно убегали, или ввязывались в драку, или не слушали наставлений родителей, или отставали в учебе. Цепь, обернув вокруг их пояса, запирали на ключ и приказывали им ходить по классу, таща на себе бревно, а иногда оставляли их с этой цепью и не отпускали, но приносили им рис прямо на место.

Сингганг⁵⁰ служил орудием наказания для задира и злых мальчиков. Они должны были взять себя за правое ухо левой рукой, а за левое — правой и без остановки выполнять приседания, как это показано на картинке⁵¹.

Для лентяев и прочих было такое наказание: поджигали кучу кокосового волокна и заставляли мальчика наклониться и дышать этим дымом, а порой туда бросали и сухой китайский перец. Дым был такой едкий, что лились слезы и тек нос.

Вот еще наказания для мальчиков за всякие школьные провинности. Витой веревкой обвязывали вокруг пояса, привязывали к столбу и велели учить написанное на доске, пока не вызубришь, а до этого не отпускали, а рис им приносили родители.

А вот наказание для самых отпетых мальчишек, упрямых, вороватых и убегающих с уроков. Связав им руки над головой, их подвешивали к потолку, так что ноги не достигали пола⁵². Если мальчик лгал или употреблял бранные слова, ему мазали рот китайским перцем. У школьного учителя все эти наказания были в ходу. Будь ты хоть сыном раджи или богача — наставник может тебя поколотить. И если даже до крови, жаловаться было нельзя, потому что он хорошо учит.

По обычаю, когда кто-то посылал ребенка на учение, мать или отец сначала являлись, чтобы выразить свое почтение учителю, и преподносили ему блюдо с бетелем и поднос со сладостями. С ними же был и мальчик, собиравшийся учиться, и отец с матерью говорили: «Господин (или энчик⁵³), просим лишь о двух вещах. Во-первых,

⁵⁰ Род наказания: присесть и встать, дергая себя за уши скрещенными на груди руками.

⁵¹ См. рисунок 2.

⁵² См. рисунок 3.

⁵³ Энчик (господин) — обращение к мужчине из средних слоев общества.

помните, что он — наше любимое дитя, а во-вторых, не ломайте ему руки и ноги. Во всем остальном поступайте по своему усмотрению». Мальчик должен был поклониться в ноги учителю, а затем тот читал благодарственную молитву. Сладости распределялись между учениками, учитель брал деньги, а цветки сандала раздавались окружающим. На этом я завершу свой рассказ о порядках, принятых в коранической школе, ибо люди умные не любят пространных речей — им достаточно и намека или иносказания.

Миновало восемь или девять месяцев моих прилежных занятий по чтению Корана и письму. Читал я уже основательно, и путь к познанию открывал передо мною свой горизонт. В середине дня, после учения, я мастерил воздушных змеев из жилок пальмового листа и продавал их мальчикам по дуиту за штуку. На эти деньги я покупал себе сладости и фрукты. Именно на воздушных змеях я оттачивал свой навык рисовать цветы и всякие картинки, ибо к тому времени уже присмотрелся к китайцам, рисующим и мастерицам цветы, и стал переносить эти изображения на воздушных змеев. Были и другие, кто делал воздушных змеев на продажу, но мальчишки не рвались их покупать, потому что цветы были сделаны из бумаги красного и темно-зеленого цвета и наклеивались на змеев. Я же оставлял змеев белыми, но имел в своем распоряжении чернила разных цветов. Приходит мальчик-покупатель, я его спрашиваю: «Тебе нарисовать цветы?» А он говорит: «Хочу слона». А другой: «Хочу птиц». И я рисовал то, что просили, поэтому ребята так любили покупать у меня. Таков был мой заработок. Вдобавок они мне платили за то, что я писал на их досках. Так подошли к концу мои занятия Кораном. Немного погодя отец приказал мне повторить то, что я выучил, и я двадцать раз прочел Коран с начала до конца. Большую часть прочитанного я уже знал наизусть.

Затем отец дал мне следующий наказ: «Ежедневно после вечернего намаза ты должен будешь отправляться в мечеть и читать там Коран. Сотни людей заходят туда, и любой, кто услышит, что ты читаешь неправильно, непременно обратит на это твое внимание». Я последовал наказу отца, и так продолжалось какое-то время.

Спустя несколько месяцев родители сообщили своим братьям и сестрам о намерении завершить мои занятия Кораном и подвергнуть меня обрезанию. Когда все было обговорено, родители пригласили братьев и сестер в Малакку. Собрался большой совет. Меня обрядили в красивые одежды, расшитые золотом и серебром, а затем привели перед лицо совета и приказали читать из Корана те отрывки, что они укажут. Здесь же присутствовал и мой учитель. В то время было немало людей, способных проэкзаменовать в чтении Корана, знании его содержания и прочего. Когда я ответил на все вопросы, имам, то есть хатиб, произнес молитву с просьбой о Божьем благословении. Затем я должен был поклониться учителю, а следом за мной — мои родители. Они вручили учителю поднос, где лежал комплект одежды⁵⁴: каин, баджу⁵⁵, головной платок, пара обуви, а также деньги, сообразно с их возможностями, то есть десять или двадцать ринггитов. Положив одежду перед учителем, они поклонились ему в знак того, что они с ним в расчете за учение.

Совершались и другие действия, о которых я здесь не буду рассказывать. Вечером мне окрасили ногти хной, как обычно делают на свадьбе, в знак того, что единственный сын порадовал своих родителей. Назавтра приходили сотни гостей, которых угощали яствами и напитками. Вечером под звуки музыки я совершил объезд города в экипаже, сопровождаемый сотнями людей, а затем вернулся домой. На следующий день все они снова пожаловали, и им было подано угощение. Прочитав молитву с просьбой о Божьем благословении, исполнитель обряда обрезания был готов совершить свои действия. Только на седьмой день после обрезания я мог совершить омовение, а потом начал ходить. Исполнителю обряда был дарован комплект одежды и три-четыре ринггита денег. Он еще не раз заходил ко мне, пока я окончательно не выздоровел, и его посещения прекратились.

После обрезания я выздоравливал примерно месяц, а затем отец препоручил меня наставнику, который должен был обучить меня

---

⁵⁴ Persalin, persalinan — принятый в малайском мире вид подарка.

⁵⁵ Baju — одежда, прикрывающая верхнюю часть тела, кофта с длинными рукавами, рубашка.

языку и грамоте Келинга — иначе говоря, индийскому языку⁵⁶. Ибо в Малакке еще со времен наших дедов дети всех порядочных и богатых людей его изучали. Необходимо было овладеть арифметикой, знать счетное дело и уметь объясняться по-келингски, потому что в те времена в Малакке множество келингских коммерсантов разбогатели, ведя там торговлю. Келингцы были в почете, и все стремились обучить детей их языку. В ту пору в Малакке было четыре капитана: каждый народ имел по капитану⁵⁷. Так уж повелось с голландских времен — были капитаны у келингцев, у малайцев, у китайцев и у христиан. Когда надо было разобраться, кто прав, а кто виноват, все они обращались за помощью к своему капитану. Если ему решить вопрос было не под силу, дело отправляли на рассмотрение фискала⁵⁸, затем фейтора⁵⁹, и лишь затем оно передавалось в суд. Поэтому в Малакке люди любого рода-племени жили с оглядкой, побаивались друг друга. Если, к примеру, мальчик-малаец совершал какой-то проступок или иное деяние, неприемлемое для китайцев или кого-то из прочих, те могли преподать ему урок и задать взбучку, а родители мальчика лишь говорили спасибо. Небольшие недоразумения находились в ведении старейшин кампунга, назначенных капитаном. О возникших неурядицах они узнавали первыми.

Келингский язык и грамоту я изучал в течение двух с половиной лет. Трудное это оказалось дело. Сколько оплеух, оскорблений досталось на мою долю! Пересыхал палец, которым я писал по песку, потому что изменять прежний обычай не полагалось: пером должен был служить палец. Вооружиться палочкой или чем-нибудь подобным считалось великим прегрешением. Наставники полагали: пусть лучше палец сохнет до кости — лишь бы не менять стародавний обычай. Аллах сподобил меня мало-помалу усвоить эту науку. Мой

---

⁵⁶ Так Абдуллах называет тамильский язык.

⁵⁷ Капитан, или старшина — представитель той или иной этнической группы населения, представлявший интересы своих соплеменников в их отношениях с местной властью, а позднее — с колониальной администрацией (португальцами, голландцами и англичанами).

⁵⁸ *Piscal* — чиновник голландской колониальной администрации, имевший полномочия выносить решения по поводу незначительных правонарушений.

⁵⁹ *Feitor* (порт.) — в XVI в. торговый представитель португальских властей в портовых городах Нусантары; зд. судья районного масштаба.

учитель получил в подарок комплект одежды и денежное вознаграждение. Но покуда я изучал келингский язык, отец вменил мне в обязанность пять раз на дню посещать мечеть в часы молитвы. Если он обнаруживал, что я хотя бы раз не пошел туда, меня ждали розги. В ту пору отец для меня был страшнее тигра. В течение многих лет я не смел заговорить с ним. Свое желание или приказ он сообщал матушке, а та передавала мне. Матушка баловала меня, мы могли подолгу беседовать, играть и тому подобное. Но во время трапезы я должен был сидеть рядом с отцом, а если я отсутствовал, он посылал за мной и только затем принимался за еду.

Однажды от отца поступило такое распоряжение: «Пусть возьмет стопочку бумаги, чернильницу и перо, пойдет в мечеть, сядет и записывает имена всех, кто приходит и уходит, а вечером пусть покажет мне». Когда матушка передала мне эти слова, я был озадачен. Что проку записывать чьи-то имена? Матушка ответила: «Не знаю, но таков приказ отца. Делай, как сказано — думаю, тому есть веская причина». Подумалось мне: «Вот уж напасть на мою голову, ничем ему не угодишь, каждый день находит мне работу!» И заплакал. Матушка сказала: «Глупыш, разве не лучше учиться, а не слоняться без толку?» Я поступил, как было сказано, каждый вечер показывал отцу эти имена и заслужил немало оплеух и оскорблений. Списки, где строки были неровными, он подвешивал мне на шею, дабы пристыдить меня. Так продолжалось около месяца, и наконец я научился писать имена как следует.

Однажды утром отец сам обратился ко мне и сказал: «Принеси чернила, перо и стопочку бумаги». Когда я все принес, он молвил: «Я буду диктовать, а ты записывай за мной». При этих словах сердце у меня забило: раньше мне ничем подобным не приходилось заниматься. Волей-неволей пришлось сесть и заносить на бумагу все им сказанное. Я писал два часа, а потом он потребовал у меня эти записи, проглядел их с мрачным видом и сказал: «На сегодня я тебя прощаю, но если завтра будет столько же погрешностей, то за каждую получишь удар розгой». Он пометил ошибки, неверный порядок букв, неровности в написании строки и разбиении на фразы, а затем

произнес: «Будешь приходить сюда каждый день и писать!» Тут я не на шутку приуныл, что не смогу уйти играть.

Назавтра же было вот как. Вчерашних слов он больше не повторял: слова были другие, каких я и не слыхивал, и обороты, и трудные имена, и все это мне было велено записывать. И так каждый день. Он сердился, угрожал, обзывал собакой и обезьяной, но за розгу не брался. С каждым днем я чувствовал себя увереннее. Миновало два месяца, и я стал писать без ошибок. Затем я взялся изучать значения слов и правила их употребления: если поставишь слово в одно место — будет один смысл, а в другое место — смысл иной. Не буду продолжать свой рассказ о том, как мне далось это учение. Трудностей претерпел немало, словно волочил бамбук вперед основанием⁶⁰. Исхудал телом, осунулся, мысленно скорбя о своем несовершенстве и пристыженно ожидая гнева на свою голову. Поэтому то, за что я так дорого заплатил, следует и продавать задорого. То же, что на своем пути я подслушал или перенял, я не только не собираюсь выставлять на продажу, но готов отдать бесплатно, если попросят. Но хочу особо отметить, о, читатели сей истории, что у каждой дешевой вещи непременно найдутся недостатки, а у дорогой — свои достоинства. Ведь алмаз — это камень, верно? И своей славой у людей он обязан испускаемому им свету, не так ли?

Однажды отец сказал: «Хватит тебе слоняться без толку. Куплю бумаги — будешь сидеть дома, переписывать Коран». Он показал мне, как писать по линейке, и я уселся за писание, за что и получил немало наград, заслужил похвалу и благоволия впридачу. Наградками были розги, похвалой — насмешки, благоволиями — недовольство и воркотня изо дня в день. Так продолжалось месяцев шесть или семь. Он указывал мне на мои просчеты, и под конец я мог переписывать Коран и китабы без ошибок.

Убедившись в моем умении переписать Коран, отец сказал: «Есть замечательный китаб, написанный по-малайски и по-арабски, перепиши-ка его!» Я просидел за переписыванием некоторое время и наконец завершил работу. Увидев, как она была выполнена, посторонние хвалили ее, но отец по-прежнему унижал меня и твердил:

---

⁶⁰ Seperti aur ditarik songsang — (перен.) делать что-то трудноисполнимое.

«Погляди, как ты пишешь — словно курица лапой! Только бумагу изводишь! Любой малыш может так написать». Все ему не нравилось, все было не по душе. Я только теперь понимаю, что он не хотел хвалить меня за усердие или одобрить мои писания, боясь, чтобы я не возгордился и не начал чваниться своими знаниями и умениями.

В те времена в Малакке английское войско состояло из сипаев⁶¹ — бенгальцев и индусов. Из них три четверти были мусульманами, а четверть — индуистами. А мусульманам положено читать Коран и молиться. Они явились в дом бабушки и заказали моим дядьям переписать Коран за плату. Взясся на переписку и я. Мне хорошо заплатили. Я был рад заработку и с еще пуцким рвением писал день и ночь напролет. Узнав об этом, отец рассердился и сказал: «Не привыкай писать ночью, не то быстро потеряешь зрение. Да и днем не слишком усердствуй: ведь ты еще отрок, так недолго и заболеть!» Отцовский запрет меня раздосадовал. Долго будешь писать — не скоро получишь плату. Скрываясь от отца, я продолжал писать, потому что заработок был для меня главной отрадой.

Мне мешало одно — незнание языка хиндустани⁶². Когда приходилось беседовать с индусами, я обходился жестами, словно глухонемой. А надо сказать, что в те времена услуги переводчиков стоили очень дорого. Потому-то и задумал я выучить этот язык и с этой просьбой обратился к их начальнику. Он ответил: «Приходи ко мне на городскую квартиру, я буду тебя поить-кормить и велю нашему учителю давать тебе уроки языка. Ты сам тоже станешь нашим наставником и займешься переписыванием Корана, а наши люди будут его покупать». Я рассказал матушке о словах начальника сипаев, а она передала их отцу. Он сказал: «Хорошо, пусть изучает хиндустани — это со временем может ему пригодиться».

Я поселился в городе, у моего дяди. Каждые два-три дня мне приходилось ходить то туда, то обратно, есть, пить, переписывать и учить язык. Мне платили деньгами, давали говяжье сало и рис,

---

⁶¹ Сипаи (от перс. سپاهی, sipâhi, «солдат») — наемные солдаты в колониальной Индии, рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами из среды местного населения.

⁶² Хиндустани («индостанский») — язык межнационального общения всей Северной и частично Центральной и Южной Индии, легший в основу двух письменных литературных языков — урду и хинди.

и я сдружился с сипаями, перезнакомился со всеми, потому что все они, и мужчины, и женщины, были очень общительны. С ними я провел три-четыре года и, по милости Аллаха, освоил этот язык. Изодня в день я беседовал с ними только на хиндустани. Вот тогда-то они и стали величать меня Мунши — учитель языков. Прозвище это сохранилось за мной и поныне.

Так прошло некоторое время, и отец велел мне возвращаться домой. Он сказал: «Ты должен ежедневно читать китабы, и только на малайском. Каждые три дня я буду спрашивать тебя о значении слов и об их употреблении». Целый день я работал, не имея возможности куда-то пойти или поиграть. Это принесло свои плоды: я стал разбираться в установлениях веры, в стиле, значении и возможностях слова. Раз в три дня отец являлся в мою комнату для занятий и по собственному произволу принимался экзаменовывать меня — то по вопросам веры, то по стилистике. По известным мне вопросам я давал ответ, а если чего-то не знал, сообщал ему. Как-то подумалось мне: что это за жизнь, дня не могу провести свободно — одно учение. Ни тебе поиграть, ни повидаться с товарищами! При этой мысли слезы полились у меня из глаз, я загрустил и помрачнел лицом. Явилась тут во мне в комнату матушка и, найдя меня в этом состоянии, сказала: «С чего это вдруг у тебя глаза на мокром месте?» Я ответил: «Чем так жить — лучше умереть. У других ребят одна жизнь, а у меня другая». Матушка ответила: «Вот еще! Разве тебя не кормят, не одевают? Если отец содержит тебя не так, как богачи своих детей, то неужели так, как их содержат бедняки? Отчего же ты плачешь?» Я ответил: «Если бы даже ты, матушка, каждый день золотом меня кормила, что в том проку, когда радости на душе у меня нет». Матушка сказала: «Что же тебя беспокоит?» Я ответил: «Ты же видишь, отец заставляет меня учиться каждый день, не покладая рук, — чему тут радоваться? Не позволяет мне водиться с друзьями. Вот и сижу, как в могиле покойник, и с утра до ночи тружусь». Выслушав меня, матушка обняла меня за шею, поцеловала и сказала: «Сынок, отчего же ты такой глупый? Видно, умом еще не дорос, совсем дитя малое. О пользе учения ты еще и не ведаешь, но узнаешь об этом позже, как и о том, что такое родительская любовь. Разве ты

не единственный сын у нас? Если бы тебе не случилось освоить чтение и письмо, как положено ребенку из порядочной семьи, ты потом стал бы упрекать отца с матерью, не обучивших тебя этому полезному делу. Сегодня оно для тебя горько, как желчь, а в будущем ты поймешь, что оно слаще меда. Тогда-то ты и возблагодаришь родителей за это благодеяние.

Если бы мы оставили тебе в наследство какое-то состояние, то, если бы не повезло, ты мог бы потерять его в одночасье. Но со знаниями и умениями все обстоит иначе: они покинут тебя лишь тогда, когда душа расстанется с телом». О, как бесконечно права была матушка! Ныне я знаю, сколь сладки знания — они слаще меда.

Пока мы говорили с матушкой, вошел отец, и разговор прекратился. А надо сказать, что, когда бы отец ни смотрел на меня, выражение лица у него всегда было не благодушное, а недовольное, и что бы я ни делал или писал — он никогда не выражал одобрения, но находил множество недостатков. Я у него был кругом виноват, тогда как другие хвалили меня. Слыша это, он обрывал их и говорил: «Хотят мне испортить ребенка».

Как-то раз к нам в дом явился капитан одного торгового судна с просьбой составить грамоту, удостоверяющую, что он должен некому китайскому купцу из Малакки сумму в триста рингитов. В тот день дела надолго задержали отца у господина Адриана Кука. Владелец судна прождал до полудня, потом ушел домой, чтобы поесть, вернулся и ждал до вечера. Тут зашел я и стал спрашивать: «Откуда путь держите, господин капитан, и что вам угодно?» Он ответил: «Дожидаюсь твоего отца, энчик». Я ответил: «Сегодня отец задерживается по работе у господина Адриана Кука». Тот сказал: «Как же быть? Твой отец обещал сочинить эту грамоту, а сейчас мне уже пора отплывать». Я сказал: «Если угодно, господин капитан, я сам попробую справиться». Я забежал в комнату, где писал, и составил документ, а потом спросил: «Как ваше имя, господин капитан?» Его спутники сказали, что зовут его капитаном Ахмадом, сам же он не желал назвать ни своего имени, ни имени местного китайца — своего кредитора. Закончив работу, я предъявил грамоту ему. Прочитав ее, он кивнул и сказал: «Все верно, энчик, и я хотел бы подписать ее в твоём

присутствии». Поставив подпись, он стал прощаться. Уходя, поклонился, вручил мне рингит и сказал: «Возьми, энчик, купи себе сладостей». Я с восторгом принял рингит, заработанный так быстро. Он сказал: «Это тебе за труды, энчик». Я ответил: «Спасибо, капитан». В эту минуту явился мой отец, увидел его и сказал: «Как поживаете, капитан, давно ли вы здесь?» При виде отца я ретировался к себе в комнату и уже раскаивался, что сочинил сию грамоту. Капитан же ответил: «Я уже давно жду вас, господин, с самого утра. А вот это написал ваш сын, энчик Абдуллах». Сердце мое забилося, когда я услышал свое имя: боялся, вдруг что не так — ведь мне прежде не случалось сочинять таких бумаг, и образца у меня не было, действовал на свой страх и риск, по собственному разумению. Просмотрев грамоту, отец улыбнулся и сказал: «Ну и дерзкий парень, даже совета не спросил! Бумаге можно дать ход, капитан, несите ее вашему кредитору». И капитан удалился.

Отец вошел со смущенной улыбкой, и матушка спросила: «Чему ты улыбаешься?» Отец ответил: «Получи я сегодня тысячу рингитов — и то не обрадовался бы так! Ведь сын уже может быть мне помощником». И рассказал матушке обо всем. Потом оба они улыбнулись и сказали: «Да укрепит Аллах его ум и способность судить здраво!» И еще сказал отец: «Сегодня я обрел сына, как если бы ты мне его сейчас родила. Если бы он не умел читать и писать, оставался бы невеждой — я считал бы его мертвецом». Разговор родителей я услышал из своей комнаты. В тот день я понял, как любят меня отец и мать, осознал, какую пользу получил от их наставлений и от постижения наук. С этого дня я твердо усвоил, что все, в чем наставляли меня родители, — истинно, справедливо и благотворно.

Немного погодя нахмуренный отец явился ко мне в классную комнату. «Чем ты сегодня занимался? Стоит мне уйти из дома, как ты забываешь об учебе и о писании. Из-за собственной лени ты и написать-то ничего не можешь: в бумаге для капитана Ахмада, сиякца, наделал кучу ошибок, и мне пришлось их исправлять». Я подумал про себя: «Знакомая песня: отец не желает признавать, что я знаю и умею многое, не хочет хвалить, боится поощрить меня». И с этого времени отец стал препоручать мне составление писем, свидетельств,

доверенностей, завещаний и всего тому подобного. Предварительно он разъяснял мне, в чем суть дела или о какой сумме или сроке действия договора идет речь, а затем требовал, чтобы я писал самостоятельно. Раз или два он находил небольшие ошибки, а на третий все оказалось в порядке. С того дня отец передал в мое распоряжение все свои письменные принадлежности и коробку для них.

Тогда в Малакке было едва ли пять или шесть человек, способных писать и сочинять⁶³. Во-первых, Ходжа Мухаммад, из малаккских келингцев, переводчик Компании⁶⁴. Затем — Джамал Мухаммад бин Нур Мухаммад Сурати, мой отец Абдул Кадир бин Мухаммад Ибрахим и Мухид бин Ахмад Лебей. Из числа малайцев, что я знал, — Энчик Яхья бин Абдулвахид и Энчик Исмаил бин Мухаммад Ариф Сурати. Все это были люди почтенные, приобретшие свои навыки благодаря усердным занятиям и тяге к знанию. Когда у кого-то появлялась в том нужда, обращались к одному из них. Во всех собраниях они пользовались уважением и исполняли лишь эту свою работу, и никакую другую. И поскольку в те времена жизнь в Малакке кипела ключом, им не приходилось сидеть сложа руки: на каждый день находилось выгодное занятие — не одно, так другое. Имена их были известны и в других городах, к их услугам обращались европейцы, их чтили в самых высоких собраниях.

Никто из детей в то время не рвался учиться читать и писать на малайском языке, кроме меня — бедного и глуповатого простолюдина. Родители мои и хотели бы заняться торговлей, но не имели на то средств. Поэтому я старался изо всех сил, и в итоге моим наследством, оставшимся от названных выше людей, стали перо и чернила. Именем Аллаха заверяю читающих эту книгу, что я отнюдь не хвастаюсь.

Рассудите сами: в то время куда бы ни бросили это зерно, оно непременно принесло бы свой плод. В ту пору в большинстве своем люди считали так: нечего учиться малайскому — это наш собственный

---

⁶³ По словам Б. Б. Парникеля, в начале XIX в. в Малакке лишь девять человек знали малайскую грамоту [Парникель, 1980, с. 200]. Источник этой информации не указан.

⁶⁴ Британская Ост-Индская Компания (British East India Company) — акционерное общество, созданное 31 декабря 1600 г. и обладавшее монополией на совершение торговых операций в Индии и Юго-Восточной Азии.

язык. Со времен наших предков обучать малайскому языку в школе не было принято, существовали только коранические школы. Считалось, что следует изучать арабский, потребный и в религиозном обиходе, и в загробной жизни как главный язык мусульман.

Я учился у перечисленных выше людей, расспрашивал их о секретах малайского языка и обзавелся множеством примеров, советов, образцов. Я освоил на малайском массу выражений, необычных имен, сравнений, метафор, аллегорий, красивых и изящных словосочетаний и тому подобного. Виной тому моя привычка задавать вопросы, читать старинные хикайаты и сочинения людей старшего поколения. Из этих источников я в основном и черпал обороты речи, словосочетания, фразы, сокращенные высказывания, учился продолжать [начатое] высказывание, придавать ему выразительность или цветистость, возвращать высказывание, формировать его, направлять к цели, оттачивать, насыщать его иронией, скрывать его смысл и т.д.⁶⁵. К тому же я обнаружил в малайском языке множество филологических секретов.

Сталкиваясь с незнакомым выражением в китабе, хикайате или шаире⁶⁶, я спешил к одному из названных лиц, почтительно приветствовал его, подчеркнув собственное ничтожество, а затем начинал расспрашивать о смысле того или иного выражения, его назначении и происхождении, правилах употребления. Порой его забавляло, что я из-за одного-единственного выражения проделал столь дальний путь от своего дома до его собственного, и он говорил: «С таким рвением и усердием ты очень скоро постигнешь всю эту науку». Случалось, правда, что некоторые встреченные мною выражения из китабов и хикайатов собеседнику не встречались и значения их он не знал. Тогда мне указывали на человека, к которому следовало

---

⁶⁵ Ср. по-малайски: «Maka dalam simpan2an yang tersebut itulah aku peroleh kebanyakan simpulan perkataan dan ikatan perkataan dan rangkai perkataan dan ringkaskan perkataan dan lanjutkan perkataan dan kuasa perkataan dan memaniskan perkataan dan tumbuh perkataan dan campuran perkataan dan tuju perkataan dan tajamkan perkataan dan sindiran perkataan dan rahsia perkataan dan sebagainya». Сам по себе этот отрывок был призван показать возможности языка малайской книжности и продемонстрировать компетентность автора.

⁶⁶ Шаир — стихотворение, поэма — жанр в малайской и индонезийской литературе. Исполняющаяся нараспев поэма, состоящая из тяготеющих к восьмисложности четверостиший со сплошной рифмовкой [Погадаев, 2012, с. 642-643].

обратиться, — Датуку⁶⁷ Сулейману, исконному малайцу из Кампунг Хулу. От него я получил знания о природных корнях малайского языка. Когда мы познакомились, Датуку Сулейману было между восьмьюдесятью и девяноста годами. Природный малаец, он был образован и родовит. Был еще один его ровесник, Датук Астур, и оба они до самой смерти не хотели отказываться от традиционной малайской одежды — носили дестар⁶⁸, баджу текуа⁶⁹, расклешенный каин⁷⁰. Они были наставниками тех, о ком говорилось выше, и к ним обычно обращались за толкованием речевых оборотов и редких имен, что встречаются в китабах и хикайатах.

Вот каковы были те учителя, что раскрыли передо мной все тайны малайского языка. Они разъяснили мне, что в малайском языке есть свой синтаксис, своя морфология и своя мудрость, есть свои остановки и свои зачины⁷¹, есть фатха, дамма, кясра и сукун⁷². Есть такие слова, которые имеют одно значение, если произнесены громко, и другое — если тихо, есть и всякие речевые украшения, каждому из которых положено свое место. В малайском языке есть полнота и цельность, сладкозвучие. Но, как они сказали, знатоков — ученых, способных описать и упорядочить правила малайского языка, не существует.

Это и привело меня к решению взяться за дело. Я работал над этой задачей год и девять месяцев, а затем мой наставник скончался, и занятия прекратились: в те времена в Малакке лучшего знатока малайского языка не было. Учиться у других меня не тянуло, я лишь задавал им вопросы как людям более опытным, больше меня видевшим и слышавшим на своем веку. [Как говорится,] того, что

---

⁶⁷ Datuk (дед, дедушка) — зд. почтительное обращение к пожилому человеку, сановнику, полицейскому или армейскому чину.

⁶⁸ Традиционный мужской головной убор малайцев — мужская головная повязка, завязываемая особенным образом в зависимости от местожительства и статуса владельца.

⁶⁹ Baju teku — верхняя одежда наподобие кителя или куртки.

⁷⁰ Kain — национальная одежда малайцев — длинный несшитый кусок ткани, обертываемой вокруг бедер, обычно из хлопка. Этим же словом обозначается и сама ткань.

⁷¹ Возможно, автор имеет в виду слова, маркирующие на письме начало фразы (Мака), абзаца (Sebermula, Syahadan, Arkian) и главы (Alkesah).

⁷² Фатха, дамма, кясра и сукун — система подстрочных и надстрочных диакритических знаков (огласовок), используется в арабском письме для обозначения кратких гласных и других особенностей произношения слова, не отображаемых буквами.

один может завязать ногами, другому и руками не распутать. И еще я понял, сколь велика разница между подлинным учителем и теми, кто поет с чужого голоса.

Прошло несколько дней после кончины моего наставника в малайском языке, и я сидел за переписыванием, горюя о том, что не учусь. И вот с помощью Аллаха прибыл к нам некий араб, йеменский шейх, знаток Корана по имени Муаллим Мухйиддин. Слушая, как он читает Коран, изумленным малайцам казалось, что они слышат райскую музыку, ибо он читал с соблюдением всех правил, краткими и долгими звуками. Все мечтали пойти к нему в обучение, но он ответил: «Я отправляюсь на Яву и здесь преподавать не смогу». Несколько стариков явились к нему с просьбой задержаться в Малакке, потому что многие хотели поучиться у него. Он отвечал: «Останусь здесь, если найду заработок: в Аче у меня семья, и я приехал, чтобы обеспечить им содержание».

Посоветовавшись, условились: за год обучения каждый платит пять ринггитов. Все выразили готовность платить, и мы в числе сорока или пятидесяти человек начали заниматься. Все, чему я учился прежде, пришлось проходить заново и впридачу изучать правила чтения Корана. Милостью Аллаха и усилиями моего наставника я за год усердных занятий освоил эту науку.

С этого времени обучение малаккских детей чтению Корана получило большое распространение. Прежде об этом и речи не было: люди не знакомы были с правилами, долгими и краткими звуками, маддами и вакфами⁷³, произношением и прочим. Под конец [наставнику] преподнесли множество подарков, не считая жалованья. Возрадовался он, помолился и отбыл обратно в Аче.

Когда мои занятия чтением Корана завершились, спустя несколько дней прибыл к нам некий богослов, араб-саййид по имени Саййид Шейх бин Алви из рода Бафаких⁷⁴. Это был улем, искусный и в малайском, и в особенности арабском языках. По его прибытии в Малакку все с удивлением обнаружили: о чем он бы

---

⁷³ Мадда — знак удлинения гласной, вакф — пауза при чтении Корана.

⁷⁴ По другим источникам имя этого персонажа — Саййид Шейх бин Ахмад Ба Факих [Yusuf A. Talib, 1990, p. 31].

ни рассказывал, какие бы вопросы ни задавал — все они оставались без ответа. Был он беден, и, узнав об этом, малаккцы выразили желание идти в нему в обучение. Все это устроили старики, они объявили: «Если кто-то хочет учиться — пусть заплатит за год пять ринггитов». Я в числе первых охотно подписался под этим соглашением и принялся за учебу. Вместе со мной обучались пять или шесть десятков человек. Мы начали с китаба, где излагались основы веры, под заглавием *Умму'л Барахин*⁷⁵. В нем говорилось о божественной сущности Аллаха, его атрибутах, могуществе и величии, о том, как нам следует поступать по отношению к Нему, осознавать свое ничтожество и свои недостатки и т.п. За несколько дней мы изучили эту книгу и перешли к трудам по фикху, т.е. правилам поведения мусульман, порядку совершения молитвы и т.п. Затем мы обратились к штудированию тех научных дисциплин и душеполезных сочинений, что настраивают мысли на добро и развивают ум, причем все эти китабы были написаны по-малайски. Мало-помалу по милости Аллаха и при помощи моего учителя я смог освоиться в данных вопросах. Занятия наши длились более года.

Тогда-то у малаккцев и открылись глаза. Прежде едва ли один из сотни обладал такими знаниями: ко всему этому были просто равнодушны. Когда же сей господин⁷⁶ объявился в Малакке, прочие улемы захлопнули свои китабы, и ни у кого не хватило духу обсуждать с ним что-либо.

По истечении назначенного срока он отплыл на Яву и поныне проживает в Суменепе⁷⁷, войдя в доверие к султану Суменепе и став его учителем.

Назидание. Одна вещь безмерно удивляет меня, когда я гляжу на малайцев и размышляю о них: самосознание у этих людей отсутствует. Погрязли в невежестве, ибо не хотят учить свой родной язык и обустроить учебные заведения, потребные для этой цели. Непостижимо: разве можно поумнеть, не учась? Ведь все народы на свете

---

⁷⁵ «Умму'л Барахин» («Основы доводов», другое название «Акыда ахли-т-таухид ас-сугра») — сочинение шейха Мухаммада Йусуфа ал-Сануси (838–895), получившее с конца XVII в. широкое распространение в малайском мире.

⁷⁶ Т.е. Саййид Шейх бин Алви.

⁷⁷ Город и прилегающий у нему район Восточной Явы.

учат свои языки — за исключением малайцев. И говорят при этом: «К чему учить собственный язык? От арабского куда больше пользы и в сем мире, и в загробном». Верно, но я спрашиваю себя: как можно постичь чужой язык, если прежде не изучишь собственный? Они говорят по-малайски, торгуют и ведут переписку на малайском языке. Мне не случалось видеть, чтобы малаец, представитель какого-то местного меньшинства или же иностранец пользовался арабским языком в деловых целях: при ведении торговых дел, составлении финансовых расчетов, при переписке — у каждого в ходу его родной язык, за исключением случаев, когда он молится.

Глава 4. О Малаккской крепости⁷⁸

Отныне моими главными занятиями стали чтение и письмо⁷⁹. Спустя некоторое время по Малакке разнеслась весть, что Англия собирается разрушить ее крепость. Чужеземцы, обитавшие в Малакке, считали это простым делом. Один из них заметил: «При жизни нынешнего правителя такового не случится». Думали они так потому, что стены форта были крепки, сложены на славу из прочных камней, а само местоположение обеспечивало ему надежную защиту. Оттого им и представиться не могло, будто все это может быть с легкостью разрушено. А чего только ни приходило людям в голову! Одни говорили, что бедняки будут в прибыли: ведь им за разрушение форта заплатят. Еще кто-то заявлял: стоит лишь подойти к нему поближе — и многие падут замертво, ибо там обитает множество джиннов и шайтанов. А иные говорили: «Англичане народ смысленный, потому и хотят разрушить эту крепость. Ведь если она попадет в руки другой нации, то, сколько ни атакуй ее — выстоит, ибо сооружена она основательно и заколдована».

---

⁷⁸ В оригинале — kota (крепость, форт, тж. город). Имеется в виду центральная часть Малакки, окруженная крепостной стеной.

⁷⁹ Membaca-baca surat dan menuprat juga — букв. «читать письма и самому сочинять их». Имеется в виду секретарская работа Абдуллаха по ведению переписки и составлению документов.

Вот как выглядел Малаккский форт, который я обошел по внешней стене и внутри которого побывал. Стены сложены из темно-лилового гранита, иные блоки размером в маховую сажень, а иные в два локтя. Каменные блоки ровные и гладкие, словно отполированные. Слышал я, что их изготавливали китайские мастера-камнерезы, и было это при португальцах. Вот почему это место зовется и поныне Бату Пахат⁸⁰.

Крепость имела небольшой уклон в материковую сторону. По внешней стороне ее окружала каменная стена. Крепость четырехугольная, с восемью бастионами⁸¹. Ширина бастионов где десять, а где двенадцать-тринадцать маховых саженей. Во всех них были установлены пушки, а толщина стены по всей ее окружности составляла две с половиной сажени. У основания каждого бастиона имелось полностью оборудованное подвальное помещение с колодцем и стойлом для лошадей. По стене была проложена дорога, по которой можно было обойти вокруг крепости. Через ворота бастионов можно было выйти наружу.

Крепостная стена возвышалась над землей примерно на десять маховых саженей. Говорили, что она уходит в землю на такую же глубину. Когда задумали ее разрушить и начали копать, я мог убедиться, что стена уходит вниз на семь-восемь саженей, и при этом основания ее еще не было видно.

У крепости имелось четверо ворот, главные выходили на широкий мост. В них была маленькая дверь, через которую могли проходить люди. После восьми часов вечера им полагалось пользоваться воротами, находившимися в десяти-пятнадцати саженях правее: через них доставлялись грузы и ездили конные экипажи. У тех и других ворот несли посменную стражу сипаи. Со стороны Букит Чина⁸² тоже имелись небольшие ворота, со стороны Бандар Хилир⁸³ — еще одни, размером почти с главные ворота. Мостов

---

⁸⁰ Batu Pahat — резной камень.

⁸¹ Неточно: крепость имела форму неправильного пятиугольника. Подробное описание ее фортификационных сооружений см. [Bremner, 1927].

⁸² Bukit Cina — квартал к северу от крепости, где с XVII в. находится старейшее из сохранившихся в мире традиционных китайских кладбищ.

⁸³ Bandar Hilir — квартал к востоку от крепости.

было три: один, побольше, вел в самую Малакку, другие два были поменьше, один вел к Букит Чина, а другой — к Бандар Хилир. Они были устроены так, что каждая половина моста могла быть поднята. На ночь мосты разводились. Если воцарялась смута, начиналась война или что-то подобное, мосты также разводились. Крупным судам, входящим в устье реки, полагалось платить пошлину — как по пути туда, так и по возвращении.

Вокруг крепости был насыпан земляной вал в две сажени шириной. У его основания были врыты железные колючки, затем шел ров по пять саженей в глубину и в ширину. Его можно было и заполнить водой, и спустить ее. Вода поступала через шлюз, расположенный у маленького моста со стороны Букит Чина, спускалась же она в море через [шлюз у] моста ниже по течению. По склонам рва был насажен падук⁸⁴. Во рву обитало несколько крокодилов, водились сиякапы⁸⁵, джумпулы⁸⁶, омары.

Над крепостной стеной на высоте двух саженей устанавливалась пушка, а рядом — «обезьянник», то есть будка для стражников-сипаев, таковые стояли и по всей окружности стены. После шести часов вечера доступ в крепость прекращался, можно было лишь находиться за ее пределами. В восемь раздавался пушечный залп, мосты разводились. Того, кто шел, не освещая себе дороги, задерживали, а в того, кто не отвечал на оклик, стреляли сверху, с крепостной стены. Ширина дороги, шедшей в обход крепости, достигала десяти-двенадцати саженей, и вела эта дорога к реке. Вдоль реки была насыпана дамба и посажены падуки на расстоянии шести-семи саженей один от другого, вплоть до малого моста.

Внутри Малаккской крепости есть холм умеренных размеров — ни слишком высокий, ни слишком низкий. На его вершине стоит голландская церковь, прежде бывшая португальской. Когда власть перешла к голландцам, это стала их церковь. Под храмом находится усыпальница, где голландцы погребали своих покойников.

---

⁸⁴ Дерево *Pterocarpus indicus*, известное своей устойчивостью к влаге.

⁸⁵ Сиакап, тж. белый морской окунь — род пресноводных и морских хищных рыб *Lates calcarifer*.

⁸⁶ Вид морской рыбы *Mugil planiceps*.

Саму Малаккскую крепость построили португальцы. Я понял это, увидев портрет ее создателей на внешней стороне ворот крепости — европейцев с виду⁸⁷. Это барельеф, выполненный из известняка, [с фигурами по бокам] высотой чуть меньше человеческого роста⁸⁸. Это изображение и поныне возвышается над воротами, обращенными в сторону Бандар Хилиц, а то, что смотрит в сторону Малакки, разрушено по приказу господина Фаркухара. Церковь, что на холме, носит португальское имя Сан Паоло. Недалеко от нее разбит сад, принадлежащий Компании. Прекрасно все, что растет в нем: это и плодовые деревья, и цветы, и всевозможные овощи. Есть там и колодезь в сотни саженей глубиной, а сколько точно, мне неизвестно. Он такой глубокий, что воды и не видно. Если бросить туда камень — лишь спустя мгновение услышишь звук [падения камня в воду]. За пределами сада есть еще колодезь, такой же глубокий. Рядом с холмом стоит красивейший дворец правителя. Туда можно пройти тропой, проложенной внутри холма. Есть еще одни ворота, из них — прямой путь к реке.

Позади раскинулся сад Компании, заложенный Раджей Хаджи⁸⁹, могучим малайским раджей, родом бугийцем. Супругу его звали Рату Эмас. Он ходил войной на Малакку в голландские времена, лет шестьдесят тому назад, и был близок к тому, чтобы овладеть ею. Окрестные владения и кампунги уже были под его властью, лишь сама Малакка ему еще не принадлежала. Но тут на подмогу голландцам вышли все малаккские общины: малайцы, келингцы, китайцы, христиане. У каждой был свой капитан и воинский командир. Противостояние продлилось несколько лет, а затем Раджа Хаджи погиб от пули в Танджунг Палас. Голландцы привезли его тело в тот самый сад и похоронили там. Однако, слышал я, что в том месте находился свинарник. Спустя лет двадцать—тридцать

---

⁸⁷ В тексте букв. Nasrani — христианин. На самом деле барельеф был установлен голландцами, овладевшими Малаккой в 1641 г. и поместившими над воротами Сантьяго это изображение, также содержавшее герб с аббревиатурой VOC—Verenigde Oostindische Compagnie (Объединенная Ост-Индская Компания) и дату — 1670.

⁸⁸ Sebesar budak — букв. «ростом с отрока».

⁸⁹ Raja Haji Fisabilillah (1727–1784) — бугийский военачальник, с 1777 г. — кронпринц султаната Джохор-Риау. Погиб в 1784 г. во время пятимесячной осады Малакки, находившейся под властью голландцев.

в Малакку прибыли с Риау и Лингги потомки Раджи Хаджи и попросили у англичан позволения перенести его могилу на Риау. Разрешение было получено, и они увезли останки. Война с Раджей Хаджи — длинная история, ее пересказ замедлил бы мое повествование, так что я лишь вскользь упоминаю о ней.

Рядом с холмом находилась тюрьма, которую малаккцы прозвали *мискурди*, от португальского *miser cordia* — дом сострадания. Было еще одно место по прозванию *теронгко* — тюрьма, тоже по-португальски⁹⁰. Там было помещение, именуемое темницей⁹¹. В темницу сажали за очень большую провинность, там царил мрак и ночью, и днем. Поодаль стояло здание, где хранились орудия казни и пыток, именуемое пыточной камерой. Человека клали ничком на скамейку, заковывали, ломали ему все суставы, а затем отправляли на остров Ява⁹² на виселицу. А еще там были железные орудия, которыми клеймили людей и которые для этого раскаляли докрасна. Само клеймо было размером чуть больше ринггита, его наносили между лопаточной и ключичной костью. Шел желтый дым, и пахло горелым. После этого на человека надевали кандалы. Были там и виселица, и труба, в которую засовывали человека и катали, а в трубу забивали гвозди остриями внутрь. Виновного в мужеложестве помещали в эту трубу и катали по городу, пока от тела его уже ничего не оставалось.

Мне не случалось видеть подобного, я лишь слышал об этом от стариков. Сами орудия сохранились — например, та труба с вбитыми в нее гвоздями. Орудий наказания было множество, были и голландские приспособления для пыток. Все они, и тюрьмы, и все прочее остались в прошлом — их предали огню, темницы стерли с лица земли. Во время войны с Батавией⁹³ в Малакку прибыл лорд Минто⁹⁴, он-то и положил конец этим греховным и жестоким обычаям и приказал все, [что осталось], сбросить в море.

⁹⁰ Tronco (порт.) — 1. Ствол, 2. Тюрьма.

⁹¹ Terongko gelap.

⁹² Ныне — о. Малакка, небольшой островок недалеко от малаккского побережья.

⁹³ Имеется в виду британская военная экспедиция на Яву 1811 г.

⁹⁴ Гилберт Минто (Gilbert Elliot-Murray-Kynynmound, 1st Earl of Minto, 1751–1814) — генерал-губернатор Британской Индии в 1807–1813 гг.

Возвращаюсь к рассказу о том, как господин Фаркухар задумал разрушить Малаккскую крепость. Он собрал разноплеменных кули со всей Малакки и приказал приступить к разрушению крепости, начиная со стороны Букит Чина. Сотни кули трудились, стараясь выламывать камни один за другим, но сделать это за два-три дня у них не получилось: все работающие пребывали в страхе, ибо считали, что крепость — прибежище шайтанов и духов. Оттого людям стали сниться всякие сны. Одному, как говорят, показалось, что он получил от шайтана оплеуху, его стало рвать кровью, и он умер, а уж всяких болезней у них обнаружилось множество. Люди стали бояться работать там, и пришлось повысить им плату. Конечно, все это были сказки, но они пребывали в убеждении, что это правда, и боялись грозившей им опасности.

Известковая штукатурка, покрывающая камень, выглядела и пахла так, словно ее нанесли совсем недавно. Когда правитель⁹⁵ убедился, что разбить камни трудно, он распорядился делать подкоп под стену крепости. Копали вглубь долго, но до основания стены так и не добрались. Измерили ее высоту над землей и обнаружили, что, даже углубившись под землю на такое же расстояние, к нижнему краю стены не подобраться. На этом раскопки фундамента крепости прекратились. Было приказано разрушать крепость со стороны моря. В ход шли и мотыги, и лопаты, и ломы, и немалая часть из них пришла в негодность. Болезни у рабочих не прекращались. Видя, сколько людей умерло или занедужило, многие боялись идти туда работать. Плату повышали: за что сегодня платили полрупии, завтра давали рупию, только люди все-таки не шли туда. Рушить крепость оказалось трудным делом. Большинство малаккцев пребывало в убеждении, что англичане не сумеют ее сокрушить: слишком уж она прочная, да и духов с шайтанами в ней обитает немало.

В трудах и болезнях прошло около трех месяцев, многие умерли или переломали себе руки и ноги, упав с высоты. Внезапно разнеслась весть, что правитель приказал вырыть яму под бастионом со стороны моря, куда должны были заложить ящик со взрывчаткой и поджечь. Народ изумлялся и спрашивал: «Что это еще такое задумали?» Сотни

---

⁹⁵ Т.е. Фаркухар

людей отправились поглядеть на это, собрался туда и я. Моему взору открылась глубокая квадратная яма шириной около сажени. Когда глубина ямы дошла до нужного уровня, выкопанную землю отбросили на расстояние сажени, а в яму спустили ящик со взрывчаткой, от которого тянулся набитый порохом тряпичный жгут длиной более чем в десять саженей, толщиной с большой палец ноги. Затем яму было приказано засыпать и как следует утрамбовать землей с камнями вперемешку. Все работы по яме выполняли десять-двадцать человек в течение пяти-шести дней. Затем было во всеуслышание объявлено: «Завтра в восемь утра никому не дозволяется приближаться к этому месту, а обитателям близлежащих домов надлежит перебраться в жилища, находящиеся в отдалении».

На следующий день прибыл господин Фаркухар верхом на коне. Взяв в руки запальный шнур, он отдал приказ очистить от народа крепостную стену и противоположный берег [реки⁹⁶]. Народ разбежался в беспорядке. Затем он поджег запальный шнур и, прищиприв коня, ускакал. Спустя примерно десять минут пороховой заряд взорвался с оглушительным грохотом. Камни, из которых была сложена крепость (иные размером с дом, а иные — величиной со слона), полетели в море. Случалось, что камни перелетали через реку и разрушали дома. Ужас охватил всех, кто слышал этот грохот. Люди были поражены: никогда в жизни не слышали они и не имели возможности увидеть своими глазами, сколь велика мощь порохового заряда, способного поднять на воздух камни величиною с дом. Только тогда убедились они, что англичанам под силу разрушить крепость. Качая головой, они приговаривали: «Поистине умелы и мудры эти белые люди! И все же жалко, что такую великолепную крепость разрушили в мгновение ока. Коли соберутся ее восстанавливать, то сколько лет ни трудись, все равно не получится все устроить, как это было прежде».

Крепость эта была жемчужиной⁹⁷ Малакки. Когда ее разрушили, Малакка утратила свое величие, словно потерявшая мужа женщина, лицо которой уже не блистает красотой. Что же, так было предначертано Аллахом, в свидетельство того, что мир не вечен:

---

⁹⁶ Вероятно, имеется в виду противоположный берег р. Малакка к с.-з. от крепости.

⁹⁷ Seri — букв. блеск, величие.

существующее исчезает, а несуществующее возникает, и все претерпевает изменения.

Камни разрушенной крепости люди разобрали и увезли с собой. Одни камни пошли на постройку домов в Малакке, другие при голландцах были вывезены в Батавию, иные — на Риау, а иные англичане забрали себе на корабли в качестве балласта. Часть камней попала в реку, а оставшиеся были свалены грудой, и поныне народ ежедневно заимствует их оттуда.

Спустя шесть-семь дней было решено предать огню бастион, выходящий на Кампунг Келинг⁹⁸. Стали бить в гонг и велели жителям отойти подальше от своих домов. Там за рекой был дом Хатиба Мусы, на расстоянии примерно двадцати саженей от берега. Когда весь народ отошел подальше, его слуги — Басир и Мубарак с сыном Ибрахимом — спрятались под свайным помостом дома, желая увидеть это зрелище. Запальный шнур подожгли, все разбежались, а спустя минуту прогремел взрыв. Груда камней размером со слона обрушилась на помост, и тот рухнул. Укрывавшиеся под ним люди были раздавлены и засыпаны песком. Поднялся шум. Кричали, что камнями от крепости задавлены насмерть четыре или пять человек, и все поспешили туда.

Побежал, чтобы увидеть это, и я, который по приказу матушки находился на расстоянии полумили оттуда. Оказавшись у того дома, я увидел уроженца Пуликата по имени Абдул Сатар, которому в лоб попал кусок камня, когда он сидел за трапезой. Зайдя внутрь, я увидел, что от слуги Басира остались одни ноги, а все тело его погребено под каменными обломками крепости: одни были в сажень длиной, другие — в два-три локтя, всего же на нем громоздилось восемь или девять таких камней. Общими усилиями его вытащили еле живого. У отрока Ибрахима ноги были погребены под тремя камнями саженной длины и засыпаны кучей земли. Камни оттащили, землю расчистили и обнаружили, что ноги его переломаны в трех местах и бессильно болтаются. Его отнесли в Кампунг Пали. Их товарищ Мубарак был засыпан камнями и землей. Когда его откопали, кости ног его были переломаны и болтались. Всех доставили

---

⁹⁸ Квартал к северу от крепости, на противоположном берегу р. Малакка.

в дом к английскому доктору. Басир вскоре скончался, Ибрахима и Мубарака стали лечить, и Аллах продлил их жизнь до нынешнего дня, только оба хромают. Что поделаешь — они сами виноваты, что хотели подобраться поближе к опасному месту. Но все равно всем их жалко.

При виде случившегося малаккцев обуял ужас. Когда крепость должны были предать огню, все разбежались куда глаза глядят, оставив свои дома, и слугам также велели держаться подальше.

Вот как без особого труда господину Фаркухару удалось сокрушить эту крепость. Все, кто не верил, что малаккская цитадель может быть разрушена, прикусили языки и помалкивали. Духи и шайтаны, обитавшие в головах этих людей, улетели восвояси, страшась порохового дыма. Так красивая крепость Малакки была уничтожена с помощью взрывчатки. Если бы ее ломали камень за камнем, вручную, то и до сего дня не завершили бы эту работу.

Глава 5. О правителе Фаркухаре

Все жители Малакки из четырех тамошних общин были сердечно расположены к господину Фаркухару и единодушны в желании видеть его своим правителем. В то время Малакка процветала, множество заморских негоциантов прибывало туда со всех концов света, чтобы вести в Малакке свои торговые дела. Средства к существованию были и у бедных, и уж тем паче у богатых. Нанимать малаккцев для морского плавания или работы в других краях было накладно. Зато в Малакку в поисках заработка устремлялось множество людей из иных краев, там они обзаводились и семьей, и детьми, и Малакка наполнилась разноплеменным народом. Действовавшие там обычаи и законы были разумными. У каждой [национальной] общины был свой капитан, при капитане были старейшины, помогавшие разрешению всех судебных вопросов и споров. В случае, когда им это не удавалось, дело направлялось в суд. И хотя страна эта пребывала под властью англичан, судопроизводство в ней вершилось на голландский

манер — все судебные процедуры и должности сохранили свои голландские наименования.

Спустя некоторое время правитель Фаркухар стал именоваться полковником Фаркухаром. С тех пор, как он был удостоен звания полковника, у его дома выставили охрану из белых людей, тогда как прежде ее несли сипаи. Однажды полковник Фаркухар под вечер решил прогуляться в экипаже. Завершив трапезу, он вышел из дома и стал спускаться вниз по лестнице. У белого человека, стоявшего у лестницы на карауле, ружье было заряжено двумя зарядами, и когда полковник сошел вниз, прогремел залп и справа и слева от него просвистели пули. Вздогнул он, но в тот час ему не суждено было расстаться с жизнью, и он не умер, хотя стрелявший находился лишь в восьми саженях от него. По Малакке разнеслась весть о том, что в правителя стреляли, и как это произошло. Тот белый человек был задержан и помещен в тюрьму, а спустя несколько дней его отправили в Бенгалию. О дальнейшей его судьбе мне неизвестно.

Расскажу, как правитель Фаркухар распорядился поймать слона. В то время в Малакку из Тренггану прибыл некто по прозвищу Паванг Гаджах⁹⁹. Уроженец Кедаха, он славился умением приручать слонов, знал колдовские заклинания и явился в Малакку зарабатывать на жизнь этим ремеслом. За несколько дней, проведенных им в Малакке, Паванг Гаджах как ведун стал широко известен. Каждый день он обходил окрестные леса и однажды явился в дом в Энчику Сулунгу. В то время Энчик Сулунг служил у правителя Фаркухара бригадиром¹⁰⁰. Когда по заданию господина Фаркухара требовалось что-то сделать, он надзирал над работающими. Знакомство их началось еще в ту пору, когда разрушали крепость. Паванг Гаджах обратился к Энчику Сулунгу с такими словами: «В лесах близ Малакки множество слонов. Не прикажет ли мне правитель Малакки поймать хоть нескольких из них — я могу это сделать».

Выслушав Паванга Гаджаха, Энчик Сулунг отправился сообщить господину Фаркухару, что тот готов заняться ловлей слонов. Молвил господин Фаркухар: «Если все и вправду так, я разрешаю

---

⁹⁹ Укротитель (т.ж. погонщик) слонов.

¹⁰⁰ Mandur — т.ж. надсмотрщик, надзиратель над работниками.

ему их ловить». Воротившись домой, Энчик Сулунг передал Павангу Гаджаху слова правителя. Обрадовался тот, а Энчик Сулунг повел представить его правителю. Паванг Гаджах подтвердил свою готовность и сказал: «Господин, я собираюсь пойти в лес и, если мне встретится стадо слонов, попрошу тебя дать мне в подмогу человек шестьдесят-семьдесят. Только давай сразу условимся, сколько мне причитается, если я добуду слонов». Ответил правитель: «Согласен, энчик. Если доставишь слонов живыми в Малакку, я заплачу за каждого по сто ринггитов». Ответил Паванг Гаджах: «Хорошо, господин. Только накладные расходы тоже пойдут за твой счет. А сейчас дай мне немного денег, и я отправляюсь в лес». Ответил правитель: «Энчик Сулунг потом с тобой рассчитается». И Паванг удалился.

По завершении сборов он двинулся в путь. Его сопровождали двое товарищей, то есть вместе их было трое. Углубившись в лес, они пробыли там около одиннадцати дней. Затем он явился к Энчику Сулунгу и сказал: «Набрел я на стадо в шестьдесят слонов. Дай мне людей в подмогу — надо устроить для них загон». Узнав об этом, правитель приказал Энчику Сулунгу нанять кули из числа местных малайцев. Место же, где собирались устроить загон, именовалось Себату и расположено было в двух днях пути на восток от Малакки. Энчик Сулунг повел с собой шестьдесят-семьдесят человек, которые менялись каждые два-три дня. По Малакке пронеслась весть о том, что господин правитель приказал ловить слонов, и для них сейчас строится загон в Себату. Всем не терпелось отправиться и посмотреть на это сооружение: ведь прежде малаккам не случалось видеть ничего подобного. Обо мне уж и говорить не приходится — я, словно птица, был готов на крыльях лететь туда и полюбопытствовать.

Расскажу о том, как строился загон. Люди рубили в лесу деревья толщиной с ляжку и длиной в двенадцать локтей. Готовые бревна вертикально закапывались в землю на расстоянии в два-три пальца друг от друга. Загон был квадратный, длина каждой из сторон достигала двадцати саженьей. Бревна плотно пригонялись одно к другому. На стене загона был построен балей¹⁰¹, где могли располагаться люди, тоже очень прочный, сложенный из толстых бревен. Готовый загон

---

¹⁰¹ Помост, веранда.

напоминал собой рыболовный джернал¹⁰². Справа и слева от него в землю заколачивались бревна плотной стеной, тянущейся на расстояние около сотни сажень, и этот проход становился чем дальше, тем шире. Вдоль стены, вплоть до самого загона, были посажены бананы и сахарный тростник. По завершении постройки весть об этом разнеслась по всей Малакке. Белые люди и жители из числа четырех общин спешили увидеть ее. Одни двигались пешком, другие — верхом или в экипажах. Отправился с ними и я.

Проведя два дня в пути, я прибыл в Себату и убедился, что загон был построен со знанием дела. Многие говорили: «Этот Паванг Гаджах — ведун и знахарь, без джиннов у него не обошлось». Болтуны и невежды! В тот же вечер Паванг Гаджах и сотни его спутников двинулись в лес, чтобы загонять слонов. Встретившись со слоновьим стадом, люди на некотором отдалении стали следовать за ним. Шестью-семью дней они двигались за слонами и, наконец, подошли к стене, где посажены были бананы и сахарный тростник. Увидев нечто съедобное, слоны двинулись вперед. Люди, следовавшие позади, стали приближаться, заряжать ружья и криками подгонять их справа и слева. Слоны почувствовали, что дорога сужается, но, поглощенные поеданием бананов и сахарного тростника, вступили в загон, а [следовавшие за ними] люди теснее сомкнули свои ряды.

У входа в загон стояли наготове люди, держащие приводные канаты, с помощью которых ворота закрывались. Когда все слоны зашли внутрь, они отпустили канаты, и ворота закрылись. Я пересчитал слонов, больших и маленьких, самцов и самок — их было сорок два. Затем Паванг приказал сотням людей подняться на помост над загонем, с копьями и жердями в руках. Оказавшись в загоне, слоны стали порываться пробиться наружу, но им жердями наносили колющие удары по хоботу. По всей окружности загона по слонам наносили удары, кололи их. Тут и я сумел взобраться на стену загона, чтобы видеть происходящее. Другим же подниматься на стену не разрешали, говоря, что этим якобы разрушится сила колдовства. Я же незаметно подошел в Павангу и вложил ему в ладонь рупию. Нащупав ее, он сказал:

---

¹⁰² Рыболовное сооружение, загон между двумя рядами частокола в море у берега, по которому рыба попадает в сети-ловушки.

«Ну-ка, живей, энчик, забирайся сюда!» Я улыбнулся и подумал про себя: «Что важнее — сила колдовства или эта рупия?» Мне помогли забраться на стену загона, вручили жердь и сказали: «Если приблизится слон, бей!» Я стал делать так, как было сказано, и мог видеть, что слоны в загоне вели себя так, словно разразилась битва, стоял грохот, сравнимый с непрерывными раскатами грома. Каждый слон вел себя по-своему: одни рыли землю, другие поднимали в воздух целые фонтаны песка, третьи швыряли вверх землю и палки, громко трубя, а иные долбили стены загона своими бивнями. Я заметил, однако, что взрослые слоны детенышей своих держали посередине и окружали их кольцом. Земля в загоне под ногами топчущихся слонов на глубину двух-трех локтей превратилась в жидкую грязь.

Народ поспешил в Малакку, чтобы сообщить об этом правителю. На следующий день правитель самолично явился туда вместе с доктором Чалмерсом¹⁰³ и другими белыми людьми, все в экипажах. По своем прибытии они поднялись на стену загона посмотреть на слонов, бродивших по кругу вдоль стены в поисках выхода. Едва только они касались стены, как люди наносили по ним удары. Так продолжалось шесть-семь дней, и никакой еды слонам не давали. Порой они бились о стену с такой силой, что Павангу приходилось брать несколько банановых стеблей и, что-то приговаривая, бросать в загон, чему я сам был свидетелем. Слоны прекращали [свои атаки] — начиналась схватка за еду. Я слышал, как многие говорили: «Паванг и вправду знает свое дело: прочтет заклинание — и слоны его боятся!» Болтуны и глупцы! Дело было совсем в другом: животных держали без пищи несколько дней. Бедные! Получив немного еды, они успокаивались. Думаю, это было понятно даже ребенку.

Около десяти дней слоны оставались в загоне и очень ослабели от голода и жажды. Затем для них были приготовлены грубые петли из ротанга, которые забрасывали внутрь загона, а в середину клали несколько банановых стеблей. Слон заходил в петлю, а затем петлю затягивали вокруг его шеи и привязывали слона к дереву. Тут появлялся Паванг, надевал кандалы на правые и левые ноги слона и одного

---

¹⁰³ Уильям Чалмерс (William Chalmers, 1786–1862) — хирург, сотрудник Гражданской службы британской Ост-Индской компании.

за другим выводил слонов из загона. Таким манером вывели всех слонов, измучив их голодом и жаждой, потому что боялись, что, набравшись силы, они порушат стену загона и порвут кандалы. Я видел сам, как подобное случалось и как слон, громко затрубив, швырял обломками дерева в людей, стоявших на стене загона. Попадая в цель, он мог изуродовать им лицо. Не раз слоны хотели разрушить загон, обхватывали хоботами столбы и расшатывали их, так что весь загон тряся. Если бы люди тотчас же не принимались колотить их палками, стена могла бы рухнуть. Большая часть малайцев, китайцев и прочих убежденно говорили: «Паванг умеет заклинать слонов». Он непрерывно читал молитвы, и под конец дикие слоны стали его бояться, да и люди тоже, к какой бы общине они ни принадлежали, — все просили его поделиться снадобьями, секретами магии и оберегами. На мой взгляд, все это выдумки, и глупцы те, кто им верит. В основе всех его действий лежала смекалка, а не снадобья, магия или молитвы.

Впоследствии, как я слышал, эти бедные слоны погибли. Лишь шесть-семь из них добрались до Малакки, а под конец в живых остался всего один. Правитель Фаркухар и доктор Чалмерс расплатились с Павангом, как было обещано. Кости погибших слонов правитель и доктор Чалмерс собрали и отправили в Англию.

При доме господина Фаркухара содержался огромный тигр. Его нашли в лесах Нанинга, в расщелине древесного ствола, когда он еще был размером с кошку. Его доставили в Малакку и преподнесли господину Фаркухару. Тот держал его у себя в доме, в большой клетке из нибонга¹⁰⁴. Тигра ежедневно кормили буйволятиной, но не давали ему мяса сырым, опасаясь, что он почует запах крови и станет свирепым. Поэтому мясо прежде отваривали, а потом скармливали ему. Так он и вырос, был упитан и размером достигал теленка. Каждый день и мужчины, и женщины приходили посмотреть на него. Когда к его клетке подходили, он не мог усидеть на месте и кружил по ней, а иногда глухо ворчал или рычал. Эти звуки вселяли в людей страх. Однажды обнаружилось, что клетка пришла в негодность. Позвали плотника-китайца, чтобы тот ее починил. Плотник стал подглядывать

---

¹⁰⁴ Nibung (*Oncosperma tigillarum*) — онкосперма ходульная, вид пальмы, ствол которой покрыт колючками.

между прутьями клетки, но тут внезапно тигр ударил его лапой, вырвав глаз и изуродовав половину лица. Китаец упал замертво. Люди бросились к правителю сообщить об этом. При этой вести тот страшно разгневался, приказал застрелить тигра, и тотчас же тигра прикончили. Затем было приказано снять с него шкуру и набить капоком¹⁰⁵. Затем ее зашили, и получился точь-в-точь живой тигр.

В доме господина Фаркухара мне приходилось видеть всякую живность: дымчатого леопарда, суматранскую кошку¹⁰⁶, дикобраза, казуара, всяческих обезьян — гиббона, сиаманга¹⁰⁷, короткохвостую макаку; птиц всех видов. У каждого была своя клетка или загон, своя цепочка, но некоторые пребывали в свободном содержании. Ухаживали за всем этим зверьем два человека, а к тигру был приставлен отдельный служитель — старый малаец. Когда он приближался, тигр успокаивался и не трогал его.

Спустя несколько дней правителя ждало еще одно злоключение, но Аллах уберег его от опасности. Дело было так: после ужина полковник Фаркухар обычно прогуливался верхом или в экипаже, чтобы подышать свежим воздухом среди холмов, и доезжал до селений, расположенных в окрестностях Малакки. Однажды вечером он совершал поездку верхом и к закату оказался близ холма Сериндит, кое-где поросшего кустарником. Видимо, тигр уже поджидал в придорожных зарослях. Оказавшись неподалеку, конь почуял тигра, стал тяжело дышать и не хотел двигаться дальше. Правитель ударил его хлыстом, и конь рванулся вперед. Когда они оказались вблизи места, где прятался тигр, тот прыгнул, желая схватить правителя, но конь скакал так быстро, что тигру удалось лишь сорвать его тропический шлем, а конь унес своего седока. Правитель с непокрытой головой благополучно добрался до Малакки. С тех пор малаккцы говорили: «Везучий у нас правитель! Два раза был на пороге смерти, а все живой. Его непременно ждет большое будущее».

По своей натуре правитель Фаркухар был немногословен и снисходителен к чужим промахам. И богатые, и бедные для него были

---

¹⁰⁵ Карок — волоски из плодов сейбы, или хлопчатого дерева (*Ceiba pentandra*).

¹⁰⁶ Тж. плоскоголовая кошка, ржавая кошка, *Felis planiceps*.

¹⁰⁷ Вид приматов, т. наз. сrostнопалый гиббон, *Hylobates syndactylus*.

равны, он не считал кого-то выше, а кого-то ниже. Если с какой-нибудь жалобой к нему являлся бедняк, человек низкого звания, он принимал его, выслушивал, давал совет или наставление, и ходатай уходил от него с легким сердцем. Во время его прогулок пешком, верхом или в экипаже, его приветствовали и бедняки, и богачи, и дети, и он тотчас же отвечал на приветствие. Со всеми рабами Аллаха он был обходителен. Все это привлекало к нему сердца людей и могло быть уподоблено полуденной росе, от которой в саду любви распускаются цветы и наполняют все вокруг своим ароматом, так что даже лесные шмели роем стремятся в сад за нектаром этих благоуханных цветов. О, благоразумные, проникните в смысл аллегорий, что я рассыпаю перед вами, словно ослепительно сияющие жемчужины из ожерелья. Их смысл таков: хорошего человека зовут хорошим долгие годы, и даже после его смерти имя его живет. Если знатный, богатый или благородный человек оказывает уважение беднякам и людям низкого звания, неужели это послужит во вред его славе и величию? Как говаривал мудрец: «Если змея ползет вдоль корня, лишится ли она своего яда?» Даже огромный четвероногий слон может где-то застрять своими бивнями или упасть. И птице, летающей в поднебесье, случается пасть на землю. Что уж тогда говорить о человеке — существе слабом, хрупком, обреченном на смерть! С течением времени он постоянно меняется, ибо всякая слава и всякое величие переменчивы и имеют свой конец. Ничто не вечно у человека, разве лишь то, добром или злом помянут его люди после смерти.

Немного времени миновало с тех пор, как полковник Фаркухар стал правителем Малакки, и вот из Англии или Бенгалии прибыли две важных персоны, командиры бенгальских сипаев, и поселились у ворот Талангкирах¹⁰⁸, на том месте, где позднее располагался Англо-Китайский колледж¹⁰⁹. Один из прибывших, мистер Бин, был груб и жесток. Он распорядился поставить у своих дверей караул из двух

---

¹⁰⁸ От португ. *Tranquerah* (крепость). Построены в начале XVI в. Ныне Тенгкера (район, расположенный к с.-з. от центра Малакки).

¹⁰⁹ Англо-Китайский колледж Малакки (*Anglo-Chinese College of Malacca*, именуемый по-китайски *Ying_Wa_College*) был основан в 1818 г. преп. Робертом Моррисоном, первым протестантским миссионером в Китае [Morrison, 1839]. В 1843 г. Колледж был переведен в Гонконг.

сипаев, и всех проходящих мимо мальчишек, какого бы роду-племени они ни были, велел задерживать и сажать под арест во дворе дома. Если кого-то не удавалось задержать, и тот убегал, он велел пускать ему вслед пару собак. Тот бежал, падал, под конец его ловили и запирали во дворе. Когда их там набиралось много, он выводил их по двое и приказывал биться на кулачках, а тем, кто отказывался, грозил розгами. Со страху они начинали биться, к его вящей радости: он громко смеялся и подпрыгивал на месте. Лица и носы у бойцов оплывали [от ударов]. Видя, что у кого-то из них потекла кровь, он давал ему денег побольше, а другому поменьше, выпускал на волю и выставял новую пару бойцов. Так изо дня в день он наслаждался зрелищем человеческой крови. Мальчики, жестокие по натуре, или те, кто был готов убежать с уроков в стремлении добыть денег, собирались и шли туда биться на кулаках, так что место это стало бойцовой площадкой. Никто не осмеливался ему препятствовать. Добропорядочные люди ненавидели и боялись его и не разрешали детям ходить через тот переулок. Спустя несколько дней ему прискучили бои между мальчишками, и он распорядился привлечь к схваткам людей зрелого возраста. У бедняков появилась возможность зарабатывать этим себе на пропитание, и каждый день десятки людей сходились туда биться на кулаках.

В ту пору в Малакке было еще не так много англичан, и к ним относились, как к буйным и свирепым тиграм. Если один-другой английский корабль становился на якорь в Малакке, жители города запирались у себя в домах. Пьяные матросы слонялись по переулкам, ломали двери домов, преследовали идущих женщин, устраивали между собой потасовки с мордобоем и учиняли беспорядки. Люди опрометью уносили ноги, а те занимались грабежом на базарах. Некоторые с перепоя тонули в реке. Все их боялись. Тогда мне не случилось видеть бледнолицых англичан — все они «катались на зеленых лошадках», то есть были во хмелю. Когда ребенок плакал, мать говорила ему: «Тише, не то пьяный англичанин придет!» И испуганный ребенок умолкал. Едва завидя англичанина, люди спешили обратиться подобра-поздорову. Покуда английский корабль стоял на рейде, ни одной женщине нельзя было появиться на улице. Из-за

этих непотребств там не было видно не только людей почтенного звания, но и их слуг. Все пребывали в страхе. Начальники [из британцев] вели себя не лучше, а это повергало народ в еще больший ужас.

Вернемся к рассказу о жестоком начальнике, что завел кулачные поединки. Спустя несколько месяцев он перестал их устраивать, добыл себе петухов и вместе с другими устроил петушиные бои. Со всех сторон, с верховьев и низовьев¹¹⁰ собралось множество любителей со своими петухами и расположилось там. В течение дня погибали десятки петухов. Победителей было немало, и все они неплохо заработали. Но миновало еще несколько дней, и с петушиными боями было покончено: он накупил десятки уток и выпустил в море перед своим домом, а затем выпустил двух-трех свирепых цепных собак и дал им команду ловить уток. Вот как он забавлялся. Народ валом валил поглядеть на это. Потом он взял ружье, и тех уток, что не поймали собаки, отстреливал сам. Так и погибли все утки — одни от собак, другие от пули, а он даже подпрыгивал от удовольствия. Через несколько дней накупил себе диких голубей в клетках, а затем стоял с ружьем наготове, их выпускали одного за другим, а он стрелял по ним. Одни были убиты, а иным удалось улететь. Затем он купил несколько обезьян, которых сажали на падук¹¹¹ близ его дома, чтобы он отстреливал их.

Так изо дня в день вел себя этот начальник, творя все мыслимые непотребства и жестокости, лишая жизни животных и губя здоровье людей. Стоит ли говорить, сколько денег он потратил на эти бессмысленные забавы? И пока он проживал там, женщины не осмеливались выходить на улицу, боясь, что он начнет приставать к ним. Меня весьма удивляло, что господин Фаркухар, тогдашний правитель Малакки, обходил молчанием все деяния этого начальника. Местное население¹¹² не считало его поступки чем-то особенным: люди полагали, что так ведут себя все англичане, за некоторыми приятными исключениями. Как гласит малайская поговорка: «Один

---

¹¹⁰ Т.е. из глубинных и прибрежных областей бассейна р. Малакка.

¹¹¹ *Pterocarpus indicus* — Птерокарпус индийский, или Сандал индийский, род деревьев семейства Бобовые.

¹¹² Bangsa-bangsa lain

буйвол тащит на себе грязь, а замазаны ею все буйволы». Подобные выходки и замашки надолго запечатлелись в народной памяти, переходя из уст в уста. Молва неслась из города в город, оставляя свой след в сердцах людей.

Глава 6. О господине Раффлзе

Вскоре дошла до Малакки весть, будто Англия собирается идти войной на Яву¹¹³. Спустя два-три месяца после этого в Малакке появился господин Раффлз вместе с женой, сопровождаемый английским писцом, господином Мерлином, а также малайским писцом, господином Ибрахимом¹¹⁴, индийцем по происхождению, уроженцем острова Пинанг. В Малакке господин Раффлз поселился в кампунге Бандар Хилир, в усадьбе у сына капитана китайцев по имени Баба Чин Лон. Привез он с собой целые ящики замечательных вещей европейской работы. Были в их числе и пистолеты, и драгоценный атлас, и материи с вытканными на них золотыми цветами, и всяческие невиданные инструменты, и тонкое сукно всех сортов, и красивые часы, и бумага для писем малайским правителям, украшенная золотыми и серебряными цветами. Помимо этого, в подарок малайским правителям предназначалось еще немало предметов.

И вот как-то раз явился ко мне в дом его писец Ибрахим и повел речь о том, что Раффлз ищет себе малайского писца с хорошим почерком, а к тому же намерен приобретать малайские письма и старинные повести. Если у кого-то таковые найдутся, велено нести их к нему в усадьбу в [кампунге] Бандар Хилир.

Был у меня дядя Исмаил Лебей, отличавшийся великолепным почерком. Его и младшего его брата, Мухаммада Латифа, Раффлз определил в писцы. Назавтра Ибрахим явился и потребовал образец моего почерка. Написанное он отнес господину Раффлзу, а к вечеру за мной послали кого-то из его помощников. Я явился, и мне сказали:

---

¹¹³ Подробный рассказ о подготовке яванской экспедиции см. [Boulger, 1897, p. 84–124].

¹¹⁴ Ибрахим — старший клерк и копиист в аппарате Раффлза.

«Будешь заносить в книгу копии отправляемых писем». Напарником моим стал уроженец Малакки по имени Тамби Ахмад бин Наина Марикан. Переписывать нам приходилось всякое: одним — хикай-аты, другим — письма, третьим — руководства по малайскому языку, шайры и так далее. У каждого было свое занятие.

Вот каким предстал моему взору господин Раффлз. Среднего роста, не мал, не высок, не толст и не тонок. Лоб широкий, что говорит о предусмотрительности. Голова круглая, с развитой лобной частью, что является признаком ума. Волосы рыжеватые — признак храбрости. Уши широкие — признак умения слушать. Брови густые, левый глаз немного косит. Нос тонкий, щеки немного впалые, губы тонкие, что говорит о красноречии. Речь его благозвучна, рот большой, шея длинная, кожа не слишком белая, грудь широкая, в поясе он тонок, ступни не малы и не велики. Когда идет — слегка сутулится.

Как я мог заметить, он постоянно был погружен в размышления. Уважительно и любезно вел беседу со всяким, будь то местный уроженец или же белый господин. К людям относился сердечно и всегда был щедр с бедными. Умело пресекал любое пустословие, и во время беседы улыбка не покидала его уст. Дела давно минувших дней чрезвычайно интересовали его. Обратившись к какому-нибудь вопросу, он не торопился и доводил дело до конца. Предпочитал быть в одиночестве, и главными его занятиями было писание и чтение книг. Когда он что-то изучал или вел беседу, то до окончания занятий не допускал к себе посетителей. Для всякого дела у него было отведено свое особое время, и одно занятие никогда не совмещалось с другим. Я мог наблюдать за его привычками вечером, когда после чаепития с друзьями его уже ждал большой стол с бумагой, чернилами и двумя свечами в подсвечниках. Проведя на ногах какое-то время и устав от этого, он укладывался на спину на столе и прикрывал глаза, словно спящий. Думаю, пару-тройку раз он действительно засыпал, но спустя минуту внезапно пробуждался и принимался писать. Потом снова ложился, и так продолжалось часов до 11—12 ночи, когда он отправлялся на покой.

День за днем соблюдался этот порядок, не считая случаев, когда его навещали друзья. С утра, пробудившись от сна, он брал

написанное им накануне и читал, расхаживая туда-сюда. Прочитав примерно три-четыре из десяти написанных им страниц, он отдавал их писцу и приказывал переписать в книгу, а остальные рвал и выбрасывал. Так происходило изо дня в день.

На жаловании у него было четыре человека, и каждому платили сообразно его работе. Один должен был ходить в лес и собирать листья, цветы, грибы, мхи и все прочее. Другого посылали за червями, кузнечиками, бабочками, шмелями, всяческой живностью, цикадами, мухоловками, скорпионами и тому подобным. Ему выдавали булавки, чтобы прикалывать эту живность. Еще один должен был собирать в корзину кораллы, всевозможных улиток, мидий¹¹⁵, раковины полимесода, устриц, иных моллюсков¹¹⁶ и тому подобное, и рыб всяческих. А еще один отправлялся на поиски лесной живности: диких кур, оленей, мунтжаков, пеландуков, напу, мускусных оленьков, канчилей и тому подобного¹¹⁷.

Была у него большая книга из толстой бумаги, куда он вкладывал листья, цветки и прочее. Если же что-то туда не помещалось, он обращался к некому китайцу из Макао, искусному рисовальщику, у которого изображения плодов и цветов были как живые. Ему-то и поручалось все это зарисовывать. И была у него этакая труба, а в ней не то арак, не то бренди. И всякую живность — змей, мухоловок, мелких скорпионов и прочих — живьем помещали в эту трубку. Спустя пару дней вынимали и перекладывали в бутыль. Казалось, они все еще живы. Дивились малаккцы, глядя на это. В ту пору многим малаккцам это приносило доход — они искали все, что обитало на земле, в воздухе или в море, под землей, в населенных местах или в джунглях, все, что летало и ползало, все, что росло или выглядывало из-под земли. За все это им платили наличными. Кроме того, люди доставляли сотнями малайские китабы и хикайаты, самые разные, всех и не упомяну. Скуплены были едва ли не все малайские писания разных времен, доставшиеся от предков, люди несли их

---

¹¹⁵ kerah

¹¹⁶ remis

¹¹⁷ Здесь перечислены различные виды парнокопытных, встречающихся в Юго-Восточной Азии: Kijang (*Muntiacus muntjak*), pelanduk, napuh (*Tragulus napu*), bengkungang (*Tragulus napu*), kancil. Pelanduk=kancil (*Tragulus javanicus*).

и несли, потому что получали за них хорошую цену. Все распродавали и не думали, что в будущем поглупеют. Ни одного писания на своем родном языке не желали прочесть, потому что книги были написаны от руки. Если в печатном виде — куда ни шло. И вот теперь поди поищи самые старинные писания. Было их примерно триста шестьдесят штук, не считая всяческих шаиров, пантунов, икат-икатанов¹¹⁸ и прочего. Некоторые он брал на время и заказывал себе копию. Эту работу выполняли для него четыре или пять писцов.

Ежедневно люди несли всякую живность и червей, каких я прежде и в глаза не видывал. Кроме того, раджа Самбаса прислал ему в подарок двух обезьян, белые люди прозвали их орангутанами, и из всех краев присылали и тигрят, и медвежат. Орангутаны из Самбаса были ручные, и Раффлз велел нарядить обезьян в штаны, рубашки и тропические шлемы, так что они стали смахивать на детей, и выпустил погулять. Я заметил, что обезьяна ведет себя совсем по-человечески, только что не разговаривает. Когда ей надо было помочиться, она спешила к себе. А как-то подошла к столу, где я писал, молча встала рядом и не безобразничала, как прочие обезьяны. Взяла перо, внимательно рассмотрела его, а я сказал: «Быстро положи на место!» И она тотчас же его положила. У нее был большой живот. Как-то она сидела и вдруг застонала, словно от боли. Я спросил: «Что болит?» и потрогал ее живот. Казалось, она понимает нашу речь, хотя таковое и невозможно. Это была пара: самец и самка. Прожили они в Малакке четыре-пять месяцев, и как-то ночью самка умерла. Как я заметил, с той минуты самец начал тосковать, словно человек. Ему давали еду, а он не прикасался к ней и не ел. Так прошло дней шесть-семь, и под конец самец тоже умер. Видя это, я был тронут до глубины души. Если у зверей так любят друг друга муж с женой, что же говорить о нас, людях? Стоит взять с животных пример.

В доме господина Раффлза содержались и другие виды животных. Каждому было отведено свое место, клетка или загон. У господина была такая склонность — изучать историю страны, прежние обычаи, разузнавать о всяческих диковинах и разыскивать их.

---

¹¹⁸ Икат-икатан — поэтический жанр крупной формы, поэма.

Он прилежно и добросовестно изучал малайский язык, стремился подражать речи малайцев и всегда расспрашивал, каким образом малайцы употребляют то или иное слово. Мы скажем ему, а он говорит: «Англичане используют его не так, а сяк». И каждый день велел писать письма и рассылал во все малайские края, где сообщалось, что Англия ищет дружбы, и старался склонить их на свою сторону. Каждое письмо сопровождалось подарками и было выдержано в самых любезных выражениях. Поэтому раджи стали ему симпатизировать. В ответах на его послания они заверяли его в своем благорасположении, благодарили, отправляли подарки, и из всех краев слали ему малайские китабы и хикайаты.

Для господина Раффлза деньги не имели значения: если ему нужна была какая-нибудь вещь или он хотел нечто осуществить, его не беспокоила цена или затраты. Поэтому он сразу получал или для него делалось все, что ему было угодно. Для этого у него в доме всегда ожидали несколько человек, и если ему нужно было что-то достать, или приобрести, или послать за чем-то, они могли извлечь из этого для себя выгоду. Не знаю, какие суммы ежедневно извлекались им из денежного ящика для покупок или оплаты оказанных ему услуг. И я не раз слышал, как он говорил: «Меня возмущает то, как ведут себя малаккские голландцы: они постоянно унижают малайцев и не хотят жить в соседстве с ними». Сам же господин Раффлз всегда поддерживал с малайцами дружеские отношения и даже с бедняками готов был разговаривать.

Все важные особы в Малакке — и белые, и малайцы — изо дня в день являлись к нему. Но несмотря на это, никто не ведал тогда, для чего он прибыл в Малакку, с какой целью и чем он занят. Наблюдения над его занятиями, высказываниями, дарованиями, внешним обликом и речью привели меня к заключению, что он, безусловно, человек выдающийся, наделенный недюжинным умом и душевным благородством.

Как-то раз господин Раффлз обсуждал со своим писцом ответ на письмо раджи Самбаса. Неожиданно пришел какой-то малаец и принес шесть дурианов¹¹⁹: он думал, что господин Раффлз хотел

---

¹¹⁹ Durian (*Durio zibethinus*) — плод растения семейства Мальвовые, покрытый колючками. Имеет неприятный запах, но при этом отличается отменным вкусом.

приобрести дурианы, и принес их в дом. Едва он появился в дверях, как господин Раффлз почувствовал запах дуриана, зажал нос и убежал вверх. Все видевшие это были изумлены: им не было известно, что запаха дуриана он не переносит. Немного погодя он призвал сипая, стоявшего при дверях, и спросил: «Кто притащил сюда дуриан?» Ему указали на этого малайца. Распорядившись, чтобы тот ушел, он приказал сипаю не пускать на порог никого, кто несет с собой дуриан. С этого дня никто не осмеливался появляться у него с дурианами. Так я и узнал, что господин Раффлз не имел привычки к дуриану и даже запаха его не переносил. Спустя некоторое время он сошел вниз и сказал: «От запаха дуриана у меня разболелась голова. Плохая это еда!» На эти слова я улыбнулся, потому что этим он отличался от всех прочих людей. Что им было по душе — ему приходилось не по нраву. И если кто-то появлялся с дурианом — сипай становился у него на пути.

Однажды вечером я собрался домой, но тут господин Раффлз позвал меня: «Энчик, давай прогуляемся. Хочу посмотреть, где у малайцев учатся».

Мы оба сели в паланкин и отправились в Талангкиру. Прибыв к дому лебея Абдул Разака, мы с господином Раффлзом зашли туда и увидели трех наказанных отроков. Один был опоясан цепью, а конец той цепи был прибит наверху балки, и ему было приказано носить ее на плече. Еще один просто сидел на цепи и должен был заучивать Коран наизусть. Третий был привязан к столбу. Господин Раффлз сказал: «Энчик, отчего эти отроки в цепях? Это ужасный обычай. Спроси-ка их учителя». Я расспросил того, и он ответил: «Вот этот отрок совершил побег, господин. Восемь дней тому назад его привезли из Кундура — это в целом дне пути отсюда. Его родители заплатили ринггит тому, кто его доставил. Поэтому он и наказан. А вот этот убежал на два дня и лазил по деревьям в лесу, за это ему и кара. А вот еще один: что ни прочтет — тотчас же начисто забывает, я и усадил его за зубрежку». Говорит господин Раффлз: «Если так, все справедливо». И полюбозытствовал: «А отчего у вас не ведут уроков малайского языка?» Учитель ответил: «Родители требуют, чтобы прежде всего дети обучились Корану, а уж потом можно и малайским

заняться. Так у нас заведено. В здешних краях школ для занятий малайским никогда не было». Говорит господин Раффлз: «Хорошо, учитель, я просто хотел узнать. Не сердись, и всего доброго!» И мы вышли. По пути он мне сказал: «А что, энчик, и вправду у малайцев так заведено?» Я ответил: «Да, господин». Улыбнувшись, он сказал: «Хорошо, энчик, если проживу долго, открою школу, где будут изучать малайский язык. Досада меня берет: ведь этот язык так благозвучен и необходим в жизни». Затем мы сели в паланкин и двинулись обратно.

Я замечал, с каким увлечением господин Раффлз изучал обычаи разных областей страны, их законы, порядки и установления начальствующих. Ему хотелось знать, какие у малайцев увлечения и традиции, каковы названия гор и разных мест в Малакке, каковы занятия жителей и чем они торгуют на вывоз. И еще: как думают малаккцы — нравится ли им голландское правление? А английское? Обо всем этом он расспрашивал.

Наблюдая за его женой¹²⁰, я понял, что она — женщина особенная. День напролет она была занята тем же, что и ее муж. При любых обстоятельствах неизменно оставалась вежливой и любезной. И с бедными, и с богатыми обращалась одинаково уважительно. Старательно изучала малайский язык, выясняла, что означает то или иное малайское слово. И обо всем, что ни увидит, делала записи. И еще я подметил: что бы ни собрался сделать или приобрести ее муж, он всегда советовался с женой и делал это, лишь получив ее согласие. За какую бы работу она ни взялась, выполняла ее мастерски. И никогда не сидела сложа руки, всегда была чем-то занята — не тем, так другим, и так весь день. Я мог воочию наблюдать, какова разница между малайцами и белыми людьми. У малайцев заведено так: выйдя замуж за вельможу, женщина становится спесивой и праздной. Ведет себя высокомерно и непрестанно себя превозносит. Ей кажется унизительным чем-нибудь заниматься, будь то долго или коротко,

---

¹²⁰ Речь идет о первой жене Раффлза Оливии (урожденной Девениш), с которой он сочетался браком в 1805 г. В 1811 г. она последовала за мужем на Яву и скоропостижно умерла в Батавии в 1814 г. Раффлз женился вторично в 1817 г. Именно его вторую жену, урожденную Софию Халл, упоминает Абдуллах в главе «Отъезд господина Раффлза», никак не оговаривая при этом, что речь уже идет о другой женщине.

или утомлять себя физическим трудом. Она предпочитает посиживать да полеживать, наряжаться, причесываться волосок к волоску и командовать слугами, коленопреклоненно подающими ей рис. Просыпается такая в десять-одиннадцать часов, ест и пьет, посидит немного и опять засыпает до вечера, потом восседает перед блюдом для бетеля. И это называется «повезло»: вышла замуж за человека с положением. Но жена господина Раффлза, как я мог убедиться, весьма проворна и никогда не сидит без дела, не остается праздною: поработав по дому, садится за шитье, закончив шитье, занимается писанием. Ослепни мои глаза, если я хоть раз видел, чтобы она среди дня заснула или позволила себе прилечь — нет, весь день напролет проходил у нее в труде и заботах. Свидетель тому Аллах.

Полагаю, что не ошибусь, если назову подобную женщину мудрой и знающей, способной свершить многое. Наблюдая, как она ведет себя и какие усилия прилагает, работая вместе с мужем и помогая ему, понимаешь, что Аллах соединил их в согласии, словно государя с его министром, или кольцо с самоцветом, или молоко с сахаром. Им следует подражать, дабы они стали примером для будущих поколений. Об их характерах и поведении я сочинил такой пантун:

Рыбками-анабас¹²¹ их зовут.

Они обитают в пруду,

Они красивы и пригожи,

А также благодравны.

Они обитают в пруду,

Адмирал над ними главный.

Они красивы и пригожи

И весьма благоразумны¹²².

---

¹²¹ Рцуу-рцуу (*Anabas testudineus*) — анабас-ползун, вид лабиринтовых рыб из семейства Ползуновых (*Anabantidae*).

¹²² Здесь и далее Абдуллах приводит так называемый «прошитый» пантун (*rantun berkait*), где каждая вторая и четвертая строка предыдущего четверостишия становятся первой и третьей строкой последующего [Погадаев, 2012, с. 476]. Как это обычно бывает, первая и вторая строки пантуна строятся по созвучию с третьей и четвертой как своего рода звуковой намек. Собственно смысловая (образная) связь между двумя частями пантуна может и отсутствовать.

Все дело в их несходстве с большинством знакомых мне супружеских пар: у тех, если муж хочет двигаться вверх по реке, то жена — вниз, и если муж говорит «белое», то жена — «черное», потому-то они целый день бранятся, дерутся, обмениваются пинками¹²³, словно кошка с собакой. Есть и такие жены, что, пользуясь своей красотой, топчут мужа ногами. Да упасет нас Аллах от женщин, ведущих себя так! Их нельзя не только брать в жены, но и водить с ними дружбу. С ними приходит беда, разбиваются сердца, множатся раздоры. В конце концов все это становится погибелью для души. Об этом я сочинил такой пантун:

К чему носить каин из батика,
Если на нем нет вышивки?
К чему жениться на красавице,
Если она невоспитанна?

Если нет вышивки
На ее яванском наряде;
Если она невоспитанна —
Держись от нее подальше.

Миновало три-четыре месяца с тех пор, как господин Раффлз обосновался в Малакке и всем малайским раджам с востока и с запада успел разослать письма и подарки. Спустя месяц или два прибыл принц Сиака¹²⁴, имевший титул Главнокомандующего¹²⁵ и звавшийся Саййидом Зайном. Об обстоятельствах его приезда в Малакку мне мало что известно. Не ведаю, прибыл ли он по приглашению господина Раффлза или же по собственному желанию. В Малакку его сопровождали двое сыновей. Господин Раффлз с почестями встретил гостя и предоставил ему резиденцию с садом в Бандар Хиляр. Сад находился под охраной. Все его расходы оплачивались. Ежедневно

---

¹²³ Bertangkaplah sehari-hari, bertumbuh bertendang. Здесь автор для усиления выразительности фразы использует глаголы, созвучные друг другу.

¹²⁴ Pangeran Raja Siak. Пангеран (яв. принц) — титул детей и высокопоставленных родственников правителя. Здесь речь идет, по-видимому, об одном из принцев суматранского княжества Сиак.

¹²⁵ Panglima Besar.

он совершал поездки в конном экипаже, так что ходить пешком ему вовсе не приходилось — целый день проводил на колесах.

Раз в два-три дня он являлся для аудиенции и беседы с господином Раффлзом, а затем возвращался к себе. В ту пору многие английские суда крейсировали вплоть до Явы, и любое судно, кеч или корабль, идущий под голландским флагом, задерживали и препровождали в Малакку. Только тогда малаккцы поняли, что Англия и вправду находится в состоянии войны с Голландией. Один-два английских корабля прибыли в Малакку и доставили военное снаряжение: сотни палаток, повозки, артиллерийские орудия, ружья, боеприпасы и прочее.

Однажды, когда Главнокомандующий прибыл для беседы с господином Раффлзом, тот объявил, что Англия намеревается идти войной на Яву. И сказал: «Есть одна сложность: нет никого, кто мог бы отвезти письмо сусунану¹²⁶ в Бенгарам¹²⁷ и узнать, как там обстоят дела и будет ли тот выступать на стороне голландцев или нет. Хорошо, если бы нашелся верный человек, способный хранить тайну, и доставил это письмо на Яву». Выслушав господина Раффлза, разъяренный Главнокомандующий встал, выхватил свой крис¹²⁸ и гневно спросил: «А крис этот на что? Его имя — Си Хиджау¹²⁹. Покуда Си Хиджау при мне, куда бы ты, господин, ни пошел, я буду идти впереди и первым из нас обоих встречу смерть. Пиши свое письмо, а я доставлю его сусунану Бенгарам».

Выслушав речи Главнокомандующего, господин Раффлз просиял и сказал с улыбкой: «Прими мою глубокую благодарность, тенгу¹³⁰. За твою преданность нам Английская компания¹³¹ заплатит сполна

---

¹²⁶ Сусунан, сусухунан (яв. *susuhunan*, буквально «тот, кого почитают») — монархический титул правителей яванских государств — Матарам (XVII–XVIII вв.) и Суракарты (после XVIII в.).

¹²⁷ Имеется в виду Матарам, княжество на Центральной Яве.

¹²⁸ Сакральное оружие народов Малайского мира: вид кинжала с извилистым, асимметричным лезвием. Крис передавался от отца к сыну, ему приписывались магические свойства.

¹²⁹ Букв. «Зеленый». Крис, имеющий долгую и славную боевую историю или же наделенный магическими свойствами, мог обладать собственным прозвищем [Hill, 1970, p. 83].

¹³⁰ Tengku — титул раджи, султана, а также обращение к их детям и потомкам.

¹³¹ Т.е. Британская Ост-Индская компания (East India Company).

и поможет во всем, что бы тебе ни понадобилось». Поднявшись, господин Раффлз крепко пожал ему руку, закрепив договоренность о доставке письма.

В это время в Малакке, в Кампунг Пасире, проживал сын одного влиятельного яванца — Пангеран¹³². С господином Раффлзом он тоже был знаком. Как-то господин Раффлз послал за ним, и он тотчас же явился. Господин Раффлз рассказал ему о своем намерении отправить письмо сусунану в Бентарам. Тот ответил: «Добраться до сусунана я смогу. Только вот что, господин: сейчас все подходы к Яве перекрыты множеством английских кораблей, и ни лодкам, ни кечам нельзя пришвартоваться или отплыть. Да и голландцы бдительно и строго охраняют эти рубежи, и если в их руки попадет это письмо — они непременно повесят гонца, не разбираясь, в чем дело». Господин Раффлз ответил: «Не беспокойся об этом, Пангеран. Я дам тебе письмо, и если на вашем пути окажется английский корабль — покажи им письмо, и они обязательно помогут. Только покажи место, где можно высадиться на берег. А там Главнокомандующий доставит письмо».

Выслушав господина Раффлза, Пангеран ответил: «Если так, я готов, господин». Говорит господин Раффлз: «Вечером приходи сюда, и мы сочиним письмо. Дело не терпит: через четыре-пять дней сюда придет множество кораблей, а еще через десять-пятнадцать дней — и корабль генерал-губернатора¹³³ лорда Минто и губернатора¹³⁴ Мадраса». Пангеран ответил: «Хорошо, господин» и вернулся в Худжунг Пасир. А Главнокомандующему господин Раффлз сказал: «Собирайся, тенгку. Думаю, через пару дней вы сможете пуститься в плавание на моем кече». Ответил Главнокомандующий: «Хорошо, господин» и откланялся.

Вечером господин Раффлз послал за Пангераном. Когда тот явился, господин Раффлз распорядился написать по-явански письмо для сусунана Бентарама, и Пангеран принялся за работу. К полуночи

---

¹³² Этот персонаж также именуется здесь Пангераном (принцем), но собственное имя его не указано.

¹³³ В тексте — «генерала».

¹³⁴ В тексте «генерала». Видимо, имеется в виду Джордж Барлоу (1762–1846), пробывший в этой должности с 1807 до 1813 г.

письмо было готово, господин Раффлз скрепил его печатью и при-
совокупил к нему всевозможные подарки стоимостью примерно
в двести-триста ринггитов. Затем Пангеран удалился.

На следующий день послали за Главкомандующим. По его
появлении господин Раффлз вручил четыреста ринггитов за труды
для него и его команды. Кеч был уже готов к отплытию. Малайцев,
прибывших с Главкомандующим из Сиака, и двух его сыновей
тоже брали с собой. В день отплытия господин Раффлз передал им
два ящика с опиумом и двести ринггитов. Призвав к себе Главко-
мандующего и Пангерана, он указал, что именно предстояло им сде-
лать, передал письмо, [запечатанное] на английский манер, и сказал:
«Если встретите на пути английский корабль или кеч, покажите им
это письмо, и они предоставят вам все, что вам потребно, — еду или
что-либо еще. Капитаном кеча будет Главкомандующий, Панге-
рану же следует беспрекословно повиноваться ему. По всем поводам
советуйтесь друг с другом. Я жду сообщений от вас в самом непро-
должительном времени, куда корабли не двинулись на Яву. Обо
всем этом будет доложено лорду Минто. Возвращайтесь поскорее,
не задерживайтесь в пути и никуда не заезжайте».

Все припасы уже были на борту, и на завтра в шесть часов утра
кеч снялся с якоря. Господин Раффлз и господин Фаркухар яви-
лись на берег провожать главкомандующего и Пангерана в плава-
ние. Там они пожали им руки и пожелали: «Счастливого плавания,
тенгку!» Те взошли на корабль и тронулись в путь.

Прерываю рассказ о плавании Главкомандующего и Пан-
герана и поведаю теперь об английских судах, сосредоточенных
в Малакке в преддверии военного похода на Яву. Спустя четыре-пять
дней после отплытия кеча в Малакку стали прибывать суда по три,
четыре в день. Случалось, что за день прибывал только один корабль,
а на следующий их было шесть или семь, и так повелось изо дня
в день. С ними были доставлены регулярные воинские части, а также
сипаи из Бенгалии под началом множества командиров-англичан.
Они разместились в палатках в месте, именуемом Ламбунган, заняв
все пространство между Ламбунганом и Танджунг Келингом, каждый
отряд — в своей особой форменной одежде. Были среди них люди

разных племен — индусы и мусульмане. В числе индусов мне довелось увидеть таких, что ели, как собаки, пользуясь языком. А некоторые, если обнаруживали, что кто-то увидел их за едой, выбрасывали свой рис и в гневе накидывались на смотрящих, словно собираясь их убить. Были те, что готовили пищу прямо на солнце и тут же ее съедали, обливаясь потом и словно купаясь в нем. После еды они закапывали в песок оставшийся недоеденным рис и гулей¹³⁵. А некоторые обвязывались тройной ниткой вокруг пояса и ели до тех пор, пока нитка не порвется. И еще видел я, как некоторые брали белую землю и красную землю и рисовали по три полосы у себя на груди, руках и на лбу, клали поклоны перед собой, в правую и левую стороны и обернувшись назад, а затем бежали в море, в бурлящий прибой, там совершали поклонение солнцу, хлопая при этом себя по щекам справа и слева, а затем выбирались на берег и только тогда принимались за еду, загородившись белой тканью, чтобы их не увидели во время трапезы. Если же кто-то их видел, они выбрасывали свой рис и разбивали горшок, а когда в следующий раз нужно было готовить пищу, они покупали новый. Были там и такие, что позволяли смотреть на себя во время еды, но говорить им не полагалось, и они только шевелили губами и жестикулировали, не имея при этом права встать со своего места. Каких только глупых обычаев я не рассмотрел! Были и те, что не могли употреблять в пищу рыбу, мясо и плоть прочих тварей, содержащую кровь, но питались лишь растительной пищей. Довелось мне лицезреть там людей самого разного внешнего облика, посмотреть на одежды, каких никогда в жизни не видывал. Лицезрел и англичан, их командиров, тоже наряженных по-всякому. Одни были облачены в одежды из тигровых шкур, другие носили шляпы, вокруг тульи которых были воткнуты куриные перья, окрашенные в красный, белый и черный цвет. На иных были брюки из шкур животных, на других — одежда в полоску, на манер тигра.

Нагляделся я и на их палатки. Были такие, что напоминали настоящие дома — с постелями, жилыми комнатами, обстановкой, дверьми и окнами, ванной и отхожим местом, и все это было сделано

---

¹³⁵ Гулей — острая приправа (из мяса или овощей), подливка к рису.

из ткани. Иные были целиком из ткани красного цвета, и иные снаружи белые, а изнутри из ситца в цветочек.

Целыми днями до вечера они упражнялись в строевом шаге. Отдельные отряды обучались артиллерийскому делу, другие учились стрелять из ружей, а для перевозки больших пушек использовали быков. Я дивился, видя, как заряжают пушку прямо под ухом у быка, а он и не вздрогнет и не тронется с места. Когда командир сипаев громко давал команду «вперед!», бык бежал вместе с ними, а при команде «стой!» тоже останавливался. Если сипаи меняли направление движения, то и он тоже — прямо как человек! Это произвело на меня огромное впечатление: даже неразумное животное можно обучить, а вот мы, мыслящие существа, ведающие, что есть добро, а что — зло, любим посиживать без дела и не желаем обучиться тому, что пошло бы нам на благо и пользу.

Несколько дней спустя прибыл большой корабль с сипаями, соединение¹³⁶ числом в триста человек. Все это были мусульмане, а командовали ими трое англичан. Когда они сошли на берег, их отделили от остальных и приказали расположиться в Бандар Хилир, в саду резиденции господина Адриана Кука. Множество малаккских зевак устремилось туда, и я за ними. Видел я командиров верхом на лошадях, проводящих учения посреди поля. Все их лошади были арабской породы, крупные, одной масти и редкого изящества. А всадники — красавцы, рослые и все, как один, с бакенбардами. Одеты они были в серые куртки и серые шапочки, каждый имел при себе пистолет, саблю и ружье за спиной, мешочек с порохом на левом боку, фляжку с водой — на правом, а сверток со съестным — на плече. Два кожаных ремня прикреплены к седлу, и когда всадник садится на лошадь, два их конца крепятся к его поясу, предохраняя от падения, поскольку все эти люди не держатся за поводья: искусные всадники, они скачут, словно летят по воздуху. Не только не падают, но и не пошевеливаются, и при этом стреляют, заряжают ружья, наносят сабельные удары.

Командиры объяснялись с ними не словами, а с помощью трубы, которую держали в руке. Если надо, протрубят, и все лошади разом

---

¹³⁶ Трупп (от англ. troop) — зд. воинское соединение.

снимаются с места и несутся стремительно, как молния. Затрубят еще раз — и все останавливаются, и не вразнобой, а одновременно. Снова затрубят — лошади перестроятся и образуют квадрат, словно крепостная стена. Опять трубят — и раздастся залп из всех ружей разом. Еще труба — и вот ружья брошены за плечо, и обнажаются сабли. Снова труба — и все поднимаются на холм и образуют вокруг него нечто вроде крепостного вала. Внезапно появляются матросы-лесорубы с веревками вокруг пояса, каждый обматывает веревкой небольшую заросль кустов и разом вырубает всю связку. Одно мгновение — и холм очищен от леса. Труба подает знак, и они со всех ног спешат вниз с ураганным шумом и выстраиваются перед командирами. А те, также верхом на лошадях, руководят действиями сипаев.

Выучка лошадей поразила меня еще более, чем выучка быка, тащившего пушку, потому что лошади понимали значение сигнала трубы, словно человеческую речь, и ни разу ни одна из них не оплошала. Всадники не пользовались поводьями, и лошади сами знали, куда им скакать. Те, на которых сидели командиры, были крупнее, чем лошади сипаев. Когда оканчивались учения, командиры отправлялись домой не через ворота сада, но направляли своих лошадей прямо на ограду и одним скачком ее преодолевали. А ведь ограда была высотой в семь локтей¹³⁷! Таковое происходило ежедневно. Сотни жителей Малакки всякого роду-племени собирались поглазеть на это зрелище и подивиться на лошадей, не уступавших в учености человеку и понимавших значение сигналов трубы, и на то, как изо дня в день командиры выезжали верхом и возвращались назад, одним скачком преодолевая ограду. Кто-то сказал: «Это не [обычные] люди». А другой заметил: «Англичане — настоящие джинны, потому и способны вытворять такое»¹³⁸.

Сипаи был грамотны и знали по-арабски, но лучше всего владели языком хиндустан. Большинство из них были потомками арабов

---

¹³⁷ Локоть (hasta) — мера длины = 45,7 см.

¹³⁸ По мнению С. Скиннера, отрывок, где лошади сравниваются с джиннами, является вольным или невольным заимствованием из «Истории о правлении Бенгалией» Ахмада Риджалуддина, написанной тридцатью годами ранее [Skinner, 1978, p. 472].

из рода саййидов¹³⁹, порядочными и воспитанными людьми, вежливыми и любезными в обращении. Я спрашивал их: «Из каких краев вас доставили сюда англичане?» Они отвечали: «Мы все из Дели, находимся в подчинении у набоба¹⁴⁰. Англичанам требовалось подкрепление, и набоб отрядил для них триста человек. На месте осталось несколько тысяч наших товарищей, кавалеристов, как и мы».

Затем я спросил: «А какая у вас месячная плата?» Они отвечали: «Триста рупий платит нам набоб, столько же — англичане. И еще нам обещали: если овладеем Явой, то впридачу все как один получим награду».

Миновало еще три дня, и прибыли шесть больших кораблей, на одном из которых находился губернатор Мадраса¹⁴¹. Прибытие судна в Малакку приветствовали залпами пушек. Немного спустя из Ламбунгана в Лири прибыл отряд в тысячу сипаев, и все они проследовали в Малакку под звуки барабанов, флейт и иных музыкальных инструментов. По их прибытии военачальники построили их в три шеренги справа и слева от дороги, от берега моря до дворца правителя. Затем появился и сам губернатор. Я увидел, что он высокого роста и длиннолиц, массивнее окружающих, одет в длинный черный камзол, со звездой на груди. Его сопровождали четверо или пятеро человек.

Господа Раффлз и Фаркухар вместе с малаккскими вельможами подали ему руку и почтительно приветствовали его. Когда он ступил на землю, прогремел залп множества пушек. Воины сделали артикул ружьем в его честь, зазвучали барабаны и флейты, и губернатор двинулся ко дворцу правителя. Осмотревшись по сторонам и видя множество людей, вышедших его встречать, он кивал им в ответ на приветствия и наконец доехал до дворца. Когда он поднялся по лестнице, прогремел троекратный ружейный залп воинского караула, и вся

---

¹³⁹ Саййиды — термин, прилагаемый к потомкам Хусейна, внука пророка Мухаммада, и широко используемый в титулатуре мусульманских правителей [ИЭС, 1991, с. 203].

¹⁴⁰ Набоб, наваб — титул правителей некоторых провинций Восточной Индии в империи Великих Моголов. После падения этой империи титул набоба сохранили те правители, которые подчинились британскому владычеству в качестве вассалов.

¹⁴¹ Jenderal Madras. Речь идет о сэре Сьюмэле Очмьюти (sir Samuel Auchmuty, 1756–1822), британском военачальнике. В 1810 г. он был назначен главнокомандующим Мадрасской армией, а в 1811 г. участвовал в кампании по оккупации Явы.

Малакка вздрогнула. Затем все они вернулись в места, где были расквартированы.

Спустя пять-шесть дней появились еще четыре больших корабля. Говорили, что с ними прибыл генерал-губернатор Бомбея¹⁴². Малакка встретила его пушечным салютом. На берегу, как и днями ранее, выстроились воинские шеренги, но, на мой взгляд, встретили его не так торжественно, как генерал-губернатора Мадраса. Я увидел, что он невысок ростом, круглолиц, седоволос, щупл телом. При виде толпы краска сошла с его лица. Его также препроводили во дворец правителя, но когда он поднялся по лестнице, прозвучал лишь один-единственный залп воинского караула, а затем все они разошлись по местам, где были расквартированы.

Так и повелось изо дня в день с прибытием кораблей — то четырех-пяти сразу, то одного, и наконец малаккский порт заполнился судами до отказа. Корабли стояли на якоре один за другим, а их мачты высились, словно столбы у изгороди. В ту пору в Малакке цены на всякое съестное пошли вверх. За три куриных яйца просили два уанга¹⁴³, за курицу — две рупии, об овощах и рыбе нечего и говорить: даже речная рыба-бедуканг¹⁴⁴, питающаяся невесть какими отбросами, стала стоить рупию. Жители Малакки: бедняки на свой лад, богатые на свой — добывали средства на жизнь, как могли. В ту пору женщины и носу не казали из своих домов, потому что вдоль улиц валялись пьяные англичане и сипаи, а иные устраивали шумные потасовки. Гражданские и военные полицейские задерживали пьяных, доставляли их домой, потому что в те времена люди не ведали, что такое «сыщики», «полиция», «суд», но знали лишь

---

¹⁴² По мнению Хилла, имелся в виду полковник Гиллеспи (Robert Rollo Gillespie, 1766–1814) [Hill, 1955, p. 287], офицер британской армии, командовавший вторжением на Яву в 1811 г.

¹⁴³ Уанг — монета достоинством в 10 дуитов. Дуит (нидерл. *duit*, франц. *doit*, нем. *Deut*) — самая мелкая медная монета Нидерландов стоимостью в 1/8 стювера или 2 пфеннига. Имеет много разновидностей. Дюит выпускался в различных провинциях Нидерландов с конца XVI и до начала XIX в.

¹⁴⁴ Дешевая рыба *Hexanematichthys sagor*.

слова «пиунг»¹⁴⁵, «меринью»¹⁴⁶, «фискал»¹⁴⁷ и «юстиция». К тому же в Малакке в ту пору днем с огнем было не найти ринггитов или других монет, а только новенькие рупии. Ежедневно умирал кто-то из индийских сипаев: как видно, потому, что во время морского плавания они не ели риса, а питались эмпингом¹⁴⁸, кокосами и сахаром. Прибыв на берег, они принимались за рис, но от этого маялись животами, и каждый день кто-нибудь из них прощался с жизнью. По их обычаю, до еды положено было искупаться и лишь затем приниматься за трапезу. Многие выживали, но хворали, были бледными и опухшими.

Глава 7. О лорде Минто

Спустя два-три дня [нашим] взорам предстало быстроходное судно с низкой посадкой, крашеное в черный цвет, с флагом на верхушке мачты. При виде этого на всех кораблях были подняты флаги. Водрузили флаг и на холме над городом. По Малакке разнеслась весть: прибыл корабль лорда Минто. Немного погодя на этом судне были подняты ленточные стяги. Жителям Малакки надлежало навести чистоту перед своими домами, украсить переулки и базары. Тысячи людей всякого роду-племени собрались на берегу поглядеть, как выглядит лорд Минто и как одет, ибо слава о нем разнеслась широко.

Грянула музыка, и все воинские отряды, расквартированные в Ламбунгане, Келибанг Кечике и Келибанг Бесаре, Батанг Тиге, Лири и Танджунг Келинге, строем двинулись в Малакку. Барабаны, свирели и прочие инструменты гремели, словно уже настал Судный День, а топот марширующих был сродни грохотанию бури. Сипаи и их командиры облачились в новую одежду, сияющую в лучах солнца. Их сплошной строй был длиной в час ходьбы, и шли они колонной где в два, а где в четыре человека, и запрудили собой всю Малакку. Кроме

---

¹⁴⁵ Piung — (уст.) полицейский.

¹⁴⁶ Merinyu — (уст.) военная полиция.

¹⁴⁷ Фискал (от голл. *procurator-fiscaal*) — фискал, или прокурор-фискал, или промотор-фискал: обвинитель, должностное лицо, составлявшее обвинительный акт.

¹⁴⁸ Эмпинг — лакомство из незрелого толченого риса.

них малаккцы ничего не могли разглядеть. Шеренги стояли в три ряда, начиная от берега моря и вплоть до дворца правителя. Затем со стороны Бандар Хилир послышались звуки труб и шум от приближающихся строем трехсот всадников. Дойдя до цели, всадники выстроились позади пеших воинов, замыкая их с внешней стороны.

У Компании в Малакке имелся большой катер, украшенный на славу. На носу его водрузили британский флаг, гребцов облачили во все красное: таковыми были и их куртки, и тюрбаны. Когда все было готово, господин Раффлз с господином Фаркухаром и прочими важными лицами отправились встречать лорда Минто. Миновало около часа, и наконец они сошли на катер. В момент их высадки с корабля прозвучал залп, и ответом ему стал залп на суше. Затем на всех кораблях, что стояли на рейде, поднялась пушечная стрельба, ее звуки напоминали треск от жарки риса на сковородке. Палили, не переставая, два или три часа подряд, так что море заволокло дымом. Немного погодя катер пристал к берегу. Вельможи и стоящие строем воины были в полной готовности и ждали. Когда же лорд Минто ступил на берег, прогремели пушки, установленные на вершине холма.

Облик и повадка лорда Минто удивили меня, ибо прежде я мог лишь гадать, как он выглядит, какого роста и во что одет. На память пришла малайская поговорка: «Слухи всегда лица краше». Я был разочарован. Моему взору предстал человек старше среднего возраста¹⁴⁹, худощавый, с изящными манерами и приветливым выражением лица. Подумалось мне, что ему едва ли под силу будет поднять вес в двадцать кати¹⁵⁰, настолько хрупким он казался. Одет он был в куртку черного сукна и черные панталоны, больше и сказать нечего.

Вельможи, вышедшие приветствовать его, держались поодаль, не осмеливаясь на рукопожатие, но все обнажили головы и стояли неподвижно. Командиры сипаев громко скомандовали им поставить ружья к ноге в знак воинского приветствия. Сойдя на берег, он посмотрел направо и налево, отдавая честь в обе стороны, и медленно двинулся вперед сквозь многолюдный строй. Пушки продолжали палить. Он раз за разом отдавал честь, учтиво и с достоинством. Я не увидел

---

¹⁴⁹ Во время описываемых событий Минто было более 60 лет.

¹⁵⁰ Кати — мера веса=617,5 г.

в нем ни тени кичливости или самодовольства — он лишь приветственно кивал с самым любезным видом. Все присутствовавшие отдавали ему честь. Остановившись на мгновение, он поднял руку, отвечая на приветствия простых людей — китайцев, малайцев, келингцев и европейцев, и улыбнулся им. Видя его благожелательность и умение расположить к себе людей, народ¹⁵¹ был преисполнен сердечного воодушевления и возносил молитву за него.

Тут мне к месту вспомнилась одна малайская поговорка: «Если змея ползет по лиане, она оттого не менее ядовита»¹⁵². Или китайская поговорка: «Вода в полупустой бочке колышется так же, как и в полной». А ведь в те времена не только вельможи, но и их служащие славились своей спесью. Бедняки вроде меня могли три-четыре раза подряд приветствовать такого человека, но он словно не замечал этого. А уж тот, что сидит в экипаже, кичится еще больше. Получит должность и, как говорят мальчишки, ведет себя словно обезьяна, которой дали цветок¹⁵³. Разве она знает цену цветку? Просто порвет его в клочки и бросит на землю. Есть еще одна малайская поговорка: «Как высоко ни летает цапля, а под конец все равно усядется на спину буйвола». Иными словами, как высоко ни был бы вознесен человек, в итоге он непременно упокоится в земле.

Нижайше прошу извинения у тех господ, о которых я вел речь ранее. Если вы читаете мою повесть, то знайте: мной отнюдь не руководят злоба или стремление унижить другого. На свете уж так повелось: хорошее люди называют хорошим, а плохое — плохим. По малайской поговорке: «От тигра после смерти остаются полосы, от слона — кости, а от человека — его имя для потомства»¹⁵⁴.

Возвращаюсь к рассказу о господине лорде Минто. Поприветствовав окружающих, он не спеша и склонив голову проследовал к дворцу раджи и поднялся туда. Малаккские вельможи и высокопоставленные лица, прибывшие вместе с ним, тоже вошли. Среди

---

¹⁵¹ Namba Allah — букв. рабы Аллаха.

¹⁵² Т.е. «Скромность высокородной особы не унижает ее».

¹⁵³ Т.е. которая не знает, на что он годится.

¹⁵⁴ Вариант пословицы: Harimau mati meninggalkan belang, gajah mati meninggalkan gading, manusia mati meninggalkan nama — «От тигра после смерти остаются полосы, от слона — бивни, а от человека — имя» (доброе или дурное).

множества вельмож я увидел и господина Раффлза, позволившего себе подойти к нему ближе, тогда как прочие стояли поодаль. Встреча была непродолжительной, и вскоре люди стали расходиться. Прозвучал троекратный ружейный залп воинского караула, а затем все удалились по своим домам.

Следующий день лорд Минто начал с посещения тюрьмы, где содержались лица, совершившие правонарушения, а также виновные в невозврате долга. Одним был назначен срок заключения в три или четыре года, другим — в шесть-семь месяцев. Когда он явился, двери открыли, и все заключенные устремились ему навстречу. Одни падали ему в ноги, другие плакали, и каждый рассказывал о своих обстоятельствах. Появился *sarig*¹⁵⁵, то есть тюремщик, и хотел положить этому конец, но лорд Минто сказал: «Не надо». Поглядев на них всех, он прослезился и добавил на хиндустани: «Не тужите, скоро всех вас освободят». При этих словах они возликовали и стали кланяться ему в ноги, словно государю. Затем господин [Минто] воротился во дворец раджи.

Немного спустя прибыл правитель Фаркухар, а с ним начальник тюрьмы и несколько полицейских, гражданских и военных, с ключами. Он крикнул: «Все выпускаются на волю, так повелел генерал-губернатор, лорд Минто!» Общая радость не поддавалась описанию. Выходящие шумно благодарили и молились, чтобы Аллах даровал ему долголетие и помог одержать победу над всеми его врагами. Я же обратился к Аллаху с такой молитвой: «Да простит нам Аллах все наши прегрешения и да избавит он нас от адского пламени, аминь, аминь, аминь!»

На следующий день он принялся осматривать темницы, иначе говоря, застенки, куда не попадает свет, и там мог увидеть воочию все приспособления, предназначенные для пыток заключенных. В одном месте их клеймили, в другом пытали — ломали суставы, а затем вешали, в иных заключали в колодки, а где-то стояла виселица. Все приспособления сохранялись еще с голландских времен. Увидев эти орудия, лорд Минто помрачнел и в сердцах плюнул, а потом сказал

---

¹⁵⁵ В малайском языке это слово не встречается. Ближайшие по созвучию слова: *sapper* (англ.), *sarreug* (голл.) — сапер.

приставленному к ним человеку: «Снеси все это на двор и сожги, чтобы и следа не осталось». Тотчас же были созваны служащие Компании, они оттащили эти орудия к подножию холма и предали их огню. Затем он продолжил осмотр темниц. Там он обнаружил двух или трех узников, виновных в тяжких преступлениях и подвергавшихся пыткам. Все они были выпущены на свободу, а казематы было приказано разрушить и воздвигнуть новое здание сообразно с требованиями нового времени.

Прежние тюрьмы отличались от нынешних, как земля от неба, потому что в застенках, или темницах, не было ни окон, ни мест для сидения или сна — спали, лежа на полу. День был похож на ночь. Тут же приходилось справлять нужду. Попавшие в эту тюрьму оказывались словно бы в аду. В нынешних тюрьмах десятки окон с железными оконными решетками, кафельная плитка, в здании множество комнат, словно в жилых домах. Есть кровати, к ночи зажигают светильники. Одна досада — нельзя выйти и прогуляться на воле. Каждого здесь могут навещать жена и дети, и потому большинству эта тюрьма пришлась по душе. Нет страха туда попасть, потому что пыток там и в заводе нет. Полагаю, однако, что так рассуждают сторонние и неразумные люди, считающие, что страшны одни только пытки. Я же считаю, что преступники и злодеи могут им и не подвергаться: само попадание в тюрьму уже является позором. Стоит ли пытаться таких людей? Если они заслужили смертный приговор, лучше немедленно предать их казни.

К вечеру господин лорд Минто зашел в усадьбу господина Раффлаза во время прогулки по окрестным селениям. По его появлению господин Раффлаз поспешил из дома ему навстречу. Когда [лорд Минто] зашел к нам в писарскую комнату, мы все встали и почтительно приветствовали его. Оглядевшись вокруг, он подошел к моему письменному столу. Я попятился назад, потому что из всех писцов был самой мелкой сошкой — младшим по возрасту. Он пожал мне руку и спросил на языке хиндустан: «Все ли у тебя ладится?» Я почтительно поклонился. Кожа его руки была нежная, словно у ребенка. Он подошел ближе полюбопытствовать, как пишут по-малайски и как выглядят буквы этого языка, и тут же попросил меня что-нибудь

написать. Следя за моей рукой, он улыбнулся и сказал: «Как это тебе удается писать так быстро справа налево?» И добавил: «Учись говорить и читать по-английски». Я ответил: «Учиться я очень люблю, господин». Затем он проследовал в дом Раффлза. Познакомившись с его женой, он отправился восвояси. Сам же господин Раффлз ежедневно являлся к нему в резиденцию.

С первого же дня своего прибытия в Малакку лорд Минто каждый вечер совершал прогулку в экипаже. В один из дней он осматривал мечети, в другой — китайские капища, потом индийские и христианские храмы. Исколесил всю Малакку, и везде при виде его экипажа люди, будь то богачи, бедняки или просто нищие, останавливались и приветствовали его, а он отвечал на приветствие. Случалось, что его встречал целый строй народа, протянувшийся вдоль улицы, и тогда он снимал свой тропический шлем и махал им в ответ с самым учтивым и любезным видом. Я никогда не видел, чтобы он изображал из себя важную персону, будь то в манере себя держать или в одежде.

Зато его подчиненные, на манер вельмож, расхаживали с шелковыми зонтами, при часах и в роскошной одежде. Иные из них доставляли немало хлопот и неприятностей базарным торговцам и лавочникам. Будучи приближенными правителя, они возбуждали всеобщий страх. Памятуя об обычаях малайских раджей и китайских вельмож, они были убеждены в своем праве безнаказанно творить произвол над простыми людьми. Один умрет — семеро придут ему на смену. Никто из них и не ведал, сколь хороши законы, принятые у англичан. У тех призывается к ответу даже самый великий правитель, если он совершит нечто недолжное. Если, к примеру, он убьет человека, то и сам будет осужден на смерть, ибо по английскому закону человекоубийство не допускается, и этот закон равен для всех, будь то вельможа или лицо низшего звания, раджа или простолюдин. Следует проявлять уважение к самому статусу вельмож, но отнюдь не к вершиму ими произволу, захвату чужого имущества или иным недостойным действиям.

Глава 8. О Главномандующем

Расскажем теперь о Главномандующем, которого господин Раффлз послал на Яву с письмом в сопровождении Пангерана, сына одного из яванских вельмож. Миновало около трех месяцев со дня их отбытия, и к тому времени все корабли¹⁵⁶ достигли Малакки и стали на якорь, заполнив до отказа все водное пространство порта. На всем протяжении от Танджунг Келинга¹⁵⁷ до Пулау Панджанга¹⁵⁸ я насчитал добрую сотню больших и малых судов, не считая тех, что поджидали, стоя на якоре, на всем протяжении пути к Яве.

Однажды к господину Раффлзу явился человек, несший караул у флага на вершине холма, и сообщил: «Прибыл ваш кеч, на котором отплыл Главномандующий». Новость эта обрадовала господина Раффлза, потому что флотилия намеревалась тронуться в плавание в ближайшую пятницу и все уже было готово — и снаряжение, и провиант. Вскоре кеч бросил якорь, и Главномандующий с Пангераном сошли на берег и направились в дом господина Раффлза, неся письмо, обернутое желтой тканью. Господин Раффлз уже ожидал их. Увидя их, он пожал им руки и приветствовал, а затем сказал: «Какие новости, тенгку? Есть хорошие?» И тот ответил: «Есть, господин. Правда, меня едва не закололи насмерть. Погиб один из моих товарищей, а двое были ранены, когда мы сошли на берег с письмом». Тут он рассказал господину Раффлзу обо всех перипетиях доставки письма, и тот ответил: «Не печалься, тенгку. Английская Компания щедро возместит тебе за пролитую кровь, и если мы благополучно достигнем Явы, я буду просить господина лорда Минто поручить тебе управление той областью, какую ты сам выберешь. А что с письмом?»

Ему тотчас же предъявили письмо, обернутое желтой тканью. Господин Раффлз сказал: «Тебе удалось лично повстречаться с сусунаном?» Тот ответил: «Удалось, господин, но только ночью. Он заверил меня: «Если Англия пойдет на захват Явы, мы готовы

---

¹⁵⁶ Имеется в виду флотилия, задействованная в яванской операции.

¹⁵⁷ Область побережья в с.-в. от Малакки.

¹⁵⁸ Небольшой остров к югу от Малакки.

оказать поддержку с суши». Но побеседовать с ним подольше мне не довелось: мы опасались слежки со стороны голландцев. Получив письмо, я сразу собрался уходить, но тут появились яванцы, бывшие на службе у голландцев, с намерением задержать всех нас. Мы обнажили клинки и оказали сопротивление, двух наших людей убили, а уж сколько человек было убито с их стороны — не ведаю: было очень темно». Пока он рассказывал, Пангеран молча слушал и кивал. Господин Раффлз ответил: «Компания выражает тебе, тенгку, свою глубочайшую благодарность».

Когда письмо было вручено господину Раффлзу, Главнокомандующий и Пангеран испросили разрешения удалиться. Пожав им руки, господин Раффлз попрощался с ними, и те разошлись по домам.

Вечером господин Раффлз послал за Пангераном, чтобы тот прочел ему письмо, ибо владел яванским языком. Вскоре он прибыл и явился к господину Раффлзу, а тот велел ему распечатать и прочесть письмо. После хвалебных слов, адресованных Английской Компании, и поклонов господину Раффлзу, в нем значилось следующее:

«...письмо и подарки мы получили. В соответствии с обращенной к нам просьбой наших друзей мы ждем вас, пребывая в полной готовности. Как только наши друзья прибудут на Яву, мы окажем им поддержку с суши».

Выслушав, что значилось в письме, господин Раффлз задумался на мгновение. Когда с чтением было покончено, Пангеран удалился восвояси.

Я наблюдал за поведением господина Раффлза. Прошло некоторое время после того, как он прослушал письмо. Спустился вечер, но он словно бы забыл обо всем: то и дело брался за письмо, вглядывался в него и снова клал на место. Обычно по вечерам он совершал прогулку в экипаже, но в этот день коляска ждала его у дверей до позднего часа, а он так и не вышел из дома. Миновала ночь. В девять часов утра я, как обычно, пришел туда и увидел, что господин Раффлз сидит с письмом в руках, откинувшись на стуле. Позавтракав, он спустился из дома посмотреть, как идут сборы, не выпуская письма из рук. Затем он снова поднялся наверх, а через мгновение сбежал вниз и попросил: «Ибрахим! Принеси из шкафа четыре-пять

листов бумаги!» Энчик Ибрахим, захватив бумагу, поднялся к нему. Вскоре господин Раффлз спустился с бумагой и письмом, показал писцу и всем нам и спросил: «Письмо написано на той же бумаге, что и эта, и номер [...] ¹⁵⁹?» Мы ответили: «Да». Это была та самая бумага, не считая того, что при писании она немножко помялась.

Тотчас же он послал полицейских позвать Пангерана, и тот явился. Я заметил, что краска сбежала с его лица. В эту минуту господин Раффлз с письмом в руке шагал взад-вперед по веранде. Пангеран вошел, но господин Раффлз лишь искоса взглянул на него и ничего не сказал. Тот встал у стены. Десять или двадцать раз господин Раффлз прошагал туда-сюда и вдруг ринулся к Пангерану. Кажется, сейчас он ударит его: я подсматривал в дверную щель и заметил, как вздрогнул Пангеран, когда тот устремился к нему. Господин Раффлз заговорил, не обращаясь к нему по имени: «Это действительно письмо сусунана Бентарама?» Пангеран мертвецки побледнел и не ответил на вопрос господина Раффлза. Тот сказал: «Не слышишь, о чем я спрашиваю? Если не скажешь правду, я велю тебя повесить!»

Слушая господина Раффлза и видя, в какой ярости тот находится, Пангеран дрожал всем телом. Никогда прежде мне не доводилось видеть, чтобы лицо господина Раффлза становилось такого цвета и отдавало синевой, руки же его дрожали от гнева. Он спросил: «Не хочешь сказать правду?» Пангеран ответил: «Господин, а что я мог поделаться?» И замолчал. Господин Раффлз произнес: «Говори, как все было на самом деле!» Отвечает Пангеран: «Я человек маленький, нахожусь в подчинении у Главнокомандующего. Что он мне велит, то я и исполняю. Если послушаюсь, он может убить меня». Говорит господин Раффлз: «Что же произошло? Расскажи по порядку, как все было на самом деле, не то плохо тебе придется». Говорит Пангеран: «Как можно? Ведь я поклялся на Коране, что не раскрою этой тайны». Молвил господин Раффлз: «Так дело не пойдет. Ты обязан рассказать».

---

¹⁵⁹ Tidak nombornya — букв. «не ее номер?» Смысл не совсем ясен, м.б., имеется в виду обозначающая дату цифра на водяном знаке бумаги. Переводившие «Историю Абдуллаха» Дж. Т. Томсон и А. Х. Хилл вообще выпустили этот пассаж.

Отвечает Пангеран: «Хорошо, господин. Расскажу все начистоту. Плыли мы отсюда двенадцать дней и уже были у Палембанга, как нас застиг ураган. Дул шквалистый юго-восточный ветер, и Главнокомандующий сказал: «Не причалить ли нам в Джамби, уж больно ветрено». Я ответил: «Господин Раффлз наказал нам никуда не заходить». Но Главнокомандующий сказал: «Что же, нам погибать остается? Чем помирать в море, лучше уж в чужом краю!» Он был в крайнем гневе. Я отвечал: «Поступай, тенгку, как считаешь нужным». И наш кеч двинулся к устью Джамби¹⁶⁰. Спустя два дня мы прибыли в устье, выгрузили опиум и ценные вещи. Его сыновья и четыре-пять членов команды сошли с ним на берег, я же остался на кече. Целый день я прождал, но они не возвращались, на второй день тоже. Спустя шесть дней явились на судно его товарищи и потребовали отдать им оставшийся груз. Я не осмелился сопротивляться в одиночку: боялся, что они заколют меня. С того времени, как все унесли на сушу, миновало около пятнадцати дней, и наконец он появился на берегу, сердитый и мрачный, поднялся на кеч и ушел в свою каюту спать. Его товарищи принялись готовить еду.

Прошло еще пять-шесть дней, и вот он снова собрался на берег и сказал мне: «В эту пору ветры особенно сильны. Но через несколько дней мы сможем вновь пуститься в плавание». Я ответил: «Хорошо, тенгку». На суше он провел шесть-семь дней, а затем вернулся на судно, велел сниматься с якоря и отчаливать. Кеч дошел до одного из притоков этой реки, и нам было приказано бросить якорь. Мы пробыли там шесть-семь дней, когда вдруг появилась грузовая лодка, двигавшаяся мимо нас. Мы открыли огонь, те ответили. Два человека на кече были убиты. Перестрелка длилась до заката, а затем ветер утих, та лодка поплыла и скрылась из виду. Затем мы ограбили еще три лодки: люди с них прыгали в воду, а мы забирали их имущество.

Так миновало пятнадцать дней. Однажды на рассвете он призвал меня и сказал: «Как нам поступить? Из-за сильного ветра мы не сможем доставить письмо сусунану Бентарама». Я ответил: «Отчего же нет, если постараться, ведь сейчас не пора больших

---

¹⁶⁰ Kuala Jambi — устье реки Бербак, провинция Джамби (восточное побережье о. Суматра).

ветров». Выслушав меня, он рассердился и помрачнел. Я со страху помалкивал: боялся, что он меня убьет. [Он сказал:] «Давайте примем решение. Согласны ли все поступить, как я скажу?» Мы с моряками спросили: «А как, тенгку?» Он ответил: «Если согласны, поклянитесь, что не откроете этой тайны. А кто не хочет, пусть скажет». И все ответили: «Как прикажешь, тенгку, так мы и сделаем».

Тут он достал Коран, вызвал первым меня и велел дать ему в том клятвенное обещание. Я трепетал, видя, в каком он гневе и едва ли не готов поднять руку на человека. И подумалось мне: «Если не послушаюсь, он непременно меня убьет». Я поклялся, что не выдам тайны, а следом за мной дали клятву и все мои товарищимооряки. Затем он сказал: «Сочини-ка письмо от имени сусунана Бентарама и напиши, что тот получил из наших рук письмо господина Раффлза и ждет того момента, когда господин Раффлз пойдет на Яву, сам же он его поддержит с суши». Тут я сочинил это письмо, а тот завернул его в желтую ткань. Потом мы все твердо обещали друг другу, что не раскроем этой тайны. Когда с письмом было покончено, наш кеч двинулся в Малакку. Вот тебе и вся история, господин, от начала и до конца».

Этот рассказ привел господина Раффлза в ярость, он прикусил себе палец, затопал ногами, лицо его побагровело. Он приказал: «Уходи!» Он задыхался и выглядел человеком, которого постигла огромная беда: ведь это случилось в тот день, когда ему надлежало погрузиться на корабль. Прочие же суда уже ушли в море, заполонив все водное пространство. В Малакке в тот час царил суматоха: тридцать или сорок кораблей отчаливали одновременно, а пятьдесят или шестьдесят еще оставались на месте. В три часа пополудни к дому господина Раффлза прибыли на экипажах важные персоны, прослышавшие о получении письма с Явы. Как стыдно было в эту минуту господину Раффлзу — ведь все эти господа хотели услышать, что было написано в письме!

В дом к господину Раффлзу явился и лорд Минто. Когда подъехал его экипаж, господин Раффлз, бледный, спустился навстречу. Когда все собрались, господин Раффлз молвил: «Позовите сюда Главнокомандующего». И приказал сипаям, стоявшим на карауле

перед входом: «Когда он явится, не позволяйте его спутникам идти вместе с ним — пусть заходит один». А надо сказать, что весь этот день господин Раффлз посылал за ним, но тот каждый раз сообщал, что вот-вот явится. Трижды полицейские отправлялись звать его, а он не шел, потому что задумал побег и был занят сборами. Немного спустя он появился в сопровождении десяти или двенадцати товарищей, каждый из которых имел при себе крис. Оба его сына тоже были там, и у каждого было по запасному крису. Когда они подошли к ограде дома, сипаи не пропустили никого, кроме Главнокомандующего, прочие же остались снаружи. Главнокомандующий был в замешательстве и еле передвигал ноги. Когда он подошел к лестнице, ведущей наверх, стражи не пропустили его и пошли доложить господину Раффлзу. Вскоре господин Раффлз сошел вниз. Увидя его, Главнокомандующий приветствовал его, но тот не ответил, так как был в ярости. Он сказал: «Обманщик! Сейчас я распоряжусь, и тебя посадят в пушечное жерло¹⁶¹! Иди! Не стой здесь! Сегодня вечером снимается с якоря небольшой корабль, поторопись занять место на борту: в четыре он отчаливает. Когда окажетесь в море, тебя засунут в жерло пушки¹⁶². Я отплываю завтра рано утром, не то нас следовало бы повесить обоих. Иди! Не стой здесь! Не желаю видеть перед собой обманщика и морского разбойника!»

Как я мог заметить, Главнокомандующий в ту минуту лицом смахивал на покойника. Он не мог слова промолвить и хранил гробовое молчание, поняв, что разоблачен. А господина Раффлза мучил стыд перед лордом Минто: ведь прежде он сам представил ему Главнокомандующего как порядочного человека. Потеря десяти тысяч ринггитов сегодня огорчила бы его меньше, нежели нынешний позор пред лицом важных особ. Думается мне, что именно стыд заставил его устроить побег Главнокомандующего. В противном случае господин Раффлз мог бы в одно мгновение сделать то, к чему склонялась его

¹⁶¹ Nanti sahaya suruh bubuk di mulut meriam. Эта фраза Раффлза не может не вызывать сомнений. Прежде всего, калибры морской артиллерии той эпохи не позволили бы поместить в жерло корабельной пушки даже человека некрупного сложения. Кроме того, в устах Раффлза подобная угроза звучит по меньшей мере странно.

¹⁶² Nanti di laut sahaya taruh di mulut meriam. Вариант фразы, приведенной выше (см. предыдущую сноску).

душа. Но Главнокомандующего следовало скрыть от взоров высоких особ, и благодаря этому он смог вернуться домой. Господин Раффлз удалился к себе и спешно готовился к отплытию. Пока все были поглощены сборами, Главнокомандующий ночью уплыл на какой-то лодке. По слухам, путь его лежал в Сиак.

Назидание: следует извлечь урок, о благоразумные мои братья, из этой ужасной истории, дабы она запечатлелась в памяти всех ищущих человека, на которого можно положиться, испытанного и надежного. Таковой стоит дорого, и нелегко его найти в наше время. И если не подойдешь к делу со всей дотошностью и предусмотрительностью, то пожалеешь об этом, как пожалел господин Раффлз, только какой от этого прок? Малайская поговорка гласит: «Сначала подумай, потом сделай, не то будет поздно». Мудрые люди говаривали: «Капля синьки сделает негодным целый горшок с молоком». Господин Раффлз не проявил дальновидности в сем важном деле, и что было толку сожалеть об этом задним числом? Он на деле узнал, что трудно исправить человека, склоняющегося ко злу, если только Аллах не поможет. Как говорят мудрецы, сколько ни купай ворону в розовой воде, сколько ни умащай амброй и цибетом — ее черные перья белыми не станут. Так-то.

В ту ночь сгорел один корабль, стоявший на якоре против Келибанг Бесар¹⁶³. Причиной возгорания было то, что моряки курили сигары, а окурки бросали прямо на корабле. Огонь перекинулся на снасти и охватил все судно. Возгорание началось ночью, а часам к одиннадцати утра огонь добрался до пороховой бочки. С ужасающим грохотом судно взлетело на воздух. Взрыв потряс всю Малакку, а корабль ушел на дно. В ту пору его капитан был на берегу. Все суда, стоявшие на рейде, поспешили сняться с якоря и отплыть из опасения, что огонь распространится дальше. Через два дня после пожара на судне многие малаккцы наталкивались на корабельный инвентарь и прочее имущество, разбросанное вдоль кромки берега.

Настал день, когда господин Раффлз отправлялся в плавание. Он собирался забрать меня с собой, но мать воспротивилась и, плача, говорила: «У меня не двое детей и не трое, а один-единственный — мой

---

¹⁶³ Кампунг, расположенный к с.-з. от центра Малакки.

любимец!» Господин Раффлз сказал: «Ты, энчик, боишься, что он умрет?» Матушка ответила: «Не о смерти речь: просто он еще юн и никогда прежде не расставался с родителями. К тому же я слышала, что Батавия — рассадник болезней. Поэтому-то, господин, я и не могу его отпустить от себя со спокойным сердцем». Господин Раффлз ответил: «Согласен, энчик. Если буду жив и снова вернусь сюда, заберу к себе Абдуллаха».

Он позвал меня в свой кабинет и написал письмо. Затем открыл ящик, достал оттуда тридцать рингитов и, указав на деньги и письмо, молвил: «Если кто-то из англичан захочет пригласить тебя на службу или задумает изучать малайский язык, покажи им это письмо, и работа у тебя будет». Я с радостью принял [письмо и деньги] и поблагодарил его. Затем он сказал: «Пойди попрощайся с моей женой». И я отправился к его супруге прощаться. Он вручила мне десять рингитов и полрулона муслина с узором из золотых цветов, сказав: «Это тебе на рубашку». И я удалился, опечаленный, ибо очень был привязан к господину Раффлзу и его жене — они были для меня как отец и мать. Если бы не страх перед родителями, я бы последовал за ним куда угодно, ведь в нем было столько душевной тонкости и дружелюбия! Да вознаградит его Аллах на этом свете за его доброту, да приумножит его славу и могущество и да дарует ему радость, крепкое здоровье и душевный покой! В тот же день он переговорил с моим дядей Исмаилом Лебеем и, забрав его с собой, отплыл на корабле лорда Минто вместе со всей флотилией. Малаккский порт опустел.

Спустя месяц после того, как англичане овладели Явой, бабушке в Малакку пришло письмо, где сообщалось, что мой дядя Исмаил Лебей, сопровождавший господина Раффлза, скончался в Батавии. Его дети и жена погрузились в скорбь, а мать безутешно оплакивала кончину своего сына.

Глава 9. Англо-Китайский Колледж¹⁶⁴

Рассказывает владелец этой истории¹⁶⁵, что в 1238 г.х., то есть в 1823 г. христианского летосчисления, в Малакке впервые появился английский пастор с женой, маленькой дочкой и двумя мальчиками-близнецами¹⁶⁶. Звали пастора господин Милн, дочь его звали Селия, а близнецов — Уильям и Роберт.

Сразу по приезде он поселился на территории форта. Ему отвели помещение, где он стал обучать мальчиков английскому языку. Миновало десять-пятнадцать дней с начала занятий, и весть о прибытии английского пастора, который бесплатно занимается с детьми и предоставляет им бумагу, чернила, перья и прочее, дошла до меня. Услышав эту новость, я возрадовался, памятуя наказ лорда Минто и слова господина Раффлза: «Если выучишь английский язык, тебе это впоследствии очень пригодится». Сказанное крепко-накрепко запечатлелось в моей памяти. В те времена в Малакке с изучением английского языка дело обстояло непросто: подобных школ еще не было. Для детей из богатых семей, желавших изучать английский, приглашались на дом учителя, услуги которых стоили немало. Это были не опытные преподаватели и даже не англичане, но в большинстве своем полукровки¹⁶⁷ из Мадраса или же голландцы, немного поднаторевшие в английском языке. Именно они учительствовали в Малакке и дорого брали за свою работу. В ту пору среди всех малаккцев разного роду-племени не было человека, умевшего читать или правильно говорить по-английски, потому что этому не учили.

Настал день, когда я отправился знакомиться с господином Милном: хотелось поглядеть на английского пастора, ведь прежде я таковых

---

¹⁶⁴ Написано Anglo College, правильное название — Anglo-Chinese College.

¹⁶⁵ Традиционное самоназвание малайского рассказчика, существующее в двух вариантах, малайском и арабском: *yang empunya ceritera* и *sahib ul-hikayat*.

¹⁶⁶ Как это не раз случалось у Абдуллаха, здесь указана неверная дата (как по мусульманскому, так и по христианскому летосчислению). На самом деле описываемое событие датируется 1815 г. Уильям Милн (1785–1822) — британский миссионер, основатель первых типографий в Малакке и на Пенанге в 1815–1816 гг., первый принципал Англо-Китайского колледжа, издатель журналов *Indo-Chinese Gleaner* (на англ. яз.) и *Chinese Monthly Magazine* (на кит. яз.). О его деятельности в регионе см. [Lovett, 1899, p. 499].

¹⁶⁷ Т.е. дети европейцев и женщин-азиаток. В оригинале у Абдуллаха, в соответствии с традицией, они обозначены как *Serani* (христианин).

не встречал и ничего не слышал о них, хотя пасторы-полукровки мне встречались. Любопытно было понаблюдать, как он учит детей. Было около одиннадцати часов утра. Подойдя к дому, я заглянул в окно, не решаясь войти, и увидел, что он занимается с двумя учениками. Как я мог заметить, внешностью и одеждой он походил на большинство англичан. Когда его взор пал на меня, я приветствовал его словами: «Good morning, sir!» В ту пору я знал по-английски лишь эти слова, переняв их у писаря господина Раффлза. Он ответил таким же приветствием, подошел и пригласил меня в класс.

Решив, что я говорю по-английски, он обратился ко мне на этом языке: «А английский ты где изучал?» Я не ответил, потому что не понял, и один из мальчиков, полукровка, перевел мне его слова. Тот спросил: «А по-малайски умеешь читать?» Я ответил: «Умею немного». Тогда он прошел во внутренние покои дома и принес два-три печатных экземпляра «Нового Завета» на малайском языке. Заглянув в книгу, я был изумлен, потому что никогда прежде не видал печатной малайской книги. Рассмотрев ее, я обнаружил, что узнаю все буквы, не считая точек, которые в малайских рукописных книгах встречаются нечасто. Мысль о том, что на свете существуют разные виды малайского письма, встревожила меня и запала мне в душу. Я спросил: «Где же выпущена эта книга, господин?» Он ответил: «В Голландии. Они переложили ее на малайский». Я спросил: «А что это за книга?» Он ответил: «Евангелие». И молвил: «Возьми одну из них, почитай». Я взял, поблагодарил и добавил: «Господин, мне очень хочется уметь читать по-английски». Он ответил: «Хорошо. Могу быть твоим наставником, но ты в ответ должен научить меня читать по-малайски». Я ответил: «Согласен, господин. Приду завтра с утра».

Откланявшись, я отправился домой в самом радужном настроении: во-первых, потому, что даром получил книгу, во-вторых, потому, что господин Милн оказался вежливым и воспитанным человеком, и в-третьих, потому, что он согласился учить меня английскому. Вдобавок мне не терпелось узнать, что написано в этой книге и какая там рассказана история. Я был уверен, что это — хикайат, а в ту пору хикайаты мне очень нравились. Читая их, я извлек много пользы и постиг немало секретов малайского языка. Если обнаруживалось, что у кого-то

есть хикайат, мне еще не известный, я любым способом, бесплатно или за плату, добирался до него, а по прочтении возвращал владельцу. Так я выработал навыки чтения, стал понимать, где надо сделать паузу, где читать громче, а где тише и так далее. Если будет на то воля Аллаха, об этом я еще скажу далее.

Советую всем моим друзьям, читателям этой книги: если хочешь как следует изучить малайский язык — читай малайские хикайаты, и найдешь в них немало полезного, чего с первого взгляда и не заметишь. В этом ты сможешь убедиться позднее, когда задумаешь что-нибудь сочинить или когда тебя станут спрашивать, что означает то или то слово и как его употребляют. В такую минуту ты непременно вспомнишь, что встречал это слово в таком-то китабе или хикайате, что употребляется оно так-то и в таком-то значении. Не поймите меня неправильно: мне прекрасно известно, что по большей части хикайаты — сплошной вымысел, и я отнюдь не призываю вас верить всему, что там рассказывается. Но все же, невзирая на все небылицы, пусть эти книги занимают положенное им место. На них стоит обратить внимание, ведь их сочиняли умные люди, не нам с вами чета, у них найдется чему поучиться.

Постигнув все эти премудрости, мы сможем сами сочинять, что нам заблагорассудится — подлинные истории или изящные очерки. И если мы познали все тонкости смыслов, наше сочинение будет еще совершеннее. «Уже рассвело, а факел все горит»¹⁶⁸. Ибо, не считая десятка человек, есть немало людей, знающих малайскую грамоту и способных читать хикайаты, однако вопрос: «Что означает прочитанное тобой выражение?» приведет их в замешательство. Ответить они не смогут, потому что не учились, не ведают, как оно возникло и каков его смысл, и могут лишь подражать другим.

Таковы те, кто умеет лишь читать, но что в том проку: написать они ничего не могут, не зная, как это делается. Уподоблю их человеку, у которого есть все необходимые орудия для работы, а как обращаться с ними, он не знает. Что за мастер из него получится? Если и заставит себя взяться за дело — загубит инструменты. Вещи, выходящие из-под его рук, поломаются, а инструменты заржавеют.

---

¹⁶⁸ Поговорка: разьяснять то, что и так понятно.

Так же обстоит дело и с сочинительством. Если какое-то выражение употреблено к месту, оно и благозвучно, и сообразно смыслу, а если не к месту — получится нескладно, [по поговорке]: «Словно пестом занозу выковыривают»¹⁶⁹.

Возвращаясь к рассказу о книге, что дал мне господин Милн. Вернувшись домой, я принялся ее читать, не торопясь и внимательно следя, где расставлены точки. Прочитав первую страницу, я увлекся и читал всю ночь напролет, так что одолел почти всю книгу. Буквы и слова в ней были малайские, а слог не малайский, слова употреблены не в тех местах и как-то странно соединены между собой, поэтому скрытый смысл книги ускользал от меня, а ее слог резал мне ухо. Получалось, что написана она для белых людей, а я их языком не владею. Озадаченный, я размышлял о книге и был огорчен тем, что в ней обнаружил. Буквы написаны красиво, а слова незнакомые, не малайские и не английские, не поймешь. Подумалось мне: ради чего выпускали эту книгу? Трудов и денег положено немало, а пользы от нее никакой.

Назавтра я показал книгу соседским товарищам. Они принялись читать, и одни просто не справлялись с чтением, другие читали, запинаясь, но смысл ее не был понятен никому, и все они строго наказали мне: «Не читай ее, выброси. Это книга белых людей, она сокрушит нашу веру в Аллаха». Я ответил им: «С чего вы взяли, что это — книга белых людей? Разве она написана не по-малайски? И как она может сокрушить нашу веру в Аллаха? Что это такое — вера? Ведь вера — это то, в чем ты убежден. Прочти я хоть тысячу священных книг иных религий, но если я не исповедаю их веру, каким образом это сокрушит мою? И слушать ваши глупости не хочу!» И они умолкли.

В десять часов я явился к господину Милну и, войдя, приветствовал его. Он пригласил меня в комнаты и сказал: «Ты читал нынче ночью эту книгу?» Я ответил: «Уже прочел ее всю, господин». Он спросил: «А по-малайски это складно звучит?» Я ответил: «Нет, господин». Он сказал: «А если так, что это вообще такое?» Я ответил: «Не понимаю, господин. Что это за язык, наверное, знает тот, кто ее писал». Поняв при помощи переводчика, что

---

¹⁶⁹ Поговорка: *seperti antan dicungkilkan duri*.

я сказал, он рассмеялся, а затем прошел вглубь дома, принес мне книгу — малайско-английский словарь и стал спрашивать о значении пяти-шести слов: *patik*, *singgasana*, *sesungguhnya*, *sengsara*¹⁷⁰ и прочих. Я отвечал, как умел. Все эти слова поочередно он сверял с книгой и сказал: «Верно». Я слышал, что все это действительно малайские слова, которые в ходу в Малакке и встречаются в книгах и документах. Я спросил: «А эту книгу кто написал?» Он сказал: «Один премудрый англичанин, его зовут господин Марсден». Я сказал: «Вот здесь правильный малайский язык. А в той, что вы мне давали вчера, — неправильный». Он улыбнулся, а потом принес мне малайскую грамматику, что составил тот же господин, открыл и велел прочесть напечатанный в ней образец письма. Я прочел, и он спросил: «А это правильный малайский язык?» Я ответил: «Написано по-малайски, как полагается». Он улыбнулся, подумал и сказал: «Попробуй-ка напиши сам что-нибудь, а я покажу человеку, который разбирается в малайском». Я ответил: «Хорошо, господин». Затем он вручил мне перо, чернила и бумагу, а я написал:

«Тому, кто собрался изучать чужеземные наречия, следовало бы прежде освоить свой родной язык, тогда пойдет ему на пользу и тот язык, что он собрался изучать».

Когда я кончил писать, он забрал у меня бумагу и сказал: «Приходи-ка, господин, завтра, обязательно приходи».

Назавтра в десять часов я явился. Встретив меня у дверей, он поздоровался, пригласил в дом и сказал: «Тебя ведь Абдуллахом зовут?» Я ответил: «Да, господин». Он еще спросил: «Ты работал у господина Раффлаза?» Я ответил: «Работал, господин». Он сказал с улыбкой: «Можешь стать моим учителем. От белых людей я слышал, что у тебя есть навык преподавания малайского». Я ответил: «Господин, я человек невеликого ума, малолеток-невежда — куда мне быть учителем? Не так-то легко им стать, для того требуются пять условий. Во-первых, человек должен быть образованным. Во-вторых, своей образованностью ему не следует кичиться. В-третьих, он должен быть снисходителен к ошибкам и непонятливости других, не бояться трудностей. В-четвертых, он должен знать все слова,

---

¹⁷⁰ «я», «трон», «на самом деле», «страдание» (мал.)

которым обучает, — и откуда они произошли, и как их употребляют. В-пятых, он должен быть прилежен и трудолюбив. Без этого учителем ему не стать».

Он ответил: «Понимаю. Я сам давно ищу себе учителя — хочу освоить малайский. Ко мне уже приходили трое соискателей на это место. Я принялся их расспрашивать о некоторых малайских оборотах из этой книги, а мне отвечают: «Это не малайский, а язык белых людей». Назавтра явился еще один, тоже метящий на место учителя. Я его спросил: «А ты, энчик, изучал малайский язык?» Он ответил: «А на что мне его учить, господин, я его знаю. Никогда прежде я не слыхивал, чтобы кто-то учил малайский». Я ему на это: «Если ты, энчик, сам не учился, то как сумеешь научить других?» Он промолчал, а потом ушел, не попрощавшись, в ярости от моих слов. А на днях наниматься в преподаватели пришел старик. По его словам, он десятки лет учительствовал. Я его спросил: «Скажи, энчик, сколько звуков в малайском языке?» Он ответил: «Да разве считаешь их, господин? Многие десятки тысяч!» Я рассмеялся, услышав этот бред, и спросил: «Как же ты, энчик, собираешься стать учителем, если и со звуками малайского языка еще не разобрался?» Рассердился тот и заявил: «Дожил до седых волос, но не слыхал, чтобы кто-то интересовался звуками малайского языка». С тем и ушел. А сейчас я задам тебе тот же вопрос: «Сколько в малайском языке звуков?»¹⁷¹».

Я ответил: «Вы уже спрашивали старика, и он не смог ответить. А я еще мальчик, откуда мне знать?» Он сказал: «А ты подумай». Я ответил: «Думаю, в малайском всего три звука». Он сказал: «Какие?» Я ответил: «Верхний, нижний и передний». Он спросил: «А что это значит?» Я ответил: «Это огласовки в арабском, языке Корана. *Фатха* — наверху, *касра* — внизу и *дамма* — впереди. Поскольку у малайцев нет этих арабских значков, они заменили *фатху* на *алиф*, *касру* на *йа*, а *дамму* на *вав*, и получились звуки *а*, *и*, *у*». Он сказал: «Верно». И распорядился: «Приходи сюда каждый день, будешь меня учить с десяти до часу. Ну а я буду учить тебя

---

¹⁷¹ Имеются в виду гласные звуки. Далее речь идет о передаче кратких и долгих гласных на письме в малайской версии арабской графики.

читать и говорить по-английски и платить тебе буду десять ринггитов». Я ответил: «Хорошо, господин». Он добавил: «Через несколько дней я ожидаю приезда многих моих товарищей, и все они возьмутся за изучение малайского. Я рад, что ты учишь английский, им легче будет постигать малайский язык, и учение пойдет успешно и у них, и у тебя».

В тот же день я начертал буквы *алиф, ба, та*, и он взялся за учение, а мне вручил книгу, озаглавленную «Орфографический справочник»¹⁷². С ее помощью он обучал меня английским буквам и звукам. Ежедневно я отправлялся к нему и вел с ним занятия, а потом он учил меня. Спустя три-четыре месяца он уже выучил буквы и мало-помалу мог читать, хотя и не бегло. Также и я освоил написание не слишком длинных слов¹⁷³. Затем господин Милн взялся за изучение кантонского диалекта китайского языка. Прибыл учитель китайского, Ли Сянь-син, и мы с ним стали друзьями: он хотел выучить малайский, а я китайский. Ежедневно я давал ему уроки, а он — мне. Как гласит малайская поговорка, «и наныряться, и воды напьешься»¹⁷⁴, сам же я считаю: лучше знать, чем не знать. Многие возражали: «Зачем тебе учить язык неверных?» Я пропускал все мимо ушей: что толку слушать дураков? Если бы в юности я не учился, что случилось бы со мной на склоне лет? Непременно пожалел бы об этом.

Весь облик и манеры господина Милна выдавали в нем воспитанного человека. Говорил он негромко, и приветливое выражение не покидало его лица, даже когда он был не в духе. Отличался усидчивостью и хорошей памятью. Если месяц назад мы что-то проходили, то спроси его и месяц спустя — даст правильный ответ.

Пока я учился и учил, в Малакку из Батавии прибыл господин пастор Томсен с супругой¹⁷⁵ и нанял квартиру на задах дома, где жил господин Милн. Однажды господин Милн обратился ко мне: «На днях прибыл один пастор и хочет учить малайский. Я уже сообщил ему,

---

¹⁷² В оригинале по-английски — Spelling Book.

¹⁷³ Mengeja dua tiga huruf — букв. «сложить [слово] из двух-трех букв».

¹⁷⁴ Русский эквивалент этой поговорки: «убить двух зайцев сразу».

¹⁷⁵ Его приезд в Малакку датируется 27 сентября 1815 г. [Milner, 1981, p. 45].

что у меня есть для него учитель. Сходи-ка к нему в четыре часа, он хочет познакомиться». Я ответил: «Хорошо, господин».

В четыре часа я явился. Тот провел меня в дом, пригласил сесть и спросил: «Так это ты, энчик, учитель господина Милна?» Я ответил: «Да». Он сказал: «Если ты готов и меня учить, я хотел бы с тобой заниматься». Я ответил: «Не знаю, что и сказать, господин. Но если ты надумал учиться, я согласен». Улыбнувшись, он сказал: «Мне о тебе рассказывали. Один господин, что сейчас в Батавии, говорил, что тебя зовут Абдуллахом». Я ответил: «Так, господин». — «И ты, энчик, работал у господина Раффлза?» Я ответил: «Да, господин». Он сказал: «А письмо от него у тебя есть?», и я ответил: «Есть». Он сказал: «Завтра принеси-ка мне это письмо, я посмотрю». Я ответил: «Хорошо, господин».

Откланявшись, я направился к господину Милну и по дороге размышлял. У господина Томсена был голландский акцент: все, что ни скажет, звучит именно так. И подумалось мне: «При занятиях малайским избавиться от акцента ему будет непросто, и дело это долгое». Свои соображения я оставил при себе, но пришел к убеждению, что он не англичанин. Когда я явился к господину Милну, тот спросил: «Познакомились?» Я ответил: «Да, господин». Он сказал: «И что он говорил?» Я передал ему все сказанное господином Томсеном, а господин Милн сказал: «Что ж, отправляйся к нему завтра».

Я спросил: «Скажите, а откуда он родом?» Тот ответил: «Англичанин». Я сказал: «Мне он англичанином не показался». Он сказал: «С чего ты взял?» Я ответил: «У него выговор не английский». Улыбнувшись, он сказал: «А малайцы, как видно, научились отличать англичан от других народов!» И добавил: «Он не англичанин, а немец». Эта новость меня удивила: в жизни не слыхивал о такой нации. И я спросил: «Скажи, господин, а он не метис?» Тот сказал: «Мы все европейцы, но нации у нас разные». Я сказал: «Думаю, господин, непросто будет ему учить малайский: не справится с произношением». Он сказал: «Ничего. Поначалу так бывает с каждым».

Назавтра в десять часов я явился к господину Томсену с письмом господина Раффлза. Ознакомившись с ним, он показал письмо жене, и та с улыбкой прочла его. Затем он сказал: «Ты можешь

заниматься со мной, а господин Милн сейчас взялся за китайский, и на малайский у него времени нет. Я же хочу изучить один лишь малайский, но в совершенстве». Его слова вызвали у меня улыбку. Он еще сказал: «Учить малайский язык — сплошное удовольствие. Через два года буду знать его как следует». Изъяснялся он при этом так: на одно малайское слово — десять английских, их значение мне толковал кто-нибудь из его подчиненных. И подумалось мне: «Ему все видится в розовом цвете. Он и не подозревает, что на исправление его выговора двух лет не хватит». И я ответил: «Если ты, господин, станешь знатоком через три месяца — я буду весьма рад, ибо у меня хорошая репутация. Но прежде я сообщу об этом господину Милну и поступлю так, как он мне скажет». Откланявшись, я направился к господину Милну.

Я поведал ему обо всем, и он сказал: «Хорошо. Теперь ты будешь заниматься со мной ежедневно час или два, а затем отправляйся к нему на урок. Он сможет обучить тебя английскому, а самому ему нужен лишь малайский. Сам я сейчас учу китайский, и на малайский мне не хватает времени. Он сможет платить тебе пятнадцать рингитов, а я буду платить пять». Я ответил: «Хорошо, господин».

Ежедневно я отправлялся на занятия с господами Томсеном и Милном и обнаружил несходство их характеров. Господин Милн всегда брал на заметку допущенные им ошибки — неправильные выражения, ошибки в правописании, произношении и употреблении слова. Напротив, господин Томсен не желал этого делать и вступал в пререкания, заявляя: «Это неверно, а вот это — верно», а порой и гневался. Вел он себя согласно малайской поговорке: «Дождь возвращается на небо»¹⁷⁶ и норовил все представить так, будто это он меня учит. Я не переставал дивиться на его манеру представлять знающим одного лишь себя. Он заявлял: «Этот словарь — неправильный», потому что уцепился за три буквы — *alif*, *wau* и *ya* — и требовал, чтобы они были проставлены во всех словах, без пропусков¹⁷⁷.

---

¹⁷⁶ *Hujan berbalik ke langit*. В комментарии к изданию Кассима Ахмада (2008, с. 380) отмечается, что общепринятый смысл поговорки — «Сильный обращается за помощью к слабому», но здесь она несет в себе противоположный смысл: «Глупец учит умного».

¹⁷⁷ Согласно правилам малайско-арабской системы письма (*джави*), гласные звуки *a*, *u* и *i* и соответствующие им графемы (*алиф*, *вау* и *йа*), как и в арабском языке,

По его мнению, малайцы поступают неправильно, когда пропускают эти буквы. В слово *jikalau*, на его взгляд, следовало вставить *ya*, чтобы получалось долгое *jīkalau*¹⁷⁸, в слово *dengan* вставить *alif* — *dāngan*, как и в слово *melainkan* — *melāinkan*. *Mengetahui* должно было бы писаться *mengetāhui*, *tinggal* — *tinggāl*, *kebijakan* — *kebājikān*, *kejahatan* — *kejahatān*, *merdeheka* — *merdehīkā*, *ta'luk* — *ta'lūk*, *zinah* — *zinā*, *gereja* — *gerījā* и т.п.

Не стоит здесь и рассказывать об этом. О значении и правилах употребления тех трех букв в арабском языке, где они именуются *харф мадд* — буквами удлинения, он и не ведал. В итоге появились бы такие написания, как *jūkalau*, *dāngan*, *melāinkan*, и во всех малайских словах, согласно правилам таджвида¹⁷⁹, пришлось бы проставить эти знаки. Кроме того, он разделял буквы там, где следовало писать слитно, и писал их слитно там, где полагалось их разделять. Мне казалось, что он задался целью не изучать малайский язык, а разрушать его, меня же заставлял писать, как он велел. Я сопротивлялся, ибо это шло вразрез с моими знаниями и пониманием дела, но он упорно настаивал на своем. Я заявил: «Это неправильно, господин, и я отказываюсь писать, ищите себе кого-нибудь взамен». Разъяренный, он сказал: «Хочешь, чтобы тебе платили, а не хочешь делать того, что велено?» Я ответил: «Господин, получая плату за свой труд, я не желаю совершать ошибок. Если кто-то увидит это, я прослышу невеждой и негодным учителем. Мне будет стыдно, и имя мое покроется позором. Поищите себе кого-нибудь другого». Я откланялся и удалился¹⁸⁰.

После моего ухода он направился к господину Милну, чтобы доложить ему об этом, и сказал: «Я велел Абдуллаху писать, но он

не всегда передаются на письме, и читающему приходится огласовывать то или иное слово по контексту.

¹⁷⁸ Здесь и ниже надстрочными знаками долготы помечены гласные, которые по традиции в графике *джави* не писались, но подразумевались.

¹⁷⁹ Таджвид — орфоэпическое чтение Корана и соответствующая кораническая дисциплина (‘илм ат-таджвид). [ИЭС, 1991, с. 220]. Возможно, под словами «эти знаки» Абдуллах имел в виду не собственно долгие гласные, а огласовки, в этом случае ссылка на таджвид вполне уместна.

¹⁸⁰ Впрочем, Томсен в итоге признал правоту Абдуллаха, сообщив в одном из писем, что он не слишком преуспел в изучении малайского [Milner, 1980, p. 112].

бросил работу и не хочет ее выполнять». Назавтра я явился давать урок господину Милну, и он спросил: «Почему ты не захотел вчера делать так, как приказывал господин Томсен, и оставил работу у него?» Задетый словами господина Милна, я сказал: «Разве случался между нами спор за все время наших занятий с вами, разве бывало, чтобы я ослушался вашего приказа? А господин Томсен вообразил себя знатоком малайского языка и задумал ввести новые правила, выбросить все написанное по-малайски и ввести свои собственные правила орфографии». Говорит господин Милн: «Разве я не просил тебя проявить немного терпения?» Я ответил: «А каково мне следовать всем его указаниям? Он задумал поменять правила малайской грамоты. Пойдите-ка и сравните мои писания с тем, что значится в словаре — ошибся я или нет?»

Господин Милн отправился к господину Томсену сравнивать написанное. Вскоре он вернулся и, улыбаясь, сказал: «И там, и там написано одинаково. Сам он много чего добавил и заявляет, что словарь не годится, в нем та неверная орфография, что принята у малайцев». Я сказал: «Господин Марсден слывет знатоком, его словарем малайцы пользуются повсеместно. Если господин Томсен считает этот словарь неправильным, то что уж обо мне говорить? Коли так, пусть ищет себе знающего учителя». Господин Милн сказал: «Пусть попробует найти! А потом пусть сам решает».

Шесть дней я оставался дома. Четыре или пять человек приходили наниматься к нему в учителя. Каждому он устраивал проверку: показывал написанное мною и велел читать вслух, а затем спрашивал: «Все ли здесь верно — и сами слова, и их написание, и связки между буквами?» И все они ответили: «Все». Затем он показал им то, что писал сам. Они не могли прочесть и спросили: «Откуда родом писавший это?» Он сказал: «Тут все правильно написано. А то, что вы прежде читали — неправильно». Один проработал у него шесть дней, другой полмесяца, но в итоге все они как пришли, так и ушли.

Тем временем господин Милн получил участок земли с домом прямо у выхода из ворот Теленгкирах. Некогда этой землей владел начальник малаккского порта — мистер Олм, а после его кончины она перешла к Тамби Ахмад Сахибу, известному в Малакке

келингцу. Здесь-то и расположен нынешний Англо-Китайский Колледж. Господин Милн провел переговоры, приобрел участок Худжунг Пасир и обменял его на тот участок. В ширину он был в тридцать-сорок морских сажений, а длиной в несколько тысяч сажений, вплоть до самой реки. Однако сам дом был старый. Господин Милн переехал туда из города. У него были смышленные сыновья, близнецы Уильям и Роберт, и дочка Селия.

Я же по-прежнему ежедневно являлся к нему давать уроки. Оба мальчика привязались ко мне, каждый день я приводил их к себе домой, и иногда они делили с нами трапезу. Я привязался к ним, а они ко мне. Супруга господина Милна была женщина добрая, которую все любили, умная, сердечная, щедрая к беднякам. В услужении у нее была китаянка, шившая одежду на нее и на детей.

Однажды китаянка явилась к жене господина Милна и сказала: «Нынче ночью у нас дома на моего ребенка напала нечистая сила, *пунтианаки* и *полонги*¹⁸¹, так что он едва жив остался». Супруга господина Милна не знала, что такое *пунтианак* и *полонг*. Китаянка пыталась объяснить, помогая себе жестами, но та не понимала. Тогда обе явились в комнату, где я сидел и писал, и попросили: «Растолкуй, кто такие «*пунтианак*» и *полонг*?» Я посмеялся и разъяснил господину Милну, как именуют тех духов и шайтанов, в которых с незапамятных времен верят и продолжают верить неграмотные и безмозглые китайцы и малайцы. А уж сколько их видов — и не счесть, и не описать. Перечислю вкратце¹⁸²: это бесы, шайтаны, *полонги*, *пунтианаки*, *пенанггаланы*, безголовые духи, джинны, духи-вампиры, призраки, духи-охотники, духи джунглей, тигры-оборотни, духи в образе покойника в саване, людоеды, великаны, раксасы, старухи-кебаян, [...], духи судорог, призраки погибших насильственной смертью,

¹⁸¹ Пунтианак — привидение в виде женщины в саване. Полонг — злой дух, насылающий болезни.

¹⁸² Для многих из этих слов не существует однозначного русского эквивалента — например, для множества разновидностей духов, великанов и т.п. В оригинале: *hantu*, *suaitan*, *polong*, *pontianak*, *penanggalan*, *jin*, *pelesit*, *mambang*, *hantu pemburu*, *hantu rimba*, *jadi-jadian*, *hantu bungkus*, *buta*, *gergasi*, *raksaksa*, *nenek kebayan*, *himbasan*, *sawan*, *hantu mati dibunuh*, *bajang*, *ketaguran*, *sampakkan*, *popokan*, ‘*afrit*, *jembalang*, *terkena*, *obat guna*. Толкование этих понятий бывает разноречиво: ср. [Hill, 1970, p. 113–115; Skeat, 1965, p. 101–102]. При их переводе мы руководствовались как словарями, так и упомянутыми в ссылке источниками, в спорных случаях оставляя пропуски в квадратных скобках.

духи-преследователи беременных женщин и детей, злокозненные духи, одержимые, [...], призраки, ифриты, духи земли в облике оленя, бесноватые, опьяненные любовным напитком. А сколько еще есть тайных наук — всех не перечесть: наука бесстрашия, умение заставить врага сдаться, умение вызвать любовь к себе, быть неуязвимым, стяжать сверхъестественные способности, достигать цели, становиться невидимкой, скороходом, непотопляемым, ворожкой залечивать раны, снимать боль, вызывать прилив сил и еще много других подобных вещей. Люди свято верят в них и овладевают этим знанием на занятиях у наставника. Есть знатоки целебных средств, ведающие, какое из них потребно при том или ином недомогании. Все это может обернуться для человека большой бедой.

Господин Милн был весьма удивлен услышанным и спросил: «И ты все об этом знаешь?» Я ответил: «Если рассказывать подробно, что к чему, хватило бы на толстую книгу. Только вот написана в ней была бы всякая чушь, и проку от нее никакого. Люди умные не охотники слушать такое — им просто смешно». Он сказал: «Хорошо, расскажи-ка мне только о *пунтианаках*¹⁸³, а я с твоих слов запишу по-английски, чтобы белые люди знали, сколь глупы те, кто верит в это». Тогда я нарисовал женщину с головой, шеей и с вывороченными до земли внутренностями. Господин Милн велел одному из китайцев нанести этот рисунок на доску и поместить его вместе с пояснительной подписью в книгу «Англо-Китайский Сборник»¹⁸⁴.

Я сказал: «Послушайте-ка про *пунтианака*. Это женщина, верящая в дьявола и служащая ему денно и ночью. Наступает время, когда он дарует ей возможность летать, но в расплату за то ей перерубают шею, кишки вываливаются наружу и висят, а тело остается лежать на земле. Где бы ни находился человек, которого она задумала погубить, голова с внутренностями летит туда пить его кровь, и тот,

---

¹⁸³ В оригинале *penanggalan* – безголовый дух, однако у Скита (см.) другой перевод этого слова — *пунтианак*, что более соответствует портрету, рисуемому Абдуллахом.

¹⁸⁴ «Anglo-Chinese Gleaner». Правильное название — «Indo-Chinese Gleaner» («Индо-Китайский сборник») — журнал Лондонского миссионерского общества, издававшийся в Малакке (1817–1822, vol. 1–3). Рассказ, записанный со слов Абдуллаха и им же проиллюстрированный, опубликован по-английски в апрельском номере журнала за 1819 г. под заглавием *Malay demons* и подписан Sianu (т. е. Импрек). [*Indo-Chinese Gleaner*, 1819, p. 73–75].

чью кровь пили, умирает. Если кровь и вода, что капают с ее внутренностей, попадут на кого-то, этот человек занеможет, и тело его развалится на части. *Пунтианак* очень охоч до крови рожениц. Так сложился обычай: когда в доме произошли роды, двери и окна там завешивают листьями аканта¹⁸⁵, утыкивают шипами место, где пролилась кровь, дабы *пунтианак* до нее не добрался. Люди считают, что он боится, как бы шипы не впились ему во внутренности. Рассказывают, как некий *пунтианак* проник в чей-то дом поздно ночью, чтобы напиться крови, но его внутренности запутались в колючих зарослях близ забора. Там он и оставался до утра, когда его увидели и прикончили.

В доме же человека, ставшего *пунтианак*ом, непременно хранится сосуд с уксусом, где он вымачивает свои внутренности, ибо когда они вываливаются из тела, то увеличиваются в объеме и в животе не помещаются. Ну а после вымачивания в уксусе они сморщиваются, и можно упрятать их на место. Обычно люди могут видеть летящего *пунтианака* с болтающимися кишками: по ночам они светятся, словно летающие светлячки. Вот что поведали мне о *пунтианак*ах старики, но я в это ни капельки не верю, оборони меня от этого Аллах.

Рассказывают, что *полонг* рождается из крови убитого человека, которую налили в кувшинчик и стали на нее молиться, читать некие заранее известные слова. Одни говорят, что спустя семь дней, а другие, что спустя две недели из кувшинчика начинают доноситься звуки, словно бы голоса вылупившихся птенцов. Затем человек должен обрезать палец и сунуть его в кувшинчик, и *полонг* будет пить его кровь. Тот, кто заводит себе *полонга*, становится его отцом, а если это женщина, то матерью. Каждый день ему надо давать попить крови. *Полонг* нужен вот для чего: если ты держишь на кого-то зло, то можешь приказать *полонгу* вселиться в этого человека и наградить его болезнью. Если тебя обидели, ты можешь потихоньку навредить к владельцу *полонга*, заплатить ему столько-то денег и напустить *полонга* на обидчика. Вот для чего он нужен.

---

¹⁸⁵ Акант бесприцветниковый (*Acanthus ebracteatus*) — вечнозеленый многолетник с колючими листьями.

Тот же человек, что пал жертвой *полонга*, будь то девица, мужняя жена или же мужчина, вопит благим матом, рвет на себе одежду и срывает ее, кусает и бьет людей, ничего не видя и не слыша, и чего еще только не вытворяет! Тогда призывают тех, кто знает средства против этой хвори. Те являются: один читает над его головой заговоры, другой растирает ему большие пальцы, умащает снадобьями. Когда средство начинает действовать, больной вопит: «Отпусти меня! Я хочу вернуться обратно!» А целитель отвечает: «Не могу я тебя отпустить — ты же не сказал мне, кто приказал тебе явиться сюда и для чего, и кто твой отец и твоя мать». Случается, что тот молчит, не желает признаваться и выдавать имена отца и матери. А порой соглашается и заявляет: «Отпусти меня. Отца моего зовут так-то, он живет в таком-то кампунге, а мать зовут так-то. Я сюда явился потому, что такой-то обратился к моим родителям за помощью. Он заплатил столько-то, потому что держал обиду на этого человека». Или называет еще какую-то причину, а порой и говорит неправду, называет ложные имена, желая скрыть, кто на самом деле его отец и мать. Когда же выясняется, кто послал его и почему, его отпускают, и тотчас же больной выздоравливает и становится таким, каким был прежде, однако все еще ощущает недомогание и усталость во всем теле. Случается и так, что *полонг* вселяется в человека, но признаться не хочет, и тот кричит, мучается день или два, пока не умрет. В момент смерти из его рта ручьем течет кровь, а тело синее».

На это господин Милн сказал: «Историю про *пунтианака* я переведу на английский и напечатаю в «Gleaner»¹⁸⁶. И с улыбкой добавил: «Сколько глупы те, что принимают все это за правду!»

Большинство народов, живущих в наших краях, верят подобным нелепостям. А уж сколько денег у людей уходит на тех, кто совершает бессмысленные и бесполезные ритуалы во имя исполнения их желаний! У каждого — свои особые желания. Одному надо, чтобы все его любили, другому — чтобы исполняли все, что он скажет, третий мечтает о какой-нибудь женщине, четвертый хочет погибели своего врага и так далее. Прежде я принимал все на веру и испытывал страх, наслушавшись с детства подобных рассказней. Однако, начав

---

¹⁸⁶ Т.е. Indo-Chinese Gleaner (см. выше).

учиться, поумнел, начитался книжек, подружился с образованными людьми — европейцами, и наконец понял, что на самом деле все это ложь и большое мошенничество.

Назидание. Мне, человеку недалекому и непросвещенному¹⁸⁷, кажется, что людям не следует верить в *полонгов*, *пунтианаков* и прочих, о которых здесь рассказывалось. Все это измышления тех, кто не верует в Аллаха и Его Пророка и не ведает путей Всевышнего. Лишь Он имеет власть надо всем добрым и злым. Те, что считают, что помимо Аллаха существует некто, чьей властью вершатся события, и берут на веру весь этот бред и бессмыслицу, мечутся вслепую туда-сюда, верят то в одно, то в другое, словно слепец, потерявший свой посох. Я сам когда-то потратил немало сил и средств, чтобы узнать правду об этих обрядах, и завязывал знакомство с теми, кто их проводил. Клянусь Аллахом, я никогда не получал достоверного подтверждения их действительности: лишь в одном из тысячи случаев достигался результат, но и тогда причиной тому служило не могущество шайтанов, а вера и упования просящих, на что и откликался Аллах.

Как я выяснил, обряды эти сродни поклонению идолам. Мы же знаем, что идолы изготовлены из глины, камня, дерева, золота или серебра и не способны оказать благое или дурное воздействие на человека. Однако, поскольку люди верят в них и поклоняются им, Аллах исполняет их желанья, а они, глупцы, приписывают это идолам. И духи, и шайтаны всего лишь вздор, ложь, фальшь и надувательство. Именем Аллаха заверяю, сколь пагубно это и для земной жизни нашей, и для загробной. Те, кто верит в эти обряды, исполняют их или находят тому оправдание — все они многобожники, ибо лишь единый Аллах может нести добро или зло, лишать жизни и воскрешать, подвергать своих рабов опасности или изливать на них благодеяния. Если бы, помимо Него, появился некто иной, столь же могущественный, мир и все, что ни есть на нем, в одночасье должны были бы погибнуть.

---

¹⁸⁷ Этот самоуничижительный оборот есть лишь дань традиции и отнюдь не призван ставить под сомнение справедливость дальнейших высказываний автора.

* * * *

Возвращаюсь к своему рассказу о господине Милне. Спустя несколько дней после его переезда в новый дом перебрался туда и господин Томсен. Учителя себе он так и не нашел: люди сторонились его, узнав, какой у него характер. Тогда он явился к господину Милну просить, чтобы его учителем стал я. Сойдя по лестнице с верхнего этажа мне навстречу, господин Томсен поздоровался, и я поспешил ответить на его приветствие. Он спросил: «Ты сердишься на меня?» Я ответил: «Нет, господин. А у вас все ли в порядке?» Он сказал: «Все хорошо».

Затем я увидел и господина Милна, и тот сказал: «От меня только что ушел господин Томсен. Он просит, чтобы ты возобновил с ним занятия». Я ответил: «Неужели, господин, он перебрал всех ученых людей в наших краях? Зачем снова обращаться ко мне? Нижайше прошу у вас прощения, но боюсь, что у нас с ним и дня не пройдет без пререканий». Господин Милн ответил: «Мы уже переговорили об этом. Он признает, что был неправ, и будет делать так, как ты скажешь». Я ответил: «Тогда, господин, пусть он даст тебе в том клятвенное обещание. В вопросах языка он мне не судья: чему я его учу, тому он и должен следовать. Если научу неправильно, вина падет на меня». Все сказанное мною господин Милн записал на бумаге и молвил: «Отнеси это письмо господину Томсену в его комнату». Я отнес письмо. Прочитав его, господин Томсен сказал: «Начинай учить меня заново, я готов принять то, что ты считаешь правильным». Я ответил: «Согласен, только не надо со мной спорить, как прежде. Этого я не потерплю». И он ответил: «Будь по-твоему».

В тот же день наши занятия с господином Томсеном возобновились и длились шесть или семь лет. Поведение его заметно переменилось, однако строй малайского языка он постигал медленно и не избавился окончательно от своего прежнего выговора. При переводе с английского на малайский он обычно следовал строю английского языка, и звучало это совсем не по-малайски. По этому поводу мы не раз спорили, но, несмотря на мои возражения, дело у него не шло на лад. Наши ежедневные занятия проходили в переводах

с английского на малайский и с малайского на английский, в исправлении ошибок господина Томсена — как самих слов, так и их правописания. Убедившись, что таких погрешностей слишком много, он ограничился тем, что разъяснял мне значение каждого слова, а я записывал его по-малайски.

Однажды он сказал мне: «Давай-ка ты составишь список малайских слов, а я — их английский перевод. Получится малайско-английский словарь, полезный и англичанам, изучающим малайский, и малайцам, учащим английский». Я ответил: «Согласен, господин». Я занялся подбором слов, выстраиванием их в некотором порядке, по категориям: небо, земля, луна, солнце и т.п. Через месяц у меня набралось около двух тысяч слов, разделенных по темам и категориям, и я показал ему сделанное. Довольный, он заметил: «Это как раз то, чего мне хотелось». Затем он добавил туда английскую часть. Мое усердие при написании сего труда диктовалось желанием изучить английский. Книга по-английски именовалась «Словарь»¹⁸⁸, но была рукописной, а не печатной, потому что в то время в Малакке печатного набора не существовало, и я сам знать не знал, что это такое.

Спустя несколько дней после переезда господина Милна в новый дом в Малакку прибыл господин доктор Моррисон¹⁸⁹ и поселился у господина Милна. С утра и до вечера он учился китайскому языку и письму, для чего пользовался китайским же писчим пером. Полагаю, что в то время не было европейца, более искусного в китайском языке и каллиграфии, чем доктор Моррисон, и господин Милн брал у него уроки. Жаль только, что одевался он на английский манер, а если бы носил китайскую одежду, никто не признал бы в нем белого человека. Я утверждаю это, потому что его повадка, речь, манеры, да и вся домашняя обстановка были как у китайца. Дивился я на то, как привычка может стать у человека второй натурой. Полагаю, что благородные поступки, совершаемые просвещенными людьми, обращаются в итоге благом для них самих. И да будет так всегда!

---

¹⁸⁸ *Vocabulary*.

¹⁸⁹ Роберт Моррисон (1782–1834) — протестантский миссионер, с 1809 г. — переводчик Ост-Индской компании, основоположник британской синологии (в сотрудничестве с У. Милном перевел на китайский Ветхий Завет).

Как я мог убедиться, господин Моррисон был хорошо воспитан и умел располагать к себе людей. Говорил он, не повышая голоса, и давал немало ценных советов. Из его уст я узнал много полезного в отношении английского языка и приемов перевода с одного языка на другой, изучил с его помощью английский перевод Евангелия от Матфея. По его словам, исходно Евангелие было написано на еврейском языке¹⁹⁰ и лишь впоследствии переведено на английский, причем ряд смыслов его был утрачен, ибо английский язык беднее понятиями, чем еврейский. Поэтому, заметил он, всякий, кто берется за перевод книги на другой язык, обязан прежде изучить язык оригинала, и несоблюдение данного правила чревато множеством осложнений и споров между знатоками-языковедами. Кроме того, он растолковал мне значение многих мудреных английских слов, что встречаются в книгах.

Спустя некоторое время прибыл еще один пастор — господин Слатер¹⁹¹, седовласый и светлоглазый, а следом господин Инс¹⁹² — молодой человек приятной наружности, мастер на все руки. Он привез с собой некий механизм европейского производства, состоящий из множества деталей. Там было стеклянное колесо, в которое помещали некое вещество и начинали вращать с огромной скоростью. Если во время вращения мы прикасались к колесу, с наших ладоней сыпались искры. К колесу были прикреплены две медных проволоки, и он попросил нас с учителем-китайцем Ли Сян-сином дотронуться до проволок. Не подозревая, что из этого выйдет, мы полагали, что он просто просил нас помочь. Внезапно я с изумлением и ужасом почувствовал, что силы покидают меня, и сполз на землю, считая себя уже мертвым. Если бы знать, что так получится, я и за сто рингитов не согласился бы дотронуться до этой проволоки. А уж об учителе-китайце и говорить не стоит: он был в полуобмороке, лишился речи, а лицо побелело, как у покойника. Глядя на нас, господа Милн и Инс расхохотались и сказали: «Не бойтесь, господа. Это устройство

---

¹⁹⁰ ‘Ibri.

¹⁹¹ Слатер, Джон (Slater, John, †1844) — британский миссионер.

¹⁹² Инс, Джон (Ince, John, 1795–1825) — британский миссионер, в Малакке с 1818 г., где начал изучать китайский язык в Англо-Китайском Колледже. Позднее вел миссионерскую работу среди китайцев в Кедахе и на Пенанге, где и похоронен.

служит для лечебных целей, а энергия, что в нем возникает, по-английски именуется «электричеством».

Кроме того, господин Инс привез мелкие белые камешки размером вроде гравия и стал их нагревать на сильном огне с поддувом. Они растопились и превратились в жидкую массу, которой он затем придавал форму стеклянного изделия. Господин Милн распорядился, чтобы господин Инс обучал молодежь говорить, читать и писать по-английски. С ним я изучал английский синтаксис.

Несколькими днями позже прибыл господин Медхерст¹⁹³ с женой и пасынком по имени Джордж. Жена же его была не европейкой, а метиской из Бенгалии или Келинга: ее выдавало знание тамильского языка. С виду она была старше мужа. Сам же господин Медхерст со всем рвением взялся за преподавание, будучи к тому же знатоком печатного дела и многого другого. По его прибытии в Малакку господин Милн распорядился, чтобы я обучал его малайскому языку и грамоте. Спустя немного времени после начала занятий он уже мог читать и приобрел некоторые навыки устной речи, а затем обратился к изучению китайского. Как я мог убедиться, он отличался живостью ума и сообразительностью: за что ни возьмется — все у него получается.

Позже в Малакку прибыл господин Битон¹⁹⁴, и господин Милн тоже засадил его за малайский. Прозанимавшись всего несколько дней, он отплыл на Пенанг. В тот же месяц прибыли типографское оборудование, пресс и наборщики. Главным над ними был господин Хаттман, ему помогали шесть наборщиков-бенгальцев. В числе наборщиков был один человек средних лет, господин Аддингтон, и один молодой — Во. Тогда же были доставлены и малайские литеры. Никогда прежде я не видел типографских литер, оборудования и пресса и, пораженный мастерством и сноровкой создавших их людей, восславил Аллаха словами: «Если столь искусны бывают те, кто Им сотворен, сколь же искуснее должен быть сам Творец!»

---

¹⁹³ Медхерст, Уолтер Генри (Medhurst, Walter Henry, 1797–1857) — миссионер и издатель. Прибыл в Малакку в 1817 г., ранее, чем Слатер и Инс, а не после них, как утверждает Абдуллах.

¹⁹⁴ Согласно документам Лондонского миссионерского общества, Томас Битон (Thomas Beighton, 1790–1844) прибыл в Малакку одновременно с Джоном Инсом — 14 сентября 1818 г., но позднее оба обосновались на Пенанге [The Missionary Register, 1820, p. 33].

Когда ящики с набором были доставлены, господин Милн велел мне рассортировать литеры, а затем озаботиться изготовлением типографской кассы с отделениями для букв, и я по своему разумению набросал ее чертеж для мастера-китайца. Господин Меджерст начал с того, что обучил меня складывать эти литеры в определенном порядке, показал, как обращаться с печатными блоками, располагать их на камне таким образом, чтобы оттиски могли складываться в правильном порядке, один за другим. Три-четыре месяца я осваивал эту науку и, наконец, научился управляться без посторонней помощи. Постигая шаг за шагом секреты этого ремесла, я разобрался в том, какие ошибки подстерегают нас при обращении с прессом, расположении букв, чрезмерном или недостаточном количестве чернил.

Первым делом господин Милн поручил мне напечатать на малайском «Десять заповедей», данных Аллахом пророку Мусе на горе Синай. По завершении этой работы мной был напечатан «Словарь», включавший по две тысячи малайских и английских слов. Когда и это задание было выполнено, господин Томсен сказал: «Давай-ка переведем английский учебник по арифметике на малайский, чтобы школьникам было легче изучать этот предмет». Я ответил: «Хорошо, господин, ведь на малайском учебника по арифметике нет. Замечательно, если таковой появится». И в тот же день уселся переводить «Арифметику» на малайский и строил свои занятия так: один день посвящал переводу на малайский, а на следующий готовил его печатную форму. Наконец работа была завершена, но цифровых литер не хватало, потому что «английских» цифр¹⁹⁵ требовалось очень много. Господин Томсен показывал мне, как изготавливается литера для буквы или цифры, как она должна выглядеть, и я выпиливал ее из стали, а затем ее подвергали закаливанию, вколачивали в медный брусок, и получалась форма для отливки. Туда вливали расплавленное олово в нужном количестве, а излишек спиливался вровень с краем формы.

---

¹⁹⁵ Т.е. тех, что в Европе именуется «арабскими» (в отличие от т. наз. индо-арабских цифр, принятых в большинстве стран мусульманского Востока).

Для литер использовалось не чистое олово, а цинк¹⁹⁶ с добавлением веществ, придающих сплаву хрупкость¹⁹⁷. По милости Аллаха все эти виды работ я выполнял самостоятельно, изготавливая недостающие цифры и буквы. Впоследствии на малайском было напечатано много книг, англо-малайские разговорники для общения с прачками, сапожниками и прочими, а также «Сад постигших истину»¹⁹⁸, по-английски именовавшийся *Magazine*. На малайский были переведены несколько школьных учебников, а также английских повестей. Я не привожу здесь их названий, дабы не замедлять свой рассказ. Работы у меня в ту пору было по горло: то требовался учитель малайского, то типографский литейщик, то наборщик. Я обратился к господину Томсену с просьбой: «Разрешите мне обучить этим ремеслам кого-нибудь еще. Одному мне не справиться». Он ответил: «Хорошо, господин. Возьми себе в ученики мальчика-метиса Майкла». Учить его оказалось непросто: сообразительностью он не отличался да вдобавок не владел грамотой. Лишь спустя шесть-семь месяцев он с грехом пополам освоил ремесло наборщика и очень сокрушался из-за своих ошибок.

Тем временем господин Милн получил от Компании распоряжение построить здание для колледжа — то, что и донныне сохранилось в Малакке. Строительство предвещало немало трудностей: участок представлял собой сплошные заросли кокосовых пальм. Надлежало пустить под топор несколько сотен деревьев, а для этого требовалось привлечь много людей. На постройку шло в основном дерево мербау¹⁹⁹.

Наконец подготовительные работы подошли к финалу, и в один прекрасный день в шесть часов утра господин Милн вышел встречать важных особ из Малакки и белых людей, примерно пятьдесят-шестьдесят человек. Собравшись, они сложили в выдолбленный

---

¹⁹⁶ Timah sari.

¹⁹⁷ По свидетельству Ст. Рида, сотрудника сингапурского издательства Malaya Publishing House, сплав имел следующий состав: 87% свинца, 10% сурьмы и 3% олова (цит. по [Hill, 1970, p. 124]).

¹⁹⁸ Bustan arifin.

¹⁹⁹ Merbau — название породы древесины деревьев из рода *Intsia*, традиционно используемой в строительстве.

камень под воротами²⁰⁰ свои пожертвования общей суммой в семьдесят или восемьдесят ринггитов, затем установили ворота и стали вокруг²⁰¹, а господин Милн подошел, хлопнул по воротам и провозгласил, что дом этот будет именоваться Англо-Китайским колледжем. Так он и звался впоследствии. Затем присутствующие разошлись.

Строительные работы продолжались больше года, и затраты составили десятки тысяч ринггитов. Из своего старого жилища господин Милн перебрался в это здание. Прежний дом разрушили и сровняли с землей, на этом месте теперь располагался двор нового дома.

В ту пору в Колледже обучалось много детей — китайцев, метисов и малайцев. С десятков из них хорошо читали и писали по-английски. Большинство малаккцев уже научилось тогда объясняться на английском. Метисы голландского происхождения, и мужчины, и женщины, отказавшись от своего языка и обычаев, заговорили по-английски, усвоили английские порядки и стали одеваться на английский манер.

Неоднократно мои начальники обращались ко мне с просьбой призвать малайских детей на учебу, дабы те овладели навыками чтения и письма — как по-малайски, так и по-английски. Но по недомыслию и из страха, что это вынудит их принять христианство, мне отвечали отказом²⁰². Я не раз заводил с ними речь об этом и уверял, что англичане отнюдь не стремятся принудительно обращать кого-то в свою веру, но лишь хотят, чтобы те изучили и собственный язык, и английский для собственной же пользы в будущем — ведь человеку образованному легче найти себе заработок. Можно, скажем, изучить бухгалтерию — разве всем вам эта наука не пошла бы на пользу?

---

²⁰⁰ В оригинале *pintu*, что также означает «дверь», так же значится и в переводе Хилла — *door*. Наиболее вероятно, что имелась в виду не собственно дверь, которую обычно навешивают, когда здание уже построено, а ворота, ведущие внутрь участка, где должно было начаться строительство (см. ниже главу о строительстве Малаккской часовни).

²⁰¹ Согласно факсимильной копии страницы рукописи Абдуллаха, принадлежащей Дж. Т. Томсону, этот пассаж звучит как «установили ворота и встали [вокруг]» (*mendirikan pintu serta terdiri*), тогда как в печатной версии значится только «установили ворота» (*mendirikan pintu*) [Hill, 1970, p. 125].

²⁰² В переводе опущен повтор, наличествующий в оригинале: *MaKa oleh sebab bodohnya dan sangka mereka itu nanti dimasukkan Inggeris, tiadalah ia mau datang. Karena fikiran mereka itu, dengan kekerasan nanti ditangkap dimasukkan Inggeris*. Здесь понятие «христианство» передано словом «Inggeris» — т. е. Англия, английский.

Если не владеешь ею, как сумеешь вести торговые дела? Но все мои наставления они пропускали мимо ушей. Невзирая на уговоры, они оставались настороже, полагая, что я хочу их гибели, и невзлюбили меня.

Украдкой они принялись подстрекать отца запретить мне заниматься английским: «Не то он начнет жить по английским обычаям и утратит свою веру». Разгневавшись на меня, отец наложил запрет: «Мне не по душе, что ты учишься говорить и писать по-английски: ни один мусульманин этого не делает. Многие полагают, что это вредно, ибо губительно для нашей веры». Слыша это, я поник головой, заплакал, и подумалось мне: откуда эта беда на мою голову? И как глупо получается: ведь столько лет отец радовался, что я получаю образование, а теперь гневается на мое усердие в занятиях! И я ответил: «Отчего ты, батюшка, хочешь запретить мне учиться?» Он сказал: «Мне не раз говорили, что ты погубишь себя, если будешь заниматься английским и следовать тому, чему учат белые люди». Я ответил: «Разве не следует нам учиться хорошему и отбрасывать все дурное? Если кто-то из невежды превращается в человека образованного, что в этом плохого? Не стоит слушать этих глупцов, батюшка: они все держат злобу на меня, потому что я принуждаю их детей к учебе. Разве не лучше ли учиться, а не сидеть сложа руки?» Отец ответил: «Рассуждать-то ты мастер, и мне тебя не переспорить. Пока ты был мал, я учил тебя, а теперь ты сам взялся меня поучать! Считаешь, я тебя боюсь?» Я ответил: «Ты как отец вправе задать мне взбучку не только сейчас, в мои нынешние лета, но и потом, даже если я стану раджей». Слыша это, он направился в дом за веревкой и ротангом, чтобы сечь меня. Видя, в каком гневе отец, я бросился за ним и упал ему в ноги. А было у него такое свойство: как бы разъярен он ни был, но, стоит мне попросить прощения и пасть ему в ноги, — гнева как не бывало! И сказал он: «Хватит заниматься английским. Я тебя пристрою к купцам, что торгуют тканями, — освоишь торговое дело». Я ответил: «Согласен. Только очень прошу: дай мне еще немного поучиться, это пойдет мне на пользу».

Так я снова вернулся к учебе. О том, что внушали моему отцу, я поведал господам Милну и Томсену, и они мне ответили: «Не бойся.

Нынче к вечеру мы зайдем к твоему батюшке». Вечером господа Милн и Томсен посетили наш дом и сказали отцу: «Не тревожься о своем сыне Абдуллахе — мы заботимся о нем. И не слушай болтовню глупцов! Позволь ему учиться еще какое-то время, и он достигнет совершенства в знании английского и малайского языков. На наш взгляд, в Малакке он единственный, кто способен учиться и обучать других малайскому языку. Позже ты сможешь убедиться, сколь велика польза от его познаний». Слова эти запали в душу отца, и он больше не гневался, что я учусь.

Те, кто пытались повлиять на моего отца, были разочарованы и обескуражены: все вышло не так, как им хотелось. Сами они знай себе сидели, ели и спали без всякого дела. Мне же Аллах даровал ежемесячный заработок и возможность учиться. Особенную зависть вызвало то, что я, благодаря знанию английского, стал обучать малайскому всех пасторов и прочих англичан, живущих в Малакке. Желая досадить мне, они стали звать меня Абдулла-пастор, полагая это прозвище постыдным и унижительным. В упрек мне ставились и мои добрые отношения с белыми людьми, а обучение их нашему языку объявлялось чем-то греховным. На мой же взгляд, они гневались и злобились на меня по собственной глупости. Я же человек просвещенный. Разве невежда может стать учителем у пасторов и белых людей? На это способен лишь тот, у кого есть образование. Прошу о снисхождении читателей этой повести: я не кичусь собственным умом, ибо на самом деле умным еще не заслуживаю называться. Как гласит малайская поговорка: «Коли ротанга нет под рукой — и корень сгодится». А вот еще малайская пословица: «Там, где ястреба нет, и кузнечик мнит себя ястребом». Вот каково было мое положение. И хотя все они таили неприязнь ко мне, это меня ничуть не беспокоило. Как гласит малайская поговорка: «Пусть хоть целая свора собак примется облаивать гору — разве она рухнет?» И еще: «Если у дерева мощные корни и стоит оно крепко, к чему ему бояться бури?»

На службе у господ²⁰³ я провел шесть или семь лет, и кругозор мой весьма расширился. Немало английских книг я перевел на малайский, а также отредактировал некоторые их сочинения. Одна

---

²⁰³ Т.е. миссионеров

беда: изо дня в день они приступали ко мне с вопросом: «Отчего ты не женишься? Негоже тебе оставаться холостым, когда родители уже состарились. Раза два или три они говорили, что хотели бы женить тебя, да ты не согласился». Я ответил: «А как же мне жениться — у меня и денег нет?! Да и дом у меня, как вы сами видите, ветхий. Где мне свадьбу играть?» Говорит господин Милн: «Не бойся, расходы я беру на себя, да и дом приведем в порядок к свадебному торжеству».

Тотчас же они послали за моим отцом. Когда тот явился, господин Милн сказал: «Теперь вы можете договариваться о свадьбе Абдуллаха». Отец ответил: «Благодарю, господин. День и ночь гнетет меня эта забота, ведь он — мое единственное дитя! Мы с женой уже старики и мечтаем увидеть его женатым. Сколько раз случилось: я все подготовлю для сговора, а он ни в какую». Господин [Милн] ответил: «Мы уже переговорили с ним, и он согласен. Поторопитесь со сговором».

После ухода отца через шесть-семь дней состоялся брачный сговор, ибо помолвлены мы были уже два года. Когда все определилось, отец явился сообщить это господам. Господа Милн и Томсен отправились к нам в сопровождении мастера-китайца и распорядились о ремонте, чтобы все, что неисправно, починили и чтобы некоторые вещи убрали из дома. Когда в помещении был наведен порядок, они вручили отцу пятьдесят рингитов на проведение свадьбы. Мои недоброжелатели остолбенели, видя, что сами пасторы являются в мой дом и распоряжаются работами. Затем отец созвал своих братьев и всю семью, а также пригласил моего сводного брата из Сунгей Бару. Когда все были в сборе, я вручил отцу двести рингитов, и каждый из моих двоюродных братьев сделал свой взнос, сколько считал нужным. Больше всего была доля отца: он был совершенно счастлив за своего единственного сына.

Вечером после церемонии беринай кечил²⁰⁴ господин Милн и еще пятнадцать европейцев вместе с женами явились во мне в дом на трапезу. Стол, стулья и прислуга шли за их счет, мне же полагалось взять на себя угощение. Поданы были четыре жареных каплуна,

---

²⁰⁴ Berinaï kecil — один из этапов свадебной церемонии: нанесение хной узора на руки и ступни новобрачной.

четыре запеченных утки, козлятина, приготовленная по-индийски, суп из цыплят и всевозможные овощи, капуста, яйца, запеченные целиком баклажаны, несколько видов острых приправ, фрукты, рис по-кабульски. А еще печенье, халва, всяческие плоды. Верхний этаж был украшен балдахинами с цветочным узором, занавесями из красивейших тканей. Пирующие ели и пили, предаваясь веселью.

Немало было и тех, кто досадовал, видя, как я потчую белых людей в своем доме. Но мне это было нипочем. Как гласит малайская поговорка: «Не рой другому яму — сам в нее попадешь!» Я сидел со всеми за пиршественным столом. По завершении трапезы были поданы благовония. Каждый из гостей поблагодарил, и все они отправились к моей жене²⁰⁵. Господин Милн проводил их в ее дом, и каждый приветствовал ее. До этого англичан ей не приходилось видеть, но она не испугалась и не оробела, как другие женщины, опрометью убежавшие при их виде. Однако эти господа были людьми воспитанными, знакомыми с обычаями и правилами вежливости.

После свадьбы господин Милн раз в четыре-пять дней являлся с визитом к нам в дом и виделся с моей женой. Мы же с ней относились к нему, как к родному отцу. Она рассказывала ему о моих проступках, а я — о ее провинностях, и он наставлял нас и давал советы. Благодаря этому мы сохранили взаимную любовь. Пришло время ей разрешиться от бремени первенцем, и все считали, что она умрет — уж больно тяжело проходили роды. Тут явился господин Милн, ведя с собой доктора Чалмерса²⁰⁶. Он, милостью Аллаха, дал ей лекарство и был рядом с ней вплоть до благополучного появления младенца на свет.

После моей женитьбы господин Милн на месяц освободил меня от занятий и работы. Если в типографии была в том нужда, он призывал меня, чтобы я обнаружил неполадки и исправил их, а затем тотчас же отсылал меня домой. Так поступал этот добряк, заслуживший всеобщую симпатию, отзывчивый — в общем, хороший человек. Я в полной мере оценил его мягкосердечие, заботливость, готовность

---

²⁰⁵ Согласно обычаю, она не присутствовала на свадебном пиршестве.

²⁰⁶ Уильям Чалмерс (William Chalmers, 1786–1862) — хирург, сотрудник Гражданской службы британской Ост-Индской компании.

помочь и проявить сострадание. До самой смерти мне не отплатить ему за это, один лишь Аллах вознаградит его. Я должник семи поколений его потомков. Как гласит малайская поговорка: «За долг, взятый золотом, можешь расплатиться, а долг за благодеяние унесешь с собой в могилу».

В ту пору господин Милн был главой Колледжа, так что ни господин Томсен, ни прочие господа не могли сделать что-то по собственному почину, не уведомив его. Вскоре у господина Милна родился сын, нареченный Фаркухаром по имени правителя, господина Фаркухара. Затем дела приняли иной оборот. Супруга господина Милна скончалась и была похоронена на территории форта. Я видел своими глазами, что случилось с господином Милном после смерти жены: он затосковал, потерял охоту учить и учиться. Спустя некоторое время у него открылся сухой кашель. Болезнь одолевала его, он худел и хирел. Доктор велел: «Каждый день уплывайте подальше в море и пейте соленую воду, сколько сможете». Так он и делал изо дня в день, я же сопровождал его. Иногда его рвало от количества выпитой соленой воды. Я был рядом в течение всей его болезни и мог видеть, как постепенно ухудшалось его состояние. Наконец он отошел в мир иной²⁰⁷. Перед смертью наказал доктору Чалмерсу: «Когда я умру, вскрыйте мою грудную клетку и проведите осмотр». После его кончины доктор провел вскрытие грудной клетки и обнаружил, что печень была вся в дырах, словно пчелиные соты, а также достал из нее два камня размером с соевые бобы. Не могу описать свою тогдашнюю скорбь: словно ушел из жизни мой родной отец или жена. Семь-восемь дней я провел в слезах, поминая добром господина Милна. Что еще тут скажешь? Видно, такой был ему назначен срок.

Я же продолжал занятия с господином Томсеном. Вскоре он стал главой Колледжа, но спустя некоторое время собрался назад в Европу: увозил жену, которая непрестанно и тяжело болела. Все его обязанности вместе с типографией легли на мои плечи.

Примерно через полтора года господин Томсен вернулся в Малакку и сообщил, что его супруга скончалась во время плаванья, за пять-шесть дней до прибытия в Англию. Он привез с собой

---

²⁰⁷ Это случилось 2 июня 1822 г.

инструменты: напильники, сверла и прочие приспособления для изготовления литер. Вооружившись ими, я с еще большим рвением взялся за работу над шрифтами.

Наблюдая за господином Томсеном, я обнаружил, что при переводе с английского на малайский он нередко искажает смысл, и получалось не так, как он переводил в последнее время, а так, как бывало в самом начале. Я напоминал ему, что фразы, построенные по правилам английского языка, звучат неуклюже для малайского уха. Порой он принимал это к сведению, а порой пропускал мимо ушей. Из-за его упрямства иные ошибки в переводе «Нового Завета» сохранились и доныне. Я лишь вносил в них некоторые сокращения.

Однажды господин Томсен сказал мне: «Хочу переработать «Евангелие от Матфея» — оно написано на том малайском, что в ходу на Яве, а мне хочется, чтобы у нас оно было на подлинно малайском языке. Нынешний перевод — дело рук голландцев, и малайский там неправильный. Давай перепишем и исправим неверные выражения». Я ответил: «Если ты, господин, собираешься править какие-то выражения, ты должен досконально объяснить мне их значение, дабы я понял — тогда я смогу подобрать малайские слова. И еще: не торопи меня, наберись терпения и обещай, наконец, что не будешь возражать против того, что я считаю правильным». И он ответил: «Хорошо».

Я взялся за перевод книги, чувствуя при этом, что он ограничивает мою свободу и мешает мне вносить правку, ибо плохо разбирается в значении малайских слов. Мы подошли к переводу второго стиха первой главы, гласившего: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братья его²⁰⁸». Я заметил: «Люди не поймут, что это такое — «родил». Он спросил: «А как будет верно?» Я сказал: «У Авраама родился Исаак, у Исаака родился Иаков...» или «Авраам произвел на свет Исаака...». Так это должно звучать по-малайски, господин». Он сказал: «Выходит, Авраам — это женщина?» Я ответил: «Все на свете понимают, что рожала именно женщина,

²⁰⁸ *Ibrahim peranaklah Ishak dan Ishak peranaklah Ya 'kub dan Ya 'kub peranaklah Yahuda dan segala saudaranya.* В значении «родил» *peranaklah* встречается и в предшествующих [Indjil jang tersoerat oleh Mataj. s/1, 1816, p. 1], и в позднейших изданиях [Segala soerat Perdjangjian Baroe Maha Toehan Kita-Orang Jesus Kristus. Batavia, 1835, p. 1; Indjil jang tersoerat oleh Mattheus. Batavia, 1838, p. 1]. Подробно о вариантах перевода этого и других стихов Евангелия от Матфея см. [Sweeney, 2008, p. 767–773].

жена Авраама». [Он сказал:] «Я не могу так писать — это искажает смысл английского слова (beget), то есть «родить».

Вот так мы с ним спорили, потому что стиль малайского языка он постиг не до конца и утверждал, что словарь господина Марсдена, выдержанный в малайском стиле, сделан неправильно. Поэтому в «Евангелии от Матфея» можно обнаружить сотни стилистических несоответствий. Я лишь вкратце поведал здесь о своих спорах с господином Томсеном, человеком раздражительным и к тому же неважно разбиравшимся в малайском языке. Поэтому некоторые выражения остались не вполне понятными. Не буду ссылаться на главы и стихи: вы можете в том убедиться при чтении. Если в «Евангелии от Матфея», подготовленном господином Томсеном, вы найдете неуклюжие малайские обороты, примите в расчет мое положение человека зависимого, который не может самостоятельно добавить или сократить какое-то слово в книге без его разрешения или приказа. Мне ли не знать, что в книге есть ряд неудобочитаемых мест и использования слов в неприемлемом контексте? Из-за этого читатель может неверно понять их смысл. Что тут поделаешь? Тем более что языком оригинала я не владел: насколько мне известно, им был греческий. С английским я бы как-нибудь разобрался. Примите во внимание эти обстоятельства и не осуждайте, не браните меня, его учителя. Отнюдь не считаю себя знатоком, который ни разу не оплошал: оплошк у меня всегда было предостаточно, и я от них не застрахован. И все же, волею Аллаха, в малайском языке я способен отличить правильное от неправильного, ибо это мой родной язык. К тому же все, что я о нем знаю, известно мне не понаслышке и не с чьих-то слов.

Когда работа над «Евангелием от Матфея» подошла к концу, на следующий же день господин Томсен сказал: «А не заняться ли нам правкой «Деяний апостолов»?» Я ответил: «Хорошо, господин, только я немало намучился, работая над «Евангелием от Матфея». По моему разумению, в десятках мест перевод там не такой, как следует. Это не дает мне покоя. Я возьмусь за работу, если вы того желаете. Не знаю только, что из этого выйдет». Он сказал: «У той книги стиль довольно сложный. Даже если в ней найдутся кое-какие ошибки — кто будет в этом копать? А эта книга — про апостолов,

она похожа на хикайат, и править тебе будет легко». Я сказал: «О легкости не говорите. Я эту книгу читал. В переводе, что сделали голландцы, ничего не понять, все там изложено не по-малайски». Он сказал: «И все же стоит попробовать». Я засел за работу, но получилось так, как я и предупреждал. Продолжу свой рассказ, минуя подробности. По мере своих сил я стремился придать книге малайский стиль и сделать ее мало-мальски понятной читателю.

Работа шла между делом, занимая небольшую часть каждого дня, потому что у меня было немало прочих обязанностей. Наконец мне удалось ее завершить, не избежав ряда трудностей и пререканий, ибо господин Томсен при переводе на малайский неуклонно руководствовался английским или другими языками и пренебрегал малайской стилистикой. Сразу видно было, что малайские у него только слова, а строение фраз не малайское, а английское. При переводе с одного языка на другой без знания этой сложной науки никак не обойтись.

«Евангелие от Матфея» и «Деяния апостолов» стали первыми изданиями, напечатанными в Малакке²⁰⁹. Почерк, связки между буквами, правописание — все было на мне. Позднее эти книги не раз переиздавались в Сингапуре и Малакке. И поныне я просматриваю их с начала и до конца, и едва ли найдешь десять слов подряд, где бы не нашлось ошибок в написании и в связках между буквами, где бы не встречались нелепые буквосочетания, а правильные не были опущены. Наставники-недоучки думали лишь о своем заработке, а не о правилах и предписаниях: где следует ставить *алиф*, а где нет, а также и *йа*, и *вау*. Они меняли буквы, не задумываясь о происхождении слова. Например, там, где исходно в слове значился *алиф*, эту букву следует сохранять и в его производных. Они же поступали иначе: где хотели — добавляли букву, где хотели — выпускали или меняли связки между буквами. Если еще лет двадцать обращаться с малайским языком подобным образом, малайская книжность погибнет, а с ней и правописание, и правила соединения букв, и сам строй малайского языка, и законы письменной словесности. В результате одни не смогут читать писания других, ибо каждый норовит внести изменения по собственному произволу, что-то добавить, а что-то

---

²⁰⁹ См. [Proudfoot, 1993, p. 655–656].

сократить. Находятся и люди, не привыкшие читать по-малайски и добавляющие в слова буквы *vau*, *ya* и *алиф* для собственного удобства, как если бы они почитали самих себя создателями неба, луны и солнца.

Корень этого зла — европейцы-недоучки и малайцы, не способные учить. «Осел, желающий стать лошадью», считающий, что стоит его вымыть с мылом — и он превратится в коня, не понимает, что лошадь родилась лошадью, а осел — ослом. Вот каков прок от учителей и писцов, нанимаемых задешево: они рады превратить лошадь в осла, и все потому, что их цель — не изучать малайский язык, а разрушать его. Не сомневаюсь: они творят эту бессмыслицу, рассчитывая, что прослывят грамотеями, сказавшими новое слово. Одного только не берут в расчет: если плоды их труда увидят люди знающие, им сразу станет ясно: здесь орудовали глупцы и неучи, действовавшие по собственному произволу. Как гласит малайская поговорка: «Не можешь починить, так хоть не ломай». Понятен ли вам смысл этого изречения? Не обладая достаточной сноровкой для починки какой-то вещи, не спешите ее ломать: может быть, появятся более опытные люди и смогут поправить дело.

Разве не стыдно вам будет, если знатоки обнаружат в «Евангелии» такую орфографию, связки между буквами, неправильные обороты, которые никто не употребляет? Что они подумают? Ведь этой книге христиане верят и превозносят ее! Разве не ее они должны считать образцом стиля, написания слов и связок между буквами, источником для заимствования полезных речений? Подобное неуважительное отношение к книге влечет за собой неуважение читающих: они обнаружат, что издатели ее — безмозглые и безграмотные упрямы и что помимо ошибок в написании слов и связок между буквами в ней множество смысловых погрешностей, где значение слов столь же далеко от оригинала, как небо от земли. Они ли в том виновны или нет, не ведаю: я человек неученый и не знаю, что за выражения значились в оригинале, но, по моему разумению, их смысл был искажен.

Убедитесь в этом сами на примере «Евангелия», изданного господином Томсеном в Сингапуре. Стих 28 на странице 205 звучит так:

«Тут Симеон взял младенца Иисуса на руки и восславил Аллаха». Большая ошибка в том, что он следовал строю английского языка и на место каждого английского слова ставил малайское, оставляя без внимания законы малайского языка. Мне же понятен смысл этой английской фразы, и по-малайски я бы передал ее так: «И Симеон взял на руки ребенка, то есть Иисуса». Думаю, следовало бы писать так, ибо не слыхивал я, чтобы в исламе и христианстве Иисус считался женатым: откуда бы у него взятся ребенку?²¹⁰ Это цитата из «Евангелия от Луки», и мне неизвестно, научил ли его [Томсена] кто-то так написать или же это его собственное измышление.

Подобных ошибок сотни, всех не упомянуть, и я лишь вкратце рассказал об этом. Их простое перечисление заняло бы добрый десяток страниц. Довожу это до сведения будущих читателей. Я жил в Малакке, занимался преподаванием и наставлял господина Томсена в вопросах перевода с английского на малайский.

Глава 10. О том, как полковник Фаркухар выбирал место для постройки города

Таковы были мои обстоятельства. И вот по Малакке разнеслась весть о нападении пиратов на английский кеч между островом Пенанг и Малаккой. На борту была англичанка, и пираты увезли ее в восточном направлении. Говорили, что кеч шел с Пенанга, и весть об этом разнеслась широко. Спустя два-три дня стало известно, что полковник Фаркухар отправится на поиски этой дамы на английском корабле. С собой он взял четырех малаккских малайцев и писаря по имени Энчик Яхъя бин Абдул Вахид, также известного как Энчик Сианг. Все они отплыли из Малакки.

---

²¹⁰ Вариант Томсена в оригинале звучит так: *Maka tatkala itu Simon mengangkat anak Isa itu pada tangannya*. По-малайски *anak Isa* означает «дитя Иисуса». Чтобы избежать этого, Абдуллах предлагает иной вариант: *Maka diangkat oleh Simon akan kanak-kanak, iaitu Isa*. (И Симеон взял на руки ребенка, то есть Иисуса). Стоит отметить также, что Абдуллах употребляет в этой фразе не активный залог, как делал Томсен, а пассивный, чаще используемый в малайском традиционном нарративе.

Об истинной цели поездки правителя не было известно никому. Малаккцы полагали, что полковник Фаркухар отправился на поиски той дамы. Как развивались события, рассказать не могу, ибо ничего об этом не знал, но по возвращении их в Малакку я начал наводить справки. Мне намекнули, что, судя по всему, он ездил не в поисках дамы, а этот слух распространили, дабы те, кто не владеет английским, не догадались, что он отправился искать место для основания города²¹¹.

Сначала полковник Фаркухар двинулся в Сиак, где собирался обратиться к тамошнему радже с просьбой предоставить для строительства города участок в Танджунг Джати²¹². Оказалось, однако, что в сезон, когда дует северный ветер²¹³, из-за сильных штормов корабли и лодки не могут встать там на якорь, так что от этого намерения пришлось отказаться. Затем он направился в Даик²¹⁴. Не ведаю, о чем договорились они с Его Высочеством²¹⁵, но дальнейший путь привел его на Каримун²¹⁶. Сойдя на берег, он обследовал этот участок и окружающие горы. Место пришлось ему по душе, и он собрался было наметить, где будет расположена гавань, но тут обнаружилось, что из-за сплошных коралловых рифов и скал бросить якорь там невозможно. Вдоль берегов Каримуна море слишком глубокое, и при сильном ветре кораблям и лодкам негде было бы укрыться. Стоит чуть-чуть недоглядеть — и судно налетит на рифы. Так что место это тоже не подошло, и он вернулся на корабль.

Затем был взят курс на Джохор. Высадившись на берег, он осмотрел окрестности. Что было тогда у него на уме — не ведаю, но в итоге он вернулся на корабль и обратным курсом двинулся в Малакку. Едва

---

²¹¹ Negeri. Здесь и далее под этим словом имеется в виду город-порт.

²¹² Мыс на с.-з. о. Бенгалис, в Малаккском проливе.

²¹³ Имеется в виду сезон с преобладанием северо-западного муссона, приходящийся в этом регионе на ноябрь-март.

²¹⁴ Прибрежный района о. Лингга (архипелаг Риау).

²¹⁵ Yamtuan Muda (букв. Младший государь) — титул наследника престола, который носили вельможи высшего ранга, бугийцы по происхождению, в княжестве Лингга-Риау [Matheson, 1986, p. 5–6].

²¹⁶ Остров в Малаккском проливе (архипелаг Риау).

прибыв туда, он в тот же день поручил капитану Дауду²¹⁷ исполнять его обязанности в Малакке и немедленно вновь отправился в путь на поиски места, где можно было бы основать город.

Через пару дней после того, как правитель Фаркухар покинул Малакку, туда прибыли два больших голландских корабля и кеч. На их борту находились [будущий] правитель с секретарем, сановники и солдаты — голландцы и яванцы, в полной готовности принять бразды правления Малаккой²¹⁸. В то время большинство малаккцев, какого бы роду-племени они ни были, радовались тому, что Малакка переходит под власть Голландии, полагая, что их жизнь станет лучше, чем была при англичанах. Они не понимали, что новые пришельцы — пиявки, которые примутся сосать их кровь. Я же в ту пору не на шутку приуныл, полагая, что все мои длительные труды и усилия по изучению английского языка и грамоты пойдут прахом. Если в нашем краю не останется англичан, кому нужны будут мои услуги? Кроме того, по-голландски я не знал ни единого слова. Стыдно мне было глядеть в глаза малаккским метисам-полуголландцам, что укоряли меня за изучение английского и дружбу с англичанами. Сами же они сияли, радуясь прибытию соплеменников, говорящих на понятном им языке. Многие заявляли мне: «На что тебе теперь сгодится твой английский? Гораздо выгоднее было бы учить голландский: среди голландцев немало желающих освоить малайский, ибо этот край был и всегда будет под властью Голландии». Слушая такие речи, я погружался в раздумья и даже порой начинал сожалеть о том, что учил английский. Но вдруг я почувствовал, будто кто-то пробудил меня ото сна словами: «Уповай на Аллаха, Господа нашего, дарующего пропитание всем рабам Своим, непостижимого для смертных. Не важно, английским или голландским ты владеешь, — неисповедимы Его пути».

Итак, когда голландские корабли и кеч прибыли, плывшие на них сошли на берег и были размещены в Бандар Хилир. Но передача власти пока не могла состояться из-за отсутствия правителя. Спустя пять

---

²¹⁷ Имя офицера Абдуллах пишет как «Дауд», а позднее «Даус». Возможно, речь идет об одном из приближенных Фаркухара — его зяте капитане Дэвисе, о котором упоминается в связи с позднейшими событиями в Малакке [Oriental Herald, 1824, p. 171].

²¹⁸ В 1818 г. Малакка перешла вновь под власть Нидерландов. Новым губернатором стал Ян Самуэль Тиммерман Тайссен (пр. 1818–1823).

дней прибыл правитель Фаркухар. Он возложил на капитана Дауда полномочия совершить передачу Малакки в их руки, а сам в тот же вечер отплыл опять.

Назавтра в семь часов утра голландский военный отряд, возглавляемый офицером, под звуки флейт, гром барабанов и других музыкальных инструментов вступил в крепость. [Будущий] правитель и его секретарь несли голландский флаг, прочие же выступали с обнаженными саблями. Подойдя к холму, на котором был водружен флагшток, английский правитель, офицер и сановники, сопровождаемые оркестром, выстроились с обнаженными саблями в руках и застыли в ожидании. Сначала был поднят английский флаг, зазвучали английские флейты и барабаны, наполняя печалью сердца слушающих. Весь их вид говорил о скорби и унынии, словно у обреченных на смерть, лица были бледны. Немного погодя, минут через десять, флаг был спущен. У подножия флагштока двумя рядами, друг напротив друга, выстроились воины обеих стран, Англии и Голландии. Местных жителей собралось полным-полно — все жаждали посмотреть на это зрелище.

Представители четырех национальных групп готовились зачитать указ, каждый на своем языке. Затем был поднят голландский флаг. Оглушительно гремел голландский оркестр. Спустя десять минут голландский флаг был спущен, при этом, как я мог заметить, обе стороны в ярости были готовы разорвать друг друга, их лица налились кровью, ни дать ни взять — тигры перед прыжком, и каждый обнажил свое оружие. Затем были подняты одновременно два флага, английский и голландский. Через минуту их спустили, затем снова подняли, и так три раза. Затем английский флаг был медленно спущен. Как я мог заметить, некоторые из англичан прослезились. Медленно били барабаны, играли флейты, их звуки напоминали рыдания, пробуждая сострадание у присутствующих. Когда флаг был спущен, указ был зачитан на языках всех национальных сообществ. Он гласил: «Да будет известно жителям этого края, что, согласно положениям этого указа, английский султан, его вельможи и чиновники единодушно удостоверяют передачу Малаккской области правителю Голландии».

По прочтении документа английские солдаты и их начальники оставили свои посты, а их место заняли голландские военные и их офицеры.

Голландским губернатором был назначен Тиммерман Тайссен, его секретарем был Баумхауэр²¹⁹, а главой гражданской администрации — некий майор, француз. В тот же день губернатор переехал в дом, где прежде жил английский губернатор, а секретарь поселился на территории форта. Его дом стоял ближе к морю, а ворота охранялись вооруженной до зубов стражей. Все новоприбывшие солдаты были родом с Явы и Мадур.

Глава 11. О городе Сингапуре

Возвращаясь к своему рассказу о полковнике Фаркухаре, отплывшем на корабле. По его приказу судно взяло курс на Сингапурский пролив²²⁰. Сингапурское же направление он избрал потому, что уже давно, еще в свою бытность в Малакке, был в дружбе с Тенгку Лонгом, сыном султана Махмуда²²¹. Слышал я, будто Тенгку Лонг получил от полковника Фаркухара некую сумму денег и будто бы именно тогда он согласился уступить Англии остров Сингапур²²². Правитель Фаркухар²²³ плывал к нему на Риау, дабы напомнить о том соглашении, а получив подтверждение, вернулся в Малакку для передачи ее под власть Голландии, как об этом уже было рассказано.

О своих действиях и переговорах с Тенгку Лонгом полковник Фаркухар доложил в письме к господину Раффлзу в бытность того

---

²¹⁹ Baumhauer Matthieu Jacques Reinhard (1789–1822) — секретарь губернатора Малакки, исполняющий обязанности казначея.

²²⁰ Пролив, окаймляющий Сингапур с юга и отделяющий его от островов архипелага Риау.

²²¹ Махмуд Риайат Шах III (пр. 1761–1811), султан княжества Джохор-Риау-Лингга.

²²² Это утверждение автора документально не подтверждается. На самом деле Фаркухар не знал Тенгку Лонга вплоть до их встречи в Сингапуре (см. [Hill, 1970, p. 139–140]).

²²³ Здесь и далее автор нередко именуется Фаркухара «правителем»: за годы его пребывания в должности резидента Малакки (1803–1818) среди местного населения за ним укрепилось прозвище «правитель (gaja) Малакки».

на острове Пенанг, а господин Раффлз уведомил об этом генерал-губернатора, пребывавшего в Бенгалии²²⁴. И, наконец, из Бенгалии пришел такой ответ:

«Если Вы намереваетесь обосноваться в Сингапуре, Компания не станет возражать, однако она не может взять на себя затраты по закладке города: Вы и правитель Фаркухар должны сами предоставить для этого средства. Если работы успешно завершатся, Компания может вернуться к данному вопросу».

Господин Раффлз сообщил генерал-губернатору, что обсудит это с полковником Фаркухаром, и добавил: «Мы намерены основать город на острове Сингапур при любых обстоятельствах».

Наконец господин Раффлз прибыл в Малакку. Когда они договорились обо всем, он поручил правителю Фаркухару плыть в Сингапур и подготовить все необходимое к его прибытию²²⁵. Сам же господин Раффлз по приказу генерал-губернатора двинулся в Аче, чтобы разобраться во внутренних разногласиях между Аче-Пидиром и Телук Семаве²²⁶, чреватых войной, ибо в Бенгалию от них поступило письмо с просьбой о посредничестве. Выполнять эту роль было поручено господину Раффлзу, и он поплыл в Аче, а правитель Фаркухар, как уже говорилось, — в Сингапур.

По прибытии туда он вместе со своими спутниками-малаккцами на шлюпке добрался до берега. Поднявшись к равнинному участку, где сейчас стоит здание Суда, они оказались среди зарослей мирта²²⁷ и рододендрона²²⁸. У реки виднелись четыре-пять домишек, близ которых росли шесть или семь кокосовых пальм. Был и дом побольше, также построенный из аттапа²²⁹, где обитал теменггунг²³⁰. Господин

²²⁴ Имеется в виду Фрэнсис Эдвард Роудон-Гастингс (англ. Francis Edward Rawdon-Hastings), (1754–1826) — генерал-губернатор Индии с 1813 по 1823 год.

²²⁵ На самом деле в Малакку Раффлз не приезжал. Его предварительная встреча с Фаркухаром состоялась на Пенанге [Turnbull, 2009, p. 28].

²²⁶ Имеется в виду г. Лхоксемаве на северо-востоке о. Суматра.

²²⁷ Keramunting, тж. kemunting — вид цветкового растения: родомирт опушенный или войлочный (*Rhodomirtus tomentosa*).

²²⁸ Sekeduduk — меластома малабарская, индийский рододендрон (*Melastoma malabathricum*, *Melastoma polyanthum*).

²²⁹ Пальмовое дерево (*Nipa fruticans*), используемое как строительный материал.

²³⁰ В малайских государствах теменггунг — сановник, ведавший военно-политическими и судебно-фискальными вопросами. Здесь речь идет о теменггунге Джохора Абдул

Фаркухар стал обходить и осматривать эту равнину. Наблюдавшие за ним исподтишка *оранг лаут*²³¹ поспешили к теменггунгу, дабы известить его о происходящем. Немного спустя появился сам теменггунг в сопровождении четырех или пяти вооруженных людей и направился к господину Фаркухару. Жара же в ту пору была нестерпимая, и господин Фаркухар расположился в тени дерева келат²³², стоящего посреди поля. Подойдя, теменггунг почтительно приветствовал его и протянул руку, на что господин Фаркухар ответил энергичным рукопожатием. Затем господина Фаркухара пригласили в дом теменггунга.

Там господин Фаркухар объяснил причину своего приезда и поведал, что получил письмо из Бенгкахулу от господина Раффлаза, в котором тот поручает ему найти место для строительства портового города, ибо Малакка перешла в руки голландцев. К тому же, сообщил он, если англичане построят здесь город, малайцам, занятым торговлей, это придется по душе. Следом сюда по делам коммерции придут и европейские коммерсанты. Своей обходительностью и убедительностью доводов он рассчитывал завоевать расположение теменггунга: [согласно поговорке,] сахар был у него на устах²³³.

Теменггунг отвечал: «Сударь, я изгнанник, нахожусь вдали от родного Риау. Вы ведь знаете обычай малайских раджей: каждый норовит взять верх над другими. Поэтому я и удалился на остров посреди моря, что находится под моим попечением. Согласно малайским законам, теменггунг — главное лицо здесь на архипелаге, подлинным же правителем был покойный султан Махмуд. У него было два незаконных сына, один — Абдул Рахман, а второй — Хусейн по прозвищу Тенгу Лонг. После кончины государя начались раздоры между правителями Даика, Риау и Паханга. Встал вопрос: кого из двух сыновей усопшего бендахара²³⁴ должен объявить преемником?»

Рахмане (1755–1825).

²³¹ Букв. «морской народ». Здесь — малайцы, живущие в прибрежных областях Малаккского полуострова, на оо. Риау и Сингапуре. Подробнее о них см. [Skeat & Ridley, 1900, p. 247–250].

²³² Вид дерева из рода *Eugenia* (семейство Миртовые) с плотной древесиной.

²³³ *Dikulumnya gula batu dalam mulutnya*.

²³⁴ Регент, первый министр, второе лицо после государя.

Тенгку Путри, супруге покойного, хотелось, чтобы им стал Тенгку Лонг, ну а сановники желали возвести на престол Тенгку Абдул Рахмана. Дело дошло до ссоры. В конце концов разгневанный Тенгку Абдул Рахман отбыл в Тренггану, а Тенгку Лонг остался на Риау. Вот как у нас обстоят дела. Ну а все царские регалии были переданы супруге покойного — Тенгку Путри»²³⁵. Выслушав рассказ теменггунга, господин Фаркухар улыбнулся и заметил: «Обо всем этом господин Раффлз уже знает. Он поможет навести порядок».

Затем господин Фаркухар сменил предмет разговора и спросил: «Скажи, тенгку, как называется вот тот холм, что поблизости?» Тот ответил: «Заповедный Холм²³⁶». Спрашивает господин Фаркухар: «Отчего он назван Заповедным?» Отвечает теменггунг: «Говорят, что в стародавние времена султан воздвиг на нем дворец и запретил кому-либо появляться там, кроме как по приказу или предписанию раджи. Вот почему холм и прозвали Заповедным. С обратной стороны холма бьет водный источник, названный Заповедным, ибо туда приходили купаться наложницы и жены султана. Появляться там не дозволялось никому».

Говорит тут правитель Фаркухар: «Тенгку, я прибыл сюда по договоренности с господином Раффлзом, с одобрения и согласия Тенгку Лонга, сына Султана Махмуда, владыки Риау и Лингги, с тем, чтобы остров Сингапур перешел под власть Английской Компании и чтобы здесь был основан портовый город в увековечение памяти о султанах прошлого и в знак истинного расположения к Английской Компании Тенгку Лонга и вашего, Тенгку. В ожидании

---

²³⁵ Политическая жизнь Джохора в указанный период разворачивалась в жестком противостоянии двух этнических групп — малайцев и бугов. После смерти султана Махмуд Шаха (1812) оба его сына от «незнатных» жен по закону не имели права на престол, а преемника он себе не назначил. Как показал Винстедт, султан намечал в преемники старшего сына Тенгку Сулонга (Тенгку Лонга, или Тенгку Хусейна), чью кандидатуру поддерживала малайская верхушка во главе с его тестем — бендахарой, тогда как бугийцы были на стороне младшего, Абдул Рахмана. До передачи царских регалий вдовой покойного султана интронизация преемника не могла состояться, а фактическая власть была у бугов. Голландцы могли считать, что Сингапур, как и прочие земли региона, переходит под их власть. Заключив договор с теменггунгом и Тенгку Лонгом, Раффлз исключил возможность притязаний голландцев на Сингапур (цит. по [Hill, 1970, p. 142]).

²³⁶ Заповедный Холм (*Bukit Larangan*) — невысокий холм близ устья р. Сингапур на юге острова.

прибытия господина Раффлза мы можем обсудить вашу с Тенгу Лонгом точку зрения, дабы мы могли заключить соглашение между обеими сторонами — Английской Компанией и вами с Тенгу Лонгом. Что вы об этом думаете?» Помолчав минуту, теменггунг молвил: «Сударь, Тенгу Лонг — старший надо мной. Если все свершится с его согласия, мне это будет по душе». Правитель Фаркухар сказал: «Коли так и вы согласны, давайте составим письменный договор». Отвечает теменггунг: «На что вам нужна моя подпись? Моего слова достаточно». Правитель Фаркухар возразил: «У нас, европейцев, принято ставить подпись, чтобы в договор нельзя было внести изменения». И, обратившись к Энчику Сиангу, сказал: «Составь договор с учетом условий, обозначенных Тенгу теменггунгом».

Тотчас же был написан договор²³⁷ с учетом всего сказанного. Он гласил:

«Настоящим подтверждается готовность теменггунга поддерживать дружеские отношения с Английской Компанией и по доброй воле, если будет на то согласие Тенгу Лонга, передать остров Сингапур Английской Компании, а именно: господам Раффлзу и Фаркухару, для постройки на нем города».

Была поставлена подпись. Правитель Фаркухар крепко пожал руку теменггунгу и сказал: «С этого дня, тенгу, мы с вами друзья на всю жизнь». Затем правитель Фаркухар сказал: «Теперь я намереваюсь сгрузить с корабля палатки. Где бы лучше их поставить?» Теменггунг ответил: «Где вам будет угодно». Говорит правитель Фаркухар: «Думаю, прямо здесь, на поле». Тотчас же с судна стали прибывать лодки, с них высаживались матросы, несущие палатки и все для них необходимое. Половине прибывших было приказано вырубать кустарник, а второй половине — устанавливать палатки. Спустя пару часов палатки уже стояли. Тут правитель Фаркухар велел выкопать под сенью дерева келат²³⁸ колодезь, чтобы брать оттуда воду для питья. Всего там было тогда тридцать малаккцев. По ночам они поочередно ходили дозором вокруг палаток.

---

²³⁷ Договор был подписан 6 февраля 1819 г.

²³⁸ Вид деревьев из рода *Eugenia* с плотной древесиной.

Назавтра ранним утром правитель Фаркухар отдал распоряжение воздвигнуть шест в шесть маховых саженей высотой. Шест был установлен на морском берегу, и на нем подняли английский флаг. Еды тогда не было никакой, и правитель Фаркухар вручил своим людям двадцать ринггитов со словами: «Идите и купите съестного, дабы мы могли совершить трапезу». Однако поиски ни к чему не привели, оставалась лишь еда, доставленная с корабля. Можно было бы приобрести съестное за деньги, только купить было нечего.

Близ жилища теменггунга стояли две-три крохотных лачуги. Пищей их жителям служили молодые побеги растений и сушеная рыба, добыть же рис им доводилось нечасто. А на самом краю Кампунг Гелам стояли два-три домишки — обиталища *оранг лаут* из племени *гелам*, чьим ремеслом было изготовление плетеных циновок и парусов. Поэтому и само селение именовалось Кампунг Гелам.

В те времена появляться в море близ Сингапура остерегались не только люди, но и джинны с шайтанами, ибо его берега служили прибежищем пиратов — они грабили корабли, кечи и малые суда, а добычу везли в Сингапур. Там происходил дележ награбленного, вершилась расправа над мореходами, случались и смертельные схватки за добытое добро. У *оранг лаут*, обитавших на лодках, были повадки, как у диких зверей. Завидев поблизости толпу идущих людей, они старались уплыть подальше на своих лодках. Если же это было невозможно, они прыгали в море и уходили под воду, подобно рыбам, скрываясь из виду на добрые полчаса и появляясь на поверхности за сто-двести саженей от места, где нырнули. Таков был обычай и у их мужчин, и у женщин, а особенно у детей: едва завидя кого-то, они принимались вопить, словно пред лицом смерти или при встрече с тигром. Теменггунгу они поставляли рыбу, но добывали ее в ту пору единственным способом — били острогой. По большей части это была скумбрия. Иногда попадалась и иная рыба, например, зубастая сельдь²³⁹ или какая другая. Рыба в Сингапуре в те времена была жесткая и твердая, словно буйволиная кожа, потому что привычки к ее употреблению у людей еще не было, да и рыба людей не боялась. По побережью ловили крупную рыбу, в прибрежном

---

²³⁹ Ikan parang-parang — зубастая сельдь, сельдь-дораб (*Chirocentrus dorab*).

песке и на поверхности заводей было видимо-невидимо ремиса²⁴⁰ — только собирай целыми корзинами.

Теменггунг приказал *оранг лаут* приносить рыбу на продажу вновь прибывшим. Рыбу они доставляли, но, пораженные и напуганные самим видом палаток, одежды прибывших и прочего, спешили восвояси, не беря в расчет, сколько за нее было уплачено, или обменяв ее на небольшую толику табака или риса. Когда они появлялась, господин Фаркухар оделял их деньгами, материями и рисом, видя их наготу и стремясь завоевать их расположение. Спустя день или два они освоились и стали подходить к пришельцам поближе, за исключением детей, диких настолько, что могли занемочь из одного страха перед чужаками. Один мальчик погиб в море близ Телук Аир только потому, что увидел недалеко от своей лодки проходящую группу людей. Он тотчас же спрыгнул в море, а оно в ту пору было бурным. Все ждали, но он так и не появился, унесенный волнами в открытое море.

Каждое утро господин Фаркухар отправлялся на обход местности, и путь его пролегал в сплошных зарослях кустарника, только посередине его было поменьше, и росли мирты²⁴¹, рододендроны²⁴², деревья келат, а ближе к берегу моря — сцевола²⁴³, индийский бук²⁴⁴, гмелина²⁴⁵, ветви которых переплелись друг с другом. На другом берегу реки виднелись лишь мангровые деревья, апи-апи²⁴⁶, агаллоховые деревья²⁴⁷, акант²⁴⁸ и присматомерис²⁴⁹. Не было ни клочка удобной земли, хотя бы в десять сажений шириной, но лишь сплошная

²⁴⁰ Вид съедобного моллюска.

²⁴¹ Keramunting — родомирт войлочный (*Rhodomirtus tomentosa*), кустарник или дерево семейства Миртовые.

²⁴² Sekeduduk (*Melastoma polyantum*) — высокий кустарник семейства Меластомовые.

²⁴³ Ambung-ambung (*Scaevola frutescens*) — сцевола кустарниковая, обычно растущая на морском побережье.

²⁴⁴ Malapari (*Pongamia pinnata*), тж. карандажа, или понгамия перистая — дерево семейства Бобовые.

²⁴⁵ Bulangan (*Gmelina spp*) — дерево семейства Вербеновые.

²⁴⁶ Кустарники и невысокие деревья (*Avicennia officinalis*), растущие в мангровых лесах.

²⁴⁷ Buta-buta (*Excoecaria agallocha*) — ядовитое мангровое дерево из семейства Молочайные. Его сок при попадании в глаза может вызвать временную слепоту, откуда и его название (buta по-малайски «слепой»).

²⁴⁸ Акант бесприцветниковый (*Acanthus ebracteatus*) — род травянистых растений и полукустарников семейства Акантовые.

²⁴⁹ Tulang-tulang (*Prismatomeris malayana*) — растение семейства Мареновые.

грязь, нанесенная приливом. Лишь на холмах почва не была вязкой. На мысе близ устья реки Сингапур находился холм, высокий и обширный. Устье реки Сингапур было загромождено скалами, в расщелинах между которыми струились потоки воды, извилистые, как змея, которую бьют палкой²⁵⁰. Среди множества скал была одна с острым выступом, напоминающим нос меч-рыбы. Потому-то *оранг лаут* и прозвали ее Скалой Меч-Рыба и верили, что на ней обитают духи и призраки. Скала служила местом собраний, и место это было страшное²⁵¹. Там они водружали флаги и совершали обряды поклонения, утверждая: «Если не воздавать им почести, то при проходе через пролив нас ждет неминуемая гибель». И так изо дня в день они возлагали на скалу свои подношения.

Вдоль всей береговой линии на песке валялись сотни человеческих черепов: и давнишние, и недавние, иные еще с волосами, какие-то с сохранившимися зубами, а другие без зубов — всякие. Об этом сообщили господину Фаркухару. Увидев все это воочию, он приказал их собрать и выбросить в море. Их стали складывать в джутовые мешки и бросать в море. Когда у *оранг лаут* спросили, чьи это черепа, те ответили: «Это черепа людей, ставших жертвами пиратов. Здесь их убивали, поэтому их так много. После ограбления корабля или лодки пираты причаливали здесь для дележа добычи, и даже между товарищами случалось смертоубийство из-за этого добра. На связанных пленниках, лежавших на берегу, они пробовали свое оружие. Здесь же пираты устраивали петушинные бои и играли в азартные игры».

Однажды правитель Фаркухар решил подняться на Заповедный Холм, о котором ему рассказывал теменггунг. Приближенные теменггунга заявили: «Мы боимся взойти на холм: слишком много нечистой силы там водится. Что ни день, оттуда доносится шум, словно сотни людей собрались вместе, а иногда слышится барабанный бой, звуки гонгов и человеческие крики». Улыбнувшись, господин Фаркухар молвил: «Вот бы мне поглядеть на этих бесов». И, обратившись к малаккцам, сказал: «Выкатывайте пушки и тащите их на вершину

²⁵⁰ *Seperti ular kena palu* — малайская поговорка.

²⁵¹ *Maka di batu itulah mereka itu sekalian berkaul dan tempatnya takut.*

холма». Иные пребывали в страхе, но делать было нечего — пришлось выкатывать пушки. Но все это были малаккцы: из числа обитателей побережья [Сингапурского] пролива никто не осмеливался даже приблизиться. Лес на холме не рос, и высоких деревьев было не так много, одна лишь поросль кустарника. Несмотря на это, люди пребывали в страхе, но, смущенные тем, что с ними идет правитель Фаркухар, волей-неволей должны были подниматься вверх по склону. Оказавшись на вершине, правитель Фаркухар приказал зарядить пушку и сам дал двенадцать залпов, [поворачивая пушку] по всей окружности вершины холма. Затем он повелел установить столб и поднять на нем английский флаг, а потом молвил: «Вырубите весь этот кустарник». По его приказу должна была быть проложена дорога от основания холма до его вершины. Началась ежедневная работа по вырубке поросли и прокладыванию дороги.

В ту пору на острове Сингапур не видать было ни диких, ни домашних животных, кроме разве что крыс²⁵². На своем пути можно было встретить тысячи этих животных, и очень больших, размером едва ли не с кошку. Во время ночной прогулки можно было на них натолкнуться, и люди часто падали — такие они были крупные. В доме, где я остановился, жила кошка. И вот однажды ночью я услышал ее мяуканье. Мой товарищ вышел с факелом посмотреть, что приключилось с кошкой, и обнаружил, что шесть или семь крыс обступили кошку и грызут ее: одни — уши, другие — лапы, третьи — щеки, так что кошка не могла и пошевелиться и только мяукала. Видя это, он закричал, призывая меня. Я прибежал узнать, в чем дело. Еще шесть-семь человек сошлись на это зрелище, но никто не пытался освободить кошку. Видя столько людей, кошка замаякала громче, словно моля о помощи. Люди взялись за палки, принялись наносить удары и убили двух крыс, вцепившихся в уши кошки. Когда уши оказались свободны, кошка сама загрызла одну из крыс, люди прикончили еще одну, прочие же крысы разбежались. Однако нос и мордочка у кошки были изранены и кровоточили.

Так обстояло дело во всех домах, кишмя кишевших крысами. Управы на них не было, и люди привыкли не обращать на это

---

²⁵² Tikus tanah. Варианты перевода на русский — «крыса», «крот».

внимания. Так же обстояло дело и в палатке господина Фаркухара, пока он не отдал такой приказ: «За каждую убитую крысу плачу уанг²⁵³». Услышав это, люди стали придумывать всяческие способы уничтожения крыс. Одни изготавливали мышеловки, другие — капканы, третьи — ловушки, четвертые — западни, пятые пускали в ход яды, шестые — клей для ловли мышей. Прежде я никогда не видел, чтобы крыс ловили с помощью клея: это было для меня внове. Кто-то умел находить их норы или убивать их иными способами — множество приемов шли у людей в ход. Изю дня в день в доме господина Фаркухара толпились люди, приносящие убитых крыс. На одного приходилось пятьдесят-шестьдесят штук, на другого — шесть-семь. Поначалу за одно утро к нему в дом принесли едва ли не тысячу крыс, так что получилась целая гора, и за каждую господин Фаркухар платил, как было условлено. Так продолжалось шесть-семь дней. Увидев, что их слишком много, он снизил плату до пяти дуитов²⁵⁴ за штуку. Люди снова и снова приносили тысячи штук, так что господин Фаркухар приказал вырыть глубокую яму и закопать их там. Поток крыс уменьшился, и в день стали приносить только по десять или двадцать штук. Наконец борьба с крысами в Сингапуре и все тревоги по их поводу подошли к концу — их не осталось ни одной.

Спустя несколько дней случилось нашествие сороконожек, они кусали то одного, то другого. В любом доме стояло только человеку ненадолго присесть, как две или три сороконожки падали на него с потолка. И когда поутру мы поднимались ото сна, то непременно находили под своей циновкой двух-трех крупных красных сороконожек, что вызывало большое беспокойство. Когда господин Фаркухар узнал об этом, он отдал такой приказ: «За каждую убитую сороконожку плачу уанг». Прослышав об этом, люди пустились на поиски сороконожек. Их ежедневно приносились сотни, и каждый ловил их своим особым способом. Численность сороконожек уменьшалась, и уже вскоре за два-три дня набиралось лишь двадцать или тридцать штук. Наконец завершилась борьба с сороконожками и беспокойство по их поводу, и люди перестали жаловаться на боль от укусов.

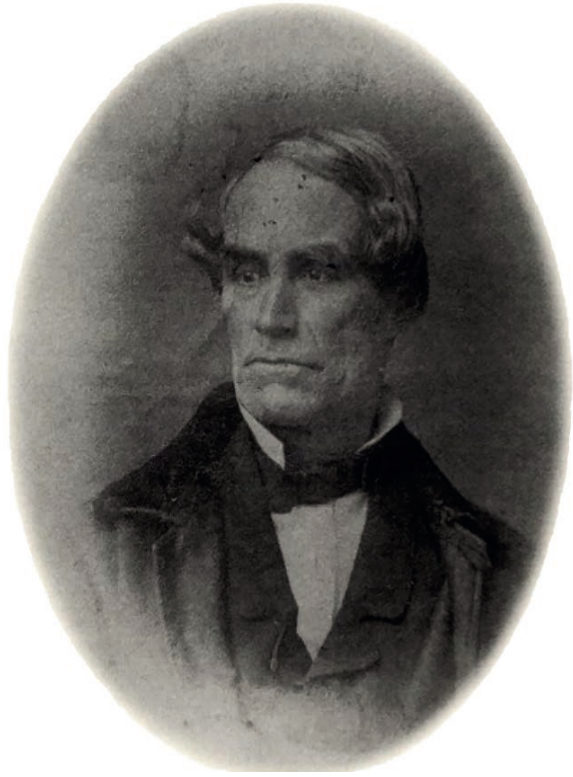
---

²⁵³ Uanг — общее наименование денег, а также денежной единицы.

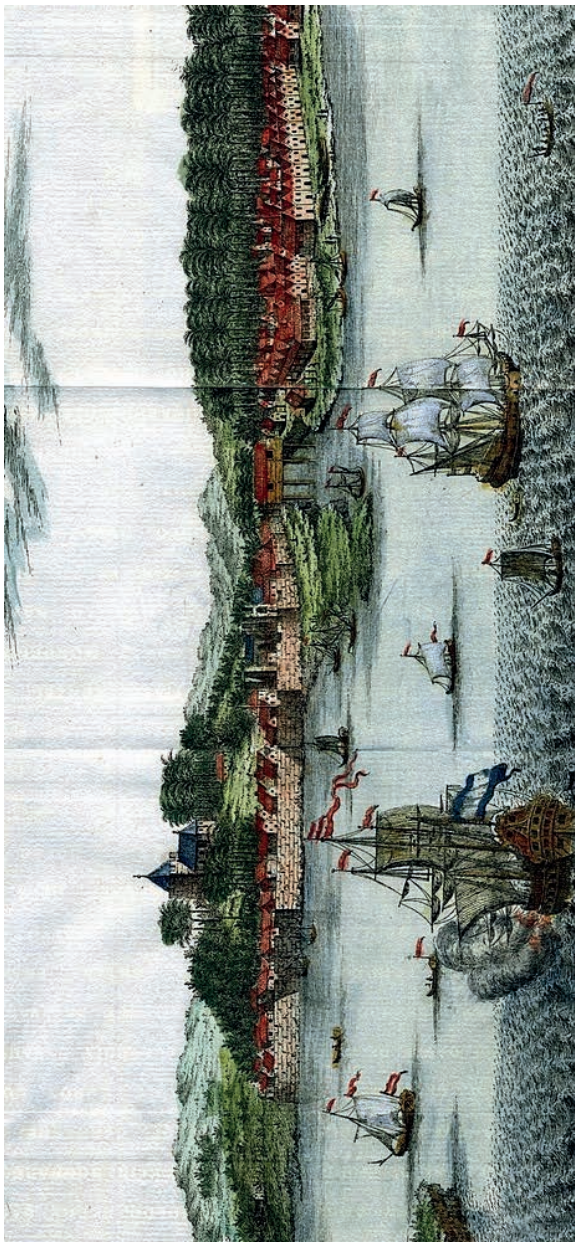
²⁵⁴ Duit — мелкая медная монета. Два дуита равны одному уангу.

Абдуллах Мунши (1796/7-1854)

Алфред Хорт (1807-1869)

Малакка. Середина XVIII в.

Томас Стэмфорд Раффлз (1781-1826)

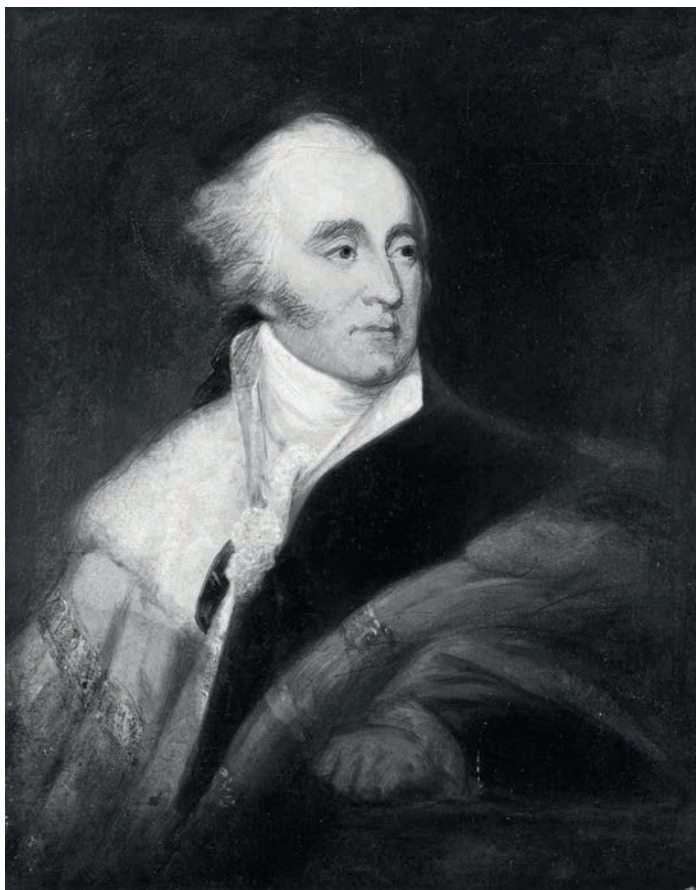

Уильям Милн (1775-1822)

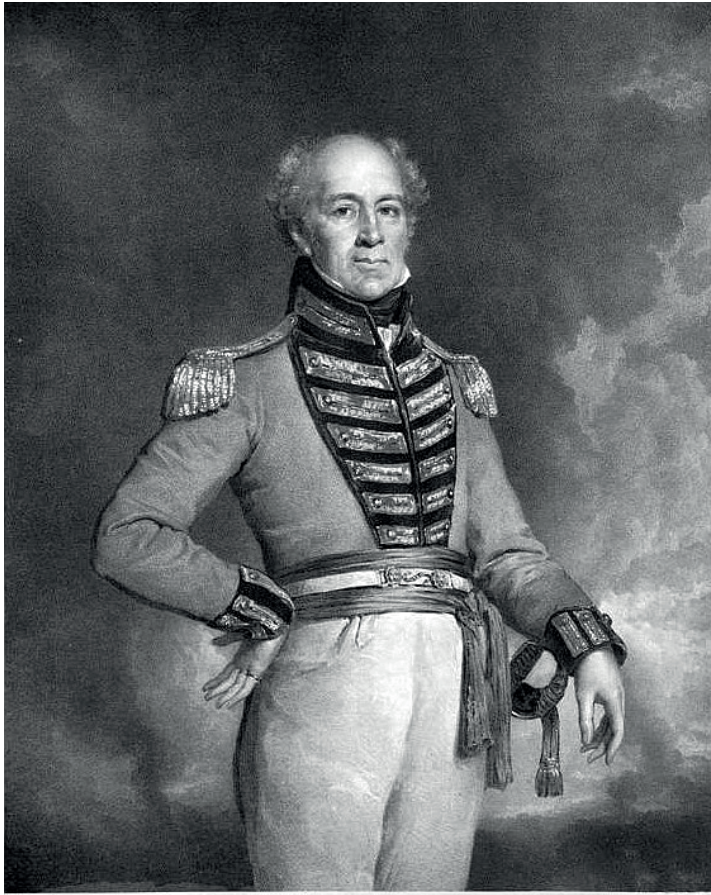
Роберт Моррисон (1782-1834)

Гилберт Минто (1751-1814)

Первая британская карта Сингапура (1828)

Уильям Фаркухар (1774-1839)

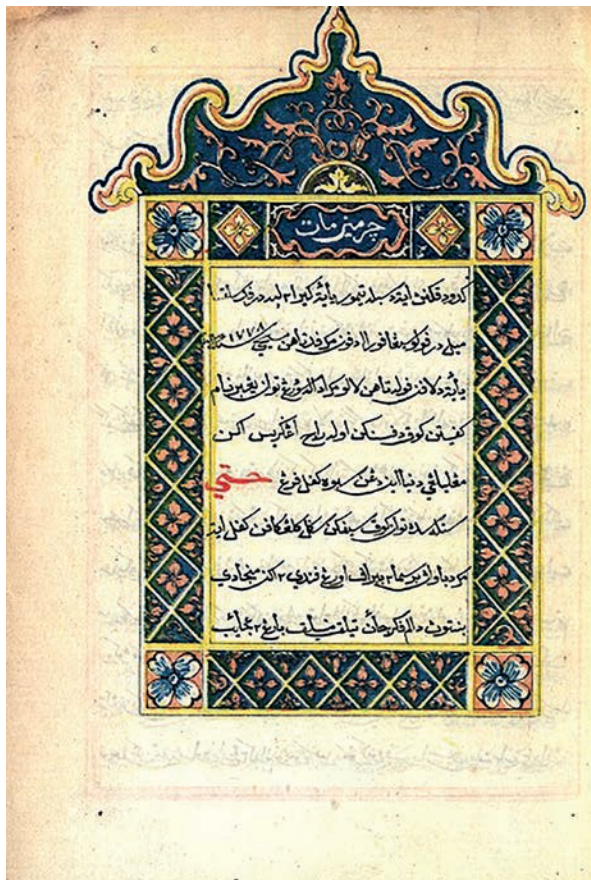

VIEW OF THE TOWN AND HARBOUR OF SINGAPORE FROM THE FORT OF THE HILL.

Сингапур. 1830 г.

Малакка. Англо-китайский колледж. 1834 г.

Страница альманаха «Очки для ищущих знания»

Страницы 1-2 «Истории Абдуллаха» (издание 1849 г.)

Глава 12. Голландцы в Малакке

Расскажем теперь о Малакке, которую англичане передали под власть Голландии. Каждый день отменялись порядки и установления, принятые при англичанах. Жертвой этого пали бедняки — ежедневно кого-нибудь штрафовали. Росло налоговое бремя: то, за что не взи-мали сборов при англичанах, теперь облагалось налогом. Доходило до того, что люди не могли, не уплатив пошлины, выкопать новый колодец или построить новый дом. Всего, за что приходилось пла-тить, и не упомнишь. С каждой лодки, выходящей в море, брали налог, и так далее, и тому подобное.

Был [у губернатора] секретарь по имени Бамгур²⁵⁵ — настоя-щая пиявка-кровосос. При нем состояло четверо соглядатаев, точь-в-точь прыгающие пиявки, что сосут кровь у любого попадающегося на пути человека или животного, дабы стать змеей²⁵⁶. Они держали под наблюдением каждый дом, и если обнаруживали у кого-то при-знаки чесотки, то раздували это событие до невероятной величины, говоря: «Скоро ты весь покроешься язвами», и запугивали человека. Со страху он давал им деньги, и они оставляли его в покое, но затем шли к своим товарищам и сообщали им об этом. Те же являлись сле-дом, угрожали, и снова приходилось платить. Вот какому произволу подвергались в ту пору малаккцы. Люди сыпали проклятиями, бра-нились и роптали: изо дня в день штрафы сыпались один за другим.

Когда [Бамгур] верхом на коне выезжал из крепости, вся-кий местный житель, где бы он в ту минуту ни оказался, спешил домой, хватал метлу и начинал наводить чистоту перед своими воро-тами. Шум от метел стоял невообразимый: все боялись штрафа. В каком бы месте ни пролегал его путь, ему сопутствовали звуки метлы. Вернувшись к себе, он назначал штраф трем или четверем

---

²⁵⁵ Имеется в виду секретарь голландского губернатора Малакки Ван Гоор, известный под прозвищем Подметальщика [Taylor, 2011, p. 8–9]. Его забота о чистоте города и борьбе с инфекциями нашла свое выражение в жестких мерах, о которых говорится далее.

²⁵⁶ Pacat hendak menjadi ular. Значение этого выражения: «человек низкого звания, строящий из себя богача или рассчитывающий добыть нечто недоступное».

лицам. Таков был ежедневный порядок, и потому прозвали его Господином Подметальщиком. Стоило сказать: «Господин Подметальщик» — и было ясно, о ком идет речь. В том краю все люди, какого бы роду-племени они ни были, проклинали его, честили на чем свет стоит согласно малайской поговорке: «Нож и паранг²⁵⁷ не так остры, как уста человеческие».

Рассказывает владелец этой истории, что причиной тому было пристрастие голландцев к чистоте. Мне это было по душе и казалось правильным: нельзя же целые дни сидеть в грязи, будь то в городе или дома, или за трапезой. В отношении малайцев или людей иного роду-племени такие действия я считаю правомерными. Однако порядки, установленные голландцами в Малакке, выходили далеко за рамки обычаев и все больше и больше оборачивались произволом и жестокостью. Люди волновались, но не имели возможности отомстить и лишь взывали к помощи Аллаха. И по воле Его на третий-четвертый месяц [своей службы в этой должности] Господин Подметальщик внезапно занемог и словно бы помешался: охваченный ужасом, он пронзительно кричал, что его бьют. Доктора лечили его, но безуспешно, и крики были все громче. Оставаясь наедине с собой, он рвался из дома бежать куда глаза глядят. Однажды ночью, когда все спали, он спрыгнул с верхнего этажа, упал и умер посреди дороги, оставив о себе недобрую память.

Назидание. События, описанные выше, да послужат уроком всем здравомыслящим. И да поймут они, что Божественное возмездие совершается не с помощью камней, палок или клинков, но следует путями неисповедимыми. Тот, кто творит добро, его же и получит в ответ, а воздаянием за зло станет зло.

* * *

Узнав о кончине Господина Подметальщика, малаккцы восклицали, воздевая руки к небу: «Да будет так, Господи, но и этого мало. Вот если умрет правитель Голландии, тогда в Малакке воцарится покой!» После смерти Господина Подметальщика его жена и дети

---

²⁵⁷ Нож длиной около полуметра.

отплыли из Малакки и двинулись в Батавию, но, как говорили, сама жена скончалась во время пути, а один из детей тяжело болел в течение всего плавания.

Тем временем по Малакке разнеслась весть о том, что Англия обосновалась в Сингапурском проливе и намеревается воздвигнуть там город. По большей части люди отнеслись к ней с недоверием. Одни говорили: «Это ложный слух. Наверно, англичане просто заезжали туда, чтобы осмотреться». Другие заявляли: «Что толку Англии строить там город? Выгоды это не сулит никакой, а англичане денег на ветер не бросают!» Так думали и гадали малаккцы, каждый судил по своему разумению и болтал, что вздумается: одно слово — языки без костей.

Однако спустя два-три дня в Малакку прибыл сампан²⁵⁸, принесший весть о том, что господин Фаркухар действительно находится в Сингапуре, где намеревается заложить город, и что его сопровождает множество малаккцев. По утверждению прибывших, те, кто повезут туда съестное: домашнюю птицу, плоды и прочее — окажутся в барыше. Немногие приняли на веру эти слова. Однако на третий день прибыл еще один сампан, привезший письмо господина Фаркухара к его представителю в Малакке с распоряжением доставить ему его вещи. Его спутники-малаккцы также направили письма своим братьям и сестрам, где просили о присылке еды и домашней птицы. Кроме того, в письмах сообщалось, что господин Фаркухар водрузил в Сингапуре британский флаг, но что решение о том, где будет основан город, еще не принято. Достоверные же сведения ожидалось лишь по прибытии туда господина Раффлаза.

Услышав эту новость, многие готовы были взяться за поставки продовольствия. Одна беда: в ту пору пираты чувствовали там себя как дома²⁵⁹ и прямо из Малаккского порта угоняли рыбацкие лодки. Ежедневно можно было наблюдать, как они проплывают мимо, следуя с запада на восток и с востока на запад и не обращая внимания на голландцев. Это наводило страх на некоторых из числа желавших пуститься в плавание, однако нашлись и охотники возить

---

²⁵⁸ Собирательное название для дощатых плоскодонных лодок, предназначенных в основном для плавания по рекам или вдоль морских побережий.

²⁵⁹ *Seperti anak ayam jinaknya* — букв. «ручные, как цыплята». Вероятно, перевод «чувствовали себя как дома» ближе всего по смыслу.

продовольствие, прослышавшие, что дело это доходное. Добравшись до Пролива, они получали многократную прибыль. Когда о том прознали все прочие, то тоже воспылали желанием заняться доставкой всякого добра, иные хотели наняться на поденную работу, третьи задумывали открыть там торговлю.

Когда же голландцы проведали, что англичане собираются воздвигнуть город на Сингапуре, то пришли в ярость. Их гнала зависть: ведь если город Сингапур построят, Малакка придет в упадок. Поставка на Пролив²⁶⁰ продовольствия и домашней птицы уже шла полным ходом. Разгневанные голландцы запретили везти туда что-либо и принялись изымать грузы с любого судна, плывущего в том направлении. Пострадавших от конфискации было немало, однако тайные поставки продолжались. Если это становилось известно, грузы отбирали, а виновного приговаривали к тюремному заключению или выплате штрафа.

Затем в устье Малакки был направлен сторожевой корабль для перехвата судов, идущих в направлении Пролива. И все же в это плавание пускались многие. Те, кого удавалось перехватить, попадали под арест, а ускользнувшие продолжали свой путь. При встрече с пиратами всех их ждала смерть, а те, кто прыгнул за борт, лишались только своего судна. В ту пору десятки малаккских лодок стали добычей пиратов, а их хозяева возвращались в чем были. Порой суда пропадали вместе со всей командой, кого-то продавали в рабство в чужие края, у других забирали товар и затапливали лодку. Иные оказывали сопротивление, при этом жертв с обеих сторон было множество, а некоторым удавалось спастись бегством. Так каждый испытывал свою судьбу.

Те же, кто собирался плыть на Пролив, больше всего опасались Кукупа²⁶¹ — пристанища пиратов. Они господствовали над Кукупским проливом, где было тихо, словно за стенами дома. Когда везде бушевал ветер, там царил штиль, и все стремящиеся укрыться от бури направляли свое судно в Кукупский пролив, а там попадали

---

²⁶⁰ Selat — здесь и далее этим словом в соответствующем контексте именуется Сингапур.

²⁶¹ Кукуп — небольшой остров у юго-западной оконечности Малаккского полуострова, отделяемый от него узким проливом.

прямо в руки к пиратам. Те их видели, а они пиратов — нет и при внезапном нападении становились их легкой добычей. Случилось в ту пору, что около сорока малаккских отроков из яванского кампунга задумали попытать счастья в Сингапуре и пустились в плавание. И что же: были убиты и бесследно сгнули все до единого, потому что пытались сопротивляться.

Но, несмотря на опасности, в поисках заработка сотни малаккцев прибыли на Пролив. Из-за отсутствия заработка и произвола голландцев жизнь в Малакке была нелегка, о чем уже было пове­дано. Поэтому многие устремились искать счастья на Пролив. Одни нанялись рубщиками леса, другие — подсобными рабочими на строительстве, третьи открыли лавочки, четвертые завели крупную торговлю, а кто-то занялся махинациями. Каждый избрал свою дорогу.

Несмотря на все это, малаккцы не были уверены, быть ли городу на Сингапуре. В ту пору с продовольствием там было туго, за курицу просили две рупии, а за утку — рингит, да и тех было не достать. Одно яйцо стоило уанг, гуава — уанг и восемь дуитов за штуку. Денег было предостаточно, а еды не хватало, потому что голландцы не позволяли малаккским лодкам плавать в том направлении. И если окольными путями малаккскому судну удавалось добраться туда, люди толпой бросались навстречу, спеша урвать что-то для себя, невзирая на цену. За ананас давали семь уангов, за подгнивший дуриан — две рупии серебром. Мне самому случалось покупать за эти деньги лежалые дурианы. Все, что ни возьми, стоило очень дорого.

Но вот по воле Аллаха Всевышнего голландский правитель Малакки Тиммерманн Тайссен скончался²⁶², и судебные приговоры, поборы и штрафы стали более умеренными. Малаккцы перестали возмущаться и получили некоторую передышку. Но, хотя приговоры в Малакке стали мягче, дурная слава шла за правителем и за порогом могилы. Многие богачи, одалживавшие ему деньги, оказались разорены. Долгов в разных местах он оставил немало, сильно пострадала и казна Компании, за что его часто поминали недобрым словом. После его смерти его дом и имущество были выставлены на торги, но покрыть удалось только десятую часть долгов, остальное пропало безвозвратно.

---

²⁶² Это произошло в 1822 г.

Малаккцы в то время чувствовали себя рыбами, выброшенными из воды. Заработать на жизнь было непросто, торговые суда не заходили в порт, да и английские корабли там тоже не появлялись. Те, у кого были накопления, проедали их. Всем пришлось туго: на руках семья, родители, жена с детьми — как тут быть? Девять-десять-то некуда, словно тигру на издыхании²⁶³. Те, кто имел возможность, готовы были покинуть Малакку немедленно. К тому же рис все дорожал и дорожал, и малаккцев давила нужда.

Назидание: Поистине, всем им следовало бы вознести тысячекратную хвалу милостивому Господу за те неисчислимые благодеяния, что Он изливает на Своих рабов. В то время, когда Малакка изнывала от засухи, Аллах послал ей обильный дождь со стороны Пролива, ибо Англия построила Сингапур, дабы Малакка нашла душевный покой и обрела там средства к существованию: богатые по-своему, бедные по-своему. Каждый мог немного перевести дух, ибо в ту пору даже мусор, привезенный из Малакки в Сингапур, приносил доход, не говоря уже о добротных вещах: ведь жители других краев еще не успели прослышать о строительстве города на Сингапуре, и торговые суда боялись там появляться. К тому же пираты чувствовали себя в тех краях, как дома, и потому плыть туда можно было лишь на больших кораблях, с полным вооружением и отважной командой. Да и у редких малаккцев тогда имелись такие суда, как нынче, — кечи, тобы²⁶⁴, шхуны и тому подобное. Судовладельцев было наперечет, а их услуги стоили немало. Когда люди простого звания собирались плыть на Пролив, каждому приходилось платить по три ринггита, причем стоимость питания в эту сумму не входила. По большей же части они считали, что Сингапур — дело временное и долго он не простоит, ибо брали на веру слова малаккских голландцев, заявлявших: «Не быть Сингапuru городом». Один лишь Аллах ведает истину²⁶⁵.

---

²⁶³ *Seperti harimau tambaham tanah* — букв. «словно тигр, грызущий землю».

²⁶⁴ Небольшая джонка.

²⁶⁵ *Wa'llahu alam bissawab* — традиционная формула, завершающая повествование или его сюжетно законченный фрагмент.

Глава 13. О Тенгку Лонге

Возвращусь к своему рассказу о городе Сингапуре. Хотя господин Фаркухар уже договорился с теменггунгом Абдул Рахманом о том, что Тенгку Лонга, сына султана Махмуда, пригласят приехать из Риау на Сингапур, они не могли сделать это без ведома господина Раффлза, который все еще был в Бенгалии. Спустя несколько дней господин Раффлз прибыл из Бенгалии²⁶⁶, а с ним четыре корабля и два кеча. Когда они пристали к берегу, господин Фаркухар с теменггунгом явились на борт его судна. Пришедшие были приняты со всей учтивостью, а затем стороны поведали друг другу о состоянии дел у каждой. Господин Фаркухар сообщил, что намеревается пригласить сюда Тенгку Лонга, находящегося на Риау. Господин Раффлз спросил с тревогой: «А разве вы этого еще не сделали?» Господин Фаркухар ответил: «Я прежде хотел узнать ваше мнение, ведь тут дело серьезное». Отвечает господин Раффлз: «Действуйте, но постарайтесь, чтобы ваши доверенные лица не проболтались. Хотелось бы видеть его здесь через три дня, сам же я, пока не прибудет Тенгку Лонг, не ступлю на берег».

Господин Фаркухар с теменггунгом вернулись на берег и послали за Раджей Эмбунгом. Раджа Эмбунг, член семьи султана Махмуда, родич Тенгку Лонга, явился, и они втроем, посоветовавшись в доме у теменггунга, решили, что на Риау отправится Раджа Эмбунг. [Господин Фаркухар сказал:] «Через три дня Тенгку Лонг должен быть здесь! Только держи язык на привязи, чтобы невзначай голландцы не проведали об этом, не то они не выпустят его! Что хочешь делай, но доставь его сюда, хотя бы в одной рубашке. Передай, что это господин Раффлз приглашает его и ожидает его на Проливе»²⁶⁷.

Совещание завершилось, Раджа Эмбунг занял место на шлюпке и двинулся в направлении Риау. Миновали сутки, и в полночь он прибыл на Риау, в Кампунг Пенъенгат. Сойдя на берег, он направился в дом к Тенгку Лонгу и поведал ему, что господа Раффлз и Фаркухар,

²⁶⁶ 28 января 1819 г.

²⁶⁷ Согласно свидетельству одного из очевидцев, за Тенгку Лонгом (видимо, для сопровождения упомянутого раджи Эмбунга) был отправлен один из местных жителей по имени Батин Сапи [Haughton, 1882, p. 286].

а также теменггунг Абдул Рахман просят тенгку пожаловать на Пролив, ибо хотят сделать его султаном. Но пока они лишь договорились об этом между собой. Услышав это, Тенгку Лонг был поражен и ненадолго задумался, а затем велел позвать Энчика Абу. Энчик Абу пользовался его доверием и был чем-то вроде министра. Прозывали же его Энчик Абу Путих.

Его пригласили в дом. Тенгку Лонга стали уговаривать, ибо он колебался, опасаясь подвоха со стороны господина Раффлза, который, по его подозрениям, собирался похитить его и увезти в Бенгалию. Тогда Энчик Абу выразил свое общее с Раджей Эмбунгом мнение, сказав: «Я твой покорный раб, о владыка, и готов повиноваться любому твоему слову. Однако, по моему рассуждению, Раджа Эмбунг отнюдь не намеревается причинить тебе вред». Тогда Тенгку Лонг молвил: «Хорошо. Если так, принеси-ка мне мой крис, и мы отправимся. Не делай много шума, а если спросят — скажи, что я собираюсь на рыбную ловлю». Тотчас же явилась его кормилица, принесшая укладку с одеждой, и один из его подчиненных. Энчик Абу сошел в шлюпку, но прочих припасов взять с собой не мог и получил от Тенгу Лонга такой приказ: «Пришли завтра лодку со всякими яствами, шлюпку, большой невод и какап нага²⁶⁸ туда, на Пролив».

Пока они плыли, Тенгку Лонг повторял про себя слова господина Раффлза, призывающего его на Пролив, ибо в глубине души он по-прежнему колебался. На следующий же день сампан с яствами нагнал их близ пролива Лобам, и они плыли вместе два дня, пока не добрались до Сингапура и не пристали у якорной стоянки теменггунга. Тут теменггунг и господин Фаркухар, взявши за руку Тенгку, заняли места в шлюпке, и господин Фаркухар сказал: «Мы отправляемся, Тенгку, к господину Раффлзу, он стоит на рейде и не пожелал сойти на сушу до твоего прибытия». Молвил Тенгку Лонг: «Согласен». Однако сердце его бешено стучало: он полагал, что его ждет арест.

Тенгку Лонг и господин Фаркухар уселись в шлюпку и двинулись в открытое море, подняв желтый флаг. Завидев их, на корабле стали готовиться к встрече. По прибытии их на корабль господин Раффлз подал руку Тенгку Лонгу. На кораблях и кече прогремела пушечная

²⁶⁸ Какар нага — лодка с носом в виде драконьей головы.

канонада. Выразив свое высочайшее уважение Тенгу Лонгу, господин Раффлз предложил сесть всем четверым, причем Энчик Абу Путих занял место за спиной Тенгу Лонга. Раджа Эмбунг сидел чуть поодаль. Тут господин Раффлз заговорил, храня на лице любезную мину, сдержанно улыбаясь и слегка потупив голову: воистине был он сладок, словно море меда²⁶⁹. Не только человеческое сердце, но и камень не устоял бы перед его речами, перед благозвучием его голоса, подобного нежнейшей музыке, способного изгнать печаль и недоверие из самых глубин человеческой души. Волны смутения, бьющиеся о рифы сомнения, постепенно утихли. Порывы ветра и сгустившийся мрак, предвестники бури, исчезли, как не бывало, погода стала ясной. Из сада дружбы повеяло тихим ветерком. Внезапно воссияла полная луна, и в чистосердечии намерений господина Раффлза в отношении Тенгу Лонга уже нельзя было усомниться. На смену заботе явилась радость, лицо Тенгу Лонга просияло. Господину Раффлзу хватило одного взгляда, чтобы убедиться в этом. Поднявшись со своего места, он под руку проводил Тенгу Лонга в свою каюту, и они закрылись там для беседы. Свидетелей их переговоров не было. Кто знает, о чем там шла речь? Имей я об этом понятие — написал бы здесь, а так ведает о том лишь один Аллах.

Вскоре оба они вышли, сдержанно улыбаясь. Держась за руки, они спустились в шлюпку, а следом за ними и господин Фаркухар с теменггунгом. Капитан корабля и команда тоже сошли в шлюпку, неся все необходимое оснащение, оборудование и вооружение. Когда все прибыли в дом теменггунга, Тенгу Лонг облачился в царские одежды. Господа Раффлз и Фаркухар, команда корабля и малаккцы уже стояли наготове посреди поля. Там поставили стол, стулья справа и слева от него, и с каждой стороны в шеренгу выстроились моряки. Тут появились Тенгу Лонг, теменггунг и раджа Эмбунг, сопровождаемые малайцами, несущими желтые зонтики. Пока они шли, хлынул слепой дождь — по малайскому поверью это считалось добрым знаком. Господин Раффлз поспешил провести Тенгу Лонга в шатер. При этом Тенгу Лонг по-прежнему опасался, как бы господин Фаркухар не обманул его, не задержал и не отправил в Бенгалию. Поэтому он

---

²⁶⁹ Русский эквивалент этой идиомы — «Сахар Медович».

шел, но приказал Энчику Абу: «Следуй за мной и не отступай от меня ни на шаг».

Оказавшись на месте, господин Раффлз усадил его посередине, сам встал справа, а господин Фаркухар — слева от него. Европейцы обнажили головы, скрестили руки на груди и почтительно приветствовали государя. Затем появился молодой англичанин в треуголке, украшенной перьями райской птицы, в офицерском мундире, расшитом золотой нитью, и с желтой шелковой перевязью²⁷⁰. Он встал посередине, напротив стола и предъявил две свернутых в трубку грамоты: одну на английском, другую — на малайском языке. Стоя, он поклонился, а затем прочел эту грамоту перед всеми собравшимися. Затем вышел Энчик Яхья и зачитал ее по-малайски. В ней было написано следующее:

«Ко всеобщему сведению: генерал-губернатор, пребывающий в Бенгалии, провозглашает Тенку Лонга султаном Сингапура и всех прилегающих территорий, и отныне звание его будет — султан Хусейн Шах, сын покойного султана Махмуд Шаха».

Европейцы поклонились в знак уважения к султану. Затем с корабля донеслось несколько залпов, и султан с теменггунгом, господами Раффлзом и Фаркухаром проводили султана Хусейн Шаха до дома теменггунга. Там господин Раффлз попрощался с султаном и теменггунгом, пожав им руки, и вернулся на корабль. По отбытии господина Раффлза Его Высочество отдал теменггунгу такой приказ: «Построй для меня дворец, ибо и супруга моя, и все придворные переедут сюда из Риау».

А господин Раффлз на следующий день выгрузил с судна на берег все свои инструменты, и ему построили дом. Там он и поселился вместе со своим шурином, капитаном Флинтом²⁷¹, которого поставил начальником порта. Стоял же этот дом на самом краю Сингапурского мыса, где сейчас находится пакгауз господина Джонстона²⁷². Перед

²⁷⁰ Tamrap, tetamrap — желтый шелковый платок был атрибутом придворного костюма и носился придворными на левом плече при общении с правителем.

²⁷¹ Флинт У. Л. (William Laurence Flint, 1781–1828) — муж сестры Раффлза, занимавший в 1820–1823 гг. должность Master Attendant (суперинтенданта) сингапурского порта.

²⁷² Джонстон А. Л. (Alexander Laurie Johnston, †1850) — основатель крупнейшей сингапурской торговой компании той эпохи — A. L. Johnston & Company.

крепостью, где теперь стоит ресторан Тронкуа²⁷³, господин Фаркухар выстроил дом — также из аттапа, со стенами из циновок. На поле перед поселением высадили падук²⁷⁴, саженцы которого прибыли на судне Раджи Хаджи из Малакки, из Танджунг Келинга.

Когда Тенгку Лонг стал султаном, господин Раффлз даровал ему тысячу рингитов, по штуке черного и желтого сукна и определил для него ежемесячные выплаты в четыреста шестнадцать рингитов, а для теменггунга — в половину от этой суммы, то есть в двести восемь рингитов. В тот же день между сторонами — Английской Компанией и султаном Хусейн Шахом — было заключено соглашение. Согласно ему, тамилы и бенгальцы должны были находиться под властью Английской Компании, а китайцы и малайцы — под властью султана. В соглашении также было указано, что любой доход с Сингапура следовало делить на две части, с тем чтобы половина приходилась на долю Английской Компании, а другая половина — на долю султана Хусейн Шаха.

Спустя несколько дней, когда вопросы с выплатами и соглашениями, касающимися города, были улажены, господин Раффлз отплыл в Бенгалию, оставив господина Фаркухара в должности правителя, господина Флинта — в должности шахбандара, а господина Бернарда²⁷⁵, зятя господина Фаркухара, — в должности магистрата Сингапура.

Сингапур же в ту пору был словно солнце на рассвете: чем выше поднимался, тем ярче сиял. Изю всех стран в великом множестве съезжались туда коммерсанты — не столько по торговым делам, сколько чтобы подивиться на новый город. Со всех краев земли рекой текли товары, а уж о товарах из Европы и говорить нечего: отцы и деды наши такого и не видывали — например, горы всевозможных овощей, продававшихся на аукционах в четырех-пяти местах по сходной цене. А об аукционе сообщали не ударами гонга или оповещением

---

²⁷³ Тронкуа, правильно — Дютронкуа, Гастон (Gaston Dutronquoy), владелец гостиницы London Hotel в Сингапуре.

²⁷⁴ Pohon sena (*Pterocarpus indicus*) — пантропический род деревьев семейства Бобовые.

²⁷⁵ Francis James Bernard (1796–1843). С 1819 г. — Master Attendant (начальник портовой службы) Сингапура, с мая 1820 г. — глава полицейского департамента Сингапура. См. [Kathirithambi-Wells, 1969, p. 49].

на дому, но путем расклеивания объявлений на перекрестках, где значилось: «Завтра в десять часов утра в доме такого-то состоится аукцион» — и перечислялось, что именно будет выставлено на торги.

Порт Сингапура был запружен кораблями, кечами, шлюпками, фрегатами и двухмачтовыми судами и шхунами, педеваканами²⁷⁶ и джонками из Китая, Аннама и Сиама, лодками из Брунея и так далее. Но, несмотря на кипучую жизнь города, в нем не было пока ни одного каменного здания — одни лишь дома из аттапа. Первая постройка из камня, где когда-то помещалась полиция, была воздвигнута английским негодяем, господином Метвенем. Он первым воздвиг в Сингапуре каменный дом и вскоре отбыл в Англию²⁷⁷. В доме расположилась полиция, то есть место, где производились судебные разбирательства, но ранее господином Бернардом был построен дом из аттапа в кампунге, где проживал теменггунг, — первое полицейское отделение в Сингапуре.

В то время люди пребывали в страхе. То и дело горели дома, воры орудовали среди бела дня. Случалась поножовщина, и поутру обнаруживалось, что кого-то закололи насмерть. Подчиненные теменггунга и султана, да и купцы разного роду-племени имели при себе оружие. Людей грабили при свете дня, воры забирались в дома и похищали чужое добро без всяких опасений, ибо порядок в городе еще отсутствовал. Европейцев тогда было немного, да и сипаи пока не прибыли. Полицейских насчитывалось на круг четыре-пять человек. Ежедневно люди теменггунга затевали потасовки, и обращались они с малаккцами согласно поговорке — «словно тигр с овцами». У малаккцев и в заводе не было носить оружие, орудовать клинком, им не случалось видеть пролитую кровь. Однако стоило завязаться ссоре между малаккцами, будь то малайцы, китайцы или келингцы, с одной стороны и людьми теменггунга с другой, господин Фаркухар всегда брал сторону малаккцев, зная, что они не сильны в обращении с оружием, но что в кулачном бою им нет равных. Вражда

---

²⁷⁶ Pedewakan — бугийская лодка.

²⁷⁷ Капитан Кэтакэрт Метвен (Cathcart Methven, 1878–1823) прибыл в Сингапур в марте 1820 г. Его каменный дом был построен к осени того же года. С 1823 г. в нем располагалось полицейское управление, а сам Метвен был отозван в Бенгалию, где когда-то начинал службу [Gibson-Hill, 1969, p. 109–110], а отнюдь не в Англию.

между двумя этими группами не прекращалась, нередко были жестокие стычки, больше напомиавшие сражение. Каких-то особых причин не требовалось: каждый пылал ненавистью к другому. Если бы не страх перед господином Фаркухаром, они бы убивали друг друга изо дня в день без остановки.

Прошло примерно четыре месяца со дня основания Сингапура, когда мы с пастором Томсенем прибыли туда из Малакки²⁷⁸. Тут я обнаружил, что на дальнем берегу реки никаких домов нет — кругом чащоба, мангровые заросли, наносы грязи. Люди селились только с этой стороны. В то время султан Хусейн Шах начал строить себе дворец в Кампунг Гелам, в самой чаще леса, и с суши туда было не подойти. Только со стороны моря можно было проникнуть туда: идти лесом люди боялись, да и берегом тоже. Семья султана, домоладцы и челядь прибыли из Риау в Сингапур все разом, на сотнях лодок. Одни поселились у Его Высочества, другие у теменггунга, а иные двинулись вверх по реке, чтобы обосноваться там.

Ежедневно на дороге, ведущей к Кампунг Гелам, убивали людей. Полицейские вели наблюдение здесь и там, и все же дня не проходило, чтобы нескольких из них не убили. Тогда господин Фаркухар нанял множество рабочих-кули вырубать кустарник, корчевать прилегающий лес. Проторили дорогу, стали строить дома для Компании — для всех нашлось дело. Работали только малайцы из Малакки, поселившиеся близ кампунга теменггунга, рядом с аллеей мангровых пальм²⁷⁹. Там же было построено медресе — молельный дом²⁸⁰, а вокруг него — лачуги малаккцев. Старшим над ними был Энчик Яхья по прозвищу Энчик Сианг.

Лишь спустя восемь месяцев после основания Сингапура из Малакки приплыли рыбаки на своих лодках. Когда сингапурцы убедились, сколько денег на этом выручают малаккцы, они в подражание последним также принялись ловить рыбу. Однако поначалу

---

²⁷⁸ Информация неверна: на самом деле Абдуллах впервые приехал в Сингапур между 1821 и 1882 гг. (см. Предисловие).

²⁷⁹ *Ragar nibung*. Известно, что в Сингапуре в ряде мест сохранились нибонги (т.ж. мангровые пальмы), в т.ч. близ нынешней резиденции президента страны.

²⁸⁰ Слово *madrasah* означает по-малайски не только «мусульманская религиозная школа», но и «молельный дом».

иных способов, кроме ловли на гарпун, они не знали. Когда же Сингапуру исполнился год, из Малакки прибыл человек по прозвищу Хаджи Мата-мата, введший в обиход келонги и белаты²⁸¹, иные же оборудовали джермалы²⁸². Поначалу келонги устанавливали, чтобы ловить рыбу напротив Телук Аир, и улов был богатым — настолько, что съесть ее всю было невозможно. Саму рыбу выбрасывали, доставали лишь икру, засаливали в трубках²⁸³ и в таком виде продавали на кораблях. Дивились сингапурцы богатым уловам. Келонги устанавливали у мыса Телук Аир, вблизи Танджунг Маланга. Весть об этом разнеслась широко, и однажды господин Фаркухар с женой и сыновьями отправились понаблюдать за ловлей рыбы. Когда они подошли к садку, люди стали доставать оттуда рыбу черпаком. Рыбы там было три слоя: нижний — дохлая, средний — полудохлая: хоть и живая, но не способная плыть, и наконец верхний — живая. Головы рыб теснились одна над другой. Видя это, господин Фаркухар решил ловить рыбу голыми руками и выловил несколько штук. Его дочь тоже хотела поймать рыбу, ухватила ее за хвост, а та забилась и шлепнула ее по руке, так что рука распухла, и им пришлось уйти домой.

До того, как малаккцы прибыли в Сингапур, *оранг лаут* не были знакомы с весельными лодками, в ходу у них были гребки. Они плавали на челнах, а лодок с уключинами и не видывали, да и людей из иных краев встречали редко. Выходить же в открытое море на весельных лодках они остерегались, ибо Сингапурский пролив слыл пиратским гнездом. С появлением малаккцев *оранг лаут* стали делать весла по их образцу. На больших лодках у них и прежде бывали весла, однако то были [...] ²⁸⁴, именуемые также малайскими веслами, куда менее мощные, чем малаккские. Кроме того, *оранг лаут* не имели обыкновения носить баджу, но одеждой и у мужчин, и у женщин служил кусок ткани непонятного цвета, который и мок, и высыхал прямо на теле и испускал нестерпимое зловоние. Жить на суше и строить

²⁸¹ Kelong — вид рыболовного сооружения, коридор между двумя рядами частокола, по которому рыба попадает в отсеки-садки. Belat — вид рыболовной снасти из бамбука.

²⁸² Jermal — загоны для рыбы между двумя рядами решетчатых экранов, ведущие в садки.

²⁸³ Pira — возможно, имеется в виду узкий цилиндрический сосуд из бамбукового стебля.

²⁸⁴ Dayung kis

дома у них не было в обычае, и вся их жизнь протекала на лодках: там они обзаводились детьми и внуками, женились, умирали. Поэтому на берегу всегда можно было их узнать: от привычки сидения в лодках все они, мужчины и женщины, передвигались, выпятив зад. По вере они лишь именовались малайцами, но не следовали мусульманскому закону.

Когда Сингапур стал городом, европейские хлопковые ткани стали употребляться для повседневной одежды, из сукна шились брюки, блестящая бугийская ткань шла на каины, а батик — на головные платки. Иные обзавелись шелковыми зонтиками, стали обуваться в сандалии, бегло говорить по-английски, по-бенгальски и по-тамилски. Если англичанин обращался к ним по-малайски, ему отвечали по-английски. С изумлением взирал я на все это, видя со всей ясностью, что мир меняется. Чего не было, то появилось, а что было — ушло. На месте леса стал город, на месте города — лес. Все это ясно указывало, что наслаждения мира сего никому не принадлежат на веки вечные, но лишь даются нам на время, и что ни попросишь, непременно придется возвращать.

Вернемся к рассказу о Сингапуре. После отплытия господина Раффлза господин Фаркухар ежемесячно выплачивал султану Хусейн Шаху деньги, как то было условлено с господином Раффлзом, и теменггунг тоже получал свою долю. Однако султан был недоволен суммой, ибо на его содержании находилось немало людей. Он доложил господину Фаркухару о недостаточности этой суммы, и тот распорядился, чтобы выплаты были увеличены за счет налогов, взимаемых за торговлю опиумом. Теперь он стал получать восемьсот реалов в месяц, иным счетом — тысячу шестьсот рупий. Так в течение нескольких месяцев и шло дело, вплоть до возвращения господина Раффлза из Бенгалии.

Тем временем число приезжих торговых людей, да и европейских коммерсантов все возрастало. Широко разнеслась весть о Сингапуре как городе в полном смысле этого слова. Немало уроженцев других краев перебралось в Сингапур, а иные обзавелись там своими торговыми представителями, поставляя им товары со всех сторон земли. Жизнь в Сингапуре кипела, люди всякого роду-племени,

ремесленники и мастера тянулись в Сингапур. Случалось, что какие-то бедняки становились богатыми, но были и такие, кто прибывал сюда с капиталом в десятки тысяч и разорялся дотла. Каждому своя судьба: как говорится, волокно всплывет, а камень утонет.

Расскажем, как султан Хусейн Шах явился к господину Раффлзу с жалобой на недостаточность своего содержания. В ту минуту господин Раффлз беседовал с господином Фаркухаром в присутствии теменггунга со старейшинами и военачальниками, а также свиты султана. Выслушав жалобу, господин Раффлз подумал минуту, а затем ответил: «О государи мои, султан и теменггунг, я знаю средство, что укрепит благосостояние султана и прославит повсеместно ваши имена. Есть у меня в Бенгалии весьма состоятельный друг, глава над всеми английскими негодциантами — господин Палмер²⁸⁵. Я могу послать ему распоряжение доставлять султану товары в тех количествах²⁸⁶, как тот того пожелает, и султан будет получать с этого комиссионные. Кроме того, султан может построить в удобном для него месте торговый дом, как у английских коммерсантов, и местные жители, будь то бугийцы, малайцы, брунейцы и прочие, предпочтут иметь торговые дела с султаном, нежели с европейцами, келингцами и китайцами. Я могу ассигновать средства для возведения этого здания и показать, как оно должно быть построено».

Выслушав господина Раффлза, султан и теменггунг улыбнулись и сказали: «Заниматься торговлей не дело государя, это опозорит нас в глазах других правителей». При этих словах кровь бросилась в лицо господину Раффлзу, и он с улыбкой молвил: «Ваше высочество, меня удивляет это нелепое установление. Отчего торговать считается позорным, а грабить²⁸⁷ — нет?» Отвечает султан: «Грабежи у нас в обычае, потому они и не позор, да и сами грабители родом не малайцы».

Господин Раффлз молвил: «Ну что же, если не хотите, то и говорить не о чем. Но какое же ежемесячное содержание вы считаете

---

²⁸⁵ Джон Палмер (John Palmer, 1776–1836) — самый влиятельный негодциант в Британской Индии первой трети XIX в., основатель знаменитого торгового дома Palmer & Co.

²⁸⁶ Букв. «сотнями тысяч».

²⁸⁷ Мероппак. Хилл переводит это как «заниматься пиратством».

достаточным, чтобы потом не трудиться и не хлопотать из-за постоянной нехватки средств?» Ответа не было, хотя господин Раффлз трижды задал этот вопрос. Затем Энчик Абу Путих сказал: «Думаю, господин, что трех тысяч ринггитов будет довольно». Господин Раффлз сказал: «И десяти тысяч не хватит, если неразумно ими распоряжаться. Прошу Ваше высочество и теменггунга поразмыслить над этим день-два и решить, какой суммы на месяц будет достаточно». Султан и теменггунг ответили: «Хорошо». [Стоит упомянуть, что] когда господин Раффлз вернулся из Бенгалии, он привез султану в подарок экипаж с упряжкой рослых лошадей, заплатив за все это тысячу двести рупий²⁸⁸.

Тремя днями позже султан и теменггунг, сопровождаемые сановниками, явились в дом к господину Джонстону. Там ожидали господа Раффлз и Фаркухар, а также господин Флинт, зять господина Раффлза. Господин Раффлз назначил султану содержание в тысячу испанских долларов²⁸⁹, а теменггунгу — в семьсот, и эти суммы оставались в силе вплоть до того времени, когда управление Сингапуром перешло в руки господина Кроуфурда²⁹⁰.

Расскажем о том, как господа Раффлз и Фаркухар совещались по поводу расширения пределов города Сингапура. Господин Фаркухар полагал, что Кампунг Гелам следует превратить в торговый квартал, где бы селились торговые люди, располагались базары и все прочее. По мнению же господина Раффлза, торговый квартал следовало устроить на ближнем берегу реки²⁹¹. Господин Фаркухар ответил: «Здесь сделать это непросто: место слякотное, да и вода плохая. Обустройство этого места станет в копеечку. Да и где найти столько земли, чтобы сделать там насыпь?» Отвечает господин Раффлз: «Если торговый квартал расположить в Кампунг Геламе, то на ближнем берегу еще сто лет ничего не будет обустроено». У каждого было

---

²⁸⁸ Т.е. 480 ринггитов.

²⁸⁹ Ringgit besar, именуемый также испанским долларом — серебряная монета весом 26,7 г, имевшая хождение на территории испанских заморских владений, Северной и Южной Америки, а также в странах Тихоокеанского региона.

²⁹⁰ Джон Кроуфурд (John Crawfurd, 1783–1868) — британский дипломат, востоковед и этнограф, автор фундаментального труда «История Индийского Архипелага» (History of the Indian Archipelago, 1820). В 1823–1826 гг. — британский резидент Сингапура.

²⁹¹ Т.е. на южном берегу р. Сингапур.

свое мнение: один твердил одно, другой — другое, ища доводов в свою пользу.

Три дня обсуждали они этот вопрос, и тут господину Раффлзу пришла в голову мысль срыть холм у Сингапурского мыса и из этой земли сделать насыпь на ближнем берегу реки. Весь следующий день они совещались и пришли к согласию. Те, кто впоследствии наблюдал за работами, были изумлены. На следующий день господа [Раффлз и Фаркухар] послали своих подчиненных за рабочими-кули — китайцами, малайцами, келингцами. Собралось двести-триста человек. Каждому платили по рупии в день, а они мотыжили землю и выносили ее. Иным приходилось дробить камни, потому что огромных валунов там было видимо-невидимо. У всех были свои обязанности. За ними приглядывали десятки надсмотрщиков весьма воинственного вида. День ото дня труд кули возрастал в цене. Вечером приносились мешки с деньгами, которыми с ними рассчитывались. Дважды в день господин Раффлз являлся туда и делал распоряжения о порядке работ, а кроме того, несколько человек присматривали за работающими. Господин Фаркухар ежедневно приезжал верхом, чтобы распределять землю на отдаленных участках. Одни участки продавались с аукциона, другие отдавались бесплатно при условии их немедленной расчистки, а прежде там везде были заросли.

Однажды господин Фаркухар сказал мне: «Не взять ли тебе в собственность участок в Кампунг Гелам, в скором времени там будет торговый квартал». Я взял себе клочок земли, поставил дом с крышей из аттапа и стенами из досок, но жить там, в гуще леса, побаивался.

Миновало примерно три-четыре месяца земляных работ, и холм был срыт, разровняли все топкие места, ручейки, канавы, овражки, остались только огромные камни величиной со слона и даже больше. Камни эти пригодились, и весьма: явились десятки китайцев и раскалывали их, чтобы строить дома. Тут уже о плате и речи не было: все наперебой выпрашивали для себя камни — и получали их.

При этом на самом мысу в зарослях кустарника был обнаружен гладкий камень прямоугольной формы, в сажень шириной, с высеченными на нем надписями. Однако прочесть их было невозможно, потому что камень этот подвергался воздействию воды

с незапамятных времен, а с каких — один Аллах о том ведает. Когда камень нашли, его принялись разглядывать люди разного роду-племени. Индийцы утверждали: «Это индийское письмо», однако прочесть не могли. А китайцы говорили: «Китайское». Я отправился поглядеть на камень вместе с господином Раффлзом, пастором Томсеном и прочими людьми. Вижу, что буквы похожи на арабские, но не читаются, оттого что надпись очень древняя и рельеф букв полустертый. Явились знатоки, намереваясь прочесть его, принесли с собой тесто из муки мелкого помола, вдавили в надпись, а потом сняли. Кто-то еще принес черные чернила и размазал по поверхности камня, чтобы лучше было видно. Под конец все способы определения языка и алфавита были исчерпаны, но ясности так и не было. Так и остался этот камень с высеченной на нем надписью лежать на том же месте. Господин Раффлз решил, что письма эти — индийские, ибо сей народ раньше других прибыл в подветренные страны, добрался до Явы, Бали и Сиама, и все эти народы — потомки индийцев. Однако ни единый человек в Сингапуре не ведал, какие слова начертаны на камне. *Один лишь Аллах ведает.* Камень пролежал так вплоть до времени, когда господин Бонхэм²⁹² стал губернатором трех областей — Сингапура, острова Пенанг и Малакки. В ту пору господин Коулман²⁹³ занял в Сингапуре должность инженера, он-то и расколол этот камень²⁹⁴. Вот жалость! Думается мне, так поступать не следовало. По своей глупости и неразумию он расколол его, потому что не мог разобрать написанное. И даже в голову ему не пришло: а вдруг найдется кто-то поумнее и сможет раскрыть эту тайну? Ибо слышал я, что в Англии есть люди ученые и мудрые, которые легко разобрались бы, что это за язык и какой страны. Как гласит малайская поговорка: «Не умеешь починить, так хоть не ломай».

---

²⁹² Бонхэм С. Дж. (Samuel George Bonham, 1803–1863), четвертый губернатор Стрейтс-Сеттлментс («Поселения у пролива» — колония Великобритании в составе Пенанга, Малакки и Сингапура) и третий губернатор Гонконга (см. главу «О Тенгу Лонге»).

²⁹³ Коулман Д. Дж. (Coleman, Drumgold George, 1795–1844) — архитектор, автор первоначального плана застройки Сингапура (совместно с Т. Ст. Раффлзом).

²⁹⁴ Абдуллах ошибается: камень был разрушен в январе 1843 г., но не по приказу Коулмана, который в то время отсутствовал, а по распоряжению капитана Стивенсона, главного инженера Сингапура [Hill, 1970, p. 166–167].

Когда же были засыпаны все овраги и болота, ухабы и грязные ручейки, землю поделили на участки и выставили на торги. Если кому-то интересно знать, где же находился холм, разрушенный господином Раффлзом ради постройки набережной через болота, низины и топи, скажу: на оконечности Сингапурского мыса, у Лоронг Тамбанган²⁹⁵. В этом месте разбили парк, высадили разнообразные цветы и деревья. Я слышал когда-то, что на этом месте должен быть построен дом со статуей господина Раффлза, напоминающей, что именно он совершил все эти преобразования. Однако по неизвестной мне причине этого не произошло, и на этом месте один лишь парк, прямо напротив домов господ Споттисвуда и Коннолли.

Пока шли торги, господин Раффлз сказал мне: «Не взять ли тебе здесь, господин, участок земли в четыре-пять наделов, ведь в будущем это станет весьма бойким местом». Я ответил: «Где же мне, господин, найти столько денег? Как я вижу, на торгах за один надел просят тысячу двести — тысячу сто пятьдесят ринггитов. Да и откуда у меня средства на постройку каменного дома?» Улыбнулся господин Раффлз, слыша это, и сказал: «О деньгах не думай, речь об этом пойдет позже, а сейчас надо занять участок».

По глупости и недомыслию я решил, что мне придется залезть в долги и мое возвращение в Малакку окажется под вопросом. В ту пору заработать в Сингапуре было легче легкого, и у меня повелось так: раз в шесть месяцев я ездил в Малакку. Я задумался: если возьму себе участок и построю дом, никаких поездок в Малакку не будет. К тому же я сомневался, что Сингапур станет таким уж бойким местом. Мне также не было известно, что торги на участки совершаются без денег, плату за них не взимали, одно название — торги. Позднее я понял, что у господина Раффлза был свой тонкий расчет. Если бы земля раздавалась бесплатно, ее тотчас же разобрали бы бедняки, не имеющие средств на постройку каменных домов. Поэтому на торгах земля шла задорого, чтобы ее покупали одни богачи, способные быстро управиться с постройкой. По своему недомыслию и глупости я не послушал господина Раффлза, велевшего мне взять

---

²⁹⁵ Ныне — площадь Раффлза (Raffles Place).

землю, а сейчас об этом жалею, только что подделаешь? Как гласит малайская поговорка: «Что толку жалеть о том, что уже в прошлом?»

Вскоре господин Раффлз переехал на Букит Ларанган²⁹⁶ из-за большого притока европейцев, спешащих построить себе дома. Было приказано расчистить участки вокруг холма. Там росло множество плодовых деревьев: например, дуриан, в один или два обхвата толщиной, очень старый, отчего его плоды были мелкими, в завязь великой. Встречались и дуку²⁹⁷, и помело²⁹⁸ размером с цитрон²⁹⁹. Много было и других плодов — лангсата³⁰⁰ и прочих, были и плоды с неприятным запахом — петей³⁰¹ и джиринг³⁰².

В Сингапуре образ жизни господина Раффлза был такой же, как и в бытность его в Малакке, о чем я уже писал. У него на жалованье было четыре человека, каждому из них он платил по десять ринггитов в месяц. Каждый выполнял свою работу, добывали разные диковинные вещи и предметы. В Сингапуре таких вещей было куда больше, чем в Малакке.

Как-то утром господин Фаркухар пошел прогуляться с собакой вдоль реки Рочох. Едва собака собралась напиться воды из реки, как на нее внезапно напал крокодил. Через минуту господину Фаркухару доложили, что крокодил сожрал его собаку. Господин Фаркухар созвал людей и приказал им запрудить реку. Крокодил оказался в западне, и его закололи, а длиной он был в три морских сажени. Только тогда стало известно, что в Сингапуре водятся крокодилы. По приказу господина Фаркухара тело крокодила было повешено на баньян на берегу реки Берас Басах.

---

²⁹⁶ Букв. Запретный (т.е. Царский) Холм, ныне — Fort Canning Hill. Холм к северу от устья р. Сингапур, высотой около 50 м.

²⁹⁷ Тж. Лангсат (*Lansium domesticum*). Плодовое дерево семейства Мелиевые со съедобными плодами.

²⁹⁸ Тж. помпельмус, *Citrus decumana*.

²⁹⁹ Тж. Цедрат, *Citrus medica*.

³⁰⁰ Плодовое дерево семейства Мелиевые, *Lansium parasiticum* (тж. *Lansium domesticum*).

³⁰¹ Petai (*Parkia speciosa*) — тропическое дерево семейства Бобовые (Fabaceae).

³⁰² Jiring (*Pithecellobium jiringa*) — плодовое дерево семейства Бобовые (Fabaceae).

Глава 14. О нападении на полковника Фаркухара

Расскажем о том, как было совершено нападение на господина Фаркухара³⁰³. Дело обстояло так. Был некий саййид, уроженец Паханга, по имени Саййид Ясин, ездивший по делам коммерции из Паханга в Сингапур и обратно. Он получил товары взаем у Пангерана Шарифа Омара, уроженца Палембанга, компаньона Саййида Мухаммада Джунида, и оставался ему должен около четырехсот рингитов. По его приезде Пангеран потребовал возврата долга. Денежный вопрос стал причиной размолвки. Пангеран подал иск на Саййида Ясина, и дело было передано на рассмотрение господина Фаркухара.

Ознакомившись с иском, господин Фаркухар узнал, что Саййид Ясин должен Пангерану Шарифу четыреста рингитов, и спросил его: «А ты сам что скажешь? Когда эти деньги будут уплачены?» Отвечает Саййид Ясин: «Сейчас у меня денег нет, господин. Я смогу заплатить через год». Говорит господин Фаркухар: «Это не дело. Попроси Пангерана Шарифа, не согласится ли он отсрочить уплату». Говорит Пангеран Шариф: «О дальнейшей отсрочке речи идти не может: я должен привести в порядок свои расчеты с компаньоном, Саййидом Мухаммадом Джунидом». Молвил тут господин Фаркухар Саййиду Ясину: «Что ж, если ты найдешь за себя поручителя, я могу отпустить тебя, если же нет — арестую». Отвечает Саййид Ясин: «Откуда мне взять поручителя, если я нездешний?» Говорит Пангеран Шариф: «Если он не заплатит или не найдет поручителя, арестуйте его. Я знаю: деньги у него есть, и он намеренно отказывается мне платить». И Пангеран удалился.

Затем господин Бернارد, магистрат, препроводил Саййида Ясина в тюрьму. Было два часа дня. При заключении в тюрьму Саййида Ясина не обыскали на наличие оружия, тогда как у него был крис, спрятанный под баджу. Просидев в заключении до пяти часов пополудни, он обратился к господину Бернард и заявил: «Я хочу попросить Пангерана Шарифа об отсрочке, господин». Отвечает господин Бернارد: «Хорошо, я прикажу полицейскому тебя сопровождать».

---

³⁰³ Это событие датируется 11 марта 1823 г.

Он позвал старшего над полицейскими, индийца, и приказал конвоировать задержанного. День клонился к закату, когда Саййид Ясин вошел во двор дома Пангерана Шарифа. Он задумал его убить. Полицейский-конвоир остался стоять у ворот, а Саййид Ясин прошел внутрь один. Едва завидев Саййида Ясина, Пангеран Шариф бросился к себе в комнаты и заперся на ключ, а затем выбрался наружу с заднего хода, со стороны берега, и поспешил к господину Фаркухару. Там он доложил, что вооруженный крисом Саййид Ясин появился к нему в дом. Уже темнело.

Саййид Ясин поджидал Пангерана Шарифа, но тот все не появлялся. Саййид Ясин вышел со двора и подошел к полицейскому, а тот сказал: «Поторопись, спускается ночь». При этих словах Саййид Ясин вонзил в него свой клинок. Сраженный наповал одним ударом, полицейский рухнул у самых ворот и испустил дух. Тогда Саййид Ясин вернулся к дому Пангерана Шарифа и принялся его искать, намереваясь расправиться с ним таким же образом. Однако тот оставался в доме господина Фаркухара и боялся возвращаться к себе. Было семь часов вечера.

А я в то время направлялся к господину Джону Моргану³⁰⁴ давать ему урок малайского языка. На полпути мне встретились господин Фаркухар с сыном Эндрю и зятем — капитаном Дэвисом, за ними следовали четверо сипаев с ружьями, а один шел впереди с фонарем. С ними был и Пангеран Шариф. Заметив, что я куда-то тороплюсь, господин Фаркухар окликнул меня: «Далеко ли путь держишь?» Я ответил: «Иду к господину Моргану», и он сказал: «Постой, пойдем-ка лучше вместе, тут в доме Пангерана Шарифа один человек буянит».

Я подошел, и мы двинулись в путь вместе. Дойдя до ворот дома Пангерана Шарифа, все зашли во двор, искали и позади дома, но никого не нашли. Господин Фаркухар сказал Пангерану: «А где же Саййид Ясин?» Тот ответил: «Он был тут совсем недавно, господин». Никто из множества вошедших не заметил, однако, трупа полицейского, лежащего у ворот. Под конец и я зашел вслед за другими.

---

³⁰⁴ Джон Морган (John Morgan) — сингапурский торговец, совместно с братом (Alexander Morgan) владевший компанией Paton, Morgan & Co.

Затем господин Фаркухар вышел со двора, но, дойдя до середины улицы, поразмыслил и вернулся искать в доме и вокруг него. Так он выходил и возвращался три раза, но ничего не обнаружил.

А Саййид Ясин, завидя приближение группы людей, спрятался под балеем. Балеёй же был построен посреди двора, под сенью гарцинии³⁰⁵. Когда поиски в доме завершились, не увенчавшись успехом, господин Фаркухар вышел и двинулся в направлении моста, а я же пошел следом, желая видеть, как все закончится. Внезапно господин Фаркухара посетила какая-то мысль, и он сказал: «Давайте вернемся в дом Пангерана Шарифа». Все двинулись обратно и зашли во двор. Стоя посреди двора, господин Фаркухар стал шарить своей тростью под балеем. Я стоял совсем рядом и увидел, как из-под балея высунулась рука и нанесла стоящему на коленях господину Фаркухару колющий удар в грудь, там, где легкие, пронзив насквозь перевязь его сабли, сукно камзола и рубашку. Брызнула кровь. Господин Фаркухар промолвил: «Меня ранили».

Я бросился к нему. Кровь текла потоком, и вся моя рубашка намокла. Он повалился наземь, но я подхватил его. Тотчас же Эндрю Фаркухар выхватил саблю и одним ударом рассек Саййиду Ясину лицо ото рта до уха. Тут подоспели и сипаи, наострив штыки, но вместе со своими ружьями остались ни с чем: он бросился бежать. Видя это, капитан Дэвис бросился к солдатским казармам впереди всех: тогда казармы сипаев располагались посреди поля, прямо напротив нынешнего здания суда. В эту минуту Саййид Ясин испустил дух. У господина Фаркухара не было сил идти — он был в обмороке от потери крови. На месте остались лишь мы с Эндрю Фаркухаром и человек, несший фонарь. Мы доставили раненого в дом господина Гатри³⁰⁶, стоявший рядом, и уложили на скамью. Все забегали, начался переполох. Вскоре явились туда жена и дети господина Фаркухара, рыдающие навзрыд.

Появился и доктор. У него оказалась с собой длинная серебряная игла³⁰⁷, с помощью которой он обследовал рану господина Фаркухара.

³⁰⁵ Manggis hutan (*Garcinia hombroniana*) — плодое дерево семейства Клузиевые (*Clusiaceae*) высотой до 25 м.

³⁰⁶ Александр Гатри (*Alexander Guthrie*, 1796–1865) — британский негодант, основатель первой британской торговой компании в Юго-Восточной Азии.

³⁰⁷ Т.е. зонд.

Затем доктор Монтгомери сказал его детям: «Не горюйте, все обойдется, рана неглубокая, только кожу задела. Скоро он будет здоров». Затем открыл маленький флакончик, поднес к носу господина Фаркухара, и тот пришел в чувство. Затем доктор расстегнул его рубашку, вытер кровь и наложил на рану снадобье. Народу тут нахлынуло видимо-невидимо. Каждый из европейцев считал своим долгом пронзить или ударить наотмашь своим клинком труп Саййида Ясина, так что под конец он был обезображен до неузнаваемости.

Тем временем примчались и сипаи, сотни три или четыре, не успевшие толком одеться, — одни без рубашек, другие в набедренных повязках, третьи с непокрытыми головами, но каждый был при ружье, с подсумком на плече или в руках. За собой сипаи тащили двенадцать уже заряженных орудий. Все они встали вокруг ограды усадьбы теменггунга, а пушки нацелили на его дом. Иные из них подбегали с запалом наготове и ждали лишь сигнала, чтобы пустить орудие в ход. Капитан Дэвис вместе со своими сипаями метался туда-сюда. Ночь была безлунной, освещением служили сотни факелов и свечей, суматоха царила повсюду. Прибежали и те, что жили на дальнем берегу реки, но ни одного малайца не было видно: всех их разогнали сипаи.

Примчался и господин Раффлз, спрыгнул из экипажа и бросился к господину Фаркухару. Убедившись, что тот жив, он побежал взглянуть на покойника. Люди с факелами толпой устремились во внутренний двор дома Пангерана Шарифа и стали спотыкаться о труп полицейского, лежащий у ворот. Весть о его кончине разнеслась повсюду. Господин Раффлз, который со свечой в руках явился поглядеть на останки Саййида Ясина, спросил: «А это что за человек?» Но никто не мог его опознать. Подойдя ко мне, он спросил: «Ты его знаешь?» Я ответил: «Нет, господин». Прежде Саййид Ясин не раз беседовал со мной, когда приходил потолковать с Пангераном Шарифом, но теперь тело его было так изуродовано, что я его не признал. Сам же господин Раффлз подозревал, что господина Фаркухара из зависти ранили люди теменггунга. Два или три раза капитан Дэвис подходил к господину Раффлзу, прося его согласия вести огонь из пушек, но тот отвечал: «Подожди».

Тут со стороны реки опрометью, с непокрытой головой, примчался и господин Бернард. Увидев мертвого полицейского, он вспомнил, как Саййид Ясин просил об отсрочке, и, подбежав к другому трупу, опознал в нем Саййида Ясина. Кровь схлынула с его лица — он понял, что сам виноват во всем. Подойдя к господину Раффлзу, он поклонился и сказал: «Убитый — это Саййид Ясин. Он попросил у меня разрешения пойти к Пангерану Шарифу с просьбой об отсрочке, и я распорядился, чтобы полицейский его сопровождал». Слыша это, господин Раффлз не на шутку разгневался. Он потряс кулаком перед самым лицом господина Бернарда, так что у того слетел с головы его тропический шлем, и произнес: «Запомните хорошенько: если Фаркухар умрет, я отправлю вас на виселицу прямо здесь, в Сингапуре!» Господин Бернард пал на колени, моля о снисхождении. Теперь уже все знали, что мертвец — это Саййид Ясин и что именно он ранил господина Фаркухара, а отнюдь не приближенные теменггунга.

То и дело господин Раффлз навевывался взглянуть на господина Фаркухара, не утратившего дара речи. Доктор находился при нем постоянно. Выйдя от него, господин Раффлз приказал позвать кузнеца, и вскоре там появились четверо. Господин Раффлз начертил на песке нечто вроде клетки в человеческий рост и сказал: «Принимайтесь за работу прямо сейчас, ночью. Завтра к семи часам утра все должно быть готово». Кузнецы бросились исполнять его приказ.

В ту же ночь господина Фаркухара отвезли домой, посадив его под руки в экипаж. Европейцы двигались следом. Господин Раффлз отдал господину Дэвису приказ вернуть на место пушки и увести сипаев. Вскоре появились четыре человека из числа низших служащих Компании³⁰⁸, обвязали веревками ноги Саййида Ясина, оттащили тело в поле, где сипаи несли стражу, и оставили лежать на земле.

На следующий день господин Раффлз явился в дом господина Фаркухара. Тот уже мог сидеть. Немного спустя появились султан Хусейн Шах с теменггунгом, министрами и старейшинами³⁰⁹,

---

³⁰⁸ Namba Kompeni. Хилл переводит это выражение как «каторжники».

³⁰⁹ Перечисленные персонажи из свиты султана — принятое в традиции литературное клише, обязательное при описании придворных церемоний.

европейские негоцианты и великое множество людей всякого роду-племени³¹⁰. Когда все были в сборе, господин Раффлз взял слово и сказал: «Скажите мне, достопочтенные султан и теменггунг, как, согласно малайским обычаям и законам, надлежит поступать с человеком, который таким вот образом изменил своему господину?» Султан ответил: «По малайскому обычаю, господин, такового надлежит казнить вместе со всем его семейством и домочадцами, сокрушить опорные столбы и крышу его дома и вместе с землей, на которой дом стоял, выбросить в море».

Выслушав султана, господин Раффлз заметил: «Это несправедливый закон. Если кто-то совершил правонарушение, судить следует его одного. К чему убивать семью, которая ничего об этом не знала? Узнайте же, уважаемые султан и теменггунг и все собравшиеся, как о том судит английский закон: изменника надлежит повесить, а если он к тому моменту уже мертв, то на виселицу вешают его тело. Однако при этом Компания берет на себя содержание его жены и детей, пока жена снова не выйдет замуж или пока дети не смогут сами зарабатывать себе на жизнь. Так заведено у европейцев».

Затем он отдал приказ положить тело Саййида Ясина в повозку, запряженную буйволами, и возить его по городу, во всеуслышание заявляя следующее: «Смотрите, о почтенные господа, вот человек, изменивший своему государю. И приговор ему такой: не живым, так мертвым он буден повешен».

Провозглашая эти слова, тело провезли по всему городу. Затем доставили его в Танджунг Маланг, на самом конце Телук Аир³¹¹, установили столб и повесили на нем труп, помещенный в железную клетку. Так он висел десять или пятнадцать дней, покуда от него не остались лишь кости. Затем султан обратился к господину Раффлзу с просьбой отдать ему останки. Получив останки, их омыли, прочли над ними молитвы и погребли. Вот как было дело³¹².

---

³¹⁰ В оригинале *beribu-gibu* — «многие тысячи».

³¹¹ Залив в южной части о. Сингапур.

³¹² Голландский полковник Нахюйс (*Nahuijs*), прибывший в Сингапур вскоре после этого события, рассказывал, что, пока труп был вывешен на всеобщее обозрение, поклонение ему со стороны местного населения было так велико, что военным и гражданским лицам из числа европейцев, а также сочувствующих им китайцев, пришлось

Продолжу свой рассказ о Сингапуре. Город быстро заселялся по обе стороны реки, воздвигались дома, и строители казались воинами на поле сражения: носили бревна, утрамбовывали почву, ставили стены, и каждый спешил захватить какой-то участок земли. И вот однажды завязалась ссора между малаккцами и людьми теменггунга. Последние выхватили свои крисы и готовы были пустить их в ход. Некий малаккец по имени Шейх Али, родом араб, налетел на одного из командиров³¹³, который уже замахнулся своим крисом, парировал удар и выбил ему плечевой сустав, а крис при этом упал в воду. Тот бросился во двор дома теменггунга звать на помощь товарищей. Спустя минуту оттуда выбежали сотни вооруженных людей с обнаженными клинками и гурьбой ринулись на малаккцев, намереваясь предать их смерти. Шум поднялся невообразимый. Господин Фаркухар вместе с доктором Монтгомери вышли и пытались остановить потасовку, но те не унимались, и не было на них никакой управы. Тогда господин Фаркухар подал знак, и явился строй сипаев с ружьями наготове, ждавших лишь его сигнала, чтобы открыть огонь. Когда воюющие увидели это, они сразу же прекратили драку, но по-прежнему таили в душе взаимную злобу.

И так дня не проходило без столкновений — не одна потасовка, так другая. То и дело они пускали оружие в ход. Не раз господин Раффлз докладывал теменггунгу, как ведут себя его люди, и наконец сам теменггунг признался господину Раффлзу: «Мои подчиненные — скверный народ, господин. Сколько раз я гневался на них и пытался удержать от потасовок — не слушаются. Если бы все это происходило в малайских землях, им бы у меня не сносить головы».

Все это привело господина Раффлза к мысли, что причина всех неурядиц — само пребывание теменггунга в городе, потому что такие побоища происходили ежедневно. Он стал советоваться с господином Фаркухаром, каким же образом можно было бы сместить его со своего поста. Приняв решение, в один прекрасный день они отправились к теменггунгу для беседы. Господин Раффлз сказал:

нести вокруг него круглосуточную охрану. Раффлз счел благоразумным отдать тело султану для погребения на третий же день [Miller, 1941, p. 195].

³¹³ В оригинале *ranglima* — командующий, полководец. Имеется в виду офицер из числа подчиненных теменггунга.

«Теменггунг, я вижу, что ваш дом тесен и в нем нельзя расположиться просторно, потому что он зажат между домами соседей с обеих сторон. Вашим дамам неудобно выходить на прогулку, оттого что дом находится в самом центре города, где живут люди всякого рода-племени. И думается мне, что вам следовало бы поселиться в некотором отдалении, где жили бы вы сами и ваши люди, не соприкасаясь с посторонними. Подумайте о том, какое место вам по душе, и дайте мне знать. Я же берусь оплатить расходы по его обустройству и возмещу стоимость домов тех, кто переберется отсюда туда». Теменггунг ответил: «Хорошо, господин, я поразмыслю, какое место лучше. Думается мне, что это мог бы быть Телук Беланга, но прежде собираюсь выбраться туда и посмотреть». Затем господа Раффлз и Фаркухар разошлись по своим домам.

Думаю, что предложение господина Раффлза звучало заманчиво: сам теменггунг выберет удобное место, где хорошо было бы и дамам, ну а расходы на постройку берет на себя сам Раффлз, как и возмещение за разрушаемые дома и помощь советом. Получилось прямо по малайской поговорке: «Угощают бананом, а сзади цепляют колючку»³¹⁴. Господин Раффлз все обдумал и не хотел действовать в открытую, чтобы не выдать теменггунгу своего умысла. Благодаря его хитрости и смекалке все случилось, как в поговорке: «Не задев ни глаз, ни бровей»³¹⁵ — договоренность была достигнута, и теменггунг ни о чем не догадался.

Расскажу о складе Компании, где хранилось спиртное; он находился рядом с домом Энчика Сианга, справа от большого моста, где прежде были заросли гмелины³¹⁶. В этом месте с незапамятных времен у малайцев было кладбище. И подумал господин Раффлз: хоронить покойников посреди поселения не годится. Обратившись с этим вопросом к теменггунгу, он сказал ему: «Тенгку, нельзя ли перенести останки в другое место? Здесь предполагается разбить участок для

---

³¹⁴ Mulut disuar pisang dan pantat dikait onak. Так говорят о человеке, любезном на словах, но замыслившем что-то дурное.

³¹⁵ Di mata pun tiada kena, di kening pun tiada kena. Русский эквивалент этой поговорки — «Комар носу не подточит».

³¹⁶ Гмелина древовидная (*Gmelina arborea* Linn.) — малайский бук, быстрорастущее лиственное дерево семейства *Lamiaceae*.

строительства домов». Услышав это, теменггунг побагровел и ответил: «Хорошо, господин», но пропустил его слова мимо ушей. Долго пришлось ждать господину Раффлзу, а дело все не двигалось. Тогда он приказал работникам, служившим при Компании, вырубить все деревья, разровнять землю, а найденные кости сложить в джутовые мешки и выбросить в море.

Расскажу еще о переезде теменггунга на новое место жительства. Долго ждал господин Раффлз, а тот все не двигался с места. Однажды господин Раффлз обратился к нему: «Ну как, тенгу, новое жилье готово?» Отвечает теменггунг: «Куда там, господин! Ведь работникам надо платить, а без этого как им прокормиться?» Отвечает господин Раффлз: «Ясно. А за какое время они управятся, если будут работать быстро?» Говорит теменггунг: «Если занять побольше людей, вскорости все будет готово». Господин Раффлз сказал: «Понятно. Я готов положить на это тысячу ринггитов, но хочу, чтобы через десять-пятнадцать дней работы были закончены. И отсрочки больше не будет».

Тотчас же он распорядился выдать теменггунгу тысячу ринггитов. Спустя примерно месяц после получения суммы в тысячу ринггитов теменггунг переехал в Телук Беланга. Тем же из его приближенных, кто перебрался туда вместе с теменггунгом, господин Раффлз заплатил — кому сто, кому пятьдесят-шестьдесят ринггитов. Так в Телук Беланга появилось семь-восемь десятков домов, где поселились люди из окружения теменггунга, следовавшие за ним. Были и такие, что построили себе дома выше по течению реки, иные перебрались в Кампунг Мелака или переехали на Танджунг Катунг и Телук Курау.

После переезда теменггунга на Телук Беланга в Сингапуре стало поспокойнее, однако люди из окружения султана, теменггунга, да и прочие малайцы ходили вооруженными. При малейшей ссоре или перебранке они обнажали клинки и пускали их в ход. Были и раненые, и убитые. Видя это, господин Раффлз однажды обратился к султану и теменггунгу с такими словами: «Хочу заметить вам, господа, что обычай носить оружие — очень вредный. Он неприемлем для людей всех наций, особенно же для англичан, ибо чреват

множеством бед». Слушая речи господина Раффлза, султан помрачнел и ответил: «Сударь, это наследственное право малайских правителей, и от него отказаться нельзя. Не иметь при себе оружия — все равно как появиться раздетым». Выслушав это, господин Раффлз улыбнулся и сказал: «Султан, я согласен. Могу разрешить ношение оружия двенадцати самым благовоспитанным лицам из свиты султана и двенадцати — из свиты теменггунга, с тем чтобы лишь этим двадцати четверем было дозволено быть при оружии, прочим же это будет запрещено». Господин Раффлз, султан и теменггунг пришли к согласию, и на следующее же утро по всему городу было объявлено во всеуслышание, что в Сингапуре права носить оружие не имеет никто, кроме двенадцати человек из окружения султана и двенадцати — из окружения теменггунга. Если же обнаружится, что кто-то, помимо указанных лиц, ходит вооруженным, будь то днем или ночью, оружие у него изымут, а сам он будет предан суду.

Это распоряжение не пришлось малайцам по душе. Там и сям я слышал ропот, что им хотят навязать неправильный закон и что без оружия человек не может считать себя мужчиной. Однако запрет на ношение оружия был с радостью встречен и принят уроженцами Малакки, ибо там так было заведено от века и никак не стесняло их.

По моему скромному мнению, в принятом у европейцев запрете на ношение оружия есть много хороших сторон. Вооруженному человеку нет-нет да и захочется пустить его в ход, заколоть кого-нибудь — человека или животное. Когда оружие при тебе, у тебя одна лишь мысль на уме. Взгляните хотя бы на те малайские города, где люди ходят при оружии: там что ни день, то поножовщина и буйство. Тысячекратно благодарю Аллаха: в Малакке едва ли раз в году услышишь о таком. Причина подобных безобразий — привычка хвататься за оружие без всякого на то повода. Вооруженным надо быть на войне или при опасности повстречаться с диким зверем. В прочих же случаях в этом нет нужды. Тот, кто носит оружие, начинает задирать нос, важничать и отлынивать от работы. Так нищают и приходят в упадок те края, где мало людей занято трудом. Мне хорошо известно, что по мнению малайцев, живущих под властью англичан или голландцев, запрет на ношение оружия — досадное неудобство,

посрамление славы их предков. Их недовольство — лишнее свидетельство их глупости.

Однажды господин Раффлз устроил пир, на который пригласил всех европейцев — и коммерсантов, и капитанов кораблей, а также султана и теменггунга с их вельможами. Все собрались в доме господина Раффлза, расположенном на холме. Малайские кушанья были приготовлены в доме теменггунга, и господин Раффлз расплатился за них. По окончании трапезы господин Раффлз расположился для беседы с султаном, теменггунгом и прочими малайцами. Он сказал: «Ваше высочество и тенгку теменггунг! Я задумал нечто весьма полезное и хотел бы доложить об этом Вашему высочеству и всем присутствующим». Спрашивает султан: «А о чем идет речь?» Господин Раффлз сказал: «Мне хотелось бы одного из сыновей султана, одного из сыновей теменггунга, а с ними и двух-трех сыновей министров отправить в Бенгалию к генерал-губернатору. Там они научатся говорить и писать по-английски, постигнут математику и прочие науки и не вырастут невеждами, как иные малайцы-лоботрясы: ведь пока ты мал, учеба дается тебе с легкостью. Через четыре-пять лет они станут знающими людьми. Ваш преемник будет мудрым правителем. Умудренный разумом, он никогда не позволит себя провести. Поглядите-ка на Сингапур: здесь встретишь торговый люд всякого роду-племени, только вот малайцев среди них нет. Ворочать большими делами им не под силу — прежде всего из-за неумения считать и вести переписку. А если сын Вашего высочества освоит математику и прочие науки, его примеру последуют другие малайцы. Я был бы весьма рад, если бы все они стали образованными людьми».

Султан немного помолчал, потом ответил: «Хорошо, сударь, я поразмыслю над этим и вскорости дам свой ответ». Господин Раффлз сказал: «Пусть Ваше высочество не заботят стоимость фрахта судна и плата за обучение. Мы обсудим этот вопрос с генерал-губернатором, и он обеспечит им удобное жилье и достойных учителей». Затем султан, теменггунг и их свита удалились.

Две пятницы миновало с того времени, и однажды султан встретился с господином Раффлзом в доме господина Фаркухара. В тот день разбирался вопрос о потасовке между малайцами в Кампунг

Гелам. Когда с обсуждением было покончено, господин Раффлз спросил: «А что вы мне скажете по поводу нашего прежнего разговора?» Султан помолчал, а затем ответил: «Сударь, я не могу принять ваше предложение. Я советовался с женой, и она не желает расставаться с сыном. Думается мне, если бы здесь у нас нашлась школа, я мог бы отправить туда своих детей». Выслушав это, господин Раффлз изменился в лице и сказал: «Что поделаешь? Я изо всех сил стремлюсь к благу малайцев. Если султан того не хочет, то много потеряет: его сын будет похож на других малайских правителей и разумом, и поведением своим».

Думается мне, что султан проявил здесь свою глупость и ограниченность. Сколь добр и великодушен был господин Раффлз, стремясь дать образование их детям, дабы те постигли науки, усвоили разнообразные знания и навыки, стали умнее и осведомленнее! Подумайте только, господа, найдется ли еще человек, готовый предложить кому-то подобное и вдобавок платить за это? И если бы мы решили послать своего ребенка в Бенгалию — разве это не стоило бы нам многие тысячи ринггитов? Кроме того, они имели бы честь учиться вместе с сыновьями генерал-губернатора и проживать в таком же доме! Если бы султан и теменггунг отправили туда своих детей, как того желал господин Раффлз, они бы впоследствии стали достойными преемниками своих отцов. В житейских делах они не были бы так беспомощны и подобны деревьям в лесу, клонящимся в ту сторону, куда ветер подует.

Глупцы нередко заявляют: «К чему все это ученье? От него есть польза лишь в сем бренном мире». Отвечу им: «Так говорят те, кто неспособен на усилие. Многие книги гласят, что обязанность мужчины — овладеть всяческими знаниями и умениями, освоить арифметику и тому подобное. Если вы не согласны, что ж: ваш путь в загробный мир правильный. Только на деле все обстоит иначе». Печально видеть, как люди живут ни для этого мира, ни для загробного, коснея в своих плотских устремлениях. Есть арабское выражение: *джахил мураккаб*³¹⁷, что означает: «Упорствующий в невежестве вдвойне глуп». Глуп, во-первых, ибо не знает, а во-вторых, потому что

³¹⁷ Jahlil murakkab (جَاهِلٌ مُرَكَّبٌ) — (ар.) «полный невежда».

не желает учиться. Но глупее-то всех, безусловно, я сам. Тут внезапно на меня спрыгнула кошка, и я проснулся, а петухи возвестили приход дня.

Глава 15. Учебное заведение г-на Раффлза

Вернемся к рассказу о господине Раффлзе. Выслушав приведенные выше слова султана, он промолчал: как говорится, *не молчание лопаты полно смысла, а молчание клубня*³¹⁸. И молчание господина Раффлза весомее всех наших рассуждений.

Миновало около месяца, и однажды он пригласил султана, теменггунга и всех белых господ в дом господина Фаркухара к десяти часам утра. Все явились туда, но никто не ведал, зачем и для чего он их собрал. Когда все — и султан, и теменггунг, вельможи и министры — были в сборе, вышел господин Раффлз, почтительно приветствовал султана и теменггунга, а затем уселся посредине, лицом к султану, и сказал: «О, досточтимые султан, теменггунг и все собравшиеся здесь! Задумал я одно дело. Оно послужит на благо и вам самим, и детям, и внукам вашим, ибо жизнь каждого имеет свой предел. Если мы совершим благое деяние, будущие поколения помянут нас добрым словом. Подобное случится и с теми, кто содеял зло: они оставят по себе дурную память. Поэтому, покуда мы живы, постараемся, чтобы потомки помянули нас добром. Вот что я задумал: устроим школу, где бы учились люди всякого роду-племени, каждый на своем языке и со своим наставником, и постигали полезные им науки — отнюдь не богословие, но языковедение, письмо, арифметику, географию, науку о государствах³¹⁹ и тому подобное. Но главное мое желание — облегчить малайцам обучение, ведя его на их родном языке. Каждому предмету будет отведено свое место. Платить наставнику или еще кому-либо не придется. Пусть учатся бесплатно, ведь население города растет

---

³¹⁸ Bukannya diam penggali berkarat, melainkan diam ubi, adanya berisi.

³¹⁹ Ilmu negeri-negeri. У Хилла — «история».

и растет. Подобное заведение привлечет к учению людей всех наций. По душе ли вам, господа, мой замысел?»

Отвечают султан с теменггунгом: «Замечательно будет, коли все дети наши смогут постигать науки». Предложение Раффлза пришлось по душе и европейцам. Господин Раффлз сказал: «Коли так, давайте определим, каков будет денежный вклад каждого в дело создания этой школы». Ответили они: «Хорошо. Каждый заплатит в меру своих возможностей»³²⁰.

Тотчас же господин Раффлз достал бумагу, чернила, перо и сделал первую запись: «2000 ринггитов от досточтимой Индийской компании» и от себя добавил еще 2000 ринггитов. Затем с улыбкой спросил: «О, почтеннейший султан, сколько мне записать [на ваше имя]?» Султан громко ответил, смеясь: «Я человек бедный, сударь мой. Где мне взять 2000 ринггитов?» Говорит господин Раффлз: «Почтеннейшему султану следовало бы дать больше, чем дал я, ибо пользы от этого дела больше малайцам, чем англичанам. Ну хорошо, запишу 1000 ринггитов». Затем очередь дошла до теменггунга, и господин Раффлз объявил: «От теменггунга 1000 ринггитов». Потом господин Фаркухар подписался на 1000 ринггитов, доктор Моррисон — на 200 и жена господина Раффлза — на 200. Следом и европейцы сделали свои взносы. Общая же собранная сумма составила 17 500 ринггитов³²¹.

---

³²⁰ Примечание Хилла [Hill, 1970, p. 181]: «Раффлз изложил Абдуллаху свои взгляды на образование в Малакке (см. главу 6). Во время своего второго приезда в Сингапур он составил памятную записку, в которой разъяснял, что образование не только несет выгоду, но и является нравственной обязанностью государства-колонизатора. Целью предлагаемого им заведения были: 1. Образование для высшего класса местных уроженцев; 2. Обучение местным языкам всех, кому это необходимо; 3. Собрание в единую коллекцию письменных памятников страны. Возложив финансовую ответственность на местную общину, он почти на тридцать лет опередил политику Англии в этом вопросе. Речь, приведенная здесь, была произнесена Раффлзом 1 апреля 1823 г. Предусматривалось создание отделения сельского хозяйства и натуральной истории; литературного и этического отделений для малайцев, сиамцев, бугов «и других родственных народов»; китайское отделение создавалось путем объединения с Англо-Китайским Колледжем Малакки — этот замысел принадлежал преп. Роберту Моррисону, прибывшему в Сингапур из Макао месяцем ранее. Европейский руководитель школы должен был обучать английскому учителей и избранных студентов. Образование, как отметил Абдуллах, должно было быть светским, открытым для учащихся любого вероисповедования. Никого из них не могли принуждать к участию в христианском богослужении.

³²¹ Кроме того, Раффлз пообещал от имени Британской Ост-Индской компании ежемесячный грант школе в 300\$, предоставление бесплатного участка для постройки

Когда была достигнута договоренность и суммы были внесены, господин Раффлз принялся размышлять, в каком месте лучше строиться. Как-то вечером они с господином Фаркухаром совершали прогулку и беседовали. Подойдя к реке Берас Басах, они стали изучать эту местность. Прежде в том месте были песчаные наносы — горы песка, поросшие маленькими деревцами. Затем они разошлись по домам, а на завтра явились люди, принявшиеся рубить поросль и ровнять площадку. Спустя четыре-пять дней завезли камень и известь, а плотники взялись вытесывать из дерева всякое оборудование для дома.

Миновало около месяца, и основания стен уже были заложены по всему периметру здания. В 1823 году христианского летосчисления, в шесть часов утра там собрались европейцы, а также султан с теменгунгом и прочие малайцы. У выкопанной перед входом ямы поместили окованный железом камень, в котором было проделано отверстие. Вскоре явился и господин Раффлз, и его тотчас же обступили все. Он достал из кармана золотую рупию и вложил ее в это отверстие, следом за ним европейцы тоже принялись класть туда монеты, и набралось примерно 90 рингитов. Тут мастер-китаец растопил олово и запаял отверстие, чтобы его нельзя было вскрыть. Затем камень закопали под входом. Когда была установлена входная дверь, прогремел залп двенадцати пушек, стоявших на холме. Господин Раффлз нарек здание «Институцией»³²². Строительство шло своим чередом. В ходе работ трое китайских кули упали с подломившихся строительных лесов и погибли, разбив себе головы о камень.

Однажды, в ту пору, когда прибыли туда бугийцы, я мог видеть, как один из них гнал по Сингапуру пятьдесят-шестьдесят рабов, мужчин и женщин — и старых, и молодых, иные несли детей, были среди них и больные. Вооруженный ротанговым хлыстом, бугиец подгонял их то справа, то слева. Я подошел к нему и спросил, какого роду-племени эти люди. Он показал: «Вот это — манггарай»³²³, а вот

и пожертвование других земельных участков. Для управления делами школьного фонда им был сформирован Совет попечителей.

³²² В оригинале — Institution, т. е. [учебное] заведение, учреждение.

³²³ Manggarai — этнос, населяющий западную часть о. Флорес (М. Зондские острова).

эти — мандары³²⁴». И добавил: «Если ты сойдешь к морю, увидишь судно, что прибыло намедни, а с ним — триста-четыреста рабов». А я все спрашивал, сколько стоил тот или другой из них. Он отвечал: «Этот — тридцать, этот — сорок». Я пошел своей дорогой, а на следующий день спустился на берег полюбопытствовать. Подойдя к судну, я обнаружил на его борту множество рабов: сотни три мужчин, женщин и детей. Иные из женщин были в тягости и уже дохаживали свой срок — сердце сжималось от жалости при их виде.

Вскоре явились сотни китайцев-покупателей. Я наблюдал за происходящим, исполненный сострадания к беременным. Они глядели на меня, плача, да и сам я проливал слезы, спрашивая себя: «Чьи же они жены и дочери?» и видя, что с ними обращаются грубо: рис подают в скорлупе кокосового ореха, а воду — в бамбуковых черпаках, словно собак кормят. Затем я спустился в трюм и увидел там множество молодых женщин — и отроковиц, и взрослых. Были там и светлокожие, и темнокожие — всякие. Иные не знали по-малайски, встречались среди них курчавые и чернокожие, у которых белыми были только зубы, с большими животами и толстыми губами.

Хозяин рабов обращался с ними, как с животными: не было у него ни стыда, ни страха Божьего. Совсем юные девушки сидели бок о бок с ним и вели себя так, что и написать об этом стыдно. Покупатели же девушек раздевали их и творили такое, о чем и написать не могу. Сам хозяин рабов был жесток и лишен чувства жалости. Видя, что кто-нибудь из малышей, детей рабов, плачет, он давал им пинка ногой, и они летели кубарем, а матерей дубасил палкой, так что все их тело распухало. Молодым девушкам, на которых у покупателей был спрос, он выдавал по куску ткани, а старух и больных оставлял без всякого внимания. Ужасное было зрелище, когда мать покупал один человек, а ее ребенка — другой, и матери плакали, а дети кричали, видя, как матерей уводят. У меня при виде этого сердце разрывалось на части. Мелькнула мысль: если бы я был облечен властью, то предал бы суду злодеев, творящих подобное. Мужчин же рабов связывали веревкой вокруг пояса, как обезьян, и привязывали

---

³²⁴ Mandar — этнос, населяющий западную часть о. Сулавеси (Целебес).

у борта, где все было залито мочой и испражнениями. Не было сил вынести зловония этого судна.

Большую часть привозимых тогда женщин составляли балийски и бугийски. Покупателями были люди разного роду-племени: китайцы, келингцы, малайцы, бравшие их себе в жены. Потомство их многочисленно и поныне. Также малайские суда везли множество рабов из Сиака: жителей глубинных районов Сиака, области минангкабау и Пекан Бару³²⁵. Хозяева свозили их толпами в Сингапур и обращались с ними, как скототорговцы с баранами, — погоняли, секли ротанговыми хлыстами. Вот как дела велись в те времена: и в Малакке, и в Сингапуре торговали людьми, словно скотом.

Я вернулся на берег и назавтра доложил обо всем господину Раффлзу. Он ответил: «Такое недолго будет продолжаться — Англия наложит запрет. Это настоящее злодейство. Уже многие приезжали и докладывали об этом в Лондонском парламенте, требуя положить конец работорговле». Господин Раффлз добавил: «Подобное творится не только здесь. В Англию приходят целые корабли с людьми из других краев, чернокожими, и ими идет торговля по всей Европе». И сказал: «Если продлятся наши дни, мы еще увидим, как все эти рабы станут такими же свободными, как мы»³²⁶.

Глава 16. О письме правителя Сиама

Однажды на имя господина Раффлза пришло письмо от правителя Сиама, где заявлялось о стремлении правителя установить дружеские связи с Английской компанией. В письме он всячески превозносил самого себя и величие собственной страны. У бумаги, на которой оно было написано, было только три уголка, а четвертый

---

³²⁵ Сиак — область на востоке о. Суматра, на одной широте с Сингапуром. Минангкабау — народность, населявшая зап. часть Центральной Суматры. Пекан Бару — область на о. Суматра к западу от Сиака.

³²⁶ Парламент Великобритании принял Закон о запрете работорговли (Slavery Abolition Act) в 1833 г. Однако деятельность Раффлза по запрету работорговли не пришлась по вкусу викарию приходской церкви, где были похоронены предки Раффлза, и он высказывал возражения против его захоронения в храме [Glendinning, 2018, p. 296–297].

был оторван. Когда я прочел письмо, господин Раффлз спросил: «А отчего одного уголка не хватает?» Я ответил: «Не ведаю, сударь. Такого прежде я не встречал». Но видно было, что уголок оторван нарочно, а не то, что лист с самого начала был такой. Говорит господин Раффлз: «Подумай-ка, что может значить оторванный уголок?» Я сказал: «Не знаю, сударь». Он ответил: «О скрытом значении этого ты не знаешь. Могу растолковать: государь Сиама чванлив и высокомерен, да еще и глуп впридачу. Он полагает, что его царство — это весь мир, а оторванный уголок — это все прочие страны».

Слова господина Раффлза поразили меня до глубины души: стало быть, ему ведомы все тайны? И подумалось: поистине его мудрость велика, ибо уже дважды мне случалось убедиться в его способности раскрывать тайную, непостижимую для других суть вещей. Первый случай — это давешняя малаккская история с подложным письмом Главнокомандующего, якобы посланным султаном Бентарама, а второй — раскрытие потаенного смысла письма сиамского правителя. Оба случая запечатлелись в моей памяти, и я рассказываю о них в своей книге, дабы мои читатели брали пример с этого мудрого человека. Достичь служебных высот, снискать себе славу, богатство и доброе имя он смог не благодаря внешним достоинствам или родо-витости, но благодаря уму и знаниям. В юности он был простым канцелярским служащим, однако ум, дарования и образованность позволили ему убедить генерал-губернатора Бенгалии в возможности овладеть Явой. В результате исполнение этой задачи и было возложено на него. Слова его сразу претворялись в дела — поистине, это был мудрый муж!

Затем он сказал мне: «Энчик, сочини-ка ответ на письмо сиамского правителя. Я скажу, о чем писать, а ты изложишь все, как полагается». Я ответил: «Слушаюсь, сударь». Он сказал: «Ну-ка, присядь». Улыбнулся и говорит: «Мне бы хотелось попенять ему за чрезмерную спесь. Послушай-ка вот такую притчу. Родился у одной женщины мальчик и успел увидеть только петуха, как внезапно ослеп на оба глаза. Отец и мать растили его, и стоило слепцу услышать, как, к примеру, кто-то скажет: «В те времена Англия была очень большой страной», как он тотчас же спрашивал: «Величиной с петуха?» Отвечают ему:

«Что ты, просто людей там очень много!» А слепец говорит: «А людей этих столько же, сколько перьев у петуха?» Если же кто-то говорил: «Англичане искусные воины», он спрашивал: «Такие же, как бойцовые петухи?» Скажут: «Они люди умелые», а он: «Прямо как петухи?» Или скажут: «Если услышишь залп из их пушек — умрешь на месте». А слепой в ответ: «А на кукареканье петуха это похоже?» Так и продолжалось: все, что он мог услышать или о чем ему рассказывали, он тотчас же сравнивал с петухом — единственной вещью, которую видел собственными глазами. Если бы ему случилось узреть нечто иное, он избрал бы это предметом для сравнения. Так и правитель Сиама: иных стран и государств, больших армий он и не видывал, вот и считает, что в его стране заключено все мироздание, а кроме нее на свете не существует ничего. Если бы повидал он такую большую страну, как Англия или иные великие державы и убедился, сколь они обширны и богаты, многолюдны и хорошо вооружены, то понял бы, что его страна — лишь точка на земном шаре».

Свой рассказ он завершил словами: «Отправляйся и составь письмо. Корабль отплывает завтра ранним вечером. В письме же ограничься ответными приветствиями правителю со стороны Ост-Индской компании, а в дар ему будут посланы два сундука шерстяных тканей и пять штук газовой ткани, расшитой золотыми цветами»³²⁷. Слыша это, я задумался и впал в уныние. Меня, словно судно, перегруженное сверх меры, тяготила мысль: как же сочинить это письмо? К тому же его надлежало писать золотыми чернилами. Но с помощью Аллаха и благодаря навыкам, полученным мною от моих наставников, к полуночи письмо было готово: я и сочинил послание, и начертал его на бумаге золотыми чернилами. Поистине письмо это сияло ослепительным блеском. И поныне не приходилось мне видеть столь же изысканного и художественно выполненного письма.

Назавтра в десять часов утра я понес письмо на холм. В ту минуту господин Раффлз расхаживал взад-вперед по веранде. Завидев меня,

---

³²⁷ Золотые цветы (*bunga mas*) — традиционный узор на дорогих тканях и бумаге для писем высоким особам. Кроме того, золотые цветы в виде ювелирного изделия служили подарком — символом вассальной зависимости малайских правителей от сиамского короля. См. [Siti Hawa Haji Salleh, 1998, p. 42–43; Hikayat Marong Mahawangsa, 1898, p. 39, 72; Mohd. Taib Osman, 2004, p. 74].

он высунулся из окна: «Энчик, не время прохлаждаться — отправляйся-ка побыстрее и сочини письмо, ведь судно уходит нынче вечером!» Я ответил: «Оно уже готово и при мне». Он сказал изумленно: «Давай его скорее сюда!» — и вышел к лестнице, мне навстречу. Поднявшись, я предъявил ему письмо, и он сказал: «Как же хорошо смотрится написанное золотыми чернилами! Это и есть письмо правителю Сиаму?» Я ответил: «Да, сударь». Он заметил: «Быстро же ты управился, энчик. Ну, читай!» И я зачитал письмо. Прослушав его, он разразился хохотом, так что даже супруга его вышла и спросила: «Что тебя так позабавило?» Он поделился с ней содержанием письма, и они посмеялись вместе. По завершении чтения он сказал: «Хорошо, энчик. Ты сделал так, как мне и хотелось. Теперь сложи письмо, как положено, и заверни в желтую ткань». И когда письмо было завернуто в желтую ткань, я надписал адрес и передал пакет ему.

А несколькими днями позже случилось вот что: султан Хусейн Шах задумал воздвигнуть мечеть в Кампунг Геламе и явился к господину Раффлзу посоветоваться. Господин Раффлз поддержал его намерение и сделал денежный взнос, однако мне неизвестно, сколь велика была эту сумма.

Глава 17. О том, как господин Раффлз учредил законы города Сингапура

Когда население Сингапура умножилось, господин Раффлз разработал свод законов, то есть правил и установлений, которые бы действовали в городе и защищали жителей от всяческих бед и преступлений. Он сочинил по-английски ряд статей этого уложения, а затем они были переведены на малайский и отданы пастору Томсену для напечатания.

В то время ощущалась острая нехватка печатных литер: у господина Томсена их было совсем мало. Зная, что я учился изготовлению литер в Малакке, он поручил мне восполнить недостающие. Пару дней я работал над буквами, и когда все было готово, взялся

за печатание — пятьдесят страниц малайскими литерами, пятьдесят английскими. В изготовлении литер мне помогал юноша-христианин Майкл. Работа шла вплоть до трех часов пополудни, потому что утром, в день английского Нового года, свод законов должен был выйти из печати. Мы трудились не покладая рук, глаза слипались, животы подтянуло от голода, но работу следовало закончить этой ночью. Господин Раффлз требовал, чтобы к утру непременно все было готово и чтобы можно было расклеить напечатанное на перекрестках. С того дня, когда уложение расклеили, правила и установления вступили в действие в Сингапуре. Они пришлись по душе всем народам, населявшим Сингапур. Одни лишь китайцы были недовольны, ибо в уложении азартные игры подлежали запрету. Китайцы в большинстве ходили мрачнее тучи и осыпали бранью и насмешками господина Раффлза, запретившего азартные игры.

Я — человек скромного ума и невеликой учености, но полагаю, что запрет на азартные игры, объявленный господином Раффлзом, был верным, справедливым и хорошо обдуманым решением, и тому есть множество причин. Во-первых, он уберег многих от беды, ибо азартные игры губительны для человека, они строятся на обмане и внушают людям безнравственный образ мыслей. Азартные игры — мать всех беззаконий. Старший из детей этой матери — Ложь, средний — Воровство, а младший — Убийство. Все трое суть погибель для мира. Если бы господин Раффлз был корыстолюбив, неужели ему не перепадало бы отступного от ежегодного оборота в десятки тысяч рингитов? Почему он отказался от этих огромных доходов? Если бы власть в Сингапуре принадлежала малайцам, они непременно принялись бы взимать налог на азартные игры. Они не стали бы говорить: «Деньги потребны лишь в мире сем, но не нужны в мире загробном». Зато, когда их понуждают обучать детей всяческим полезным наукам, они заявляют: «К чему постигать науки? Они нужны лишь в мире сем, но не в загробном». Однако взгляните на господина Раффлза: разве он не заботился о судьбе, ожидающей людей в загробном мире? Ибо приверженцы азартных игр губят людей, а себя самих обрекают на печальную посмертную участь.

То время, пока господин Раффлз находился в Сингапуре, было благим для меня, ибо ему были известны все мои обстоятельства, и он помог мне сделать мои знания источником дохода. Познакомил с белыми людьми, рассказал и важным персонам, и коммерсантам о том, что я знаю и умею, и о том, каков мой характер. Отправил меня поначалу обучать белых людей малайскому языку — по одному часу в день за десять ринггитов в месяц. В день приходилось принимать по шесть-семь учеников. Одни приходили заниматься ко мне на дом, а к другим я ходил сам.

Еще одним источником заработка для меня было сочинение писем от английских негоциантов малайским правителям. Я составлял и долговые и кредитные свидетельства, уведомления об аукционах. Ибо в тогдашние времена все было не так, как нынче: если где-то устраивались публичные торги, то на всех перекрестках вывешивались объявления — по-малайски, по-китайски, по-келингски и по-английски, где значилось, что в такой-то день и час в доме господина такого-то будут продаваться такие-то вещи. Все накладные и расписки китайских коммерсантов, ведших торговлю с малайцами, были написаны моей собственной рукой. А когда китайские торговые люди, не знающие английского, вели дела с англичанами, не говорящими по-малайски, меня призывали в качестве переводчика, ибо я владел языком и тех, и других. Мне платили комиссионные, а кое-кто обещал поделиться со мной прибылью. Аллах даровал мне тогда немало способов добыть себе пропитание, однако по своему неразумию и беспечности я не сберег того, что ливнем обрушивалось на меня, ибо полагал, что так будет вечно. Забыл, что земля вертится и что вскоре настанет сухой сезон, и не только дождей не будет, но и вода в колодцах пересохнет.

Мое неразумие и беспечность проявились таким образом: пробив в Сингапуре девять месяцев, я вернулся в Малакку и провел там два-три месяца. Но наконец иссяк источник средств, получаемых мной в Сингапуре, а все заработанные ранее деньги были истрачены. Оказавшись без гроша, я должен был возвратиться в Сингапур. Видя это, несколько английских негоциантов решили помочь мне завести свое дело, а иные даже обещали дать мне беспроцентную

ссуду в тысячу-другую ринггитов, дабы я мог обосноваться в Сингапуре постоянно и привезти сюда жену и детей. Подумав, я решил, что так и поступлю. Мне не терпелось их увезти, но дело все не шло на лад. Когда вся домашняя утварь и имущество были упакованы и увязаны, а жене через два дня предстояло отплыть в Сингапур, явилась родня — десятки мужчин и женщин: плакали, увещевали, каждый на свой лад, словно перед лицом смерти. Видя это, жена отказалась от своего намерения, и я сдался: поплыву один, без жены. Прибыв на Пролив, я обнаружил свой дом в таком виде, что и сказать нельзя, потому как никто не присматривал за ним. Грустно было мне видеть это, да и жить в доме бобылем показалось невыносимым, и я продал дом господину Хэю³²⁸.

Если бы я тогда окончательно поселился в Сингапуре, жизнь моя пошла бы по-другому, но все свершилось по воле Аллаха, ведающего все явное и тайное. Как сказал мудрец: «Из чупака гантанг не получится³²⁹». Скорблю и желаю всем извлечь урок из моей истории. Да избавятся они от присущего малаккцам вредного предрассудка: считать позором или унижением отъезд порядочной женщины из ее страны. А уж та, что, по их выражению, «пересекла океан», становится притчей во языцех.

Этот нелепый предрассудок — измышление глупых, ограниченных людей. В вероучительных книгах и трактатах ничего подобного не сказано. Там утверждается, что, где бы ни был муж, жена должна быть рядом, дабы избежать печальной участи в мире сем и за гробом, дабы не впала она в прелюбодеяние, не мучалась болезнью головы, приводящей к смерти, и особенно — не нарушала правил ношения одежды, питания и так далее. А этот вредный предрассудок лишь укореняет ложные представления. Кроме того, людей, обладающих теми же знаниями, что и я, и исполняющих подобную же работу, не существует. Если бы таковых было много, они один за другим последовали бы моему примеру. Возьмем, к примеру,

---

³²⁸ Хэй, Эндрю (Hay, Andrew) — коммерсант, обосновавшийся в Сингапуре в начале 1823 г.

³²⁹ Чупак (Cupak) — мера объема сыпучих тел, равная $\approx 0,78$ л. или $\frac{1}{4}$ гантанга (gantang). В издании Кассима Ахмада дано следующее толкование этой поговорки: «Если не суждено, то не сбудется, старайся не старайся» [Hikayat Abdullah, 2008, p. 385].

малаккских китайнок: прежде ни одна из них не хотела покинуть Малакку. Но поскольку множество молодых китайцев стали работать на Проливе, то поначалу один привез с собой жену, а следом за ним и другие. И поныне у китайнок такой обычай: часть времени они проводят в Малакке, а другую — на Проливе. Этого не принято стесняться, и никаких толков не вызывает, потому что так заведено у всех.

Я же в то время жил словно бы спросонок. Когда шел проливной дождь, я и не думал запастись водой, а сейчас не только ливней не выпадает, но и не моросит. Теперь же я спешу собрать дождевую воду. Что бы ни случилось, уповаю на Господа, посылающего каждому дождь в положенной ему мере, ни каплей больше, ни каплей меньше, и тысячекратно благодарю Его, ибо сегодня получаю столько, сколько и прежде, хотя в своих мечтах и упованиях я, алчный, рассчитывал на большее, чем мне полагалось. Вот почему я спал во время ливня, а проснулся, когда дождь утих и когда я мог получать, сколько в день было мне положено.

Глава 18. Отъезд господина Раффлза

В один прекрасный день господин Раффлз объявил мне: «Через три дня я отплываю. Будь добр, упакуй все мои малайские книги». Сердце мое забилося при этих словах, душа словно бы готова была расстаться с телом, и я сказал: «А куда вы направляетесь, сударь?» Он ответил: «Собираюсь обратно в Европу».

При этих его словах я не мог сдержаться, чувствуя, что словно бы лишаюсь отца и матери, и прослезился. Видя это, он смутился, утер глаза носовым платком и сказал: «Не грусти, энчик. Коли буду жив — еще вернусь в Сингапур. А нынче я решил уехать, потому что у нас с господином Фаркухаром возникли некоторые разногласия. Постараюсь разобраться с этим, и если разберусь — ворочусь назад. У тебя все будет хорошо, не печалься. Думаю, в будущем мы встретимся снова. И вот еще что: я дам тебе письмо, а ты сбереги его,

и покуда Англия остается в Сингапуре или Малакке, тебе лишь стоит предъявить его главному лицу, как ты непременно получишь работу».

Я ответил: «Сударь, в полиции я не хочу работать, ибо мне придется давать кому-то присягу». Он ответил: «Работу, требующую присяги, можешь возложить на других, и Компания будет оплачивать их услуги». Я ответил: «Что же, подумаю». Он сказал: «Если здесь не получится, и ты решишь работать у английских негоциантов, я напишу господину Куэйросу³³⁰, и жалование у тебя будет хорошее. Но, думается мне, работа это тяжелая, тебе не по плечу. Лучше заниматься перепиской и обучать англичан малайскому языку». Я ответил: «Как скажете, так я и поступлю».

Затем он пригласил меня в соседнюю комнату и сказал: «Открой вот эти три шкафа, в них лежат малайские книги. Аккуратно заворачивай их в навощенную ткань и складывай в эти кожаные сундуки, их здесь четыре». Затем он показал мне самые разнообразные предметы с Явы и, продемонстрировав все, удалился. Я собственноручно упаковывал все китабы, хикайаты и шайры. Одних только переплетенных томов набиралось до трех сотен. А были еще и книги без переплета, и неполные, и свернутые в свитки, и разрозненные листы. Малайские книги заняли три кожаных сундука, каждый — в три сажени длиной. Затем еще в два сундука были упакованы письма, а также яванские, балийские и бугийские книги. Статуэтки, картины, утварь, безделушки и рукописи на пальмовых листьях заняли три или четыре сундука. В большом ящике был сложен полный набор яванских музыкальных инструментов. Были там и тысячи голов всякой живности, без внутренностей и костей, я набивал их ватой, и они становились совсем как живые. В двух-трех ящиках лежали обработанные тем же манером чучела птиц. В сотнях бутылей, больших и малых, высоких и низеньких находились змеи, сколопендры и скорпионы, гусеницы и тому подобное. Все указанные сосуды были наполнены джином, предохраняющим от гниения находящиеся в них существа, которые выглядели, как живые. Был еще ящик, где лежали кораллы, улитки и раковины моллюсков.

---

³³⁰ Куэйрос, Клод (Queiros, Claude) — внебрачный сын Джона Палмера, прибыл в Сингапур в 1820 г., чтобы открыть там торговую контору [Wurtzburg, 1954, p. 573].

Всеми этими предметами он дорожил, словно золотом или бриллиантами, и время от времени наведывался проследить, не сломалось и не разбилось ли что-нибудь. Когда все было собрано, все ящики были погружены на корабль. Грузы перевозили двадцать барж, паромные суда и лодки. На следующий день, когда все вещи были доставлены на корабль, он пригласил меня к себе в кабинет и сказал: «Вот, возьми это письмо и бережно храни его вместе с теми, что я прежде давал тебе в Малакке. В случае если сюда придут какие-нибудь важные англичане, предъявляй им его, и они о тебе позаботятся. А если надумаешь работать в суде, покажи письмо тому, кто будет тогда правителем в Сингапуре, и станешь получать больше любого другого малайца. Не печалься. Если продлятся мои дни, я приеду в Сингапур. Ну а если умру — оставайся с миром да учи прилежно английский язык, стремись к совершенству. Вот тебе еще письмо. После моего отплытия покажи его господину Куэйросу, и он даст тебе двести рингитов на расходы. Если я сюда вернусь, займусь писанием книг о здешних краях. Упомяну в них и тебя: отмечу, как много ты мне помог в изучении малайского языка и малайской культуры, перечислю все навыки, которыми ты владеешь. Расскажу о твоей учениости, дабы европейцы знали, что ты собой представляешь, и могли положиться на тебя в работе».

Я промолчал, взял у него письмо, и слезы потоком хлынули из глаз, ибо сердце мое исполнилось невыразимой печали. Разлука с господином Раффлзом была для меня все равно что утрата родителей. Дело было совсем не в том, что от него зависели мои заработки, и не в том, что он блистал в высших сферах, но в его добросердечии. Его речи отличались искренностью и прямоотой, он никогда не важничал и не унижал других. Память об этом я храню и поныне. На свете немало людей сановных и ученых, богатых и видных собой, но не встречал я никого, равного господину Раффлзу по характеру, обаянию и такту. Умри я и воскресни вновь — не встретить мне больше такого человека. Преисполненный сердечной привязанности к нему, я сочинил следующий пантун. Он называется «Господин Раффлз и его супруга»:

Птичка-чирок села на палубу,
В рисовом поле вырос рамбай³³¹.
Господин Раффлз — человек мудрый,
Умеющий расположить к себе людей.

В рисовом поле вырос рамбай,
Весьма приятный на вкус.
Умеющий расположить к себе людей,
Он учтив и хорошо воспитан.

Вкус его весьма приятен.
У аканта — колючие листья.
Он учтив и хорошо воспитан,
Пребывает в согласии со своей супругой.

У аканта — колючие листья.
Люди бегут по краю дороги.
Пребывает в согласии со своей супругой,
Словно солнце с луной.

Я взял письмо, и господин Раффлз с женой спустились к морю. Их сопровождало множество людей всякого роду-племени, и я в том числе. Прибыв к судну, они сразу поднялись на борт. Все было готово к поднятию якоря, когда господин Раффлз велел позвать меня. Я зашел к нему в каюту и увидел, что он покраснел и утирает слезы. Он сказал: «Отправляйся домой и не грусти. Если буду жив, мы еще встретимся». Пришла тут его супруга, вручила мне двадцать пять рингитов и сказала: «Это для твоих детей, что живут в Малакке». Доброта супругов растрогала меня до глубины души. Я взял деньги, со слезами поблагодарил господина Раффлза с женой, пожал им руки и спустился в лодку. Когда мы отплыли от судна на достаточное расстояние, я обернулся и увидел, что господин Раффлз глядит на меня из иллюминатора. Я помахал ему, а он поднял руку в ответ. В ту же минуту были подняты паруса, и судно пустилось в плавание.

На следующий день я понес письмо господина Раффлза к господину Куэйросу. Прочитав письмо, тот сказал: «Напиши мне расписку, и я выдам тебе деньги». Я написал, что такого-то числа получил

---

³³¹ Rambai — баккорей, бирманский виноград (*Baccaurea motleyana*).

двести ринггитов от господина Куэйроса, а затем взял деньги, вспоминая с грустью господина Раффлза. С его отплытием все мне стало немило, и мною овладела печаль.

После отъезда господина Раффлза правителем Сингапура стал господин Фаркухар. При решении важных вопросов он поступал так же, как господин Раффлз: советовался с султаном Хусейн Шахом и теменггунгом, и в Сингапуре действовали те законы и установления, что были учреждены господином Раффлзом. Никаких изменений в правила и порядки, разработанные им, господин Фаркухар не вносил.

Несколько дней миновало, а я все не мог утешиться, вспоминая о господине Раффлзе. Отправился в Малакку, а спустя два месяца вернулся в Сингапур. По прибытии я узнал от господина Фаркухара следующее: судно, на котором господин Раффлз направлялся в Европу, отплывало из Бенгкахулу под вечер, а ночью случился пожар, и все до единой вещи, что были на борту, сгорели, а господин Раффлз и его жена спаслись, но остались в чем были. При этой вести душевные силы покинули меня. Я вспомнил о малайских и иных книгах, писанных в разные времена, что собирались повсюду, а теперь все они пропали, от них не осталось и следа — ведь все они были рукописные. Печатные же книги бесследно не исчезают. А уж сколько там было всяческих диковин! Об его личном имуществе я уж и не говорю. И вспомнилось мне, что он обещал написать книгу про здешние края и упомянуть в ней меня, а теперь все материалы для книги погибли. Чем больше я думал об этом, тем печальнее становился. Европейцам был нанесен огромный урон, потому что господин Раффлз намеревался написать несколько книг: о бугийской стране³³², о Борнео, о Сингапуре. Еще много было у него прекрасных замыслов — и вот все рукописи и их английские переводы пропали. Но тотчас же вспомнилось мне, что сам он остался жив, и я возблагодарил Аллаха за это. Аллах вершит свою волю над людьми: может случиться то, чего не ждешь, а когда ждешь чего-то, оно не случается. Все происходит по Его произволению.

---

³³² Т.е. об о. Сулавеси.

Глава 19. Отъезд полковника Фаркухара

Прошло некоторое время, и господин Фаркухар стал готовиться к отъезду в Европу. Весть об этом разнеслась повсюду. Жители Сингапура с грустью встретили эту новость, потому что он был добрым правителем, умевшим расположить к себе людей. Особенно же опечалены были малайцы, для которых он стал словно бы вторым отцом. Со дней его правления в Малакке и вплоть до сингапурских времен не случалось ему обидеть человека словом или действием, какого бы роду-племени тот ни был. Ко всем он был расположен, всем помогал и творил добро. Поэтому люди его любили, но и боялись, ибо судил он со всей справедливостью. Главная же его черта была такова: во всех делах и выносимых им приговорах не делалось разницы между богатыми и бедными, ко всем отношение было одинаково. Прочие же сановники больше уважали богатых, чем бедных, и бедняков судили строго, а богачей — со снисхождением. На непомерных взятках сановники быстро наживались, однако их ожидает будущность головешек, сгорающих в адском огне. Да удержит Аллах всех добрых, нравственных людей от подобных поступков, от корыстолюбия и пристрастия к благам тленного мира сего и да дарует им славную будущность за гробом!

Все до одного жители Сингапура приготовили свои подношения, наладили свои лодки и музыкальные инструменты. За день до отплытия [Фаркухара] его посетили тысячи людей. Иные проливали горькие слезы, вспоминая его благодеяния, другие плакали притворно, чтобы показать другим свою близость к правителю. Несли подарки: китайцы — китайские, малайцы — малайские, келингцы — келингские, и на всех подарках были начертаны их имена. В ответ одним были розданы деньги, другим — ткани, третьим — всякие европейские редкости в знак благодарности за их добрые чувства.

Два этих дня стали днями безутешного плача. Любому, кто являлся к нему, он давал наставление и говорил: «Оставайся с миром. Помни, что меня уже нет рядом, и я не смогу помочь тебе и дать совет. Уезжаю, но если продлятся мои дни, я еще вернусь в Сингапур». Говоря это, он плакал, скорбя о предстоящей разлуке с Сингапуром.

В те же дни множество бедняков собралось к его дому за подаванием, и каждому он велел дать столько, сколько было тому потребно. И дети, и женщины, и мужчины проливали слезы скорби. Горой громоздилась всяческая провизия, принесенная ему в подарок: засахаренные или маринованные плоды, разнообразные сласти в сотнях сосудов, кувшинов и бутылей.

Назавтра люди из всех общин вышли в море на сотнях разукрашенных, нагруженных подарками лодок, над ними развевались флаги, гремели оркестры: китайские, малайские, келингские и яванские. Грохотали пушки, взрывались петарды. Все эти суда готовились следовать за лодкой, где должен был находиться господин Фаркухар. Европейцы и начальствующие видели, что все общины стремятся выразить господину Фаркухару свое уважение. Иным из них это пришлось по душе, а другие злобствовали и заявляли: «К чему такие почести — ведь он не главный начальник в Сингапуре и не может вершить здесь свою волю». Им отвечали так: «Не в том дело, главный он или не главный, богатый или бедный. Своей добротой он покори сердца всех людей». И начальствующие умолкали, ибо к тому времени уже прибыл господин Кроуфурд, назначенный правителем Сингапура. Он же, видя все происходящее, был удивлен и отчасти пристыжен, потому что люди не знали его и оставляли без внимания, не оказывая ему почестей.

Позавтракав у себя дома, господин Фаркухар сошел на берег. Тысячи людей следовали за ним. Каждый почтительно приветствовал его, и каждому он отвечал на приветствие. Миновало добрых два часа, прежде чем он сошел к себе в лодку, снял со слезами свой тропический шлем и четыре-пять раз взмахнул им, прощаясь с провожавшими, оставшимися на берегу. Сотни лодок последовали за его лодкой под громкие звуки музыки. Потрясенный, он потупил голову. С лодок раздавались пушечные залпы, ружейные выстрелы, разрывы петард. Одни пели, другие играли на гамбанге³³³ или скрипке, каждый по-своему: китайцы — на китайский манер, малайцы — на малайский, келингцы — на келингский. Музыка звучала, пока [лодка отъезжающего] не достигла корабля и он не поднялся на борт.

---

³³³ Гамбанг — ударный музыкальный инструмент наподобие ксилофона.

Прочие лодки окружили судно, и те, кто в них сидел, поднялись на борт попрощаться. Для каждого у него нашлись слова поддержки и доброе наставление. Они же чувствовали себя, словно дети перед отцом. Все плакали, плакал и он сам. Затем, попрощавшись, они спустились к себе в лодки и двинулись к берегу. Как только они отплыли от корабля, господин Фаркухар вышел на палубу, снял свой тропический шлем и помахал им на прощание четыре-пять раз. В ответ ему раздался громкий крик: «Счастливого плавания, господин! Попутного ветра! Благополучной встречи на родине с родителями, братьями и сестрами! Коли суждена тебе долгая жизнь, ты можешь снова вернуться сюда и стать правителем!» Он же, стоя на борту, трижды взмахнул шлемом, затем корабль поднял паруса и двинулся в плавание.

Провожавшие разошлись по своим домам. По всему видно было, сколь они опечалены. И потом, в течение двух-трех дней, куда бы я ни пошел — везде слышал, как по-хорошему поминают господ Раффлаза и Фаркухара. Их душевные качества, дружелюбие и обходительность заслужили добрую славу у народа.

Назидание. Все, о чем я здесь поведал, да послужит примером всем благоразумным, ибо речь в моем сочинении идет о людях достойных и знающих. Да станут для вас образцом их поступки, манеры и рассудительность. Как сказал мудрец: «Лучше умереть с добрым именем, нежели жить опозоренным».

* * *

После отплытия господина Фаркухара править Сингапуром стал господин Кроуфурд. Но хотя он и правил — казалось, словно его и не было. Как говорится в пантуне: «Из десяти рассеянных по небу звезд не сделаешь одной-единственной луны». Сингапур в ту пору напоминал мне женщину, похоронившую мужа: непричесанную, мрачную, пребывающую в скорби, потому что ее лучшие дни ушли в прошлое. Да поразмыслят люди умные, дальновидные и рассудительные над этим моим примером. Для человека в моем положении ничего не изменилось: лучше ли, хуже ли — какая разница,

был бы только рис в горшке, было бы сыто брюхо. Как гласит пословица: «Пусть хоть десять кораблей приплывут — собака по-прежнему поджигает хвост»³³⁴. Смысл ее таков: один хороший правитель уехал, а другой хороший приехал — мне-то что до этого? Люди полагают, что всегда будут жить так же, как жили прежде. Я бы уподобил их дереву, не приносящему плодов: для чего оно сгодится людям? Разве что срубить и поколоть на дрова.

Глава 20. Как доктор лечил меня от гидроцеле

В это время я работал у пастора Томсена и вдобавок обучал малайскому языку многих европейских коммерсантов. Из-за жаркого сингапурского климата я заболел гидроцеле³³⁵, причинившим мне немалые страдания и не позволявшим ходить пешком на дальнейшее расстояние. Два-три раза в неделю приступы боли приковывали меня к постели на два-три дня. В ту пору я давал уроки одному коммерсанту в доме у господина Джона Моргана. Однажды недуг одолел меня, на целых три дня лишив способности ходить. Когда же боль немного отступила, я потихоньку побрел к дому господина Моргана. Войдя, я заметил на веранде европейца, прилегшего на скамью и читающего книгу. Вероятно, это был человек новый — прежде мне его видеть не приходилось. Войдя, я приветствовал его. Заметив меня, господин Морган спросил: «Что это ты так осунулся — не болен ли?» Я рассказал ему, что уже давно страдаю от этого недуга: «Уж сколько меня ни лечили и малайцы, и китайцы, и келингцы — все без толку: [опухоль] растет и растет. Нет сил терпеть эти муки!»

Выслушав меня, господин Морган отправился переговорить с лежавшим [на веранде], а потом позвал меня. Спрашивает тот: «Можно я погляжу?» Отвел меня к себе в комнату, осмотрел и сказал: «Скоро ты у меня будешь здоров». С бьющимся сердцем я произнес:

---

³³⁴ Sepuluh kapal datang pun, anjing bercawat ekor juga. Так говорят о человеке, не желающем воспользоваться новыми, открывшимися вокруг него возможностями.

³³⁵ Pasang-pasangan — гидроцеле, т.ж. водянка оболочек яичка.

«О, господин, дай мне снадобье, чтобы я поскорее выздоровел!» Улыбнувшись, он ответил: «Снадобье не понадобится. Вот выпустим оттуда жидкость — и ты поправишься». Я ответил: «Все, кто меня лечили, заявляли, что исцеление невозможно: там слизь». Он пощупал и сказал: «Кто сказал, что это слизь? Глупцы! Ничего они не знают: в Бенгалии были сотни людей с опухолями в десять, а то и двадцать раз больше этой, я выпускал оттуда двадцать-тридцать бутылей жидкости³³⁶, и они выздоравливали». Я спросил: «А как ее выпускают?» Отвечает он: «Делают небольшой разрез, это совсем не больно, и вся жидкость выходит».

Услышав о разрезе, я до смерти перепугался, а он сказал: «Если ты умрешь от моей руки, я оставляю распоряжение за собственной подписью, чтобы меня повесили тут, в Сингапуре. Кроме того, я внесу тысячу ринггитов залога, которые по суду будут взысканы в случае твоей смерти». Слыша это, я подумал: «И десять миллионов ринггитов ты дай, не стоят они моей жизни». Выйдя от него, я явился к господину Моргану. Тот спросил: «Ну, что сказал доктор?» Тут только я понял, что это был врач, и передал все его слова. Говорит господин Морган: «И повезло же тебе — это лучший из лучших докторов, он приехал сюда отдохнуть. Из тысячи здешних лекарей никто не может с ним сравниться: это гений. Верь его словам: он великий знаток и настоящий чудесник. Слушайся его».

При этих словах душа моя словно разорвалась надвое — я и готов был согласиться, и боялся. Вернулся к доктору, а тот спросил: «Хочешь, прямо сейчас все сделаем?» Я ответил: «Подожди, господин, прежде мне надо предупредить господина Томсена — он надо мной старший». Тот сказал: «Поторопись: я через три дня отпываю». Я отозвался: «Хорошо, господин, а теперь я домой пойду». Он проводил меня до двери, и я заметил, что он прихрамывает. Перехватив мой взгляд, он улыбнулся и сказал: «Разглядываешь мои ноги?» Я ответил: «Вовсе нет». Тут он засучил штанину, и я увидел, что часть ноги до колена у него деревянная, но присоединена на шарнире, и колено может сгибаться, как у всякого человека. Он сказал: «Ногу

³³⁶ Скорее всего, Абдуллах здесь прибегает к гиперболе. У Хилла в переводе — «две или три бутылки» [Hill, 1970, p. 200].

я потерял в бою, ее мне прострелили, когда Англия воевала в Бенгалии, я сам себе провел ампутацию и изготовил деревянный протез». Я был поражен до глубины души знаниями и умениями этого европейца. Разве что вернуть человека к жизни было ему не под силу, а все остальное — пожалуйста.

Я откланялся и пошел к господину Томсену, где доложил ему обо всем этом. Он ответил: «Где еще выпала бы тебе подобная удача? Если бы кто-нибудь другой обратился с подобной просьбой, это встало бы ему в немалую сумму, потому что этот доктор — гений и знает все о человеческом организме. Скорей за дело, пока он не отплыл!» Я ответил: «Страшно мне, господин. Все боюсь, не случилось бы беды». Он сказал: «Не бойся. Если бы он не был знатком своего дела, разве Компания платила бы ему многие тысячи ежемесячно? Верь, как я верю: ничего дурного не случится».

Слушал я эти речи, а сам все же трепетал и шел домой, исполненный тревожного чувства. Весь вечер я был погружен в раздумья. Со мной проживали несколько друзей, и я поведал им о своих обстоятельствах. Выслушав меня, они заявили: «Не соглашайся на это. Когда имеешь дело с белыми людьми, шансы равны: или умрешь, или останешься в живых». И продолжали: «А если твои родители и жена в Малакке узнают об этом, это принесет им немалое огорчение». Много еще чего они наговорили и совсем запугали меня. Я уже пожалел, что завел этот разговор. Вместо того, чтобы помочь, они только напугали меня.

До половины третьего ночи я пребывал в раздумьях. Вдруг меня посетила мысль: если мой срок уже настал, сегодня или завтра я могу умереть. Тут я взял листок бумаги и написал завещание, где объявил своим душеприказчиком господина Томсена. В случае моей кончины он должен был обеспечить передачу всего моего достояния детям и жене, находящимся в Малакке. В бумаге указывалось, что я составил этот документ по собственной доброй воле. Закончив работу, я остался на месте и так сидел до рассвета. Позвав пойти вместе со мной одного из товарищей, я направился к господину Томсену и показал ему свою бумагу. Прочитав ее, он сказал: «Не заглядывай так уж далеко. Все обойдется».

Придя, я увидел, что доктор ходит взад и вперед по веранде. Заметив меня издали, он вышел к лестнице мне навстречу и, глянув на меня, спросил: «Ну что, надумал?» Я ответил: «Да, господин». Тогда он прошел к себе в комнату и открыл какой-то ящик, где были прикреплены всякого рода ножи: с острыми концами, изогнутые, похожие на шпору или на пилу. Сказал: «Садись и не бойся: это дело недолгое». Я сказал: «Там на улице мой товарищ. Можно ему прийти посмотреть?» Он ответил: «Ладно, пусть заходит», и тот явился. Между разговорами я заметил, что у него в руке ножик с заостренным концом. Он сказал: «Ну-ка, я погляжу». А затем произнес: «Не бойся. Можешь и сам посмотреть».

Трепеща от страха, я увидел, что он медленно вонзает лезвие. Это напоминало укусы комара. Потом он отвинтил ручку ножа, лезвие же осталось воткнутым в мое тело. Оттуда забила фонтаном жидкость, стекавшая в подставленный доктором тазик, и длилось это с четверть часа. Затем он велел мне немного походить по комнате, и жидкость все текла. Когда поток иссяк, он дал мне ватку, смоченную каким-то снадобьем, и приложил к ране. Болезни больше не было и в помине, все стало, как прежде. Я заметил, что жидкость эта была прозрачная, словно питьевая вода, без запаха и цвета.

Не могу передать на словах, что я чувствовал: словно умер и воскрес заново. Доктор сказал: «Пойди и покажи другим малайцам, а жидкость эту пусть перельют в кожаный сосуд и так хранят. Пусть себе используют свои притирания, а я посмотрю, как они вытягивают жидкость. Если же больные будут употреблять эти снадобья внутрь, водянка только обострится. А теперь иди и покажи господину Томсену свою жидкость». И добавил: «Ну, а что ты чувствуешь?» Я ответил: «Ничего особенного, только там внутри немного ноет». Он сказал: «Не бойся, ты уже в порядке».

Сосуд с жидкостью я понес показать господину Томсену, и тот был поражен: «В жизни не видел ничего подобного! А как твое самочувствие?» Я ответил: «Здоров, как прежде». Жидкость я забрал с собой, созвал к себе в дом десятки малайцев, келингов, китайцев, показал ее им и рассказал о случившемся. Все были изумлены и сочли это невероятным событием. Затем я наполнил жидкостью

две бутылки и отправил их в Малакку родителям, сопроводив подробным рассказом обо всем, что произошло со мною. Моих малаккцев эта история поразила, и к ним в дом зачастили охотники взглянуть на жидкость, приговаривавшие при этом: «Глядите-ка, ему не боязно действовать по указке белых людей! Мы-то сами скорее померли бы от этого недуга, чем осмелились на подобное!»

Назавтра я явился к доктору. Он встретил меня с улыбкой и сказал: «Итак, Абдуллах не умер!» Затем он убедился, что со мной все в порядке. Во время осмотра я заметил, что место разреза расположено выше, чем было вчера. Тогда оно находилось внизу, но кожа подсохла, и рана сместилась. Затем он сказал: «Завтра я отплываю и оставляю тебе письмо. В случае если месяца через три болезнь возобновится, покажи это письмо местному доктору, и он тебе поможет». Я взял письмо, рассыпаясь в благодарностях за его участие. Будь я богат — заплатил бы ему пятьсот ринггитов за свое исцеление. Назавтра, в день отплытия, я купил триста штук мангостанов³³⁷ и четыре кувшина засахаренных фруктов и преподнес ему в подарок. Он рассмеялся и заявил: «Так не пойдет. Готов возместить тебе потраченную сумму. Не ради этого я тебя лечил». И вынес деньги, чтобы рассчитаться со мной. Я не хотел их брать и принялся слезно умолять его. Тогда он сказал: «Ладно, не горюй, я принимаю твой подарок». И добавил: «Видно, что ты привык отвечать добром на добро». Я проводил его на корабль и собрался было откланяться. Тут он вручил мне музыкальную шкатулку, добавив при этом: «Вот будет тебе забава». Боясь разгневать его, я принял дар, поблагодарил и удалился. В тот же вечер состоялось отплытие его корабля.

Весть о моем исцелении молнией разнеслась по Сингапуру и Малакке. На следующий же день ко мне явились два малаккских келингца и китаец с просьбой проводить их к тому самому доктору. Я сказал: «Прошлой ночью он отплыл в Европу». Они же очень на него уповали, а один даже заплакал, потому что болезнь мучала его годами. Назавтра, в пятницу, явились еще два малаккца, страдавшие от той же хвори: они прослышали, что я излечился, и задумали

---

³³⁷ Manggis — (*Garcinia mangostana*) дерево рода Гарциния семейства Клузиевые и его плоды.

обратиться к тому же врачу. Узнав о его отъезде, они не могли сдерживать слез.

По прошествии трех месяцев болезнь и впрямь стала одолевать меня снова. Я сообщил господину Томсену об оставленном мне доктором письме, и тот распорядился: «Иди с письмом к тому самому врачу». По предъявлении мною письма врач прочел его и сделал все, как в нем было указано. Вытекло полторы бутылки жидкости. Затем он вколол в то же самое место [что-то наподобие] красного виноградного сока, причинив мне невероятную боль. Затем «сок» вытек, а вместе с ним — сгустки слизи. Затем он протер это место каким-то средством, и я был здоров. Благословение Аллаху, с тех пор и по сей день болезнь ко мне не возвращалась. Тот же врач научил меня постоянно носить исподнее во время пеших прогулок. Из-за здешнего жаркого климата многие местные жители страдают от этой болезни.

Глава 21. Союз Тянь ди хуэй в Сингапуре

Вскоре после того, как господин Кроуфорд стал правителем Сингапура³³⁸, разнеслась весть, будто китайцы из Союза Тянь ди хуэй³³⁹, проживавшие в глубинных областях острова, намереваются совершить налет на Сингапур, численность же их велика — многие тысячи. Иные занимались выращиванием черного перца, гамбира³⁴⁰ и прочего, но большинство промышляло кражами, грабежами и убийствами. Опиум употребляли едва ли не все, не говоря об их пристрастии к азартным играм. Их обиталище находилось в самой глубине лесной чащи, что тянулась вплоть до дальнего побережья острова.

---

³³⁸ Т.е. в 1823 или 1824 г.

³³⁹ В разных изданиях «Истории Абдуллаха» китайское наименование Союза передается по-разному: у А. Суини [Sweeney, 2008, p. 433] — Tian Tui, у Кассима Ахмада [Kassim Ahmad, 2008, p. 221] — T'ien Ti Hui, в переводе Хилла [Hill, 1970, p. 204] — Thian Tai Huey. По-китайски следует: Тянь ди хуэй 天地會

³⁴⁰ Гамбир — (*Uncaria gambir*) растение семейства Мареновые. Используется для изготовления бетелевой жвачки, а также как дубильное и красящее вещество.

Во главе сообщества стоял вождь³⁴¹, в его подчинении находились четверо помощников³⁴², затем начальник³⁴³ со своими подручными³⁴⁴, занятыми слежкой за людьми и вовлечением их в сообщество посредством пыток, принуждающими к присяге на верность путем питья крови. Несогласных пытали, избивали, запирали в темницу, а если и тогда человек упорствовал — убивали. С Божьей помощью я расскажу о церемонии приема в сообщество, ибо я смог проникнуть в их обиталище и все видел воочию с помощью моего приятеля, малаккского китайца, бывшего одним из его членов. Мне же хотелось узнать все тайны этого обряда, потому что разговоров о нем ходило много — и правды, и вымысла.

Тем временем продолжали распространяться упорные слухи, будто люди из *Тянь ди хуэй* собираются напасть на Сингапур³⁴⁵. Там и сям орудовало множество грабителей, иные шли на дело и среди бела дня. Я стал расспрашивать своего приятеля-китайца, и тот подтвердил: «Они и вправду задумали такое, только пока не решились действовать. Разослали письма своим соплеменникам в Малакку и на Пенанг и спрашивают совета, каким образом им за это взяться. Поэтому пока дело застопорилось. Только никому об этом не рассказывай: я дал клятву молчать, и если наш старший прознает — не сносить мне головы».

Я поклялся хранить тайну. Мне просто не терпелось все разузнать: с раннего детства я был наслышан о *Тянь ди хуэй*, но не знал, что это такое, и не мог разобраться: одни говорили одно, другие — другое. Мне же было важно знать наверняка. Я спросил: «Баба³⁴⁶, а где все они обретаются?» Он ответил: «В глубинной части острова.

---

³⁴¹ Orang besar yang kepala — зд. глава сообщества, вождь. Здесь и ниже малайские обозначения статуса членов Союза, приводимые Абдуллахом, дают лишь самое общее представление об его иерархии.

³⁴² Orang besar — вельможа, сановник. В данном контексте — ближайшие приближенные главы Общества.

³⁴³ Penguulu — староста, предводитель, начальник.

³⁴⁴ Mata-mata — букв. сыщик, полицейский. Здесь имеется в виду группа людей, находящихся в непосредственном подчинении penguulu (см. выше) и выполняющих функции, перечисленные Абдуллахом ниже.

³⁴⁵ Имеется в виду южная часть острова, где поначалу обосновались европейцы.

³⁴⁶ Традиционное обращение к китайцам Малакки и Сингапура, говорящих на разновидности «низкого» малайского языка — *баба*-малайском.

Это место называется Туа Танглинг». Я спросил: «Сколько же их там всего?» Он ответил: «В самом Сингапуре и в глубинной части острова — примерно восемь тысяч человек. Немало их и в Малакке, Сунгей Уджунге, Лукуте, Лингги и на острове Пенанг. Все они — члены единого сообщества».

Тут я и обратился к нему: «Баба, не отведешь ли меня посмотреть, где они живут?» Он рассмеялся и сказал: «Зачем тебе идти в такую даль, Долах? Ты смерти разве не боишься?» Я ответил: «Мне бы только взглянуть! Чего бояться? Если ты умрешь, умру и я». Он сказал: «Ладно. Коли так, я собираюсь двинуться туда через три дня. Тут у нас объявилось пять человек, желающих вступить в Союз. Поглядим, что это за люди. Думаю переночевать там, а на следующий день пойдем обратно». Слушая его, я задумался: «Стоит ли верить словам того, кто курит опиум? Неровен час, моя вылазка обернется бедой!» Но, хоть подобная мысль и посетила меня, с уст моих слетели слова: «Хорошо, я готов идти». И мысль о том, что я увижу все собственными глазами, грела мне душу.

Было у меня немало добрых друзей-китайцев, промышлявших торговлей. Я сообщил им, что отправляюсь в глубинные области, чтобы посмотреть, как живут люди из *Тянь ди хуэй* и чем занимаются. Друзья заявили мне: «Сейчас все до смерти боятся этих *Тянь ди хуэй*. Куда же ты собрался, Долах? А вдруг тебя убьют? На кого нам тогда опереться?³⁴⁷». Сердце забилося у меня при этих словах, и я ответил: «А для чего им меня убивать? Какое при мне будет добро?» Они ответили: «Позови-ка сюда человека, который будет тебя сопровождать, а мы с ним потолкуем». Тут я отправился к тому китайцу и передал, что мои друзья хотят его видеть. Когда он явился, мои друзья спросили: «Что, энчик Долах пойдет вместе с тобой в Танглинг Бесар?» Тот ответил: «Да». Они сказали: «Береги его. Если что-то случится, мы знаем, кто ты такой». Он ответил: «Не бойтесь. Он умрет, если я умру».

---

³⁴⁷ Возможно, эта фраза косвенно указывает на то, что Абдуллах, близкий к кругам британской администрации Сингапура, в каких-то ситуациях мог оказывать поддержку своим друзьям.

Через пару дней, в субботу, в пять часов утра он явился за мной и сообщил: «Я захватил для тебя хлеб, сахарный песок и бананы». Предав себя на волю Аллаха, я пустился в дорогу, облачившись в изношенные, рваные брюки и захватив с собой старое одеяло, голову же обмотал истрепанным полотенцем. С собой я захватил одну рупию денег, маленький ножик, карандаш и лист бумаги. В путь мы тронулись вшестером: пятеро китайцев и я. Шли мы не торной дорогой, по которой ходят все, а двигались напрямик, переступая через поваленные стволы, обходя болота и топи. Я спросил своего приятеля: «Отчего здесь такая дорога? Неужели нельзя было ее разровнять, чтобы удобней было идти?» Он сказал с улыбкой: «По хорошей-то дороге все повадятся расхаживать, верно? И соглядатаи, и сипаи, и белые люди смогут пройти. И лихих людей легче будет ловить, верно?» Услышав это, я подумал, что это воровская уловка: стражам закона и впрямь будет боязно тут появляться³⁴⁸.

По пути нам не раз попадались китайцы, и шедшие навстречу нам, и попутчики. Как я заметил, все они знали моего китайского приятеля. Я спросил: «Баба, неужели ты знаком со всеми этими людьми?» Рассмеявшись, он ответил: «Разве ты не знаешь, что я — один из их соглядатаев?» При этих словах сердце у меня забилося: подумалось, что он собрался обманным путем вовлечь меня в их сообщество. Но мысль эту я оставил при себе. Мне не терпелось проникнуть в их тайны, и, продолжая идти, я спросил: «А что, принимают ли в Союз людей другого роду-племени?» Он ответил: «Что ты! А вдруг они не будут держать рот на замке? К тому же малайцы и прочие мусульмане не почитают предков, не пьют арак, не употребляют крови. Немыслимо!» Выслушав его, я успокоился. Затем китаец сказал: «Ты, энчик Долах, должен сейчас прикинуться дурачком. Ничего не говори, помалкивай. Когда мы окажемся ближе к месту, понесешь этот куль и зонтик, а я скажу, что ты — малаец-побирушка, просивший милостыню и приставший ко мне по дороге». Я ответил: «Согласен».

---

³⁴⁸ Фактическое расстояние от прибрежных районов Сингапура до Танглинга в среднем не превышает 8 км.

Покуда мы шли, миновал полдень, а до цели еще не добрались. Я почувствовал голод и сказал: «Баба, у меня уже живот подтянуло. Давай поедим хлеба». Он ответил: «Отсюда недалеко до китайской плантации, там и передохнем». Шли мы, шли и добрались до плантации гамбира, где было множество народа. Заслышав, что кто-то приближается, сбежался добрый десяток собак, готовых нас покусать. Тут китайцы завопили, призывая главного, и тот появился. Он пригласил нас сесть, а его люди обступили меня, принялись разглядывать и спросили по-китайски: «Кто это такой?» Мой китаец ответил: «Это странник, ходит и просит милостыню. Я взял его с собой». Тут нам принесли огурцов и жареные клубни³⁴⁹. Расположившись под сенью чемпедака³⁵⁰, я поел. А мой китаец отправился разделить трапезу с прочими китайцами.

Сидя за едой, я заметил, что у них в доме по стенам было развешано множество оружия. Мне удалось насчитать десять больших щитов, примерно два десятка трезубцев и коротких мечей, шесть или семь длинных мечей и множество прислоненных к стенам ружей.

Еще я заметил, что на сундуке сложены шесть-семь пар брюк европейского покроя, только что из стирки. Тут сердце у меня забило — я догадался, что они, судя по всему, были украдены у европейцев. Наблюдая за всем, я по-прежнему притворялся дурачком. Почувствовав жажду, я жестом указал себе на рот. Когда мне принесли воды, пить мне расхотелось: все их чашки были грязные донельзя, да к тому же сильно отдавали рисовой водкой. Китайцы столпились вокруг меня. Одни разглядывали мое полотенце, другие трогали за бороду, и я, исполненный страха, не препятствовал им, потому что мой друг еще не закончил свою трапезу.

Когда с едой у него было покончено, мы тронулись дальше. Примерно к четверем часам пополудни мы добрались до поселения. Там стояли три больших павильона, каждый примерно в тридцать саженей длины, и в каждом людей — видимо-невидимо. Когда мы оказались там, мой спутник-китаец сказал: «Энчик Долах, сейчас помалкивай

³⁴⁹ Ubi. В английском переводе [Hill, 1970, p. 207] — картофель. Помимо этого, возможны варианты — ямс, бататы.

³⁵⁰ Cempedak — чемпедак, аутокарпус (*Autocarpus champeden*), фруктовое дерево, близкий родственник хлебного дерева нангка.

и притворяйся дурачком». Тотчас же выскочили собаки, десятка два. Я перепугался их множеству, но мой китаец кликнул человека, находившегося в павильоне, тот вышел и отозвал собак. У входа же в павильон был выкопан глубокий ров в три сажени шириной, а через него был переброшен мостик. Перейдя через ров, они убрали мостик, чтобы никто не мог перебраться на другую сторону. Завидев моего китайца, три человека вытащили мостик, перебросили его через ров, и мы смогли пройти. С другой стороны рва мы обнаружили две-три выкопанных ямы, особым образом отмеченных. Если человек не знал дороги, он непременно должен был провалиться в одну из ям. Глубиной ямы были в три сажени, а сверху на них были положены легкие ветки и сухие банановые листья и присыпано землей, чтобы сравняться с окружающей почвой.

Подойдя к павильону, я заглянул внутрь и увидел сотни горящих светильников и расположившихся там и сям людей, поглощенных курением опиума. Вокруг павильона были сложены заточенные с конца деревянные дротики, а внутри помещения было сложено оружие. Дротики служили для метания. Там и сям лежали щиты, мечи, вдоль стен стояли связки пик с заостренными, как у копий, наконечниками. Я тихонько спросил своего товарища: «Это то самое место?» Он сказал: «Да, одно из них. Есть еще шесть таких поселений, даже побольше размером, чуть дальше вглубь острова. Но нынче ночью все соберутся сюда: здесь обычно проводится обряд посвящения. Ты и сам все увидишь. Нашлось пять человек, которых собираются приобщить. В Сингапуре народ горазд сплетничать о *Тянь ди хуэй* и высмеивать их. Поэтому для посвящения приходится прибегать к принуждению». Я спросил: «А где мы расположимся этой ночью?» Он сказал: «Устроимся в комнатке моего здешнего приятеля».

На склоне дня начали бить в бамбуковый гонг, звуки его разносились далеко по окрестностям. Затем все собрались в главном павильоне. По моей прикидке, во всех трех павильонах обитало примерно пятьсот-шестьсот человек, из них тех, кто не употреблял опиум, едва набралось бы два десятка. Собравшиеся орали во все горло, словно во время битвы. Тогда мой китаец провел меня в боковую каморку с москитной сеткой, где проживал писец сообщества. Там

я и расположился. Китаец принес мне на банановом листе немного риса с жареной рыбой и два банана. Я перекусил, чтобы не чувствовать голода ночью. Немного спустя он снова появился и сказал: «Оставайся тут, энчик. За тем, что там происходит, можешь наблюдать сквозь вот эту дырку в стене. И сиди тихо. Скоро те люди уже появятся». Я спросил: «Баба, а ты не останешься со мной?» Он ответил: «Не бойся, энчик Долах. Мне как соглядатаю непременно следует быть на месте, для этого я и прибыл сюда. Скоро вернусь. Никто не осмелится поднять на тебя руку». Я ответил: «Хорошо».

Примерно к семи часам вечера все уселись за трапезу, принялись пить рисовую водку, и шум стоял, словно во время боя. Спустя час загремели гонги и барабаны. Люди расселись рядами. Мне хорошо были видны их лица, покрасневшие от хмеля, словно цветы гибискуса³⁵¹. Взоры всех были обращены на идолов³⁵². Главный из присутствовавших расположился на высоком кресле. Затем два человека встали справа от него и два — слева. Следом появились восемь человек с большими обнаженными мечами и выстроились с правой и левой стороны. Явился еще один, возжегший листки бумаги перед идолами. Наконец вышли восемь человек с обнаженными мечами, они вели с собой еще одного.

Тот, которого привели, шел с непокрытой головой, без рубашки, на нем были только штаны. Оказавшись пред лицом главного, он преклонил колени, головой касаясь земли. Те, что стояли с мечами в руках справа и слева от него, испустили крик и нацелили свои клинки на его шею. На мгновение воцарилось молчание. Затем появился некто и встал подле этого человека. Тут главный принялся по-китайски задавать ему вопросы — об их значении я узнал позже. Главный спросил: «Кто ты таков и откуда прибыл? Кто твой отец с матерью, живы ли они или уже умерли?» Человек, стоявший рядом с преклонившим колени, пояснил ему, о чем спрашивают, и тот ответил: «Зовут меня

---

³⁵¹ Bunga raya, гибискус — (лат. *Hibiscus*) род растений семейства Мальвовые (*Malvaceae*). Самый распространенный вид — гибискус болотный (*Hibiscus moscheutos*) с ярко-красными цветками.

³⁵² Pekong, tokpekong — идол (кит.). О том, как выглядел алтарь (жертвенник), автор не рассказывает. Описание его, относящееся к более позднему времени, см. [Pickering, 1879, p. 6–9].

так-то, родом я оттуда-то, а родителей моих уже нет в живых». Даже если бы его родители были живы, полагалось утверждать, будто они скончались, потому что вступающие в сообщество считались мертвыми по сути своей. Главный сказал: «А можешь поклясться, что твои родители умерли?» Тот ответил: «Могу». И он поклялся: зажег лист бумаги перед идолами и объявил, что его отца с матерью уже нет в живых. Затем главный сказал: «Для чего ты явился сюда?» Тот ответил: «Хочу присоединиться к *Тянь ди хуэй*», что означало: «Небо, земля, Союз». В этом сообществе все считались братьями, и разницы между живыми и мертвыми не было. Главный сказал: «Ты лгун. На самом деле ты так не думаешь». И тот ответил: «Могу поклясться, что говорю правду». Главный сказал: «Поклянись!», и тот возжег бумагу и произнес слова клятвы.

Затем главный произнес: «Знаешь ли ты, как становятся членами нашего Союза?» Тот ответил: «Знаю. Здесь, когда дают присягу, пьют кровь». «А что потом?» — спросил главный, и тот ответил: «Нельзя раскрывать никаких тайн тем, кто не входит в Союз. Если нарушу этот закон, пусть меня казнят». Главный сказал: «Так ли это? Так ли? Так ли?» И тот отозвался: «Так!» Затем принесли чашу, где была налита рисовая водка, перемешанная с кровью, взятой понемногу от каждого присутствующего, поставили ее перед идолами и рядом положили нож. Тот взял нож, поранил себе палец, и его кровь также закапала в чашу. Тут главный объявил: «Пред лицом наших кумиров — пей!» И тот испил из чаши, а следом и главный, и все прочие отхлебнули понемногу. Затем главный сказал: «Завтра отправишься к нашему писарю и возьмешь у него книгу, где говорится о наших обычаях, символах и знаках. За это заплатишь ему рингит». Тут главный поднялся со своего места, подошел к нему и помог встать. Ныне последний был вправе находиться рядом с главным, тогда как до вступления в Союз он считался врагом. Этой ночью обряд приема в Союз был совершен еще над четырьмя людьми. Пишу о том, что я видел собственными глазами. Вскоре мой китаец пришел справиться обо мне и сказал: «Можешь смотреть, сколько твоей душе угодно» — а затем снова удалился.

После тех четверых пред лицом главного предстал еще один человек со связанными руками, его принуждали совершить земной поклон, но он по-прежнему стоял прямо. Тогда ему нанесли десяток-другой ударов бамбуковой палкой и задали вопрос: «Хочешь ли ты вступить в наш Союз или нет?» Он же безмолствовал. Вопрос повторили три или четыре раза, но он не проронил ни слова в ответ. Тогда главный бросил взор на тех, кто держал мечи, и они обнажили клинки, словно бы готовясь отрубить ему голову. Я решил было, что его прикончат, но главный остановил их и повторил вопрос, однако тот стоял на своем. Тогда по приказу главного его повалили на землю, вышли двое и принялись колотить его бамбуковыми палками. Он завопил от боли. Тут явился еще один и вопрошал его о согласии вступить в Союз, но тот отказался. Тогда главный объявил: «Завтра он будет казнен». Ночь этот человек провел под замком, а наутро был предан казни за свой отказ вступить в Союз.

Подобным же образом были убиты несколько десятков человек, силой захваченных в Сингапуре в ночное время. Вот каким образом пополнялись ряды сообщества. Новые же члены в случае нарушения ими присяги или разглашения тайны посторонним лицам безоговорочно обрекались на смерть. Куда ни пойдешь — везде, где действовало сообщество, их ожидала гибель. У каждого нового члена имелась книга, где рассказывалось об обрядах, установлениях, условных знаках и жестах, правилах, касающихся еды и питья, а также одежды, и как в чужом краю по особым приметам найти своих собратьев и о многом другом, на чем я здесь не буду останавливаться.

Когда зрелище подошло к концу, было около двух часов ночи. Под звуки бамбуковых флейт³⁵³ все разошлись. Одни отправились курить опиум, другие — спать, иные двинулись в Сингапур заниматься грабежом. Явился мой китаец и, видя, что я еще не лег, сказал: «Все не спишь?» Я ответил: «Что-то сон не идет», но один лишь Аллах ведал, в каком страхе я пребывал. Он сел рядом и завел неторопливый, тихий разговор обо всем случившемся, сообщив также:

---

³⁵³ В оригинале: *ditiurpua bamboo itu*, т. е. «стали дуть в бамбук». Речь может идти об одной из разновидностей духовых инструментов, материалом для которых служил бамбук: флейтах, свирелях и т. п.

«Нынче ночью двести человек отправятся в Сингапур добывать себе пропитание». Его слова напугали меня еще больше, до сердцебиения, и я помышлял лишь об одном: когда же наступит утро и я смогу убраться из этого проклятого места, где страх обуревает меня? За стеной дома, где я находился, множество людей были поглощены азартной игрой, и дважды или трижды за ночь между ними возникала потасовка. Я попросил: «Баба, давай уйдем отсюда пораньше перед рассветом». Он сказал: «Хорошо».

Я начал клевать носом и ненадолго задремал. Примерно в четыре утра послышались громкие голоса. Разбудив китайца, я спросил: «Что это за шум?» Он ответил: «Тише, энчик. Это вернулись те, что ходили в Сингапур». При этих словах я обмер и стал молиться, чтобы скорее настало утро. Вскоре рассвело, и я стал будить своего товарища, но тот не хотел и просил: «Подожди немного». Я ответил: «Сейчас самое время, пока солнце не взошло». Наконец он встал и заявил: «Не перекусить ли нам?» Я ответил: «Хорошо, как только дойдем до чьих-нибудь плантаций — там и поедем». А сам мечтал лишь об одном — поскорее унести ноги из этого проклятого места. Тут мой китаец пошел переговорить с их главным, но о чем — не знаю. По его возвращении я спросил: «Про что так долго толковали?» Он ответил: «Так, ничего особенного». Их беседа осталась тайной для меня, но обо всем прочем он мне сообщал, как уже говорилось выше.

И вот мы с товарищем пустились в дорогу. По пути он сказал: «А ты знаешь, энчик Долах, — те люди, что прошлой ночью ходили в Сингапур, замазывали себе лица углем». Я сказал: «Для чего?» Он ответил: «Чтобы их не узнали». Я спросил: «А к кому в дом они забирались и чем поживились?» Он ответил: «Ты, энчик, рвался поскорее уйти, и потому я не успел их расспросить. К тому же все еще спали». И подумалось мне: «О, Аллах, когда же мы доберемся до Сингапура?» А уж как я укорял себя за то, что ввязался в эту историю! Но, как бы то ни было, что сделано — то сделано.

Наконец мы добрались до плантации, принадлежавшей какому-то китайцу. Было около одиннадцати часов. Там мы немного отдохнули и снова двинулись в путь. Не буду описывать, как мы шли, и вспоминать об этом не могу: за всю свою жизнь не видывал дороги хуже:

иногда проваливался в грязь, доходившую мне до бедра, шесть-семь раз падал, да и мой спутник тоже. Остается лишь удивиться, как грабители пробирались здесь через ухабы в крошечной темноте. Одному Аллаху это ведомо! И думалось мне: если бы во мгновение ока меня сейчас перенесли в Сингапур, я не пожалел бы за это и десяти рингитов! Было уже три часа, когда с помощью Аллаха мы, голодные и усталые, благополучно добрались до Сингапура.

По прибытии в Сингапур мне стало известно, что ночью китайцы совершили нападение на Кампунг Гелам. Было их около двух сотен, и у всех лица были замазаны черным. Они были вооружены и несли над собой десятки факелов, как во время торжественного шествия. Ими был ограблен дом священника-христианина³⁵⁴. Тот жил одиноко, не знался там ни с кем, кроме своего повара. Они забрались на верхний этаж, часть осталась стеречь ворота на улице, еще одни стояли позади дома, а прочие занялись грабежом. Священник был застигнут спящим. Одни зажали ему руки и ноги, а двое других приставили мечи к горлу со словами: «Где ключи от сундуков?» Священник показал, где ключи, и они стали отпирать сундуки и забирать оттуда деньги. Одежду разбросали, лампы разбили. Когда дело было сделано, те, что оставались при входе, подали знак с помощью бамбуковой флейты, и все сошли вниз, кроме тех, кто удерживал священника. Лишь тогда, когда прочие оказались далеко, державшие отпустили его и сами убежали. Вот как все произошло, по рассказам людей.

Оказавшись в Сингапуре и узнав о случившемся, я не мог удержаться и отправился к господину Кроуфурду, чтобы поведать обо всем, что я видел и пережил и о чем было рассказано выше. Он был изумлен услышанным и сказал: «Как же ты осмелился подвергнуть себя такой опасности? Хорошо еще, что жив остался! Кто знает, что бы могло произойти?» Я ответил: «Не поступи я так, откуда бы люди узнали правду? Ведь о *Тянь ди хуэй* чего только не рассказывают! А я все видел собственными глазами, тут уж ошибки не будет». Он сказал: «Правильно, европейцы так же подходят к делу». И продолжил: «Прошлой ночью китайцы ограбили дом священника в Кампунг Гелам». Я ответил: «Знаю. Но почему же вы, господин, оставляете

---

³⁵⁴ Padre Nasrani — т. е. католический священник.

это без внимания? Неровен час, и до вашего дома доберутся!» Он ответил: «Ты прав. Но, думается мне, захватить их будет трудно при такой-то дороге: подождем, пока проложат новую. Сейчас же я распоряжусь, чтобы констебли и сыщики вели за ними слежку». Я сказал: «Хорошо, сударь. А если оставить все как было, они будут вести себя так же». Затем я откланялся, и он отправился в полицию, а я вернулся домой.

К вечеру мне сообщили, что после моего ухода господин Кроуфорд отрядил двенадцать сыщиков, вооруженных саблями, пистолетами и кинжалами, а также двух констеблей искать какие-либо улики или похищенные у священника вещи. В полном снаряжении они двинулись в глубину острова. Придя к китайской плантации, что была на полпути и где мы останавливались, чтобы перекусить, они обнаружили там какого-то китайца, едва восставшего ото сна. Выйдя из дома, он намеревался было умыть свое лицо, замаранное углем, но немедля же был схвачен и доставлен ими в Сингапур. Его привели в полицию и допросили. Он же изобразил из себя немного, лишенного дара речи. Сколько его ни допрашивали, сколько ни пытали, пытаюсь заставить говорить, — безуспешно. Наконец он был отправлен в тюрьму в Телук Аир, потому что день уже клонился к вечеру.

Примерно в два часа пополуночи прибыло две или три сотни его сообщников, обитавших в глубинной части острова, они прорвались в тюрьму. Все были вооружены. Одни заняли лестницу у входа, другие остались на улице. Сыщики, сторожившие тюрьму, разбежались, спасая свою жизнь. Констебли, находившиеся на верхнем этаже здания, выпрыгнули из окна и скрылись. Китайцы разгромили тюрьму и увели с собой своего товарища назад, в глубину острова. К тому моменту, как сыщики и констебли добрались до полиции и собрали подмогу, всех их и след простыл.

Проведав о случившемся, местные жители совсем перепугались. По ночам сторожили свои дома, не осмеливаясь и носа высунуть на улицу. Тут как раз был обнародован приказ: полицейским по ночам полагалось нести стражу по всем улицам. Спустя два-три дня китайцы из *Тянь ди хуэй* объявились в квартале прачечных³⁵⁵,

³⁵⁵ Kampung Dobi.

недалеко от Кампунг Гелам. Было их двести или триста человек, в полном вооружении и с факелами. Полицейские, что несли там стражу в ту ночь, увидев приближающихся, обратились в бегство. Тридцать-сорок вооруженных китайцев несли охрану в начале улицы, а прочие вламывались в прачечные, ломали сундуки, похищали выстиранные вещи. Хозяина одного из домов привязали к столбу и стали требовать от него ключи. Затем вскрыли все сундуки и забрали сложенную там одежду.

Жители двух соседних домов слышали весь этот шум, но боялись и нос высунуть наружу. Открывшему дверь отрубили два пальца. Люди поспешно запирались на ключ и со страху не издавали ни звука, а те творили все, что им заблагорассудится, идя от одного дома к другому. Прошли уже три дома, и тут их сотоварищи, несшие стражу на улице, подали сигнал бамбуковой флейтой, и тотчас же все разбежались, за исключением тех, кто сторожил у входов в дома: из трех оставался один, из четырех — два. Когда все ушедшие уже были далеко, бамбуковый свист раздался еще раз. После этого у каждого ворот осталось по одному человеку. После следующего свистка и эти убежали следом за своими сотоварищами.

Когда жители домов убедились, что на улицах воцарилась тишина, они с опаской и осторожностью стали приотворять двери, просовывать в них палки и шарить ими вокруг, проверяя, не стоит ли там кто-нибудь. Убедившись, что никого нет, они один за другим с громкими рыданиями стали выбираться из домов. Затем, вооружившись и зажегши факелы, они двинулись по домам соседей, павших жертвами грабежа. Оказалось, что те были привязаны к столбам, вещи были разбросаны, сундуки открыты и сдвинуты с мест в полном беспорядке. Связанных освободили от пут. Поднялся шум. Тут явились и полицейские. Они сделали вид, будто предприняли поиски и погоню, но о том, какой ужас их обуял, ведает лишь Аллах. Казалось, они мечтали бы вновь укрыться в материнском чреве.

Такие истории случались постоянно, иногда и днем, и ночью, а иногда только в дневное время. Спустя неделю внезапно куда-то исчезла пушка, бывшая в собственности Компании, из которой обычно давали залп в восемь часов вечера и в пять часов утра. Она

стояла на берегу, недалеко от того места, где сейчас находится английская церковь. Сторожили пушку вооруженные сипаи, сменявшие друг друга. Ко всеобщему удивлению, и пушки, и сипай со своим ружьем исчезли неведомо куда — не знаем того и поныне. Люди решили, что это тоже дело рук китайцев из Союза *Тянь ди хуэй*.

Спустя полмесяца большая джонка из Сиамы собралась причалить в Сингапуре, однако из-за сильного встречного ветра им пришлось бросить якорь близ Танджунг Катунг. Однажды ночью приплыли туда на лодках сотни китайцев из Союза *Тянь ди хуэй*, поднялись на джонку и устроили там побоище. Многих перебили, а оставшиеся попрыгали в море. Все ценное китайцы перегрузили в свои лодки, наполнив их доверху, и воротились туда, откуда прибыли — на дальний берег острова. По прошествии двух дней оказалось, что половина из числа спрыгнувших в море утонула. Выжить и добраться до берега удалось четверым. Они явились в полицию и рассказали обо всем, что с ними приключилось. Судья городского магистрата приказал произвести осмотр джонки. Прибывшие полицейские обнаружили там истлевающие трупы шести-семи человек, хранящие следы колотых и рубленых ран. Все судно было залито кровью, вещи разбросаны, сундуки взломаны, а их содержимое разграблено. Полиция распорядилась, чтобы судно было отбуксировано в порт и чтобы при нем несли стражу. Затем были предприняты розыски виновных, поиски улик или чьих-либо показаний. Однако сколько ни искали, ничего не нашли. Судно оставили на приколе на месяц, пока шло расследование. Затем его вернули в распоряжение тех, кто остался в живых.

Что еще рассказать о китайцах из *Тянь ди хуэй*? В Сингапуре они наслаждались своей безнаказанностью, куражились, не ведая ни стыда, ни совести. Сколько жизней рабов Аллаха они забрали, сколько добра нагнали, творя злодеяния! Сотни зданий и жилищ разорили — все и не перечислишь. Вот только местное начальство³⁵⁶ палец о палец не ударило! Они по-прежнему разъезжали в своих экипажах, столы их ломались от яств, дома сияли множеством огней, а месячное жалованье исчислялось тысячами рингитов. О бесчинствах китайцев на английской территории они предпочитали

---

³⁵⁶ Имеются в виду султан Хусейн Шах и теменгунг Абдул Рахман.

помалкивать, а Компания продолжала выплачивать им содержание. Мне прекрасно известно, что в большинстве малайских государств, в Китае, в арабских странах и других краях найдется немало грабителей, воров, убийц. Но в принадлежавшем британцам Сингапуре китайцы творили настоящий произвол, устраивая грабежи везде, где только им заблагорассудится.

В пять часов утра залп пушки разбудил меня. И подумалось мне: безнаказанно орудовать китайцы будут до тех пор, пока европейцы не построят дорогу, по которой перебросят сипаев и вооружение прямо к их логову. Полагаю, именно поэтому Компания медлила. В противном случае с китайцами давно было бы покончено. Господин Кроуфурд уже предпринял строительство дороги, ведущей в глубинные районы острова, однако в то время в Сингапур еще не начали завозить каторжников, бывших в подчинении у Компании³⁵⁷. Поэтому возможности ускорить работу у Компании не было.

Глава 22. О господине Кроуфурде и Султানে Хусейн Шахе в Сингапуре

Между господином Кроуфурдом и султаном Хусейн Шахом случилась размолвка. Господин Раффлз назначил его Высочеству пособие в тысячу ринггитов, а теменггунгу — в семьсот, и эти суммы они получали ежемесячно вплоть до того момента, когда господин Кроуфурд стал правителем Сингапура.

И вот как-то на исходе месяца посланцы Его Высочества явились за деньгами. Господин Кроуфурд ответил: «Сейчас у Компании недостаточно средств. Подождите хотя бы месяц-другой, покуда не поступят деньги из Бенгалии». Посланцы воротились и передали Его Высочеству слова господина Кроуфурда. Тот промолчал. Спустя месяц они снова пришли за деньгами, но ответ господина Кроуфурда

---

³⁵⁷ Начиная с 1826 г. Сингапур становится местом высылки каторжников из Британской Индии. За последующие два десятилетия численность этой дешевой рабочей силы достигла там полутора тысяч человек [Turnbull, 1970, p. 87–88].

был прежним. Вернувшись, они сообщили об этом султану. Тот был немало удивлен: по его мнению, Компания никак не могла испытывать нехватки в средствах. А может быть, за этим что-нибудь кроется? И он терпеливо ждал, хотя уже влез в немалые долги и брал деньги под залог, потому что надо было на что-то жить.

Миновало три месяца. Господин Кроуфурд твердил одно и то же, и больше терпеть было немоготу. Султан с теменгунгом отправились к господину Кроуфурду в его резиденцию на холме. Тот почтительно приветствовал их, пожал им руки и предложил сесть.

Прошу читателей этой книги³⁵⁸ простить меня, ибо понимаю, что не всем из них интересно, как вел себя и как выглядел султан Хусейн. Суть в том, что по прибытии из Риау в Сингапур он был не толст, но средней комплекции. Став же султаном Сингапура, он принялся толстеть с каждым днем. Наконец полнота его вышла за обычные рамки: из-за малого роста он казался квадратным и просто уродливым — маленькая головка, заплывшая жиром шея, широкое лицо, косящие глаза, крохотный нос и огромный рот, широченная грудь, толстый живот в складках. Ляжки словно слиплись воедино, а икры были тощие, ступни плоские, голос сиплый и пронзительный. Стоило ему сесть, как он тотчас же засыпал и храпел. Непривычных людей пугала резкость его голоса. Цвет кожи его был кремово-белый.

Продолжать я не буду: многие знали его лично и видели воочию, как он выглядит и как себя держит. Я же за всю свою жизнь не встречал более тучного человека, едва держащегося на ногах. Думается мне, что подобная толщина отнюдь не идет на пользу здоровью и самочувствию, но везде и во всем создает множество неудобств.

Возвращаюсь к рассказу о размолвке между султаном Хусейн Шахом и господином Кроуфурдом. Когда султан и теменгунг явились, господин Кроуфурд почтительно приветствовал их и предложил сесть. Усевшись, султан молвил: «Мы нынче оказались в трудном положении: деньги кончились. Отчего уже три месяца вы нам не платите?» Господин Кроуфурд поспешно ответил: «Полагаю, что и вы, Ваше Высочество, и теменгунг сможете понять, в каком положении я оказался. Мне не разрешено предпринимать никаких действий, если

---

³⁵⁸ В переводе Хилла: «читателей-европейцев» [Hill, 1970, p. 238].

на то нет распоряжений. Поступил приказ от генерал-губернатора³⁵⁹, в нем предписывается все решения, касающиеся Сингапура, передать в ведение Британской Компании, дабы не нарушать принципа единоначалия. Сейчас же все осложняется тем, что правит наполовину султан, а наполовину — Компания. Намерения бенгальского генерал-губернатора в отношении вас следующие: если Ваше Высочество не против, Компания будет платить вам ежемесячно тысячу триста ринггитов, а теменггунгу — семьсот ринггитов. Сегодня же Компания единовременно выплатит вам тридцать тысяч ринггитов, а теменггунгу — пятнадцать тысяч. В случае если Ваше Высочество выразит желание перебраться в другие края, Компания дарует ему еще тридцать тысяч ринггитов. Однако этот договор и выплаты будут действительны лишь при вашей жизни. После того, как вы покинете сей мир, наследники не смогут получать этих денег»³⁶⁰.

Выслушав господина Кроуфурда, султан и теменггунг молча переглянулись. Затем султан проговорил: «Хорошо, сударь, подумаем. Утро вечера мудренее: завтра мы сможем дать ответ». Господин Кроуфурд сказал: «Согласен, Ваше Высочество» и проводил султана до его экипажа. Султан вернулся в Кампунг Гелам, а теменггунг — в Телук Беланга. Всю ночь они провели в раздумьях, а наутро к господину Кроуфурду явился посланец от султана и сообщил, что они с теменггунгом готовы принять предложение, сделанное накануне. Услышав это, господин Кроуфурд возликовал: цель была достигнута, и Компания поставит это ему в заслугу. Тотчас же был составлен договор, начертанный на тонком, как бумага, пергаменте. Затем, обратившись к посланцу Султана, он сказал: «Передайте мой поклон Его Высочеству. Если он соблаговолит явиться сюда завтра в десять часов, мы завершим начатое». И тот удалился, чтобы передать султану все сказанное господином Кроуфурдом.

Назавтра в десять часов султан и теменггунг в карете прибыли на холм. Там их любезно встретил господин Кроуфурд, проводил

---

³⁵⁹ В оригинале генерал-губернатор Британской Ост-Индской компании именуется: Tuan Besar yang di Benggala — «Великий Господин, [пребывающий] в Бенгалии».

³⁶⁰ В августе 1824 г. Кроуфурд подписал новое соглашение с султаном и теменггунгом, согласно которому Сингапур с примыкающими островами навечно передавался англичанам. Согласно договору, султан получил 33200 ринггитов единовременно

в дом и предложил сесть. Когда все заняли свои места, он сказал: «Верно ли то, что Ваше Высочество готово поступить, как того желает генерал-губернатор?» Султан ответил: «Верно». Тот же вопрос господин Кроуфурд задал теменггунгу, и тот ответил: «Верно».

Тут господин Кроуфурд достал из своего ящика для бумаг два пергаментных листа и сказал: «Вот эта грамота — для Вашего Высочества, а эта — для теменггунга. Сблаговолите выслушать мой перевод на малайский:

«Я, султан Хусейн Шах, сын покойного Султана Махмуд Шаха, правитель Джохора и Паханга, а также Сингапура, настоящим подтверждаю свою готовность добровольно передать власть в Сингапуре и право владения им Британской Компании. В случае если султан пожелает переехать из Сингапура в другое место, Компания обязуется выплатить ему в награду 33 000 ринггитов, а теменггунгу — 26 900 ринггитов. Кроме того, Британская Компания обязуется выплачивать султану ежемесячно по 1300 ринггитов, а теменггунгу — по 700 ринггитов. Помесячные выплаты будут осуществляться только при жизни султана. Настоящий договор составлен в Сингапуре 2 августа 1824 года».

Когда господин Кроуфурд зачитал договор и истолковал его по-малайски, султан подтвердил свое согласие и приложил к документу собственную печать. Теменггунг последовал его примеру. Заключение договора было встречено приветственным залпом двенадцати орудий, установленных на холме. Затем султан и теменггунг собрались уходить, но прежде султан спросил господина Кроуфурда: «А когда мы сможем получить деньги?» Господин Кроуфурд ответил: «Присылайте за ними завтра, Ваше Высочество». Затем султан с теменггунгом разъехались по своим домам.

Назавтра явился посланец султана, Энчик Абу Путих, чтобы забрать деньги. Когда господин Кроуфурд подсчитал все долги

и 1300 ринггитов ежемесячного содержания, а теменггунг — 26 800 и 700 ринггитов соответственно. Ост-Индская компания была готова заплатить султану еще 20 000 ринггитов, а теменггунгу — 15 000 ринггитов возмещения за их земли и дома, если они соглашались покинуть Сингапур [Aitchison, 1909, p. 428–429]. Как можно заметить, цифры, приведенные Абдуллахом, неточны. Рассказ о том, каким образом Кроуфурд вынудил султана принять его предложение, никакими иными источниками не подтверждается [Hill, 1970, p. 219].

султана господину Раффлзу, Компании оставалось выплатить ему 20 000 ринггитов. Часть денег была изъята в зачет долгов султана перед Компанией, а оставшаяся сумма передана Энчику Абу. Когда деньги были доставлены и султан глянул на них, он опомнился и горько пожалел, что отдал Сингапур. С этой поры султану ежемесячно выплачивалось 1300 ринггитов, а теменггунгу — 700, не больше и не меньше, вплоть до того времени, когда султан Хусейн Шах скончался в Малакке. Если будет на то воля Аллаха, я еще расскажу об этом далее.

Спустя дней пять после упомянутого события господин Кроуфурд приказал объявить во всеуслышание в Сингапуре и Кампунг Геламе следующее:

«Да будет известно всем здешним жителям, что отныне власть и закон в Сингапуре принадлежат Британской Компании. Султан Хусейн Шах и теменггунг лишены полномочий. Султан не имеет права совершать какие-либо действия без разрешения полицейского магистрата».

Услышав, о чем объявили глашатаи, султан понял, что он связан по рукам и ногам. Но, как гласит малайская поговорка: «Печалься о том, что может случиться, а о прошедшем что толку горевать?»

Миновал еще месяц, и вот однажды в половине шестого утра двадцать семь прекрасных собою девушек, рабынь султана, явились в полицию с жалобами. Одна показала спину с отметинами от ротанговой палки, вторая — следы того, что ее пытали подвешиванием, третья — раны от ожогов смолой. Еще одна объявила: «Изо дня в день нас морили голодом, не давали необходимой одежды, а иным и наносили ожоги в некоторых местах». Другая сказала: «Трех или четырех моих подруг государыня приказала убить из одного страха, что государь возьмет их себе в наложницы».

Много еще о чем поведали девушки в полиции, но писать об этом мне не стоит. Господин Кроуфурд распорядился так: «Теперь вы можете отправляться куда хотите. Никто не вправе вами командовать или совершать над вами какие-то действия». Тут все они разбежались кто куда: одни ушли с полицейскими, другие — с келингцами

и китайцами, третьи — в дома к европейцам. Они готовы были отдаться на волю любого, кто взялся бы их одевать и кормить.

В тот же день в два часа пополудни султан самолично явился в резиденцию господина Кроуфурда. Тот вышел ему навстречу и пригласил сесть. Султан сказал: «Господин Кроуфурд, как можно было отпустить моих рабынь? Все они совершили побег из моего дома, и все находятся у меня в долговом рабстве. С господином Раффлзом мы условились, что над нашими рабами и слугами Компания власти не имеет». Господин Кроуфурд ответил: «О вашей договоренности с господином Раффлзом мне ничего не известно. Однако, согласно распоряжению генерал-губернатора, в британских владениях рабство запрещено, и все люди — свободны. Тот же, кто торгует рабами или покупает их, подлежит суровому наказанию. Да и разве можно так пытаться людей: жечь огнем, жестоко избивать? Мне говорили, что в кампунге Вашего Высочества были случаи смертоубийства. Если это подтвердится, убийцы поплатятся своей головой».

Султан сказал: «Рабов, находящихся в моей собственности, вы не вправе освобождать». Господин Кроуфурд ответил: «В таком случае советую Вашему Высочеству написать в Бенгалию генерал-губернатору или послать туда корабль и выяснить, я ли сам принял такое решение или же Компания». Услышав это, султан поднялся, сел в свой экипаж и уехал, не попрощавшись.

Прошло около месяца, и из Бенгалии пришло распоряжение благоустраивать улицы и ровнять дороги в Сингапуре, а вместо извилистых прокладывать прямые. Во всех переулках кипела работа, дошло дело и до их ремонта в Кампунг Гелам. Дорога должна была пролегать как раз посередине кампунга, где проживал султан. Господин Кроуфурд приказал довести до сведения султана, что по распоряжению Компании в его кампунге должны вестись дорожные работы. Услышав об этом, султан не на шутку разгневался и пытался возразить. Видя, какой оборот приняло дело, господин Кроуфурд на следующий же день отдал приказ разрушить стену, окружавшую владение султана. Присланные Компанией рабочие сломали стену, разровняли землю и проложили дорогу, существующую и по сей день. Кампунг

оказался разделен: часть с одной стороны дороги, часть — с другой, дорога же проходила прямо посередине.

Увидев, что вопрос был решен силой, султан замкнулся в себе и не сказал ни слова, поняв, что в Сингапуре он больше не хозяин. Малайская пословица гласит: «Тигра боятся из-за его клыков». Ну а если клыков нет, станут ли люди его опасаться? Так же обошлись и с султаном: европейцы не принимали его в расчет.

При господине Кроуфурде все дороги и переулки в Сингапуре стали шире и ровнее. На каждой улочке была установлена доска с ее названием по-английски. Кочки были срыты, выбоины засыпаны, потому что к тому времени в Сингапур в распоряжение Компании мощным потоком стали прибывать каторжники. Постройки, оставшиеся от стародавних времен, ремонтировались. Нынешняя дорога, ведущая к Букит Тимах, была проложена при господине Кроуфурде, хотя и тогда не была столь же гладкой и прямой, как нынче. Большую часть земли в торговом квартале, выставленной на продажу, господин Кроуфурд приобрел себе в собственность и застроил домами. И поныне его доверенные лица сдают их в аренду.

Как я мог наблюдать, господин Кроуфурд терпением похвастаться не мог и был скор на гнев. В делах же был медлителен и спешки не любил. При всем своем благоразумии, уме и образованности он питал слабость к мирским благам и был скуп. Держал себя надменно. Был неспособен выслушивать чьи-то долгие жалобы и разбирать дела других людей. Любил, чтобы говорили кратко, и прерывал говорящего на полуслове. Только вот беда — у малайцев и иных жителей подветренных стран есть привычка говорить длинно и многократно повторять одно и то же. Поэтому, как я слышал, большинству малайцев и китайцев это было не по душе, они ворчали и встречали его решения не с готовностью, но словно бы по принуждению.

В ту пору, когда господин Кроуфурд стал главой Сингапура, туда прибыло немало молодых английских коммерсантов — десять или пятнадцать человек, причем никто из них не знал по-малайски ни слова. По воле Аллаха мне пришлось учить их малайскому языку, дабы они могли вести торговые дела с местными жителями всякого

роду-племени. Каждый из них, завершая обучение, вручал мне грамоту, удостоверяющую, что я был его наставником.

Среди прочих, кто тогда учился малайскому, был молодой человек по имени мистер Дугалл, письмоводитель господина Джона Моргана. Способностей он был исключительных: спустя три месяца с начала знакомства с малайским языком и алфавитом он уже мог прочесть любой рукописный текст, книгу, корреспонденцию, приходящую со всех концов страны, мог сочинить письмо по подготовленному мною образцу. Мы разбирали с ним сложные обороты, встречающиеся в письмах, а он запоминал. Острый ум этого юноши поражал меня — из тысячи человек не нашлось бы и одного, столь же памятливого и сообразительного.

Я стал расспрашивать господина Моргана: «Кто он, из какой семьи? Отпрыск знатного рода? Ваш родич?» Тот ответил: «Его родители — люди бедные, но неглупые: они отдали сына под мое попечительство, чтобы он учился, ну а я его кормлю, пою и одеваю». И осведомился: «А отчего ты спрашиваешь?» Я ответил: «Этот юноша станет умным и знающим человеком. Мне прежде не случалось встретить такого, кто бы за три месяца научился читать, писать и понимать написанное. Даже малайцев таких я не видывал, не говоря уж о европейцах, которые ни слова по-малайски не знали!» Выслушав меня, господин Морган рассмеялся и сказал: «Его ученость — твоя заслуга». Я ответил: «Не оставляйте его вашей заботой, сударь». Юноша же этот был очень вежлив со мной, он сразу завоевал мое расположение и прилежно исполнял все мои указания.

Завидев меня издали, он вставал, шел навстречу и радостно приветствовал меня. Если случалось ему ошибиться при чтении, одного моего взгляда хватало, чтобы он понял, в чем его ошибка, и тотчас исправил ее сам. Если же встречалось слово, значение которого я объяснял ему когда-то прежде, я просто говорил: «Вспомни!», и он тотчас же давал верный ответ, чуть не плача от стыда. За все это я его полюбил, видя его добрую натуру. На других молодых людей, балагуров и озорников, он не был похож, но вел себя как мужчина почтенного возраста, трудясь со всем усердием. Я спросил его: «Сколько тебе лет?», и он ответил: «Через три месяца минует семнадцать».

Услышав это, я был изумлен: характер этого юного европейца никак не соответствовал возрасту. Я всем сердцем привязался к нему.

Настало время, когда мне надо было возвращаться в Малакку, как было условлено. Перед отплытием юноша пришел со мною попрощаться. Видно было, что мой отъезд его огорчил. Он сказал: «Возвращайтесь поскорее, учитель!» и пожелал благополучного плавания. Проведя два месяца в Малакке, я вернулся в Сингапур и направился к господину Моргану, в доме которого жил этот юноша. Мне хотелось повидать его и вручить малайское писчее перо из Малакки, о котором он меня просил. При виде меня господин Морган сказал: «Господин Дугалл скончался десять дней тому назад». Слыша это, я не мог сказать ни слова и замер, охваченный скорбью, словно от утраты родного сына, а затем спросил: «Какова причина его смерти?» Господин Морган ответил: «Три дня он мучался головной болью. Позвали доктора, и тот сказал, что болезнь затронула его мозг, оттого он и умер».

* * *

Назидание. О, читатели сей книги! Уразумейте, для чего я рассказал вам о славном и прилежном юноше, добронравном, чистосердечном и смекалистом. За три месяца занятий он научился чтению по-малайски, мог вести переписку и переводить ее на английский. Его душевные свойства располагали к нему окружающих. В нем не было ничего от обычного юноши шестнадцати лет семи месяцев от роду. Если бы Аллах продлил его дни, в знании малайского языка ему не было бы равных. Да послужит он для юношества образцом и примером для подражания, дабы каждый из них усовершенствовал свой ум и память себе же на пользу.

Друзья мои, читатели сей книги! Да не введет вас в заблуждение мой рассказ об этом юноше! После трех месяцев занятий малайским он действительно научился писать письма. Но не вообразите себе, что изучить малайский легко: дескать, был же такой юноша, что приобрел навыки чтения и письма за трехмесячный срок! Внимательно прочтите написанное мною выше: я не утверждал, что он сам сочинял письма, адресованные султанам и прочим лицам. Мною предоставлялся ему

образец письма, а он лишь переписывал. Равным же образом обстояло дело с переводами писем на английский: прежде я истолковывал ему смысл каждого из слов, и лишь затем, уяснив их значение, он делал английский перевод. То же относится и к чтению книг и корреспонденции: поначалу он не понимал, что означают прочитанные им слова, и лишь постепенно, понемногу я истолковывал ему их значения.

Почему я пустился в эти объяснения? Дело в том, что среди европейцев, неискушенных в малайском языке, бытует ошибочное мнение: мол, язык этот легкий и им можно овладеть быстро, в отличие от прочих, сложных языков. Такая точка зрения в корне неверна, ибо говорящий подобное еще не постиг, что из себя представляет этот язык, и не проник в его дебри. Углубившись же в них, он обнаружил бы, сколь густы заросли кустарника, сколько шипов кроется в траве. Ступишь не туда — исколешь ноги, один неловкий жест — и уколота рука. Большинство забирается в эту чащобу, прослышав, что пройти по ней легко. Летят туда вприпрыжку, исколют себе шипами руки и ноги, набьют шишек, так что смотреть жалко. Выберутся, наконец, на волю и бросятся искать себе лекаря. А когда этот умелец вылечит их, хвалятся и заявляют: «Я проник в самые дебри и чащи малайского языка, и это совсем не опасно». Не сознавая при этом, что, хотя все их болячки зажили, там и сям остались рубцы и шрамы. Со стороны видно, что ходить [по чащобам] этот человек не мастак, оттого и изодрал себе шипами все тело.

Таков иносказательный образ человека, утверждающего о легкости малайского языка. Овладев кое-какими навыками малайской устной речи в общении с прислугой, поваром, кучером и научившись с грехом пополам малайскому алфавиту, он полагает, что знает все. Начинает переводить с английского на малайский, но не понимает, что слова там у него малайские, а стиль — английский. Прочтет малаец и не поймет, о чем идет речь, потому что на его языке так не выражаются. Чего стоит такая ученость? А потом берется печатать книги тысячными тиражами, выбрасывая на ветер потраченные средства, бумагу и труд. Одно название, что это написано по-малайски, а понятно читателю или нет — неважно. Клянусь, я собственной рукой отредактировал десятки книг, написанных теми, кто

считают себя знатоками малайского. И хотя я исправлял орфографические ошибки, заменял одни слова другими, — строение фраз в целом оставалось английским. Открыв подобную книгу или документ, люди сразу понимали, что их авторы — европейцы или иные иностранцы, а отнюдь не малайцы.

Знайте же, о читатели сей книги: я прибегнул здесь к примерам и аллегории, дабы вы не принимали на веру слова того, кто объявляет себя знатоком малайского языка и что это далось ему без труда, до тех пор, пока вы сами не убедитесь, что он пишет по-малайски правильно. Ибо малайский язык содержит в себе множество тонкостей, о которых я уже упоминал на странице восьмой этой книги³⁶¹, касающихся оборотов речи, стиля изложения, словосочетаний и фраз, сокращенных высказываний, умения продолжать [начатое] высказывание, формировать его, направлять к цели, оттачивать, насыщать иронией, возвращать, видеть его истоки и выразительные возможности, придавать ему благозвучность и т.п. Существуют и иные речевые обороты и художественные приемы, но я их здесь не упомянул ради краткости изложения.

Знайте же, что начиная с давних времен и до настоящего дня европейцы³⁶² постоянно совершенствуют свой язык, ровняют его дороги, вырубая дикие заросли кустарника, благоустраивают переулки, и каждое слово у них занимает свое место сообразно с правилом. Так же, как и малайцы, они заимствуют слова из других языков и делают их своими собственными. Поэтому, думается мне, учить его³⁶³ легко. Даже темной ночью можно катиться [по этой дороге] в экипаже, потому что все налажено и удобно.

Ну а малайский язык? Не правда ли, он напоминает дремучий лес, заглохший от кустарников, где земля покрыта щепками и поросла колючками, сплетениями корней и поваленными деревьями, где тропы ведут неведомо куда, все в кочках и выбоинах? Чем дальше, тем труднее пробираться сквозь чащу, потому что из-за дождей там царит

---

³⁶¹ См. почти аналогичный пассаж в главе «Начало обучения чтению Корана» [Sweeney, 2008, p. 268].

³⁶² Имеются в виду англичане.

³⁶³ Английский язык

непролазная грязь. И вот вопрос: со времен возникновения этого языка и до настоящего дня нашелся ли хотя бы один человек, пожелавший упорядочить его или выработать для него какие-то правила? Большинство тех, кто родился в этом лесу, знавали по опыту, что такое раны от колючек или внезапное падение в яму. Те же, что родились в других краях, в другом отечестве и не слышали этого языка у себя на родине, приезжают в Малайю, начинают подражать [малайской речи], подхватывают обрывки знаний там и сям — и вот уже гордо объявляют, что постигли все тайны малайского языка, и твердят, что его легко освоить. Не абсурдно ли утверждать подобное? Однако, желая прослыть знатоками, они заводят бессмысленный спор. Вот что им потребно: чтобы признали их правоту и не считали обманщиками.

Вернусь теперь к моей собственной истории. Прошло примерно три месяца моих занятий малайским языком с молодыми английскими коммерсантами, прибывшими в Сингапур. Всех поименно не сумею перечислить — много их было. Упомяну лишь некоторых: господина Бустеда³⁶⁴ и господина Бенджамина Батлера, господ Сайкса³⁶⁵, Реда, Паттона³⁶⁶ и Аррингтона, Джона Моргана, Терра, Уатта, МакДонаха, Форбса и Армстронга с братом, Роджерса, Мартина, Кэрни, Дайса, Хансена, Гилберта МакМиклинга и Кретемпина³⁶⁷. И не упомяну имен всех англичан и французов, что брали у меня уроки. Были среди них и женщины, французенки и американки, и их дети, и всех их в Сингапуре обучал я.

Коммерсанты хотели научиться говорить по-малайски, чтобы вести торговые дела, иные ставили своей задачей чтение деловых писем. Их не интересовали ни сложные, необычные или обладающие глубоким смыслом выражения, ни стиль китабов или придворный язык, ни язык прозы или поэзии, но только разговорный язык и тот, что был в ходу в коммерческих делах. Они не приобщились

---

³⁶⁴ Boustead, Edward (1803–1863) — предприниматель, основатель фирмы Boustead & Co. Проживал в Сингапуре с 1827 по 1850 г.

³⁶⁵ Sykes, Adam — предприниматель, в 1846 г. руководитель сингапурского отделения фирмы Boustead, Schwabe & Co.

³⁶⁶ Patton, William P. — негоциант. Проживал в Сингапуре в 1827 г.

³⁶⁷ Подробнее о сингапурских европейцах см.: [Buckley, 1902].

к тонкостям малайского языка и не погрузились в них. Поэтому-то в употреблении приставок и суффиксов они не разбирались. Им достаточно было знать такие слова, как *lu, gua, bikin rumah, bilang sama dia, pergi, dapat, itu, wang*³⁶⁸ и т.п. Поняли тебя — и достаточно. Но малайская речь строится по-другому. Следует знать, с какой служебной частицей употреблять каждое слово — *tet-, ret-* или *pen, -kan, -nya, -lah, di-, -tah, -kah, -pun, sekalipun*: в малайском языке их много, каждой отведено свое место и обозначены правила ее употребления, каждая по-своему хороша и благозвучна.

Пока я занимался преподаванием в Сингапуре, пришло письмо от пасторов Хамфриса, Кидда и Колли³⁶⁹, призывающих меня обратно в Малакку. В малаккском колледже³⁷⁰ не было преподавателя, который бы владел и английским, и малайским языками. Там же имелись грамоты и книги, писанные по-малайски, и были желающие изучать этот язык. Мое ответное письмо, посланное из Сингапура, гласило:

«Не имею возможности не только что уехать в Малакку, но и найти время для трапезы: прибывает множество коммерсантов, желающих изучать малайский язык. Надеюсь, что смогу приехать, когда буду посвободнее».

На протяжении трех или четырех месяцев от них шли письма, призывающие меня в Малакку. Были там и такие слова:

«Неужели Вы забыли о том, как доктор Моррисон и господин Милн Вас учили? А сейчас, когда Вы превзошли все науки, Вам уже не до Малаккского Колледжа. Здесь много работы, а Вы не откликаетесь на наш зов».

Памятуя о доброте господ Моррисона и Милна, я в тот же день принялся отпрашиваться в Малакку у моих сингапурских начальников и предъявил полученное оттуда письмо. Они огорчились, но не могли не дать своего согласия, и я отбыл в Малакку, оставив работу, которой занимался в Сингапуре.

³⁶⁸ Ты (кит.), я (кит.), строить дом, переговорить с ним, идти, получать, это, деньги.

³⁶⁹ Преподобные Джеймс Хамфрис (James Humphreys, 1794–1876), Дэвид Колли (David Collie, ум. 1828) и Сэмюэл Кидд (Samuel Kidd, 1804–1843) — протестантские миссионеры, сотрудники Лондонского миссионерского общества.

³⁷⁰ Имеется в виду Англо-Китайский Колледж.

Мое прибытие в Малакку стало радостным событием. Меня встретили словами: «Если бы мы не упомянули господ Моррисона и Милна, вы бы, конечно же, не приехали». Я ответил: «Помилуйте, господа, а что мне было делать? Я же не могу разорваться надвое!»

В тот же день я взялся разбирать малайские рукописные документы из собрания господина Милна и китабы, хранившиеся в Малакке с более отдаленных времен. Всех их я расположил по порядку, восполняя пропуски³⁷¹. Некоторые были переведены на английский господином Киддом³⁷². Вскоре господин Хамфрис решил изучать малайский, и я стал с ним заниматься. Спустя год он мало-помалу начал читать и говорить по-малайски, но затем уроки прекратились, потому что одновременно ему приходилось изучать китайский. Затем к занятиям малайским обратился пастор Кидд. Один лишь пастор Колли малайского не учил и всецело посвятил себя китайскому. Затем они возложили на меня обязанности старшего по типографии, где печатались малайские, английские и китайские книги. Я должен был следить за ходом работы и вносить исправления, потому что в печатном деле никто из них не разбирался.

Таковы были мои обстоятельства, и покинуть Малакку я не мог. Из Сингапура от коммерсантов, жаждущих моего приезда, мне приходило множество писем. Я сообщил об этом господину Хамфрису, но он не соглашался отпустить меня, говоря: «Сингапурцы все богачи. Что они, не могут найти себе толкового учителя? Почему именно малаккаца им подавай?» И молвил: «Подожди еще несколько дней: я все никак не найду человека, на которого можно было бы положиться и в колледже, и в типографии. Если ты уедешь, придется сворачивать все работы. А мы здесь в колледже будем платить тебе столько же, сколько ты получал в Сингапуре».

Так я и остался в Малакке, работая в колледже: переводил с английского на малайский, преподавал, следил за работой типографии.

---

³⁷¹ Yang mana ada kurang-kurang maka ku tambahi. Не совсем ясно, какого рода правку или добавления вносил здесь Абдуллах.

³⁷² Скорее всего, С. Кидд переводил на английский не полные тексты источников, но лишь их аннотации.

Глава 23. Часовня³⁷³ — молитвенный дом европейцев в Малакке

Расскажем о часовне, то есть о молитвенном доме европейцев в Малакке. Его строительством руководил господин Хамфрис. Участок, где была воздвигнута часовня, именовался прежде Кебун Кетек и соседствовал с моим домом. При жизни моего отца участок принадлежал малайцу по имени Энчик Тахир, который позднее продал его келингу Тамби Мухаммаду Саиду, а уже в мое время тот уступил его арабу Шейху Али — хатибу келинградской мечети. Затем и тот задумал его продать. Я сообщил пастору Хамфрису, что продавец назначил за него четыреста малаккских реалов и что местные китайцы давно поглядывают на участок, намереваясь присоединить его к владению, на котором расположена их кумирня. Стоит им только проведать [о продаже] — и они непременно купят эту землю. Не медля ни минуты, мы с пастором Хамфрисом отправились и приобрели ее по указанной цене.

Участок находился в непосредственной близости от кумирни китайцев, именно поэтому они так жаждали его заполучить. Ширина владения составляла примерно двадцать маховых саженей³⁷⁴, а длина — чуть поменьше. Покупка состоялась, и уже через день-другой все было готово для строительства. Весть о том донеслась до богатых китайцев и китайского капитана. Они явились гурьбой к господину Хамфрису, желая перекупить землю по двойной цене против уплаченной, но он не согласился. Назавтра явились уже другие китайцы и стали предлагать взамен участок в другом месте с приплатой, но господин Хамфрис был непреклонен. Особенно досадовали они на ближайшее соседство участка с их кумирней. Для китайцев вопрос осложнялся тем, что они день-деньской били в гонги, запускали фейерверки, возжигали бумагу и тем самым производили невероятный шум. При появлении здесь часовни для европейцев всему этому пришлось бы положить конец.

По китайскому обычаю для кумирни избиралось подходящее место, но при сем полагалось, чтобы все находящиеся в ней были

---

³⁷³ В оригинале — chapel. Это слово применяется обычно к молитвенным домам.

³⁷⁴ Около 36 м.

обращены лицом в сторону Китая. Дом, стоящий перед кумирней, или иное препятствие для обзора сулили беду. И я сам слышал, как китайцы говорили: если пастор Хамфрис выстроит часовню или церковь перед обителью их идолов, кумирня утратит свою священную силу. Поэтому китайцам, прибывшим из Китая, в Малакке разбогатеть не удастся, в отличие от тех, что здесь родились. Так думали они, и я лично слышал подобные речи.

Уловки и хитрости китайцев, стремящихся завладеть участком, не принесли желаемого результата. Деревья на участке были вырублены и воздвигнут дом, квадратный в основании. Строился он в том же порядке, что и Колледж у господина Милна. Когда настал момент соорудить входные ворота, со всей Малакки собрались важные особы, и каждый положил деньги в их основание. Затем господин Хамфрис объявил, что здание будет именоваться Малаккской часовней.

Когда постройка была завершена, резидент и все важные лица, а также их жены с детьми и прочие дамы стали приходить туда для молитвы по воскресным вечерам, и в Малакке это вошло в обычай. Время от восьми до девяти утра в воскресенье принадлежало китайцам из Колледжа и тем их соплеменникам, что приняли христианскую веру. С десяти утра до полудня или часа дня все отправлялись в большую церковь, расположенную в крепости³⁷⁵. С трех до четырех часовню посещали дети голландцев и женщины-протестантки. Если же в большой церкви производились какие-то работы — побелка или ремонт кладки — все направлялись в часовню.

До ее появления коляски европейцев в тот кампунг не заезжали. Когда же часовню построили, дорогу заполнили десятки экипажей. Из-за них и из-за обилия прохожих дети не могли играть посреди улицы. Большими неудобствами дело обернулось и для китайцев: им больше не позволялось шуметь и бить в гонги у себя в кумирне. Полиция следила за тем, чтобы люди не слонялись туда-сюда и не было бы слышно громких разговоров — как ночью, так и днем.

Спустя несколько дней пастор Хамфрис пустился в обратное плавание в Европу, оставив в Малакке господ Кидда и Колли. При

---

³⁷⁵ По-видимому, речь идет о церкви Св. Павла (см. главу «О Малаккской крепости»).

них и в Колледже, и в типографии работы с малайским языком стало меньше. Главными считались занятия китайским и переводы на этот язык, китайских же детей обучали английскому и китайскому — и только. Тогда-то я и обратился к ним с ходатайством об отъезде в Сингапур. Согласие было дано с неохотой: меня намеревались ввести в постоянный штат Колледжа. Я пообещал: «Если Колледжу потребуются мои услуги — напишите, и я приеду», а затем отплыл в Сингапур.

Едва я приехал, как явились коммерсанты, желающие изучать малайский, и я включился в работу. К тому времени правитель Кроуфорд уже отбыл в Европу, а на смену ему прибыл господин Принс³⁷⁶. Но вскоре и тот уехал, а пост занял господин Мэрчисон³⁷⁷. Следом приехал господин Пресгрейв³⁷⁸, он был хромым. Затем был господин Бонхам, ставший правителем трех областей: Сингапура, Пенанга и Малакки. Господин Уингроув³⁷⁹ возглавил полицейское управление, а после его отъезда резидентом стал господин Черч³⁸⁰. В бытность его в этой должности прибыл господин Ферриер³⁸¹, офицер, которому поручили руководить полицией, но не успел он проработать и нескольких дней, как приехал майор Лоу, а господин Ферриер отправился в Пенанг и занял должность судьи в Себеранг Перай³⁸².

Но вернемся к моему рассказу. Прибыв из Малакки в Сингапур, я начал давать уроки малайского английским коммерсантам. Приехал тогда из Англии купец, господин Максвелл³⁸³, и я взялся учить его малайскому. Вскоре после своего появления в Сингапуре он построил то здание, где ныне находится Суд, а Компания взяла его внаем.

³⁷⁶ John Prince, резидент-советник Сингапура в 1826–1827 гг.

³⁷⁷ Kenneth Murchison (1794–1854), резидент-советник Сингапура в 1827–1833 гг.

³⁷⁸ Edward Presgrave (1795–1850), магистрат Бенгкулена, позднее (1825–1826) помощник резидента Сингапура. Был резидент-советником Сингапура в 1826 г., после отъезда Кроуфорда и до прибытия Принса (1826).

³⁷⁹ Wingrove P. F., и. о. резидента Сингапура (1834), помощник резидента (1835), резидент-советник Сингапура (1836), суперинтендант полиции Сингапура (1838).

³⁸⁰ Thomas Church (1798–1860), резидент-советник Сингапура в 1837–1856 гг.

³⁸¹ Paу Ferrier (1811–1854). В 1849–1854 гг. — резидент-советник Малакки.

³⁸² Область на западном побережье Малаккского полуострова, в непосредственной близости от о. Пенанг.

³⁸³ Maxwell, John Argyle — предприниматель, выполнял в Сингапуре должность магистрата.

То было время, когда европейцы развернули строительство каменных домов на открытых площадках, а иные воздвигали такие дома вдоль дороги, ведущей в Кампунг Гелам, расчистив участки от кустарников и бурьяна. Для сингапурских негоциантов то время было прибыльным: в Европе поднялись цены на черепаший панцири³⁸⁴. В Сингапуре за пикюль давали тысячу двести ринггитов и даже больше. Коммерсанты немало на них заработали, да и малаккские китайцы тоже. С того времени европейцы принялись закупать гамбир, сурьму и драконову кровь³⁸⁵ и отправлять в Европу. Оттуда же стали прибывать всевозможные товары: цветные хлопчатобумажные и атласные ткани, изделия из стекла и столовая посуда, какой здесь прежде не видывали.

В том же году разнеслась весть, что в Сингапур вскоре придут пароходы. Речь о них шла уже давно, но для людей это казалось какой-то сказкой: знали с чужих слов, но не видели. Вот почему не верил и я, и никто не мог даже вообразить, что это такое. Как гласит малайская поговорка: «Слышать-то слышал, да не попробовал». В том же году в Сингапуре появился рисунок с изображением парохода, и заслуживающие доверия люди клятвенно убеждали меня, что и видели его воочию, и плавали на нем. Я не сомневался в их правдивости, но то были лишь слова, но сам я в глаза не видел парохода, что, однако, не мешало мне расписывать друзьям умения и достижения европейцев — и те, о которых я знал из собственного опыта, и те, о которых был наслышан от заслуживающих доверия англичан. Наконец речь зашла о пароходе. Тут они пришли в ярость, принялись браниться, упрекнули во лжи и сказали: «Вечно ты хвалишь англичан и несешь всякую чушь!» А некоторые высмеяли меня за то, что я верю в его существование.

Если бы я в ту пору рассказал им, что в Англии есть газ, который без помощи фитиля и горючего доставляется в тысячи и десятки тысяч английских домов! Или о том, что поезда на паровой тяге могут преодолеть за час многие десятки миль! Или о том, что в Лондоне

---

³⁸⁴ Так в английском переводе [Hill, 1970, p. 233–234]. В оригинале *sisik* — чешуя (напр., рыбы), чешуйки (на ногах у кур), бамбуковая кора.

³⁸⁵ *Jernang* (драконова кровь) — красная смола из плодов ротанговой пальмы, используемая для изготовления краски.

на глубине девятисот футов проложена подземная дорога, что поверху над ней протекает река, где плывут десятки судов, а по самой дороге движутся конные экипажи, пешеходы и что там же в лавочках идет торговля! И о том, что в Англии мастера изготовили куклу, умеющую играть в шашки, и из тысячи человек ни один не смог ее обыграть³⁸⁶! И о том, что у них есть шар, с помощью которого несколько человек могут подняться в воздух! И о многих других вещах я слышал, и если бы взялся рассказать о них малайцам или иным местным уроженцам, они бы заткнули уши, надавали мне оплеух и сказали бы: «Ну и здоров же он врать!» Малайцы, китайцы и индийцы не только не готовы поверить в сказанное мною — они не верят и в то, что в Англии можно увидеть живого льва, потому что, говорят они, в нынешнее время львы перевелись на свете³⁸⁷. Не устаешь удивляться! О многом пришлось с ними крепко поспорить: я объяснил, что львов в Англию привезли из дальних стран, но они, знай, твердили: «Нет и нет!» И я ответил: «Что ж, да будет так: я лгу, а вы говорите правду. Признаю себя побежденным — ваша взяла!»

По большей части споры возникали, например, вот по какому поводу: от людей образованных, знающих астрономию, я узнал, что земля наша круглая. Когда я поделился этим с другими, мне было сказано: «Что толку от такой науки? Мы и сами ничего подобного не слышали, да и предки наши о том не рассказывали». Я приводил доводы, доказывающие, что земля — шар, но они упорствовали. Каждый плел, что ему в голову взбредет: один говорил, что земля семиугольная, другой — что четырехугольная. Моим рассказам о том, что корабли европейцев обогнули земной шар, они не верили. В спорах о причине солнечных и лунных затмений ломалось немало копий. Иные говорили: «Змей проглотил луну»³⁸⁸. Есть расхожее выражение: «Раху³⁸⁹ проглотил месяц», а по-индийски «рох» — змей. Оно

³⁸⁶ Речь, по-видимому, идет о т. наз. шахматном автомате Вольфганга фон Кемпелена (1734–1804), австрийского изобретателя автоматических машин. Как обнаружилось впоследствии, автоматон оказался мистификацией — под столом с шахматной доской прятался достаточно сильный шахматный игрок. См. об этом [Levitt, 2000].

³⁸⁷ Зоологический сад в Лондоне был открыт для публики в 1828 г. [Hill, 1970, p. 235].

³⁸⁸ Подробнее об этом см. [Haji Abdul Majid, 1926, p. 41].

³⁸⁹ Ráhu (санскр. राहु) — в индуизме: демон, который время от времени проглатывает Солнце или Луну, вызывая тем самым затмения.

укоренилось, и малайцы по-прежнему говорят: «Змей проглотил луну». Кто-то утверждает, что луна занедужила, а еще кто-то — что она упала в море грязи. Сколько же глупостей могут они наговорить! Побывав в разных уголках малайской земли, я наблюдал, как во время затмения одни били в гонги, другие — в ступки, иные начинали стрельбу для того, чтобы змей услышал и отпустил луну на волю. Порой люди, мужчины и женщины, во время затмения поднимали крик: «Змей, отпусти нашу луну!»

В одной из глубинных областей я видел человека, который щелкал ногтями, и на мой вопрос, для чего он это делает, отвечал: «Сей звук долетает до небес». Видя его дурость, я не мог удержаться от смеха. Принялся объяснять, отчего случаются солнечные и лунные затмения: когда солнце, луна и земля выстраиваются в одну линию и земля заслоняет солнце, луна меркнет — отчасти, наполовину или полностью. Солнечные же затмения происходят, когда луна заслоняет землю от солнца и наполовину или же частично скрывает его от нас. Но все мои объяснения были словно чашка пресной воды, вылитая в море. Опреснится ли оно? Столь же бесполезными были и мои слова.

Я задал тот же вопрос китайцу, учителю пастора Милна, и он ответил: «На небе обитает цепной пес. Оказавшись на воле, он спешит проглотить луну». Сиамцы утверждают: «Солнце и луна сочетались браком. От смущения перед солнцем луна обратилась в бегство. Солнце бросилось в погоню и схватило луну, оттого-то ее и не видно». Индусы говорят: «Луну проглотил змей». У каждого народа свои представления и заблуждения.

Тем временем из Малакки от господина Колли мне пришло письмо, гласившее:

«Господин Кидд отбыл в Европу. В ближайшее время ожидаем приезда пастора Хьюгса³⁹⁰. Если возможно, возвращайтесь в Малакку: в Колледже много работы».

В ответ я написал следующее:

---

³⁹⁰ Josiah Hughes (1804–1840), пастор, сотрудник Лондонского Миссионерского Общества. Прибыл в Малакку в 1830 г.

«В настоящий момент у меня в Сингапуре работы не впрок. Подождите немного: я смогу приехать, когда прибудет господин Хьюгс».

В тот год в Малакке от оспы умерли едва ли не тысячи детей всякого роду-племени. Европейцы распорядились провести прививку оспы, и многие были вакцинированы. Однако процедура выполнялась кое-как, эпидемия приняла новый размах и унесла множество жертв. Некоторые не хотели прививаться от оспы и заявляли: «У наших дедов и прадедов ничего подобного и в заводе не было, а тут, глядишь, и здоровый может заболеть!» У большинства из них дети умерли. Находились и такие, что не верили в эту затею и говорили: «Если ребенку суждено умереть, он умрет и с прививкой, и без нее». У каждого было на сей счет свое мнение, но мне казалось, что все обстоит иначе, ибо Аллах даровал нам свободу совершать поступки, и негоже ею пренебрегать. Когда кто-то заболевает и не хочет искать средство, чтобы выздороветь, тем самым он отказывается от нее. У всякой вещи есть своя причина, у болезни — своя, и от нее есть свое лекарство. Если человек хворает и не желает излечиться от своего недуга, он тем самым отрицает свободу поступка, и смерть его будет жестокой, как если бы он наложил на себя руки, сказав: «Аллах посылает болезнь, Он же дает и лекарство». А ведь в ту пору в каждом малаккском доме оплакивали кончину детей и внуков!

В том же году пришел в Сингапур корабль из Европы и пробыл там около четырех месяцев, производя замеры глубины моря вокруг Сингапура. Они заходили на все островки и проводили на каждом день или два, ведя учет всем скалам, отмелям и подводным впадинам. Раз в десять или пятнадцать дней корабль заходил в Сингапур пополнить запасы пищи и воды, а затем отплывал снова. Однажды я встретил их лоцмана и не удержался от вопроса: «Чем же вы заняты на своем судне столько времени, плавая туда-сюда?» Услышав это, он внимательно поглядел на меня и спросил: «Ты купец или араб?» Я объяснил ему, чем занимаюсь и каково мое происхождение. Тут он улыбнулся и сказал: «Сразу видать смышленного человека, привыкшего иметь дело с англичанами! За те четыре-пять месяцев, что я нахожусь здесь, мне никто еще не задал такого вопроса». И сообщил:

«Наше судно принадлежит Компании. Нас послали сюда обследовать судоходные пути, моря, острова, отмели, впадины и определить, где мелководье, а где суда могут пройти. Мы здесь на судне составляем морскую карту, а когда вернемся в Европу, ее напечатают большим тиражом и будут продавать тем, кто едет сюда». Узнав, чем на самом деле занимались на судне, я был изумлен: сколь же усердны и дотошны европейцы, исследующие моря и острова и тратящие средства на раскрытие их тайн!

С того дня мы стали приятелями. Ежедневно, проходя мимо моего дома, он заглядывал ко мне. Его обходительность и все повадки выдавали человека воспитанного, не похожего на матросов — грубиянов, пьяниц и дебоширов. Был он хорошо образован, разбирался и в затмениях, и в астрономии, и в способах вычисления размеров удаленных предметов и высоты горных вершин. Звали его господин Смит. Как-то он пригласил меня на прогулку и принялся расспрашивать об истории Сингапура и Малакки, и об их правителях, и о том, каким образом на острове возник город и т.п., а потом сказал: «Если бы капитан разрешил, мне бы очень хотелось поселиться по соседству, учить малайский язык и изучать здешние края».

Назавтра он явился, преподнес мне в подарок серебряные часы и сказал: «Дарю их, чтобы ты вспоминал обо мне каждый раз, как на них взглянешь. Я же завтра отбываю обратно в Европу». Весть об его отъезде огорчила меня. Я тотчас же открыл свой ларец, вынул оттуда свой крис [...] ³⁹¹ и отдал ему со словами: «Возьми на память», присовокупив еще две семарангских циновки с крупным цветочным узором. Видно было, что, получив крис и циновки, он от радости терялся в словах. Взяв меня за руку, он сказал: «Если ты считаешь себя моим другом, назови мне цену криса, и я его куплю». Я ответил: «Этот крис — творение мастера. Я купил его за двенадцать ринггитов, но потом отдавал для заточки и ремонтировал ножны». Тут он пошарил в кармане и, вынув оттуда двадцать ринггитов, протянул мне. Я вернул ему деньги и сказал: «Отдаю тебе крис не за плату, но в знак дружбы. Ты мне подарил часы, а я тебе

---

³⁹¹ Kerisku, yaitu pakaianku sempana ganja iras bangsanya — крис с нечетным числом изгибов, где ганджа (предохранительная планка под рукоятью) выкована заодно с клинком.

крис». Он забрал деньги, задумался на мгновение, а потом сказал: «Вот досада, ведь я пробыл здесь целых пять месяцев! Узнай я тебя раньше, многому бы мог от тебя научиться». Видно было, что он огорчен и хотел бы подарить мне еще что-нибудь, но не знал, что именно. Я сказал: «Не печалься, друг мой. Будем живы — еще встретимся!» Тот промолчал, словно оттягивая разлуку. Пришел он ко мне в одиннадцать, а пробыл до двух часов. Наконец он протянул мне руку, крепко пожал ее и сказал: «Goodbye», что значило: «Счастливого оставаться». Я проводил его до корабля, и в тот же день состоялось его отплытие.

Про человека подобного склада и обычая в малайской пословице говорится так: «Коли это алмаз, он и в грязи не утратит своего блеска». Таков и добрый человек — пусть он беден и некрасив собой, зато нрав и поступки его хороши.

Возвращаясь к своему рассказу. Спустя некоторое время после моего прибытия в Сингапур до меня дошла весть о кончине пастора Колли, и из Малакки посыпались письма, призывающие меня туда, поскольку в Колледже не осталось преподавателей. Я начал подумывать об отъезде в Малакку. Но по воле Аллаха меня свалил тяжелейший брюшной тиф — такой, что и запах вареного риса был для меня непереносим, и головы поднять не мог, хотя все мои пожитки и прочие принадлежности уже были собраны и оставалось только сесть на корабль.

В ту пору в Сингапуре я проживал в доме, где селились коммерсанты. Наступило время китайского Нового года, и тринадцатого числа этого месяца³⁹² толпы детей принялись запускать шутихи, устраивались львиные представления³⁹³, состязания по борьбе³⁹⁴, оглушительно гремела музыка. В половине восьмого вечера внезапно люди бросились врассыпную с криком: «Огонь!» Я тогда болел и спал на веранде. Оторвав голову от подушки, я увидел за окном

³⁹² Первый день Нового года в Китае приходится на второе новолуние после зимнего солнцестояния (то есть после 21 декабря), что обычно соответствует одному из дней между 21 января и 21 февраля. В 1830 г. он приходился на 25 января.

³⁹³ Main singa. Вероятно, имеются в виду «танцы львов» — процессии и обрядовые игры с использованием чучела льва.

³⁹⁴ kuntau — вид традиционного воинского искусства, разновидности которого распространены во многих областях островной Юго-Восточной Азии.

ослепительное пламя и гроздя падающих каскадами искр. Перепугавшись до смерти, я кинулся к окну и побежал вниз в чем был, забыв про все свое добро и предметы обихода, ящики с одеждой и письменными принадлежностями, про вещицы, купленные у китайцев, восемь корзинок мандаринов, про рукописи, доставшиеся мне от господина Раффлза, и прочие книги и манускрипты, а также про сундук, где лежало четыреста рингитов наличными. В ту минуту я словно бы лишился рассудка, а об имуществе и не помышлял. Горы огня и грохот взрывов привели меня в такой ужас, что я упал, не чуя под собой ног, но затем внезапно обрел силы бежать. Глянув вверх, я увидел, что огонь пробирается к моему жилищу. Вспомнились мне тут и рукописи, и сундуки с одеждой и прочим, и я опрометью ринулся туда. Но внезапно в соседнем крыле дома прогремел взрыв. Разрушены были и каменная кладка, и опорные столбы, а тюки мануфактуры разбросало по сторонам. Дом рушился на глазах. Я бросился бежать, задыхаясь от горя при мысли о своей несчастной судьбе и о понесенных мною убытках, и чувствовал себя немощным и подавленным.

Видя, как взметнулось пламя,
Я едва не испустил дух.
Дома и имущество рассыпались в пыль,
Словно цыпленок, ставший добычей ястреба.

По обе стороны улицы здания сровнялись с землей.
Огонь полыхал так, что и глаз не открыть.
Все вокруг наполнилось грохотом,
Так что члены мои ослабли.

Одежда горела, словно бумага,
Мандарины лопались, словно петарды,
Люди спешили помочь друг другу,
Поспешно вытаскивая добро [из пламени].

Деньги пропали, расплавившись в олово,
Стекли и впитались в землю.
Разве сочтешь, сколько их досталось
Ворам, что подбирали их бок о бок с тобой?
Утварь, что я собирался спасти:

Миски, чашки, тарелки, подносы —
Все пропало безвозвратно.
Как же мне быть теперь, не знаю.

Видя происходящее, я не мог произнести ни слова и опустился на землю посреди дороги: болезнь истощила мои силы, а пережитый ужас довершил дело. Тут в кармане куртки я нащупал печенье и карандаш. Печенье съел, потому что из-за лихорадки уже несколько дней пробыл без пищи, а затем поспешил к перекрестку, где валялась китайская бумага для упаковки чая. Я набрал бумаги и стал бродить вокруг. По милости Аллаха, жар и недуг отступили. Меня излечили не какие-нибудь снадобья, а один лишь испуг. Все, что я видел, слышал и чувствовал среди этого огненного хаоса, я записывал на бумаге и сочинил поэму, начиная с описания празднования китайского Нового года и вплоть до конца пожара и дележа имущества из сгоревших домов, проходившего в тюрьме. Поэма приобрела известность. Я собственноручно напечатал ее по-малайски, используя арабо-малайский и латинский шрифты, и с ней ознакомились жители Сингапура и Малакки. Я назвал ее «Поэмой о пожаре Сингапура»³⁹⁵.

Сколько прекрасных вещей и всяческих товаров было разбросано посреди дороги, словно мусор под ногами! Одни крали — других обокрали, одни грабили — другие становились жертвами грабежа, одни нападали с кулаками — других колотили, одни плакали — другие смеялись. Шкатулки из-под опиума валялись здесь и там, потоки арака текли в море. Обо всем том я поведал в поэме, ставшей книгой.

Хотя писание стихов и было мне в радость, из имущества у меня осталась лишь та одежда, что на мне. Так случилось по воле Аллаха, вершителя судеб рабов Его. Я же тысячекратно возносил Аллаху хвалу за то, что Он уберег меня от огня. Сочинение поэмы стало мне утешением. Хотелось рассказать будущим поколениям обо всем, что со мною приключилось, о пережитых мною печалях и радостях, бурях и волнениях в плавании по жизненному морю, а также обо всем диковинном, что мне довелось увидеть в Сингапуре. И я задержался там,

---

³⁹⁵ Полный текст поэмы о пожаре Сингапура был напечатан в арабо-малайской и латинской графике в 1843 г., см. [Sweeney, 2005, p. 87–153].

желая увидеть, что будет дальше, после пожара, и написать о том в своей поэме.

Двумя месяцами позже я вернулся в Малакку: жена засыпала меня письмами, где сообщала о слухах, ходивших между малаккцами. Люди говорили, что я по болезни не мог спастись бегством и погиб в пожаре, и горевали обо мне. Спустя месяц после моего приезда в Малакку Англия отобрала Малакку у Голландии в обмен на Бенгкахулу. Случилось это в 1823 году³⁹⁶. Как я мог убедиться, довольны были все малаккцы, какого бы роду-племени они ни были, ибо под властью голландцев на их голову пало немало бед. В те времена, когда Голландия отобрала Малакку у Англии, люди в большинстве своем были довольны, считая, что Голландия лучше. Однако увидев результаты голландского правления, они рады были перейти под власть Англии.

В ту пору Малакка благодаря Сингапуру понемногу начала обретать силы, словно человек, выздоравливающий после болезни. Множество малаккцев — китайцев, малайцев, келингцев — отправлялись туда на заработки. Одновременно в Малакке по распоряжению англичан началась расчистка земляных участков и джунглей под рисовые поля и фруктовые сады. Голландцы же, напротив, за все годы своего правления не озаботились внедрением культуры риса: его следовало производить на Яве. Так и повелось, и вплоть до последнего времени люди питались привозным рисом.

Замечу, что в прошлом в Малакке богатых было больше, чем бедняков, ибо слава о городе, куда отовсюду съезжались торговые люди, широко разнеслась по свету, и добывание хлеба насущного не доставляло населению особенных хлопот. С того же времени, когда Малакка перешла под власть Англии, были отданы распоряжения об устройстве сухоходольных и заливных полей под посевы риса, о расчистке лесов для нужд земледелия, чтобы местные жители

---

³⁹⁶ Подписанию англо-голландской конвенции (1824) о разграничении сфер влияния в Юго-Восточной Азии предшествовали переговоры, состоявшиеся 15 декабря 1823 г. Согласно достигнутой договоренности, Великобритании переходили территории к северу от Малаккского пролива, включая Малакку, тогда как Нидерланды получали контроль над о. Суматра, в том числе над факторией в Бенгкулене (Бенгкахулу) на юго-западном побережье острова. Однако Абдуллах ошибается, относя пожар Сингапура к столь ранней дате: на самом деле это событие произошло в 1830 г.

могли обеспечивать себя. Тут те малаккцы, что были при деньгах, стали покупать участки заливных полей, а необеспеченные занялись порубкой и расчисткой леса. Иные брали внаем половину или треть чужого заливного поля, так что через год Малакка уже экспортировала сотни коянов³⁹⁷ риса. Люди жили в достатке, не тратя чрезмерных усилий, чтобы заработать на жизнь: на сотню человек приходился лишь один, кто не выращивал риса и был занят чем-то другим. Так обстояло дело с жителями Малакки. А в окрестных областях у всех без исключения жителей были свои суходольные или заливные поля и сады — у одних больше, у других меньше.

У тех, кто отправлялся в Сингапур на заработки, дома обычно оставались жены с детьми и всем хозяйством. В ту пору многие малаккцы обзавелись шлюпками и прочими суденышками и сдавали их внаем для доставки в Сингапур съестного, фруктов, мяса птицы и прочего. У иных такая поездка занимала сутки, у других — два-три дня. Я чувствовал, что благодаря этому Сингапур стал ближе к Малакке. Каждый день приносил вести из одного города в другой — не так, как прежде, когда их получали лишь с прибытием большого кеча, корабля или лодки.

Проведя в Малакке несколько дней, я вернулся в Сингапур, где меня ждала работа. К тому времени правивший в Сингапуре господин Принс уже отбыл, и управлять Сингапуром стал господин Мэрчисон. Он занялся строительством мостов из камня, тогда как прежде в Сингапуре их делали из бревен и досок. Суд переехал в то помещение, что он занимает и поныне. Прибыл тогда и судья, именуемый Recorder — главный судья Сингапура, Пенанга и Малакки³⁹⁸.

Именно тогда люди впервые услышали о «большом жюри» и «малом жюри», общим числом в двадцать четыре человека. Двенадцать из них сидели справа от судьи, а другие двенадцать — слева. Судья же записывал все, о чем говорилось, все жалобы и показания свидетелей, а затем зачитывал это двум жюри. Полномочиями по вынесению суровых приговоров, таких, как казнь или ссылка

---

³⁹⁷ Коуан — мера веса (примерно 40 пикулей, или 2480 кг).

³⁹⁸ Главным судьей Стрейтс-Сеттлментс стал сэр Джон Кларидж (John Claridge, 1792–1868), прибывший на Пенанг в 1827 г. Первое заседание суда в Сингапуре состоялось 22 мая 1828 г. Подробнее об этом см. [Lee, 1973].

в Бомбей, обладало большое жюри. Взвесив обстоятельства, оно решало, заслуживает ли виновный казни или же ссылки. Решение, однако, должно было быть единогласным. Если часть из них утверждала о виновности, а другая — о невинности, судья не утверждал приговора до тех пор, пока в жюри не возобладает единая точка зрения.

Судьей мог быть назначен человек надежный, заслуживающий доверия, способный взвешенно рассмотреть дело каждого. Все же участники должны были присягнуть перед лицом судьи, что их слова и мнения правдивы. Лишь тогда судья принимал их в расчет. Дела же не столь важные — кредитно-долговые конфликты, потасовки и тому подобное — подлежали рассмотрению малым жюри. Приговор здесь также должен был быть единогласным, и медлить с вердиктом не полагалось. Если при его обсуждении возникали споры, судья настаивал на выработке общего решения: без этого выносить приговор обвиняемому не полагалось. Судьей тогда был господин Малкин³⁹⁹, а судебным регистратором — господин Керр⁴⁰⁰, эсквайр.

Именно тогда я впервые мог наблюдать казнь через повешение. Прежде, до прибытия судьи, преступника, осужденного на смерть, отправляли в дальние края, где и совершалась казнь. Мне не казалось правильным, что его сограждане не могли присутствовать при исполнении приговора: ведь тогда и другие не побоятся преступить закон, думая: «Еще неизвестно, казнили его или нет», — и вскоре о том забудут. Но если в Сингапуре или Малакке кого-то будут вешать, соберется многотысячная толпа, одни будут плакать от страха, других подобное зрелище бросит в дрожь. Большинство усвоит этот урок, и он надолго запечатлется в их памяти. Кара за преступление послужит для всех наглядным примером. В то время мне довелось парутройку раз видеть казнь через повешение и в Малакке, и в Сингапуре, и что же — разбой, убийства и грабежи пошли на спад. Да не утрашимся мы бури, грома и молний! Хоть они и опасны и вселяют ужас, но есть от них и польза — воздух очищается от грязи и зловония,

---

³⁹⁹ Malkin, Benjamin Heath Jr., судья Сингапура в 1833–1835 гг.

⁴⁰⁰ Kerr, Alexander John, судебный регистратор Сингапура с 1818 по 1855 г.

источников множества недугов, и несет людям свежесть и умиротворение.

Пробыв в Сингапуре около девяти месяцев, я получил из Малакки письмо от пастора Хьюгса. Он просил меня приехать, потому что сам недавно прибыл из Англии и обнаружил, что в Малакке нет никого, говорящего по-малайски и способного давать уроки на английском. Я вернулся туда и начал работать в Колледже: обучать господина Хьюгса, помогать в типографии и тому подобное. Господин Хьюгс взял себе за привычку не предпринимать в Колледже ничего, не посоветовавшись со мной.

На мой взгляд, господин Хьюгс не походил на пастора — своей поступью, повадками, грубоватостью облика он отличался от благовоспитанных господ Милна и Моррисона. Однако сердце у него было доброе. Учтивый и обходительный, он всегда улыбался собеседнику, был щедр и отзывчив. Но я заметил, что знания его были неглубоки: подводила память и недостаток внимания. В работе он не слишком преуспел, зато был крайне любезен со всеми. Научившись с грехом пополам читать и объясняться по-малайски, он плохо разбирался в значении слов, проучившись целых полтора года!

Я же ежедневно занимался английской грамматикой, ибо намеревался написать таковую для малайского языка и был убежден в пользе этого замысла. Дело в том, что за отсутствием малайской грамматики малайцы обычно изучали арабскую, сложную до чрезвычайности. Из тысячи не нашлось бы ни одного, освоившего ее в совершенстве, да к тому же арабский не был для них родным языком. Вот я и подумал: поскольку малайский язык существует, малайцам было бы и полезно, и приятно обучать ему детей в школе!

Говоря о своем желании написать малайскую грамматику, я никоим образом не собирался следовать примеру голландцев, переводивших Евангелие на малайский несколько веков назад⁴⁰¹. Да и господин Робинсон действовал так же: он выполнял малайский перевод, следуя правилам английской, латинской и еще какой-то грамматики и не понимая строя малайской речи. Получалось совсем нескладно, прямо по поговорке: «Словно пестом занозу

---

⁴⁰¹ Точнее, в XVII в. (см. главу «Англо-Китайский Колледж»).

вытаскивают». Встречались такие выражения, как «yang kesamunan» и «berkesamunan», «berkejabatan» и «yang kejabatan», «berkejalanan» и «yang kejalanan» и тому подобное⁴⁰². В том старинном голландском Евангелии прошедшее время обозначалось при помощи частицы «-lah». Считалось, что ее значение всегда одно и то же, тогда как на самом деле «-lah» далеко не всегда обозначает действие, совершившееся в прошлом. В переводе Евангелия от Иоанна, выполненном англичанами, объявившими себя знатоками малайского, я увидел такие выражения, как «kesyurgaan», «kebuangan» и «kemudaan». Сии господа перенесли законы английского языка на малайский, не ведая, что по-малайски эти слова лишены всякого смысла. Народ насмеялся над ними, видя, что те малайским языком не владеют и употребляют слова, не существующие в природе. Если можно писать «kesyurgaan», отчего не существовать таким словам, как «kenerakaan», «kebumiaan», «kelangitan», и «keakhiratan»⁴⁰³?

Тогда-то у меня и возникло желание написать малайскую грамматику — распределить малайские слова и выражения по видам, правилам и месту их употребления в соответствии со строем малайского языка, чтобы никто не действовал, как ему заблагорассудится, и не утверждал бы при этом: «Правильно так!», притом что другой заявляет: «Нет, вот так!» Оба будут неправы, ибо каждый судит по своему разумению. Как говорится, «В стране, где нет царя, всякий сам себе государь». Мой читательский и писарский опыт показал: в малайском языке все неопределенно из-за отсутствия правил и примеров их применения. Люди убогие и недалекие не желают учиться и постигать родной язык. Они глядят на других и повторяют следом, не ведая, правильно это или неправильно. В итоге ошибки громоздятся одна на другую. Хорошо, если по милости Аллаха объявится

---

⁴⁰² Данные примеры — образец грамматически неправильных оборотов, где выраженное аффиксом значение дублируется с помощью вспомогательных слов.

⁴⁰³ В малайском языке конфикс «ke-an» служит средством субстантивации корневых морфем. В современном языке некоторые из приведенных выше слов, означающих соответственно «состояние рая», «состояние ада», «состояние земное», «состояние небесное», «состояние загробное», вошли в употребление именно в этой грамматической форме, что и зафиксировано в академических словарях (ср., напр. [Kamus Dewan, 2013, p. 25, 1077, 1560]. Сказанное не относится, однако, к упомянутому Абдуллахом слову «kebuangan» (от корня «buang» — выбрасывать, расточать).

человек знающий и поможет невежественным, безмозглым спорщикам сделать их речь и писания образцом для будущих поколений — велика будет его заслуга и велика награда свыше за его благодеяние.

Не поймите меня превратно. Малайская грамматика послужит вам полезным подспорьем, но не рассчитывайте, что вы преуспеете как сочинитель. Пусть правила прописаны — найдутся выражения, выходящие за их рамки. Скажем так: из сотни случаев лишь семьдесят подчиняются правилу, а тридцать — нет. Возьмем пример с употреблением *ke-* вместе с *-an*, стоящим в конце слова, как в словах «*keadaan*» «*ketiadaan*»⁴⁰⁴. Европейцы утверждают: «Если есть «*keadaan*», то почему бы не быть «*keayaan*» «*kebukaan*», «*kererkiraan*», «*kejalan*»⁴⁰⁵ и так далее? Мы же учили, что это правило действует всегда!» Ну что ж, тогда попробуйте так же обращаться со своим родным языком — например, ставить конечные суффиксы во всех словах, почему бы и нет? Итак, вам следовало бы знать, что грамматика лишь помогает нам изъясняться на каком-то языке. И даже если иностранцы глянут глубже, поищут, какие выражения не подпадают под правило, и узнают из грамматики, как используется каждое из них, все же слог их будет далек от изящества. Вот почему неразумны те европейцы, что непрестанно спорят со своими малайскими учителями и заявляют: «Вот так правильно, а так — нет», ибо о том гласит грамматика. Да будет всем вам известно, что каждый народ — знаток своего языка, а потому не считайте, что малайский язык так уж легок.

Я завел об этом речь потому, что денно и ночью меня гложет мысль: как же осуществить сей замысел? Если Аллах продлит мои дни, я готов с Его помощью сделать первые шаги и заложить основы будущей работы. Может быть, я и не дока по этой части, но нету сил глядеть на собратьев-малайцев: никто из них не хочет взяться за дело. Они словно бы спят и не понимают сути. Если же Аллах не продлит мои дни, уповаю, что найдется некто, пекущийся о Его рабах, готовый воздвигнуть здание на моем фундаменте. Тешу себя надеждой, что

⁴⁰⁴ В данном случае «*keadaan*» (положение, ситуация) и «*ketiadaan*» (отсутствие) являются производными от «*ada*» (иметься, быть в наличии).

⁴⁰⁵ Абдуллах приводит в качестве примера воображаемые производные от слов «*ua*», «*bukan*», «*perkiraan*», «*jalan*» (да, нет, суждение, путь).

это произойдет и положит конец хаосу, в котором пребывает малайский язык, его словесность и правописание.

Возвращусь к рассказу о том, как учился пастор Хьюгс. Спустя пару лет за учебу взялся и пастор Эванс⁴⁰⁶. Только и название, что они учились: ни тот, ни другой не овладели языком, ибо не питали к нему интереса. Затем господин Эванс велел обучать его сына Эдвина, но продлилось это недолго. Занятия свелись вот к чему: научился кое-как читать, объясняться — и довольно. Изучая малайский, они и сотой его доли толком не освоили. При переводе брошюр и учебников на малайский оказывалось, что тысячи слов и выражений им незнакомы, а уж о понимании их смысла и говорить не приходится.

У большинства тех, кто брался за изучение малайского, я подметил такую черту: едва научившись читать, они переводили на свой язык все, что ни попадалось им по-малайски. Удивительно! Но то был их родной язык, все правила были им знакомы, и они радовались тому, как просто переводить с одного языка на другой.

Назидание: Полагаю, что человек, взявшийся за изучение малайского языка и освоивший его письменность, должен заняться переводом различных оборотов и ученых сочинений с родного языка на тот, что они изучают. Следует соотносить смысл переводимых слов с их содержанием в данной области знания, причем малайские выражения должны строиться по законам малайского языка. Лишь тогда, когда вы сможете справиться с задачей без помощи малайского учителя, он сможет быть доволен своей работой. Эти знания и навыки весьма пригодятся вам в будущем, и ими следует поделиться с другими. Сравним их с добрыми ростками: куда ни посадишь ты их — они прорастут, распустятся благоуханными цветами, созреют вкусными плодами. Вот каковым должно быть учение, и да дарует Аллах малайскому языку подобную участь!

---

⁴⁰⁶ Evans, John (1801–1840), пастор, в 1834–1840 гг. возглавлял Англо-Китайский Колледж. Там же его сын Эдвин работал библиотекарем (см. [Indonesian Manuscripts, 2014, p. 292]).

* * *

Когда занятия с господами Хьюгсом и Эвансом прекратились, я стал собираться назад в Сингапур. Как-то утром ко мне явился некий бенгалец с посланием, написанным по-английски. В нем говорилось следующее:

«Господин Ньюболд⁴⁰⁷ приветствует энчика Абдуллаха Мунши. Если энчик обретается в добром здравии, я был бы рад видеть его у себя нынче утром, в одиннадцать часов».

Я ответил: «Хорошо, я буду. Передайте хозяину мой привет».

Я направился в его дом, что стоял прямо напротив Колледжа. Он радушно приветствовал меня, провел в свой кабинет и спросил: «Все ли благополучно у тебя, энчик?» Я ответил: «Все в порядке, сударь, спасибо». Он сказал: «Малайцы утверждают, что тебе не раз приходилось обучать европейцев, что ты хорошо сочиняешь по-малайски и владеешь английским, хиндустани и тамильским». Я ответил: «Познания мои не так велики. Может, кто-то другой и учен, но не я, да и возрастом не вышел. Как гласит малайская поговорка: «Коли ротанга нет под рукой, и корень сгодится». Вот я и есть тот самый корень. И еще есть такое присловье: «Там, где нет орлов, и кузнечик мнит себя таковым».

Он пристально посмотрел на меня и спросил: «Разве не тебя зовут Абдуллахом, а отца твоего — Абдул Кадиром? Не ты ли служил у Раффлза?» Я ответил: «Да, сударь, все верно». Он рассмеялся и сказал: «Я пригласил тебя потому, что задумал нечто важное. Я уже переговорил с тремя или четырьмя людьми, но понял, что им это дело не по плечу. И подумалось мне, что у тебя получится, потому что ты понимаешь по-английски». Я ответил: «Не смейтесь надо мной, сударь». Он сказал: «Старая песня: богач никогда не признается в своем богатстве, так же поступает и умный человек».

---

⁴⁰⁷ Newbold, Thomas John (1807–1850), с 1828 г. — квартирмейстер и переводчик 23-го Мадрасского пехотного полка Британской Ост-Индской компании, востоковед. Служил в Малакке (1832–1835). Автор книги «Political and Statistical Account of the British Settlements in the Straits of Malacca ... with a History of the Malayan States on the Peninsula of Malacca», L., 2 vols., 1839.

Во время беседы я мог убедиться, что он знает многое и, по всем признакам, хорошо образован. Он достал книжки, куда записывал выражения из малайских хикайатов и шаиров, и старые письма, показал их мне и сказал: «Энчик, растолкуй-ка мне по-английски их значение и употребление». Я ответил: «Сударь, мои познания в английском не столь глубоки, понимаю самую малость. Есть ли у вас словарь?» Он поднялся, открыл сундук, достал оттуда две книги — словарь и грамматику — и сказал, посмеиваясь: «Я показывал их учителям, что ко мне приходили, а они знай твердят: "Это книги белых людей. Какой в них прок для малайского языка?"». И вот теперь спрашиваю тебя: полезны ли эти книги?» Я ответил: «Для меня — весьма полезны, ведь я в английском еще не очень силен». Он подхватил: «А вот это как раз и доказывает, что ты к такому делу привычен». Я сказал: «Дайте мне день-другой испытательного срока, сударь».

Началась работа. Я объяснял значения каждого слова, и уже не упомяну названий книг, откуда они брались. Он записывал за мною, и улыбка не покидала его уст. Встречались и редкие слова, и я обращался к словарю, чтобы проверить правильность моего перевода. Под конец он сказал: «Вот так и поступим. Ты, энчик, будешь приходить ко мне на пару часов ежедневно». Я ответил: «Сударь, через два дня я должен отплыть в Сингапур. Там меня ждет множество дел». Он сказал: «Уехать не получится: у меня здесь дел невпроворот. Но не беспокойся, я заплачу столько же, сколько тебе платят в Сингапуре». Я ответил: «Ладно. Подумаю об этом нынче ночью и завтра утром дам вам знать». Затем я откланялся и удалился.

После моего ухода господин Ньюболд отправился к пастору Хьюгсу и сообщил, что я собираюсь в дорогу. Вскоре оба появились у меня и, едва успев сесть, пастор Хьюгс сказал: «К чему тебе ехать в Сингапур? Разве не здорово, что господин Ньюболд задумал учиться? Ты ему пришелся по душе. Думаю, года на три у него найдется для тебя работа. Он хотел бы сотрудничать с тобой и просил отговорить тебя уезжать. Человек он хороший. Да и у меня тебе найдется чем заняться». Я ответил: «Хорошо, сударь, если вы полагаете, что мне уезжать не следует, пусть будет по-вашему».

Изо дня в день я отправлялся к господину Ньюболду, учил его и писал на самые разные темы. Господин Ньюболд задумал сочинить на английском книгу о малайцах⁴⁰⁸, живущих в этих краях, об их обычаях, истории и происхождении, орудиях труда и быта, о хикай-атах, шаирах, пантунах и тому подобном, вплоть до многослойной стали, употребляемой при изготовлении крисов⁴⁰⁹. Он был приветлив со всеми, отличался учтивостью и добродушием, а в общении со мной — даже больше, чем со своими соплеменниками.

Однажды он позвал меня с собой посетить кумирню китайцев и там расспрашивал об их идолах, преданиях и обычаях, а я записывал следом. Затем он заинтересовался китайским союзом *Тянь ди хуэй*, его обрядами и происхождением. Потом обратился к астрономии и поинтересовался, есть ли люди, способные предсказывать солнечные и лунные затмения. Тогда я призвал знатока в этом вопросе, Джамала Мухаммада бин Нур Мухаммада Сурати, и переводил на английский все, что тот говорил, а господин Ньюболд записывал. Куда бы он ни пошел, мне приходилось его сопровождать. День-деньской он был занят изучением тайных наук и обычаями разных областей страны. И хотя местом его службы была Компания, этим вопросам он посвящал немало времени.

Как-то раз он пригласил меня поехать в Алор Гаджах, сказав: «Давай отправимся на гору Панчор вместе с господином Барчи Уэстерхаутом⁴¹⁰, поглядим на джакунов⁴¹¹». И на завтра в шесть часов утра мы тронулись в путь, каждый — верхом на лошади. В подарок джакунам мы везли яванский табак и мышьяк⁴¹²: даже золото порадовало бы их меньше. К четырем часам пополудни мы прибыли в Алор Гаджах и остановились там переночевать. Наутро мы тронулись в путь

---

⁴⁰⁸ [Murray, 1839].

⁴⁰⁹ *Ramog* — многослойная сталь. Брусок, из которого выковывают клинок будущего кинжала, состоит из нескольких слоев металла, которые отличаются друг от друга содержанием углерода и различных примесей.

⁴¹⁰ Westerhout J. B. (Barchi) — уроженец Малакки голландского происхождения, сотрудник британской колониальной администрации. С 1837 г. — помощник резидента Малакки. Известен своими исследованиями растительного мира и геологии полуострова.

⁴¹¹ *Jakun* — группа аборигенных народов, проживающих в современных малайзийских штатах Паханг, Джохор и Негри Сембилан.

⁴¹² Мышьяк (*warangan*) использовался как отравляющее вещество, которым обрабатывались наконечники стрел и дротиков.

вместе с малайцами, показывавшими нам дорогу. Добрались к подножию горы Панчор, затем долго пробирались вверх по склону и наконец прибыли на место. С нами был юноша-джакун, которому довелось пожить среди малайцев. Он говорил по-малайски и стал нашим переводчиком. Когда мы сели передохнуть, юноша пошел в лес собирать джакунов. При нем была бамбуковая палочка с отверстиями, и я услышал, как он заиграл на ней. Спустя минуту вышли семеро джакунов, мужчин и женщин, старых и молодых. Завидев их вдаль, я был несказанно поражен и восславил Аллаха: «Сколь же велик ты, Господи, сотворивший людей такими разными, и каждого — со своим особым складом ума, нравом и обличьем!»

На первый взгляд они были такими же людьми, что и мы. Но повадки у них были, как у животных: животные не моются, и они не моются тоже. Их шевелюры походили на плетеные корзины, и о цвете волос судить было невозможно: налипшая грязь и смола превратила их в нечто похожее на древесную кору. Аллах ведает, сколько там скрывалось червей и насекомых! Ни каинов, ни рубашек на них не было, а из всей одежды — только кожаные набедренные повязки шириной с ладонь. Усы и бороды никогда не знали стрижки и бритвы и разрослись не в меру. Кожа на теле выглядела не так, как у всех людей, но была покрыта слоями земли и смолы. Слизь из глаз текла по щекам.

У каждого за спиной был короб, куда складывалось съестное. По бокам висели две плетеных корзины, на плече — бамбуковый сумпитан⁴¹³, а вокруг пояса был обвит стебель мягкого бамбука толщиной с большой палец ноги, где хранились яд⁴¹⁴ и дротики. Они шли друг за другом, но, разглядев нас, не захотели подойти поближе. В ту минуту у меня в правой руке было перо, обмакнутое в чернила, а в левой — свернутый лист бумаги, и я собирался записывать все, что увижу и услышу: еще в Малакке мы договорились об этом с господином Ньюболдом. Несколько раз подряд мы просили их подойти

---

⁴¹³ Sumpitan — вид духового ружья: стрелометательная трубка (длина до 2,5 м, диаметр 2–3 см) из дерева или бамбука; распространен у ряда племен и народностей Индонезии и Малайзии для охоты на мелкую дичь.

⁴¹⁴ Uras — ядовитый сок растений, которым смазывались наконечники дротиков и стрел при охоте.

поближе, но те не соглашались и расположились под сенью дуриана, тесно прижавшись друг к другу. Малыши повисли на шее у матерей. В их взорах читались страх и готовность бежать, они переговаривались между собой, и звуки их речи вызывали в памяти птичью потасовку. Вот что я записал со слуха: «*Ка'акак-ка'акак канг кинг чак ку*». Кто знает, что это за слова и каково их значение? Мне же сие неведомо.

Вернувшись к нам, юноша-джакун сообщил: «Они боятся подойти, потому что на вас красная рубашка», — и указал на господина Ньюболда. Тогда тот снял рубашку, и мы все трое сами двинулись к ним. Видя это, они еще теснее прильнули друг к другу, став как бы единым целым. Мы выложили свои дары — табак и мышьяк. Бывший с нами юноша сказал: «Вот подарки от этих господ». Только тогда женщины заулыбались и поглядели на нас, а без того так бы и сидели потупившись. Они потянулись за табаком, и каждая отправила его себе в рот, разжевала и проглотила.

Немного погодя господин Ньюболд обратился ко мне по-английски: «Побудь с ними здесь, записывай, как они говорят, как ведут счет и какие у них обычаи, а я пойду перекусить». И они с господином Барчи Уэстерхаутом отошли. Видя это, джакуны принялись разговаривать между собой и смеяться.

При мне была маленькая книжка, куда я записывал всякие выражения — нечто вроде словаря⁴¹⁵. По-малайски ей нет названия, а по-английски это *Vocabulary*. Я стал спрашивать, как на их языке обозначаются «земля» и «небо», и они сказали. Звуки их речи отчасти напоминали малайские, отчасти европейские⁴¹⁶. Наконец мы добрались до имени Аллаха, и мне ответили: *Deus*. Тут для меня многое прояснилось. Возможно, что в их жилах текла и толика христианской крови⁴¹⁷ — с той поры, когда португальцы завладели Малаккой, которой прежде владели малайские раджи. Позднее с помощью голландцев малайцы вернули себе власть над Малаккой и принялись убивать любого из них, кто только ни попадался им на глаза.

---

⁴¹⁵ Абдуллах употребляет здесь слово арабского происхождения (*kamus*) и отмечает отсутствие его чисто малайского эквивалента.

⁴¹⁶ В оригинале — *Nasrani*, т. е. «христианские», в переводе Хилла — «португальские».

⁴¹⁷ Хилл в своем переводе именует их *half-castes* (метисами) [Hill, 1970, p. 253].

Полагаю, что именно поэтому они со страху бежали в леса и постепенно одичали до нынешнего состояния. И поныне можно видеть их церкви в верховьях реки Малакка, в Пенгкалан Тампой, а в лесах — их захоронения, каменные надгробия с надписями. Заметил я также, что овал лица у них не такой, как у малайцев и других местных народов: они круглолицые, как и европейцы. Сравнение по этим признакам укрепило меня в мысли, что в их жилах течет и христианская кровь. Но сие ведомо одному лишь Аллаху, а о происхождении их пусть судят люди ученые⁴¹⁸.

Затем я принялся расспрашивать об их свадебных обычаях. Мне рассказали⁴¹⁹: «Если за женщиной из джакунов ходит по пятам какой-нибудь мужчина, это означает, что она ему по душе. Узнав об этом, ее родители и друзья ждут, пока не созреет баккаурия⁴²⁰, и тогда прочесывают лес со всех сторон, собирают плоды и готовят из них арак. Потом начинается всеобщая охота на обезьян, диких кабанов и крупных змей — что кому попадется, их приносят на открытое место или на холм и разводят костры. Затем лесные джакуны жарят на огне животных и пекут клубни таро, пьют арак и шумно пируют в лесу. Невесту пьют араком допьяна, затем обряжают. На шею надевают ожерелье из китайского перца⁴²¹, цветов и листьев. Затем все отправляются на поиски маленьких муравейников⁴²² и становятся поблизости, а невеста принимается бегать вокруг муравейников. Жених, обряженный так же, как и невеста, бежит следом за ней вокруг муравейников. Поскольку невеста до смерти пьяна, она падает, и жениху удается ее схватить. Его дружки испускают крик радости, а затем удаляются в лес. Мужчина с женщиной тоже уходят в лес. Вот и вся свадьба».

---

⁴¹⁸ Об этнических корнях джакунов подробно писал аббат П. Фавр (1838–1887), миссионер, лексикограф, исследователь Нусангары, исследовавший все существующие версии их происхождения [Favre, 1848, p. 243 sqq].

⁴¹⁹ Здесь и далее Абдуллах, говоря о своих собеседниках-джакунах, употребляет местоимение *dia* («он/она» или же «они»), не уточняя, был ли его респондентом один человек или несколько.

⁴²⁰ *Tampoi* — плодородное дерево *Tampoi tangau* (*Baccaurea malayana*), баккаурия малайская.

⁴²¹ *Lada Cina* — (*Zanthoxylum Piperitum*) лиственный ароматический колючий кустарник или небольшое дерево, принадлежащее к семейству цитрусовых и руты, *Rutaceae*.

⁴²² *Busut jantan* — предмет поклонения, обиталище добрых духов.

Когда я завел речь об обычаях, связанных со смертью, мне ответили: «Если друзья, или родители, или жена с детьми умирают, мы оставляем их тела там, где они лежали, и поскорее перебираемся в другие края. Тело же лежит там, покуда не истлеет или его не сожрут звери. Нога наша не ступит в то место, где нашего собрата постигла смерть».

Я задал следующий вопрос: «А каковы обычаи, принятые у вас при появлении ребенка на свет?» Отвечают: «Если приближаются роды, будь то ночью или днем, разжигают костер. После того, как все прогорит, угли выкидывают, и остается лишь горячая зола, на ней женщина и рожает. Когда ребенок родился, ему перерезают пуповину острой бамбуковой щепкой и катают его в горячей золе, а затем мать обмазывает этой золой все свое тело. Потом малыша обертывают в листья или древесную кору, укладывают в корзину, и они уходят в лес. Всякую свою еду мать пережевывает и дает младенцу, а также кормит его грудью. Когда ребенок подрастет, к двум-трем годам его начинают приучать забираться на деревья, а когда освоится — и передвигаться по ветвям. Затем его учат стрелять из сумпитана, ходить на дальние расстояния и т.д., приучают следовать за старшими повсюду, пробираться по джунглям и восходить на горы».

Я продолжил расспросы: «А во что веруют джакуны, есть ли у них свои боги или что-то подобное?» Мне ответили: «Ничего такого не знаем и понятия об этом не имеем. Изо дня в день мы заняты поисками пропитания. Раз в год, когда поспевает баккаурия, мы гоним из нее арак. Тут каждый приносит с собой какую-нибудь живность, мы зажариваем ее на огне и едим. Такой у нас бывает праздник».

Заглянув в их заплечные корзины⁴²³, я обнаружил там следующее: несколько обезьяньих ляжек, два-три ломтя печеных клубней таро, три куска мяса питона, соль, терку, несколько корней куркумы, трубку с сухим табаком, четыре ломтя картофеля, пригоршню плодов каламондина⁴²⁴, несколько плодов мангустана⁴²⁵ и зеленых бананов,

⁴²³ В оригинале значатся «их корзины», однако, скорее всего, автор заглянул в корзину одного из джакунов и описал ее содержимое.

⁴²⁴ Limau kesturi (*Citrus microcarpa*) — плодое дерево, каламондин, или цитрофортунелла, принадлежащее к семейству Рутовых.

⁴²⁵ Manggis (*Garcinia mangostana*) — дерево из рода Гарциния семейства Клузиевые со съедобными плодами.

два плода арековой пальмы. Все это лежало в корзине. Кроме того, каждый держал под мышкой обрезок бамбука длиной в пядь, куда засыпались толченый перец и соль. Любую пищу они прежде окунали в этот бамбуковый сосуд, а потом отправляли в рот.

Я принялся расспрашивать их о ядах, о силе их действия, о том, из чего их делают и какие животные к ним не восприимчивы. Мне ответили: «Если выстрелить из сумпитана на расстоянии в сотню танахов⁴²⁶, будь то по человеку или по зверю, и рана будет не толще иглы, попавший в кровь яд будет смертельным. Разве что слона из сумпитана не убьешь: уж больно толстая у него кожа, да и воды в брюхе много, так что яд всасывается медленно». Я спросил: «А случалось ли, чтобы тигр съел джакуна?» Отвечают: «Бывало, нам попадался тигр, но поразить его из сумпитана не удавалось. Где бы мы ни находились, тигры остерегаются оставаться в том же лесу, потому что боятся нашего яда — анчара⁴²⁷». А надо сказать, что анчаром именуется дерево, от которого берется смола, ее перемешивают с множеством всевозможных ядов, древесных корней и всяческих снадобий, но полный состав они держат в тайне. По их словам, туда еще добавляется мышьяк.

Мой следующий вопрос был таким: «Сколько же племен и родов у джакунов?» Мне ответили: «Их немало. Первые бануа, вторые джакуны, третьи сакаи, четвертые удаи, пятые акики, шестые ракъяты⁴²⁸. Бануа — жители этих краев от начала времен, но позднее власть захватили другие народы и их правители, и со страху бануа бежали в леса. Мало-помалу поменялись их обычаи, язык и одежда, а под конец бануа стали бояться любого соприкосновения с чужаками. Джакуны — такие же, как и мы. Сакаи тоже на нас похожи, но привыкли жить на деревьях. Завидят кого-нибудь и пускаются наутек, словно

---

⁴²⁶ Tanah — мера длины, 1,8 м.

⁴²⁷ Iruh, анчар (*Antiaris toxicaria*) — дерево из семейства Тутовых и Инжирных, Moraceae. Ядовитым является густой млечный сок, вытекающий в местах повреждения его ствола.

⁴²⁸ Бануа (Orang Banua — «материковый народ») — общее наименование аборигенов Малаккского полуострова, но Абдуллах, по-видимому, имел в виду этническую группу Biduanda. Сакаи, по мнению антропологов, являются отдельной расовой группой, родственной негритосам. Акик — прозвище Orang laut, «морского народа». Удаи — обитающее в Джохоре племя, также близкое негритосам. Ракъятами (Orang rakyat) Абдуллах именует малайцев-аборигенов, признавших власть малаккских правителей [Hill, 1970, p. 256].

дикие звери. Удаи вроде бы такие же люди, но мы их и в глаза не видывали и не можем сказать, каковы они и что из себя представляют. Знаем только, что проживают они в дремучих лесах, ибо не желают встречаться с другими людьми. В наших же лесах их нет».

Я снова стал расспрашивать: «А у вас самих какие жилища? Жили ли вы прежде оседло, в домах или иных местах?» И ответ был такой: «Когда-то джакуны жили в лесу у боковых корней деревьев⁴²⁹. Если надо было переночевать, мы набирали листьев, ими покрывались и так спали, а наутро отправлялись на поиски пищи. В тех местах, где много диких зверей, мы на ночь забирались спать на дерево, потому что не раз тигры нападали на тех, кто спал у боковых корней. А теперь большинство джакунов научились строить себе хижины, но это все пришлый народ, а не исконные джакуны».

Видя, что все их тело было покрыто грязью, я спросил: «А разве вы не моетесь и не смываете с тела все эти нечистоты?» Мне ответили: «У нас, джакунов, не принято мыться водой, разве что под дождем можем вымокнуть. Коли станем мыться по-настоящему и смывать грязь, то непременно захвораем. Так уж у джакунов издавна повелось».

Затем я взялся расспрашивать их о волшебных снадобьях, которыми, как говорят, славятся джакуны: о зелье, от которого человек лишается рассудка, или о таком, что доводит его до смерти, или таком, которое пробуждает ненависть одного человека к другому. (Однако, да будет известно читателям этой книги, что сам я в подобные глупости не верю: все это сплошные бредни, вранье и выдумки, а отнюдь не правда.) На что мне ответили: «Все верно, господин, среди нас немало знатоков этого дела, хозяев над духами, которые выполняют любой их приказ. Много есть и тех, кто лечит от недугов. Снадобьями нам служат корни и листья растений. Малайцы часто приходят к нам за лекарствами».

Покуда я сидел и расспрашивал, за мной явились господа Ньюболд и Барчи и сказали: «Скоро пять часов, пора возвращаться в Алор

---

⁴²⁹ Vanig — боковые корни, проходящие у самой поверхности почвы или над ней, образующие треугольные вертикальные выросты, примыкающие к стволу. Характерны для крупных деревьев тропического дождевого леса.

Гаджах». Я спешно собрал бумагу, перо и чернила, и мы тронулись в путь, а джакуны ушли назад в лес.

Господин Ньюболд завязал дружбу с джакунами, и спустя шестнадцать дней после нашего возвращения в Малакку они прислали ему в подарок сумпитан, а впридачу сок анчара и дротик. Взявши дротик, он намочил его ядом и выстрелил в собаку, чтобы проверить, как это работает. Собака тотчас же скончалась, причем яд был такой силы, что ноги ее сотрясали судороги. Если таково действие отравы, попавшей в кровь, то что случилось бы с человеком, проглотившим ее? Да убережет нас от этого Аллах, ибо у малайцев сок анчара считается сильнейшим из ядов. В истории своего плавания, известной под названием «Плавание Абдуллаха»⁴³⁰, я уже писал о джакунах, обитающих в верховьях реки Паханг. Они привозят слоновую кость, ладан и ротанг и продают или выменивают на разные вещи у местных жителей. С малайцами они привыкли иметь дело, знают малайский язык и одеваются тоже на малайский манер. Поэтому они совсем не похожи на тех джакунов, что я встречал на горе Панчор и о которых говорилось выше.

Продолжу свой рассказ о занятиях с господином Ньюболдом. Подошел к концу третий год нашей общей работы по составлению словника и переводам. Уже все названия малайских сладостей мы освоили, разобрали и их состав, и то, как их делают, изучили все виды малайских приправ из перца, их разновидности и способы приготовления. Наша работа протекала в обстановке единодушия и уважения друг к другу. Между нами не случалось размолвки, я соглашался с ним, а он со мной, словно раджа с министром, с первого и до последнего дня.

Внезапно от Компании пришло распоряжение об отзыве господина Ньюболда, а на его место назначили господина Ферриера. Господину Ньюболду было очень жаль расставаться с Малаккой. Расскажу вкратце о его отъезде. Он крепко пожал мне руку. На смену ясному дню пришла непогода. Небо затянуло тучами, и закрапал дождь, как

---

⁴³⁰ Имеется в виду «Kisah Pelayaran Abdullah ke Kelantan» (Рассказ о плавании Абдуллаха в Келантан) — самое раннее прозаическое сочинение Абдуллаха в жанре травелога. Опубликовано в Сингапуре в 1838 г.

бывает, когда кто-то уезжает из дорогого его сердцу места. Он отпустил мою руку и утер слезы, а потом зашел к себе в комнату и торжественно вручил мне подарок со словами: «Не забывай обо мне. Это от меня твоим детям на память». И передал мне некое письмо, сказав: «Покажи его господину Ферриеру, с ним ты будешь работать». В тот же день произошло его отплытие. Да удостоит меня Аллах снова встретиться с моим благородным другом!

По отъезде господина Ньюболда господин Ферриер попросил меня обучить его малайскому языку. Я остался в Малакке и давал уроки и ему самому, и двум-трем присоединившимся к нам офицерам. Вскоре господин Ферриер уже мог читать и объясняться по-малайски. Он был знаком с персидским языком и письменностью, поэтому учиться ему было легко. К тому же он знал и хиндустани. С помощью двух этих языков, хиндустани и английского, я толковал ему значения слов. Спустя примерно полтора года он кое-как научился переводить с английского на малайский и с моей помощью перевел несколько персидских историй на малайский язык.

Я стал ходатайствовать о разрешении уехать на Пролив, ибо меня звали туда друзья — европейцы и китайцы. Отпускать меня не хотели. Месяц или два я отпрашивался, и под конец мне были вынуждены дать разрешение, и я отплыл в Сингапур.

Месяца четыре я проработал в Сингапуре, и тут внезапно разнесся слух, будто британцы собираются воевать с правителем Нанинга⁴³¹. Малаккцы, находившиеся на Проливе, заволновались и поспешили домой, чтобы убедиться, все ли у них там в порядке. Поехал туда и я. Оказавшись в Малакке, я мог убедиться, что люди встревожены донельзя и готовы обороняться с оружием в руках. Толкам и слухам не было числа. Одни говорили: «Через пару дней люди с верховьев явятся атаковать Малакку». Другие заявляли: «Их здесь уже целые тысячи!» Вооруженные люди выскакивали на улицы, пугая детей до слез; падали, вставали и снова бежали, окна и двери хлопали,

---

⁴³¹ Нанингская война (1831–1832 гг.) была результатом попытки британцев взимать ежегодную дань в размере одной десятой урожая в области Нанинг, к северу от Малакки. Против правителя Нанинга Абдул Саида, ответившего отказом, были посланы британские войска, потерпевшие поражение (1831). Вторая экспедиция после трехмесячной кампании 1832 г. сломала сопротивление Нанинга.

словно во время бури. Оружие объявилось во множестве. Кто-то кричал: «Они там!», другой: «Нет, там!» Переполох продолжался до тех пор, пока из крепости не вывезли английские пушки и не провезли их по городу. Оказалось, что тревога была ложной и что все это домьслы вроде драки во сне.

Компания распорядилась, чтобы в каждом кампунге несли дозор и чтобы ночью у всех ворот горели фонари. Многие из тех, кто жил вне городской черты, поспешили перебраться в город. Люди прятали свое имущество. Свидетельствую как очевидец, что в ту пору в Малакке каждый ходил вооруженным. В кузницах толпились желающие привести в порядок свое оружие, точильщики встречались на каждом углу, не говоря уже о мастерах по ножнам.

Когда я прибыл в Малакку, господин Льюис⁴³² — судья в сопровождении нескольких офицеров, сипаев с пушками и ружьями, а также сотен других воинов двинулись на Нанинг. Спустя три дня после отбытия воинских частей в Малакке началась паника, а днем позже господин Льюис примчался обратно, спасая свою жизнь. Офицеры с сипаями тоже ринулись назад в Малакку: люди с верховьев окружили их, лишив возможности сопротивляться. Принадлежавшие Компании пушки, ружья и палатки, орудийные снаряды, прочие боеприпасы и снаряжение были брошены на месте, и всем этим завладели люди с верховьев. *Один лишь Аллах ведает истину*⁴³³.

Думается мне, что те, кто слышал о войне Англии против правителя Нанинга, непременно хотели бы узнать о происхождении последнего, о том, что за человек он был и почему случилась эта война. Поэтому я тщательно исследовал его генеалогию, начиная с древнейших времен и до нынешнего дня, и излагаю ее ниже, ничего не меняя.

---

⁴³² William Thomas Lewis (1791–1875) — управляющий землями (Superintendent of Lands) в Малакке.

⁴³³ В оригинале по-арабски.

Родословия правителей Нанинга

История правителей Нанинга начинается с 1052 г.,⁴³⁴ когда Голландия отобрала Малакку у португальцев. В ту пору в Нанинге еще не было правителей, однако при португальцах власть там принадлежала объединению Четырех Племен. В 1053 г. губернатором Малакки стал ван Твист⁴³⁵. Он направил в Нанинг трех своих уполномоченных, чтобы там избрали правителя. Это были господа Соуза, Мендес и Франсиско Пингеро⁴³⁶.

По прибытии в Нанинг они объявили во всеуслышание: «Государь Малакки направил нас сюда, чтобы избрать правителя. Просим жителей Нанинга посоветаться, и если найдется человек, которого любят и ценят все из вас, назовите его имя». И стар, и млад принялись советаться и наконец сказали: «Нам всем по душе Датук Сераджа Мерах из племени бидуанда». Тут трое уполномоченных возвели Сераджу Мераха из племени бидуанда в должность первого правителя Нанинга, и тот отправился в путь, чтобы предстать перед малаккским государем. Получив от государя печать — знак власти, он начал править в Нанинге. Позднее, после его кончины, на смену ему пришел сын его сестры. Второй правитель стал прозываться Сераджей Мерахом, он также был родом из племени бидуанда. Во время его правления в Нанинге малайским капитаном был Датук Арум.

Некий человек по имени Гента Ди-Лангит похитил наложницу султана Джохора и привез ее в Муар⁴³⁷. Джохорский султан направил малайскому капитану Датуку Аруму письмо со следующей просьбой: «Сними свиную шкуру с моей головы» и еще с одной просьбой: «Смой угольную пыль с моего лица»⁴³⁸. Капитан Датук Арум призвал к себе Джуару Мегата и спросил: «Можешь ли ты убить Генту Ди-Лангита?» Джуара Мегат отвечал: «Могу, Датук, только

⁴³⁴ 1641 г. по грегорианскому календарю.

⁴³⁵ Van Twist, Jan (пр. 1641–1642) — первый губернатор Малакки после ее перехода под власть Нидерландов [Newbold, 1835, p. 300].

⁴³⁶ после завоевания Малакки Нидерландами там осталось немало португальцев, поддерживавших контакты с местным населением. Из их числа губернатор и избрал уполномоченных. См. [Leuré, 1936, p. 116–118].

⁴³⁷ Прибрежный город к юго-востоку от Малакки.

⁴³⁸ Обе фразы означают: «Очисти меня от позора».

дай мне оружие». Капитан вручил Джуаре Мегату крис, и тот отправился убивать Генту Ди-Лангита. Когда Гента был мертв, женщину доставили к султану Джохора, а тот наградил Джуару Мегата, даровав ему меч, пару рабов, баджу, а впридачу — участок земли в округе Геменчех⁴³⁹, и он принял этот подарок.

Правитель Нанинга состарился, и память стала ему изменять. Тогда капитан Датук Арум явился к правителю Малакки Виллему Пашаму, а было это в 1118 г.х.,⁴⁴⁰ с просьбой назначить главой Нанинга Джуару Мегата. Правитель Малакки выразил капитану Датуку Аруму свое согласие, а глава Нанинга добровольно передал бразды правления Джуаре Мегату. Тот стал прозываться Сераджей Мерахом, третьим по счету правителем, носящим это имя, и происходил из рода Семеленгганг. Пробыв правителем Нанинга какое-то время, он скончался, и на смену ему пришел сын его сестры Гегах. Пробыв у власти в Нанинге некоторое время, этот второй представитель рода Семеленгганг и четвертый по счету правитель умер, а преемником его стал сын его сестры Маулана Гаранг. Он был пятым правителем Нанинга и третьим из рода Семеленгганг. После его смерти к власти пришел Джангут, шестой из правителей Нанинга и четвертый из рода Семеленгганг. Когда он скончался, править стал сын его сестры Тимба, седьмой из правителей Нанинга и пятый из рода Семеленгганг. С его смертью бразды правления перешли к Анджаку, сыну его сестры. Он стал восьмым правителем Нанинга и шестым из рода Семеленгганг. Смерть постигла его в 1218 г.х.⁴⁴¹ Преемником его стал сын его сестры Дол Саид. Английский полковник Тэйлор⁴⁴² поставил его раджей Малакки.

---

⁴³⁹ Местность в современной провинции Негри Сембилан. Была известна своими золотыми приисками, что свидетельствует о щедрости подарка султана [Newbold, 1839, vol. 1, p. 220–222].

⁴⁴⁰ Имя, фамилия и дата искажены. Наиболее близка по звучанию фамилия Бернхарда Фоонсена (Bernhard Phoonsen), губернатора Малакки в 1700–1704 гг. Джуара Мегат находился у власти в 1701–1705 гг. Указанная Абдуллахом дата (1118 г.х.) соответствует 1706–1707 гг. христианского летосчисления (у Хилла в переводе значится 1703 г. [Hill, 1970, p. 262]).

⁴⁴¹ 1803–1804 г.

⁴⁴² Тэйлор, Олдуэлл (Taylor, Aldwell), британский резидент Малакки, заключил договор с правителем Нанинга Дол Саидом в 1801 г. [Newbold, 1839, vol. 2, p. 454].

В то время малайским капитаном в Малакке был Энчик Махбуб. Он стал девятым правителем Нанинга и седьмым из рода Семеленганг, пробыв у власти до 1247 г. х.⁴⁴³ Ему не хотелось идти на поводу у Британской компании в вопросе о взимаемой с Нанинга дани. Дело в том, что с давних времен Нанинг платил ее ежегодно — рисом, домашней птицей, фруктами и прочим, и все это доставлялось на дом к малаккскому радже. В указанном же году Британская компания потребовала себе десятую часть всего, что производилось в Нанинге и подвластных ему округах. По мнению правителя Нанинга, запросы Компании были чрезмерны. Придерживаясь заветов прошлого, он не желал идти у нее на поводу. Это и стало причиной нападения Компании на Нанинг, что привело к гибели множества офицеров, сипаев и простых людей с обеих сторон. Война продлилась более года. Первая атака Британской компании была успешной, и народ бросился искать спасения в Паданг Пасир.

Малаккой в ту пору управлял господин Сэмюел Гарлинг⁴⁴⁴. Его начальником, главой трех областей — Пенанга, Сингапура и Малакки был господин Иббетсон⁴⁴⁵. Он отправился в Нанинг и назначил там пятнадцать новых правителей. Первым был правитель Икана Лемака по имени Биалал Манджа из рода Бату Беланг, вторым — правитель Пику по имени Мамат из рода Бату Беланг, третьим — правитель Мелекека по имени Маулана Султан из рода Бату Беланг, четвертым — правитель Табуха по имени Сафар из рода Семеленганг, пятым — правитель Ленду по имени Киман из рода Тига Бату, шестым — правитель Аира Пак Абаса по имени Дол из рода Анак Мелака⁴⁴⁶, седьмым — правитель Берису по имени Алауддин из рода Анак Мелака, восьмым — правитель Сунгей Сипут по имени Лаут из рода Семеленганг, девятым — правитель Паданг Себанга по имени Курах из рода Тига Ненек, десятым — правитель Танджунг Римау по имени Ленгкар из рода Тига Бату, одиннадцатым — правитель Пулау по имени Талиб из рода Мунгкал,

⁴⁴³ 1831 г.

⁴⁴⁴ Garling, Samuel (≈1785–1790–1857), резидент-советник в Малакке в 1826–1835 гг.

⁴⁴⁵ Ibbetson, R. (1789–1880), губернатор Стрейтс-Сеттлментс в 1830–1833 гг.

⁴⁴⁶ Т.е. малаккцев.

двенадцатым — правитель Кемунинга по имени Удин из рода Семеленганг, тринадцатым — правитель Батанг Мелака по имени Куджак из рода Мунгкал, пятнадцатым⁴⁴⁷ — правитель Тебунга по имени Дол Кунчи из рода Бидуанда. Назначив этих правителей, господин Иббетсон отстранил от должности глав четырех племен, виновных в измене: первым из них стал Датук Мембангун из рода Тига Бату, вторым — Андика Махараджа из рода Анак Мелака, третьим — Раджа Нангкайя из рода Семеленганг, а четвертым — Оранг Кайя Кечик из рода Мунгкал. А затем первого ноября 1832 г. господин Иббетсон и правитель Малакки господин Сэмюел Гарлинг возложили обязанности правителя Нанинга на господина Барчи Уэстерхаута. Четвертого февраля волею Единого для всех Бога Дол Саид явился к господину Барчи и предал себя его власти, а тот препроводил его в Малакку к правителю Сэмюелу Гарлингу. По приказу Компании он обосновался в Малакке, получая на жизнь тридцать рупий ежемесячно. Ныне он — владелец участка земли в Малакке, в Кампунг Гаджах Беранг, и постоянно проживает здесь со своей семьей⁴⁴⁸.

* * *

Тогда я вдоволь насмотрелся, чем там люди занимались и кто они были: кто-то из Бенгалии, а кто-то из Мадраса, и все одеты по-своему. Одни упражнялись в стрельбе, перекатываясь по земле, другие — распластавшись ничком, третьи — из-за укрытия. Затем прибыл корабль с сотнями голов рогатого скота, каких в Малакке прежде и не видывали, огромных и длиннорогих: их упряжки предназначались для перевозки на подводах воинского снаряжения, пушек и прочего. Малаккцы были в изумлении, а все дети, едва завидя их, кричали: «Длиннорогие быки!»

Война с Нанингом — долгая история, и я лишь вкратце рассказал о ней, ибо не собирался вдаваться в подробности, но хотел всего-навсего поведать о ее предыстории, причинах и ходе военных

---

⁴⁴⁷ Четырнадцатый правитель в этом списке пропущен.

⁴⁴⁸ Согласно британским источникам, ежемесячное содержание Абдул Саида достигало 100 рупий, а сверх того Британская компания предоставила ему дом с садом и право свободного проживания в Малакке при условии, что он не покинет города и не будет затевать мятежа против англичан [Mills, 1925, p. 127].

действий. Это важное событие, известное многим, и мне нет нужды распространяться о нем далее, ибо некий офицер, господин Бегби, сочинил по-английски книгу, посвященную войне с Нанингом. Я внес в нее и свою лепту: там, где речь шла о малайских родословиях, истории малайских областей и Малакки, названиях мест. Все эти сведения он позаимствовал у меня и включил в свою книгу о Нанинге⁴⁴⁹.

Глава 24. О сингапурском султани Хусейн Шахе

Когда утихли волнения в Малакке и война с Нанингом благополучно завершилась, я, как и следовало, воротился в Сингапур. Там дошли до меня вести о том, что творилось во дворце сингапурского султана. Говорили, что султан возлюбил некоего малаккского келингца, Абдул Кадира бин Ахмад Сахиба, родом из Мухаммад-Бандара⁴⁵⁰. Султан доверял ему настолько, что поселил его у себя во дворце, словно члена собственной семьи. По мнению вельмож и родичей султана, это выходило за рамки приличия, и все они возненавидели Абдул Кадира. Стань они, скажем, тиграми — тотчас же перегрызли бы ему горло. К тому же с появлением Абдул Кадира ряды прежних любимцев султана, приближенных и министров, заметно поредели: один лишь Абдул Кадир был в чести и толковал государю, что хорошо, а что плохо. Все, что тот ни говорил, султан повторял слово в слово, а люди не знали, что и думать. Сам я словно бы охотился за тенью в зеркале: до меня доносились всякие толки и домыслы, каких в этой книге и приводить не следует, один лишь Всевышний Аллах ведает все тайны. Из-за чего все возненавидели Абдул Кадира? За что султан возлюбил его? Неужели с появлением Абдул Кадира султан больше ни в ком не нуждается? А может быть, все эти слухи и рассказы правдивы? То ведает один лишь Аллах, а я из страха Божьего не стану говорить о том, чего не знаю. На том, кто незаслуженно оклеветал другого, лежит

---

⁴⁴⁹ Бегби, Питер Джеймс (Begbie P. J.) — артиллерийский офицер, участник Нанингской войны, автор книги «The Malayan Peninsula, Embracing its History. Manners and Customs of the Inhabitants, Politics, Natural History etc. from Earliest Times». Madras, 1834 [Begbie, 1834].

⁴⁵⁰ Вероятно, имеется в виду г. Мохаммадпур на западе совр. Бангладеш.

гораздо больший грех, нежели на том, кто и в самом деле повинен в таком деянии.

Когда эти отвратительные, смрадные слухи распространились среди сингапурцев и малаккцев всякого роду-племени, положение стало невыносимым. Приближенные султана принялись совещаться, как бы им расправиться с Абдул Кадиrom. Из страха перед султаном сотворить такое средь бела дня было невозможно, а в ночные часы Абдул КаDIR безотлучно пребывал в султанском дворце. Выхода не было никакого. Посовещавшись, вельможи обратились в суд с жалобой на Абдул КаDIRа. Они заявили: «Он позорит всех нас. Если султан его не прогонит, не вините нас, если мы расправимся с ним сами».

Господа Бонхэм и Уингроув сообщили султану о жалобах его приближенных и посоветовали ему удалить Абдул КаDIRа. Султан ответил: «Абдул КаDIR мой помощник во всем, он облегчает бремя возложенных на меня обязанностей, а все эти люди жаждут погубить меня и уничтожить. Они неспособны заботиться о нуждах дворца и не радеют о делах правления». Узнав, что их ходатайство не принесло желаемого плода, приближенные разъярились не на шутку. Сам же Абдул КаDIR со страху боялся и ногой ступить из дворца.

Однажды ввечеру едва ли не сто человек собрались на совет вместе с вельможами: они задумали захватить Абдул КаDIRа прямо во дворце и тайком обсуждали, как это сделать. Весть о том дошла до султана. Государь с супругой и Абдул КаDIRом принялись совещаться, каким образом вывести Абдул КаDIRа из дворца: «Говорят, что его намереваются схватить нынче же ночью». Поразмыслив немного, они придумали следующее: Абдул КаDIRа нарядили в женское платье, а затем велели заложить карету. В то время у дворца толпилось множество народа. Внезапно появился государь, держащий в руке крис⁴⁵¹. Увидев его, люди расступились. Вышли тут две дамы: одной из них был Абдул КаDIR в женском платье, а другой — одна из жен государя. Все трое уселись в карету и укатили. Люди молчали. Из робости перед султаном они побоялись подойти к карете поближе. Иные говорили: «Да это же Абдул КаDIR!» Другие: «Нет, не он».

---

⁴⁵¹ Этот символический жест указывал на готовность владельца криса к обороне.

Тем временем карета благополучно покинула пределы дворца. Кто-то предложил: «Давайте перебьем лошадям ноги и вытащим Абдул Кадира!» Покуда шли споры, карета уже была далеко, и людям оставалось лишь досадовать, что упустили Абдул Кадира. Доехав до Сингапура, Абдул Кадир укрылся в доме у своих знакомых, а карета двинулась обратно в Кампунг Гелам с двумя седоками — государем и его супругой.

Абдул Кадир провел в укрытии еще два дня, а потом погрузился на борт джонки Баба Хок Гуана. По-прежнему облаченный в женское платье, он взял келингцев себе в сопровождение. Если бы в нем признали Абдул Кадира, везти его никто бы не взялся, ибо весть о побеге уже разнеслась по Сингапуру. Поиски шли повсеместно. При посадке на судно его сочли женщиной, и выяснить, кто он такой, смогли лишь тогда, когда джонка уже была в открытом море. Путь его лежал обратно в Малакку.

С отъездом Абдул Кадира оставшийся в Сингапуре государь чувствовал себя, словно насадка, потерявшая своих цыплят: он совершал промах за промахом и не соображал, что делает, неприязнь же его к приближенным только возросла. Видно было, что он пребывает в глубокой скорби, и при этом переписка с находящимся в Малакке Абдул Кадиром не прекращалась. Наконец вместе со всем семейством — женой, двумя сыновьями и четырьмя дочерьми — султан Хусейн Шах отбыл из Сингапура на принадлежавшем радже Кедаху кече «Джулия». Проведя в море пять дней, с 27 мухаррама по 3 сафара 1250 года⁴⁵², он прибыл в Малакку и поселился в Бандар Хилир.

С того времени Абдул Кадир начал вести себя и рассуждать так, словно он сам был султаном. В его дворце он чувствовал себя хозяином. Ежемесячно султан получал 1300 ринггитов содержания, но всеми ими распорядился Абдул Кадир, и не ведаю, какие громадные суммы уплывали у него между пальцев. Денег, получаемых от Компании каждый месяц, на расходы не хватало, ежемесячные долги исчислялись сотнями ринггитов, а ломбардные заклады — тысячами: целые мешки золотых изделий, пригоршни алмазов, отрезы

---

⁴⁵² Т.е. с 5 по 11 июня 1834 г.

расшитых золотом тканей. За ссуду требовалось платить огромные проценты, а иное добро и вовсе пропадало. Муравьи и иные насекомые, скрывающиеся в дуплах деревьев и земляных норах, вылезали, чтобы полакомиться на этом пиру. В ту пору на встречу с Абдул Кадиром шли, словно к самому султану, каждый почтительно склонялся перед ним до земли. Ходить пешком Абдул Кадиру было незачем: день и ночь он раскатывал в конном экипаже. Порой одевался на келингский манер, а в другой раз появлялся в облачении малайского раджи.

Из Сингапура султан привез с собой десяток мужчин и десяток-другой женщин, и все они находились при Абдул Кадире. Будь их власть, они немедля прикончили бы его, однако из страха перед султаном таили свою ненависть и пресмыкались перед Абдул Кадиром. При виде его они склонялись до земли, словно перед государем, но втайне искали удобной минуты для расправы.

Немного времени прошло, и однажды вечером, когда Абдул Кадир спускался из дома вниз по лестнице — а было дело около восьми часов пополудни, — какой-то малайский юноша нанес ему удар крисом под лопатку, и клинок пронзил его насквозь, до груди. Абдул Кадир пал как подкошенный, а нападавший скрылся. Обитатели дома услышали крик. Султан с супругой бросились к Абдул Кадире и обнаружили, что он лишился дара речи. Его перенесли в дом. Кровь лилась ручьем, словно у буйвола при заклании. Немедля же султан повелел послать в Малакку за английским врачом, и тот явился. Изучив рану, он заключил: «Немного выше — и клинок попал бы прямо в сердце, а сейчас опасности нет. Коли он живуч, то поправится». Рану обработали снадобьем. Когда кровотечение прекратилось, Абдул Кадир пришел в себя и вновь мог говорить. Его спросили, кто был нападавший. Он ответил: «Зовут его Си Банчул». Султан повелел вести поиски, но они ни к чему не привели: все здесь были заодно и связаны круговой порукой.

Спустя три или четыре дня Абдул Кадир выздоровел. Султан прогнал всех его приближенных, не оставив при нем ни одного малайца: вся прислуга, стража, конюхи и прочие были из числа келингцев.

Наконец Абдул КаDIR мог уже садиться за трапезу. Султан даровал ему титул Тенгу Муда Абдул КаDIR⁴⁵³. Остаться в Бандар Хилире, вдали от Малакки, было небезопасно: нечто подобное могло бы случиться снова. Поэтому он перебрался в Малакку, в Кампунг Холанда⁴⁵⁴, и нанял дом у господина Миньюота⁴⁵⁵. Вскоре разнеслась весть, что султан выдал за Абдул КаDIRа свою дочь Тенгу Андак, хотя у того уже была жена и шестеро или семеро детей. Новость эта несказанно удивила малаккцев.

* * *

Назидание: Взгляните, друзья мои, сколь велика мудрость Аллаха, вершащего Свою волю. Червь поглотил змея. Не удивительно ли, что он поглотил столь крупное создание? В пантуне сказано:

Листья центеллы⁴⁵⁶, что сложены в ведре,
Давай поджарим на сковородке;
Змей, обитавший в Китайском море,
После укуса шмеля обратился в бегство.

Погруженный в раздумья, я пришел к мысли, что никто не может воспрепятствовать Господней воле. И дочь государя, что именуется принцессой, может достаться человеку низкого звания. На память мне пришел следующий пантун:

В чаще лесной ломаются ветви,
Ломается мостик Малим Сиди.
Хотя слон и крупное животное,
Но без пищи станет не больше гадюки.

---

⁴⁵³ Tengku Muda (Его Высочество) — традиционный титул наследного принца в Джохоре.

⁴⁵⁴ Т.е. в Голландском кампунге, одном из прибрежных кварталов Малакки, к с.-з. от Малаккского форга.

⁴⁵⁵ Minjoot, Adrian (1791–1851) — сотрудник малаккского Совета юстиции (Council of Justice) в 1821–1824 гг.

⁴⁵⁶ Penggaga, т.ж. pegaga — травянистое цветковое растение семейства Щитовидниковые (*Hydrocotylaceae*), используется как пищевое и лекарственное растение.

* * *

Да запечатлятся в вашей памяти все эти необыкновенные события, да послужат они примером и помогут постичь их суть, видя, как Аллах вершит Свою волю над людьми! Удивительно! Взгляните хотя бы на благородного султана древнего рода, облеченного властью и получающего в месяц тысячу триста полновесных ринггитов, имеющего собственную резиденцию, дворец и слуг, — и бросившего все это! Он переезжает из одной местности в другую, дочь выдает за безродного келингца, а ведь у того уже есть и жена, и дети: шестеро или семеро! Известно, что по законам малайских, европейских или китайских правителей такового делать не следует и что брачные узы и кровосмешение между простолюдинами и лицами царского рода недопустимы, однако все это предается забвению. Что ж, возмездие, которое Аллах ниспосылает смертным, — это отнюдь не палочные удары или порка ротангом, а беда, что подкрадывается постепенно, исподволь и обрушивается на человека без какой-либо видимой причины.

Помимо добросердечных малайских государей, бывали и такие, что творили бесчинства: забирали себе приглянувшихся им чужих жен и детей, словно цыплят, не боясь Аллаха, не стыдясь народа. Не видели разницы между убийством человека и муравья, даже если причина была ничтожной. Они грабили людей, лишали их жизни, забирали в рабство. Задолжав кому-нибудь, не желали платить. Имели слабость к азартным играм, петушиным боям, употреблению опиума. Держали чрезмерное множество слуг. Перебили и ранили немало народа: по обычаю Брунея и Кутея захватывали корабли европейцев⁴⁵⁷ и убивали команду. С копьями в руках являлись к людям в дома и забирали все имущество. Насильно уводили чужих невест и творили еще много всяческих мерзостей. Мне неловко здесь даже писать об этом.

Они презирали, словно собак, таких же смертных, как и они сами. Оказавшись на их пути, все встречные были обязаны садиться на землю, даже в грязь и слякоть. Десятки и сотни девушек доставлялись во дворец, чтобы стать наложницами. Проведя с государем время

---

⁴⁵⁷ Абдуллах здесь имеет в виду не только пиратов Нусантары и тех местных правителей, которые покровительствовали им и получали свою долю доходов от их грабежей.

разок-другой, наложница оставалась во дворце до своего смертного часа без права выйти замуж, а если она делала это тайком, ее казнили. В случае, когда ее родители заболели или же умирали, ей без разрешения государя не дозволялось поехать к ним. Еды и одежды у наложницы было мало. Если же эти владыки любили женщину, то исполняли все, о чем бы она ни попросила. Велит она убить кого-нибудь — и убьют. Все совершалось по произволу их страстей, а не по справедливости, не по законам ислама, не по воле или разумению народа, но по их собственной прихоти.

Детей у них [правителей] могло быть и десять, и двадцать человек. Наравне с благонравными встречались и те, что отличались бесовским нравом и звериными повадками: те, кого с детства родители не научили добру, но лишь поощряли их порочные наклонности. Мало-помалу они привыкали к низменным забавам: петушиным боям, азартным играм, употреблению опиума, блуду, грабежам и вооруженным стычкам. Ставши взрослыми, они троекратно превосходили отцов в своих бесчинствах. Простому народу, жертвам их жестокости, буйств и произвола, не было кому пожаловаться, кроме как Господу, зрящему и слышащему его стоны, вопли и рыдания. Но в будущем Он, без сомнения, не оставит без воздаяния все содеянное, согласно с законом справедливости.

Неужели все эти люди неспособны пробудиться от сковавшего их глубокого сна? Не ясно ли, каким будет воздаяние, что ниспошлет им Аллах? Разве в прежние времена тысячи малайских княжеств не властвовали над доброй половиной мира? Загляните в малайские повести и родословия, где рассказывается о малайских государях прошлого — их величии, могуществе, богатстве и мудрости. Отчего же ныне Аллах лишил их всего этого и отдал другим народам? Не за жестокость ли их и самоуправство Он отнял их силу и подчинил иноземной власти? Если же их нравы и обычаи останутся прежними, Аллах ведает, к чему это приведет. По моему скромному разумению человека непросвещенного, Аллах под конец сотрет само понятие «малаец» с лица земли, но о том ведомо лишь Ему одному. В книгах я читал, что Аллах — противник жестоких, и из этого заключаю, что человека, которого Он невзлюбил, рано или поздно ждет гибель.

За свою жизнь я повидал немало малайских краев, что пришли в упадок и были поглощены лесами, обиталищем слонов и тигров, из-за жестокости и самоуправства правителей и их отпрысков. Речь идет не только о дальних землях, но и о Селангоре, Пераке и Кедахе, Паданге, Муаре, Бату Пахат и Кесанге, и еще многих других краях. В давние времена все они процветали, славились своим великолепием и многолюдством. Ныне же от них осталось лишь одно название. Теперь там лес, жители перебрались в другие места или страны, а оставшиеся обнищали: в один день есть еда, а во второй и третий — нет.

Все эти беды-злосчастья — дело рук жестоких правителей и их отпрысков, творящих бесчинства. Вспомним, как прежде кипела жизнь в Паданге, сколько там было богатых людей, чем только они не торговали! Я застал то время, когда сушеные плоды бетелевой пальмы вывозились в немыслимых количествах: каждый год несколько судов с этим грузом отправлялись в Келинг и Бенгалию, не говоря уже о слоновой кости, ладане и ротанге. Малаккцы, к примеру, в рот не брали дуриана, если он был не из Паданга, а росло его столько, что десятки тысяч плодов лежали кучами и продавались по два-три дуита⁴⁵⁸ за штуку. Мангустаны шли счетом на миллионы: в Малакке было построено пять или шесть хранилищ, и пять-шесть штук продавались за дуйт. Плодов дуку⁴⁵⁹ было и не счесть. В иных местах Малакки уровень земли стал выше из-за рассыпанных там шкурок от дуку, мангустанов, дурианов и мандаринов, доставленных из Паданга. Не ведаю, сколько сотен видов плодов доставляли оттуда — их и сосчитать невозможно.

Мне самому доводилось бывать в садах, где росли мангустаны и дурианы. Забравшись на мангустан, можно, перебираясь с ветки на ветку, преодолеть расстояние в две-три мили, ибо деревья стоят очень близко друг к другу. В сезон созревания дурианов тысячи плодов падают на землю в течение ночи. Я говорю лишь о тех, что произрастают в кампунгах, а не на холме Букит Муар: сколько их там, один Аллах ведает, ибо эти посадки — давняя история. Когда

---

⁴⁵⁸ Дуйт — мелкая медная монета.

⁴⁵⁹ Дуку, лансиум домашний (*Lansium domesticum*) — дерево семейства Мелиевые с ароматными, сочными плодами.

приходит время созревания дурианов, жители Паданга отправляются расчищать подлесок, и потом, когда дурианов падают на землю, им остается лишь их подбирать. Несколько малаккских купцов сделали себе состояние на торговле товаром, поступающим из Паданга. Их годовой доход достигал нескольких тысяч ринггитов. Не углубляясь в подробности, скажу, что они процветали, имели доброе имя и душевный покой, радуясь жизни и ни в чем не нуждаясь. Было это в ту пору, когда Султан Махмуд правил Линггой, Риау и Пахангом. Эти земли, как и Паданг, Муар и Бату Пахат, пребывали под его властью. Со всеми подданными он был справедлив и добр, и заботы о людях были ему в радость.

После кончины султана Махмуда через два-три дня неведомо откуда появились в Паданге принцы, двое или трое. Пришвартовавшись у берега, они распорядились, чтобы их копья⁴⁶⁰ были принесены на берег, и потребовали снабдить их рисом, курами и прочими необходимыми вещами. Сколь простодушны были жители Паданга, увы! Одни лишь имена раджей или принцев привели их в священный трепет. Они предоставили требуемое, не получив ни дуита взамен, и те уплыли. Спустя десять-пятнадцать дней объявились еще принцы, четверо или пятеро, и каждому что-то было нужно. Иные из них сами сошли на берег и вели себя, как разбойники: все, что ни попадало им на глаза, они забирали себе. Хозяева вещей только глазами хлопали, поглупев со страху. Слово «принц» вселяло в них трепет и замыкало уста. Ну а принцы, не ведая стыда перед Аллахом и людьми, бесчинствовали и творили, что им вздумается. Иные, словно дикие звери, гонялись за местными девушками и насиловали их. Когда и эти отплыли, появились новые. Любое их требование следовало выполнять: за отказ или сопротивление человека убивали, а дом его предавали огню. Гибли кокосовые пальмы: пришельцы рубили деревья, чтобы добраться до съедобных побегов. Их жестокость и самоуправство несли людям погибель. В смятении народ разбежался куда глаза глядят, бросая свои дома и уголья. Иные попадали в долговое рабство или шли в услужение. Тысячи трупов валялись там и сям. На месте

---

⁴⁶⁰ Здесь копья выступают как символ царской власти, открывающий перед принцами все двери [Ubbe, 2011, p. 50].

селений вырастали джунгли, где и поныне обитают слоны и тигры. Неужели Аллах не ведаёт о произволе и бесчинствах пришельцев? Неужели не воздаст им за все содеянное?

Сообщу вам ещё нечто из ряда вон выходящее. Находятся и такие малайские раджи, что живут не по закону ислама или законам, принятым в других странах мира, но по обычаю дьявола и идут на поводу у своих страстей. Таковые насильно, против их воли и воли родителей, забирают себе в наложницы девушек из простых семей, привозят в дом и зовут хатиба или лебея поглупее, не знающего законов ислама и охочего до денег. Затем по приказу раджи заключается брачный союз девушки с его крисом, выполняющим роль самого владельца. Кому-нибудь из присутствующих полагается стоять с крисом на перевязи, держа в руках сосуд с водой и блюдо с бетелем, пока негодяй-хатиб сочетает девушку с крисом брачными узами. Законен ли сей обряд? В каком уложении об этом написано? Итогом тому стало появление множества внебрачных детей. На подобные деяния способен лишь дьявол, не боящийся Аллаха и Пророка, не ведающий стыда перед людьми. Разве подобная жестокость и произвол не заслуживают Божественной кары?

Назидание: Знайте же, деспоты и тираны, что если вы по-прежнему будете творить подобное, наступит день, когда Аллах низринет с небес огненный ливень и испепелит вас, не оставив и следа. Или вам не ведомо, как некие пророки давних времен за свое жестокосердие, самоуправство и предательство обрекались Аллахом на гибель от бури или от низвергнутого с небес пламени или же тонули? Аллах покарал деспотов и тиранов множеством бед и проклял их, ибо для Него они были врагами.

* * *

Вот ещё одна удивительная история, её поведал мне человек, который сам пал жертвой произвола в Ретехе⁴⁶¹. Он рассказал мне следующее: «Когда принцы прибывают в эти края, полагается, чтобы местные жители вышли навстречу и принесли подарки.

---

⁴⁶¹ Округ в совр. провинции Риау (Восточная Суматра, Индонезия).

[Случилось так и на этот раз]⁴⁶². Все разошлись восвояси, оставив принца в одиночестве. Однако он повадился ежедневно посылать своих слуг за новыми и новыми дарами. Слуги шли и забирали все, что ни попадалось им на пути: ловили кур и коз, забирались на кокосовые и арековые пальмы и тому подобное. Никто не осмеливался и рта открыть или воспрепятствовать, ибо те несли с собой царское копьё. Заметив, что кто-то к ним слишком внимательно приглядывается, они ночью, когда все спят, пришли к дому этого человека и развязали веревки, которыми крепилась ведущая в дом лестница. Возвратившись на судно, они сообщили: «У такого-то в доме хранятся большие запасы белого риса (или «имеется множество коз»)). С самого раннего утра, когда хозяева дома ещё почивали, слуги принца вернулись и сделали вид, будто пытаются подняться в дом. Все закончилось их падением, и они поспешили доложить принцу: «По твоему приказу мы направились в дом такого-то, но, когда стали подниматься наверх, лестница развалилась и мы попадали вниз». Разгневанный принц заявил: «Возьмите мое копьё, идите и потребуйте у них сорок риалов. И никаких возражений!» Обрадованные слуги явились с копьём и сказали: «Раджа взыскивает с вас сорок риалов». И тут уж волей-неволей надо было раскошелиться: или продать что-то, или положить в заклад. В противном случае у человека забирали детей и оставляли под залог или продавали в рабство, чтобы возместить эти сорок риалов. Вот какие бесчинства и произвол творят эти принцы».

Если вести о проделках сыновей доходят до правителя, он пропускает их мимо ушей и лишь посмеивается. Разбираться с детьми он не станет, опасаясь их обиды, а то и гнева. Есть такая поговорка: «Точь-в-точь как огонь: пока мал — он тебе друг, а вырастет — станет недругом». Жертвой этой напасти становится весь народ. [Правители] полагают, что Аллах вручил им ключи от царства земного, и потому потакают всем своим желанием — и разумным, и нет. Следуя порывам страстей, становятся их рабами. Хорошо было бы, конечно, иметь вечную жизнь! Однако Господь учит, что всякий живущий умрет, а за гробом ты непременно предстанешь перед судом,

---

⁴⁶² Рассказчик постепенно переходит от описания обычая в целом к конкретному случаю, имевшему место в Ретехе, а заканчивает опять обобщением.

где и решат, хорош ты был или же плох. Не лишился ли ты слуха? Не ослеп ли? Неужели не слышишь и не видишь, по каким обычаям и законам живут европейцы? Прежде чем казнить человека, чья вина очевидна и который этого заслуживает, они досконально изучают вопрос, размышляют, обсуждают, проверяют, собирают свидетельства. Затем, даже если все присяжные согласны со смертным приговором, судья ищет способ сохранить ему жизнь. И уж потом, если не остается выбора, свершается правосудие — его приговаривают к казни. Да благословит Аллах королеву Викторию!

Возвращаясь к рассказу об Абдул Кадире, который стал называться Тенгку Мудой. Итак, без каких-либо усилий простолюдин стал раджей. Удивительное дело! У китайцев есть такой обычай: когда кто-то умирает, его братья и сестры делают из бумаги дом⁴⁶³ со всем полагающимся содержимым, лошадей и повозку, коробки с бумажными монетами и все это сжигают со словами: «Теперь у покойного есть дом и конный экипаж для поездок». Не большего труда стоило превращение Абдул Кадира в Тенгку Муду. Малайцы только глаза таращили: то он наряжался по-келингски, то по-малайски, носил крис на царский манер, расшитый золотом парчовый каин, баджу-сикап⁴⁶⁴ и золотошвейный платок. Оба сына государя одевались по-келингски и носили широкие брюки и длинные баджу. Странно было глядеть: то малаец обернется келингцем, то келингец — малайцем. В ту пору сыновья султана были еще малы. Сам же султан считался таковым только на словах. Главным во всех финансовых вопросах был Абдул КаDIR.

Несколько дней спустя меня пригласили к нему. Пришли и сказали: «Энчик, Тенгку Муда просит тебя явиться». Я отправился. Он встретил меня со всей учтивостью, предложил занять место рядом с ним и сказал: «Позвал я тебя вот зачем: мне нужна собственная печать. Сделаешь?» Отвечаю: «Это не по моей части». Он сказал: «Не таись! Знаю от других, что ты изготовил печать для господина Раффлаза и еще несколько печатей для малайских раджей». Я ответил: «А что на ней должно быть написано?» Тут он достал лист бумаги, на котором значилось: «*Al-wathik billah Tengku Muda bin al-sultan*

---

⁴⁶³ В оригинале «дома», однако по смыслу речь идет об одном-единственном доме.

⁴⁶⁴ Вид рубашки или куртки, часть костюма малайского раджи.

Husin Syah»⁴⁶⁵. Надпись насмешила меня, и подумалось мне: породил его один человек, а отцом он именует другого. Прямо по малайской поговорке: «Буйволиное молоко объявили коровьим». Заметив мою улыбку, он сказал: «Понятно, что тебя рассмешило». И долго меня уговаривал. Я начертил эти слова, как полагается на царских печатях, а затем ювелир изготовил печать размером с рингит. Каждое отправленное им письмо было с этой печатью. Люди дивились и посмеивались, а его нелепый поступок стал предметом шуток.

Несмотря на все эти поступки и привычки, он владел искусством вежливого обхождения и умел расположить к себе людей. Во время беседы он к месту употреблял обращение «энчик» или «господин» и ставил себя в положение нижестоящего. Благодаря его умению принизить себя многие отзывались о нем с похвалой. Такие манеры и приемы малайцам, на мой взгляд, совсем не присущи — это свойство келингов. Сам Абдул КаDIR был родом оттуда, потому и умел понравиться. Его любили очень многие. Сколь справедливо мудрое речение: «Благонравие и воспитанность — ключ к сердцу каждого»!

Спустя еще несколько дней из Муара⁴⁶⁶ в Малакку прибыл Тенгу Саид: его отец, теменггунг Муара, скончался, и Тенгу Саид просил султана возвести его в эту должность. Он пробыл в Малакке несколько дней, и наконец 15 сафара 1251 года⁴⁶⁷ султан Хусейн Шах объявил его теменггунгом Муара. Он стал прозываться Теменггунг Сери Махараджа⁴⁶⁸ и начал исполнять обязанности отца. Состоялся многлюдный пир, и я тоже был в числе гостей. Присутствовал там и господин Сэмюэл Гарлинг.

Позднее султан переехал в дом, стоящий напротив прежнего, который он сдал вдове Краала⁴⁶⁹, и обосновался там. Дворцовые служанки, прибывшие с ним из Сингапура, мало-помалу разбежались.

⁴⁶⁵ «Доверяющий Аллаху (или Уверенный в Аллахе) Тенгу Муда, сын султана Хусейн Шаха» (ар.).

⁴⁶⁶ Портовый город к ю.-в. от Малакки.

⁴⁶⁷ 11 июня 1835 г.

⁴⁶⁸ Придворный титул, в средневековых малайских султанатах — почетное прозвище бендахары (первого министра). Титул Сери Махараджи мог носить и теменггунг [Ревуненкова, 2008, с. 102].

⁴⁶⁹ Kraal, Hendrik (1758–1826) — бывший сотрудник голландской Ост-Индской компании и член голландского Суда в Малакке.

Из прислуги остались одни келингцы, мужчины и женщины, ибо жизнь Абдул Кадира держалась, по поговорке, «словно яйцо на кончике рога». В ночное время он не осмеливался покидать дом. Многие из отпрысков малайских раджей и их сановников приезжали в Малакку, чтобы встретиться с султаном, но их не допускали к нему.

Вскоре все изменилось. Султан занемог и, проболев пять-шесть дней, 10 числа месяца джумада ал-авваль 1251 года⁴⁷⁰ скончался, покинув мир земной и перейдя в вечность. Спустя три дня состоялась церемония погребения в полном соответствии с обычаями царских похорон. На этом рисунке показаны погребальные носилки, сбитые из досок, обтянутых желтой тканью, украшенные цветами и умащенные благовониями.

По четырем углам носилок шли четыре человека, держа подносы, наполненные цветами вперемешку с кусочками золота и серебра, а также желтым рисом, и сыпали ими на землю по ходу процессии. Люди в безудержном порыве бросались подбирать золото с серебром, и были их тысячи, всякого роду-племени. Тело покойного несли восемьдесят человек, каждому из которых за это полагалось по рупии, но многие помогали и без платы. Над погребальными носилками возвышался желтый зонтик.

По мере их движения к могиле каждые пять минут из форта доносился оружейный залп. Я насчитал пятьдесят девять залпов — по числу лет жизни султана. Компания выстроила почетный караул из двадцати четырех сипаев, трижды выстреливших из ружей: в момент, когда погребальный кортеж тронулся с места, затем на полпути и, наконец, при его приближении к могиле. Кроме того, Компания отрядила туда оркестр из двенадцати человек. Их музыка звучала, как плач, и до глубины души трогала присутствующих. Резидент, господин Сэмюел Гарлинг, магистрат, высокопоставленные лица и офицеры из числа находившихся в Малакке с белыми шарфами через плечо следовали за кортежем до могилы. Место погребения именовалось Талангкирах, где проживал отец Абдул Кадира, Тамби Ахмад Сахиб.

---

⁴⁷⁰ 3 сентября 1835 г. В переводе Хилла указана иная дата — 12 декабря 1835 г. [Hill, 1970, p. 277].

Заупокойную молитву на могиле султана читал Хатиб Махмуд бин Хатиб Муса, хатиб келингцев-мусульман. Пока султан был жив, он по любому делу посылал за ним. Хотя в Малакке были и малайские хатибы, и малайские мечети, он не ходил туда молиться и не обращался туда ни по какому, будь то хорошему или же плохому, поводу. У Хатиба Махмуда был младший брат по имени Хаджи Абдуллах. Он был наставником двух сыновей султана и обучал их чтению Корана.

Согласно обычаю, принятому у венценосных особ, в течение нескольких месяцев, начиная с дня похорон, у могилы читали Коран, над нею была воздвигнута кровля и возжигались лампы и светильники. После кончины султана все его приближенные, Абдул Кадир и сыновья государя носили траур и по обычаю древних малайских правителей ходили с непокрытой головой.

Вскоре после смерти султана по Малакке разнеслась весть, будто его сын Тенгу Абдул Джалил⁴⁷¹, проживавший в Паханге, и Тенгу Чик⁴⁷², сын сингапурского теменггунга, вместе с раджами из Риау намереваются прибыть в Малакку, с тем чтобы забрать прах султана в Риау и захоронить рядом с могилой его отца, покойного султана Махмуда Шаха. Новость облетела Малакку, и люди стали опасаться беспорядков: возможно, те намереваются забрать останки силой, а вот пойдут ли на это [другие] сыновья султана и Абдул Кадир — еще неизвестно. Спустя несколько дней Тенгу Абдул Джалил и Тенгу Чик прибыли за прахом султана. Явившись к господину Гарлингу вместе с большой свитой, они сообщили ему о своем намерении. Как я мог видеть, все они носили траур по умершему государю и шли с непокрытыми головами. Господин Гарлинг взялся уладить вопрос с вдовой и сыновьями султана, но те не согласились удовлетворить желание раджей. Об этом Тенгу Чик и Тенгу Абдул Джалилу сообщил господин Гарлинг, поскольку сама вдова султана не захотела их видеть.

Видя бесплодность своих усилий, они разъехались — кто в Сингапур, кто в Риау. О дальнейшем поведею лишь вкратце. Вдова султана и Абдул Кадир переехали в Лири, местечко в четырех милях

---

⁴⁷¹ Сын султана Хусейн Шаха, г.р. 1813.

⁴⁷² Сын Абдул Рахмана, теменггунга Сингапура (р. 1810).

от Малакки, близ Танджунг Келинга. Там же спустя некоторое время скончался и Абдул Кадир, прозывавшийся Тенгку Мудой.

Рассказывает владелец этой истории, что 20 числа месяца джумада ал-ахира 1251 года, или 12 октября 1835 года по христианскому летосчислению, или же 28 числа месяца пураттаси⁴⁷³ года Манмада⁴⁷⁴ по индийскому календарю, я взялся за перевод прекраснейшего сочинения — «Панчатантры» — с индийского языка на малайский, где оно было озаглавлено как «Галила и Дамина»⁴⁷⁵. Мне помогал друг, знаток этого языка Тамби Муту Бирапаттар, живший в Малакке, в Кампунг Масджид Келинг⁴⁷⁶.

В перевод сей книги я втянулся потому, что обнаружил в ней множество историй, изречений, притч, примеров и образцов, помогающих читающему воспитать свой ум, обрести мудрость и смекалку. Конечно, все эти рассказы и предания — плод вымысла, и я не призываю вас брать их на веру. Разве самому мне неизвестно, что они написаны людьми и все это неправда? Думаю, что следует улавливать их суть, но выбрасывать шелуху. Иные учителя по собственной глупости требовали сжигать старинные малайские книги и повести, имевшиеся во многих малайских городах, из-за того только, что все там рассказанное — сплошная небывальщина и вздор. Но неужели же вы примете вымысел за чистую монету? Оставим себе [эти книги] и обратим свое внимание на то, как они написаны, как строится высказывание и как достигается его изящество и благозвучие. Благодаря этому вы научитесь сочинять книги, где все будет истинно, правдиво и, наконец, полезно.

Завершив перевод «Галилы и Дамины» на малайский, я в тот же год отбыл в Сингапур, чтобы работать, как и прежде. Спустя месяц после моего приезда ко мне явился господин Бустед и принес бумагу, написанную по-английски, — соглашение, которое заключили между

---

⁴⁷³ Согласно тамильскому календарю — месяц, приходящийся на период с середины сентября до середины октября.

⁴⁷⁴ Manmatha (மணிமத) — 29-й год тамильского 60-летнего годового цикла.

⁴⁷⁵ «Калила и Димна» — арабский сборник поучительных рассказов, восходящий к индийской «Панчатантре». Ее перевод на среднеперсидский язык (VI в.) получил название «Калила и Димна».

⁴⁷⁶ Букв. «в квартале келингской мечети» — т.е. тамильском квартале.

собой сингапурские негоцианты из числа всех местных народов. Их объединение именовалось по-английски Commerce Chamber⁴⁷⁷, что по-малайски значило: «Купеческое собрание». Соглашение состояло примерно из двадцати шести параграфов, но перечислять их я не буду, чтобы не затягивать рассказа. Упоминаю же об этом как о широко известном событии, важном для англичан и других местных народов. Обойдусь поэтому без подробностей.

Сию бумагу господин Бустед попросил перевести на малайский. Все, касающееся положений, правил, финансовых обязательств, я перевел тщательно и четко. На следующий же день поутру в верхней гостиной дома господина Армстронга собрались сотни торговых людей всякого роду-племени, каких только ни было в Сингапуре. Все они расселись вокруг длинного стола, а затем один из коммерсантов-англичан встал и зачитал по всеуслышанию это уложение. Когда документ прозвучал по-английски, позвали меня, чтобы огласить малайский перевод. Я прочел его полностью. По окончании все встали, приветствуя господина Джонстона — главного учредителя сообщества. Оно и поныне действует в Сингапуре.

Надо сказать, что в Сингапуре есть еще один коммерческий союз, объединяющий одних лишь китайцев и именующийся Кенг Тек Конгси. Поначалу в его составе было тридцать шесть членов. Каждый делал взнос в сто рингитов, затем избирался глава, и в его присутствии каждый присягал на верность союзу. Впоследствии, если один из его членов беднел или вообще оставался без средств, из доходов сообщества направлялись средства на поддержку его самого или же его вдовы — при условии, что она более не выйдет замуж, или детей до их совершеннолетия. В составе союза был один делопроизводитель и четверо казначеев, за которых другие давали свое ручательство. Помимо первоначальных тридцати шести членов союза в него со временем вступили еще многие. Деньги пускались в рост, и мало-помалу эта сумма росла, а ныне уже достигла значительной величины.

В ту пору в Сингапуре разорилось немало китайских купцов, отчего пострадали и многие европейские коммерсанты. Немало

---

⁴⁷⁷ Торговая палата.

китайцев оказывалось в тюрьме из-за многотысячных долгов, и тогда их собратья по союзу распродавали имущество должника и делили выручку между собой.

Глава 25. Об английской церкви Сингапура

Расскажу теперь про английскую церковь в Сингапуре. На участке, где ее строили, ранее простиралось поле. Когда я впервые оказался на том месте, ни леса, ни больших деревьев там не было, только кустарник и низкорослые деревья — родомирт⁴⁷⁸ и рододендрон⁴⁷⁹. Господин Фаркухар предпринял расчистку поля, и спустя несколько дней там были расквартированы сипаи со своими начальниками. Когда же господин Кроуфурд вступил в должность резидента⁴⁸⁰, сипаев разместили подальше, близ дороги в Телук Беланга: там они разбили свой лагерь и построили каменные дома для офицеров. А прежнее поле с той поры пустовало, на нем устраивали конские состязания, а под вечер европейцы приходили туда на прогулку. Вскоре на этом месте один за другим стали появляться дома, а всего для них было построено шесть или семь зданий.

Наступил 1254 год, или 1838 по христианскому календарю, когда в Сингапуре правителем был господин Бонхэм, а господин Уингроув командовал сингапурской полицией. Тогда-то все сингапурские британцы и приняли единодушное решение о строительстве большой церкви, ибо прежде имелась лишь маленькая, воздвигнутая пастором Томсеном, там и собирались для молитвы все англичане. Придя к соглашению, они сделали денежные взносы, каждый сообразно со своими возможностями. Свой взнос сделали и Компания, и англичане, жившие в других краях. Начались работы. Главным

---

⁴⁷⁸ Karamunting — родомирт опушенный или войлочный (*Rhodomyrthus tomentosa*), кустарник или маленькое дерево семейства Миртовые.

⁴⁷⁹ Sekeduduk — меластома малабарская (*Melastoma malabarthicum*), индийский рододендрон, цветковое растение семейства Меластомовые.

⁴⁸⁰ Март 1823 г.

лицом здесь стал господин Коулман. По завершении строительства здание выглядело именно так, каким мы его видим и поныне.

Хочу поведать вам, достопочтенные читатели, о нелепых пред-рассудках, присущих, в частности, малайцам, келингцам и китайцам Сингапура и Малакки. Постройка завершилась. Рядом с ней пролежала дорога, и слуги Компании⁴⁸¹, находясь в церкви, стерегли ее имущество. Затем поступило распоряжение не подпускать народ близко к церковному зданию. У церкви было четыре входа, и по всей окружности она была обсажена бамбуком. Но сколько ни запрещали людям ходить там — все было без толку. Их своеволие приводило в ярость слуг Компании. Обнаружив, что кто-то оказался за забором и бродит там, они гнались за человеком, размахивая палками, и тот с перепугу обращался в бегство, возомнив, что его хотят прикончить.

Однажды жертвой преследования пали четверо или пятеро путников, следовавших по дороге со стороны Кампунг Гелам. Они разбежались кто куда и при этом вопили: «Слуги Компании, что у церкви, убивают людей!» Через день-другой поползли всевозможные слухи. Некоторые говорили: «Правитель повелел убивать людей, отрубать им головы и кормить ими духов, обитающих в церкви. Эти самые духи явились ему во сне и потребовали себе человеческие головы, а коли не даст — прикончат и его самого, и его подчиненных». Иные утверждали: «В церкви вырыта яма, туда эти головы и складывают». Были и те, что объявляли: «Есть случаи пропажи детей, их убивают слуги Компании». Один-два человека обратились в полицию, но их и слушать не стали, сказав: «Коли найдете убийц — ведите их сюда». Пошли разговоры: «Все начальники тут заодно, потому и не вмешиваются».

Глупые и лживые сплетни поползли по городу, передаваясь из уст в уста. Повсюду царил страх, детей перестали выпускать на улицу. Выходя из дома, люди держали ухо остро и имели при себе оружие. К кому бы я ни зашел, кого бы ни встретил, меня спрашивали одно: «Это правда или нет?» Я поднимал их на смех и объяснял: «Сплошная ложь, да и только! У англичан такое не в обычае, а их законы и уложения того не позволяют. Они не верят в духов с шайтанами

---

⁴⁸¹ В оригинале *hamba Kompeni* (рабы, невольники, батраки, слуги). По-видимому, имеются в виду рабочие-каторжники, так же они обозначены и в переводе Хилла — *convicts*.

и в подобные сны тоже. Разве вы сами не видите? Англичане правят нами уже давно, и если, скажем, один человек лишит жизни другого, то, куда бы ни сбежал убийца и как бы ни был готов откупиться и заплатить за то тысячи ринггитов, по закону его ждет виселица. Ну а если поймать его не удастся, они, не колеблясь, применяют военную силу или заплатят за поимку большие деньги и не успокоятся, покуда не арестуют его. Слыханное ли дело, чтобы слугам Компании приказали убивать людей посреди города и приносить их головы в церковь! Те, кто верит в подобные слухи и домыслы, — недоумки и негодяи!»

Нашелся, однако, некий уже убежденный сединой глупец и болтун, что объявил: «Все это правда! Вчера я видел в Кампунг Геламе одного из слуг Компании, таившегося под покровом темноты». Я ответил: «А может быть, он задумал что-нибудь украсть или, скажем, сбежать?» Он отозвался: «Намедни в час ночи в Телук Аир слуги Компании гонялись за китайцем, чтобы учинить расправу. Шуму наделали порядочно, народ принялся вооружаться, словно на войну». Его слова меня удивили: по-видимому, все так и происходило, ведь о том рассказывали многие, отнюдь не случайные люди. И подумалось мне: а если это правда? Пристыженный, я умолк и не стал спорить, но хорошо запомнил все, о чем говорилось.

После полудня я направился в Телук Аир. Мне не терпелось проверить, так ли все было в действительности. Разобравшись, я понял: произошло то, о чем гласит малайская поговорка «На словах краше, чем на деле», — все оказалось выдумкой. Местные китайцы поведали мне: отнюдь не слуги Компании, а полицейские избili китайца-разносчика, который громогласно расхваливал свой товар, подняв шум посреди ночи. Когда полицейские угостили его палками, он, вопя во все горло, бросился бежать. Люди перепугались и решили, что это — дело рук слуг Компании. Принялись кричать, будто те преследуют китайца. Вот как бывает: сделали из мухи слона, сгустили краски. Так у них голова устроена: о чем ни услышат — берут на веру, будь то хоть правда, хоть вымысел. И слова им не скажи поперек.

Как-то ночью поднялся переполох в торговом квартале. В ближайшем соседстве от него многие келингцы располагались на ночевку

под открытым небом, вплоть до самого берега. И вот в два часа ночи один из них встал по малой нужде и в темноте задел ноги спящего товарища. Тот проснулся и, увидев стоящего рядом, принялся вопить, что слуга Компании явился за его головой. Переполошившись, люди вскакивали и опрометью пускались бежать в темноте, спотыкаясь и валясь друг на друга. Некоторые, падая, разбили себе лицо о камни, четверо свалились в реку. Началась паника. Обитатели домов выходили на порог с оружием в руках. Там и тут метались полицейские. Кто-то возвещал: «Напали китайцы!», а другой: «Слуги Компании уже обезглавили четверых!» Оглушительные вопли келингов были сродни раскатам грома. Бурной выдалась эта ночь! Одни рыдали, другие голосили. Стали появляться европейцы, желавшие узнать, что происходит. Тот же человек, что собирался по малой нужде, стоя, возглашал: «Не было никаких слуг Компании, это был я, не бойтесь!» Однако среди общих криков его голос не был услышан. Кто-то заявил: «Я видел, как слуга Компании спрыгнул в реку. Сейчас он перебирается на тот берег». А другой: «У него при себе длинная сабля». Вскоре там собралось множество европейцев, чтобы разобраться в сути дела. Они поняли, что все это фантазии и что просто у людей ум за разум зашел. Если, скажем, человеку боязно ходить по лесу, то и в листьях, шевелящихся на ветру, ему мерещится тигр. Вот так и с ними обстояло дело.

Хотя слухи не подтвердились, им по-прежнему верили, и всюду царил страх. Ни о чем не говорили, кроме как о слугах Компании. Примерно неделю спустя мне пришло письмо из Малакки, от жены. Распечатав его и ознакомившись с содержанием, я расхохотался. Жена сообщала, что пребывает в тревоге и скорби. Круглые сутки двери ее дома заперты, ибо в Малакке прослышали, что вскоре туда за головами придут слуги Компании. Некто объявил, будто сам был свидетелем прибытия тридцати слуг Компании с трубой, куда сложат головы, якобы по приказу сингапурских начальников, ибо голов, добытых в Сингапуре, им было недостаточно.

И вот теперь вся Малакка не смыкает глаз. По ночам выходить на улицу страшно: вооруженные слуги Компании устраивают засады здесь и там, и многие уже недосчитались своих детей и стариков.

Жена настоятельно просила меня не бродить по Сингапуру в ночное время и быть настороже, потому что голов для церкви еще собрано недостаточно. И добавила: «Я заказала у мастера железный засов на дверь — боюсь, как бы слуги Компании не взломали ее. И постарайся далеко не отлучаться, оставайся в черте города».

Прочитав сие нелепое послание, я поспешил написать ответ, объяснил причину случившегося и наказал: «Не верь лживым бредням! Уж я-то знаю, с чего все началось. В самом Сингапуре из-за этого слуха все словно ума лишились». В письме я растолковал, что по законам и обычаям англичан таковое просто невысказано: они не верят в духов, шайтанов, сны и прочую чушь, не станут убивать людей без повода, а уж тем более забирать их головы. Одни лишь глупцы и убогие верят в подобные басни. В завершение я наказал жене: «Покажи мое письмо всей родне из нашего кампунга, пусть не тревожатся».

Когда волнения улеглись, я вернулся в Малакку, ибо получил весть, что наша дочь Сити Лела тяжело захворала. Спустя два-три дня после моего прибытия в Малакку свершилась воля Аллаха, и она скончалась. Я был в отчаянии, а мать еще больше. Дочку я очень любил. К своим восьми годам она преуспела в учении, была понятлива, рассудительна и стала нашей любимицей. Я был привязан к ней всей душой. Ее похоронили у келингской мечети за михрабом⁴⁸², и я изо дня в день ходил на могилу и предавался скорби. Когда это уже вошло мне в привычку, она стала являться мне словно бы наяву. Однажды вечером, около половины восьмого, я пришел, чтобы поплакать в одиночестве у места ее погребения. Взглянув на могилу, я внезапно увидел, что моя дочка играет на песке. Я бросился к ней, но обнаружил, что ничего, кроме песка, там нет. Догадавшись, что это нечистый ищет моей гибели, я в ту же минуту дал Аллаху обет, что больше не стану скорбеть и оплакивать дочь. Вернувшись домой, я призвал жену забыть о скорби и слезах и рассказал о своем видении. Она же просила меня дать ей добрый совет, помогающий обрести душевный покой.

Идя навстречу ее просьбе, я обратился к сочинениям, уже упоминавшимся мною ранее. Не будучи знатоком в таких вопросах,

---

⁴⁸² Михраб — ниша в стене мечети, указывающая направление на Мекку (*кибла*).

я всемерно уповал на Аллаха и Его помощь в этом ничтожном деле, дабы тоске, что гонит сон и отвращает от пищи, был положен конец. Тогда же я взялся за написание небольшого труда под арабским заглавием «*Дава' ал-кулуб*», что по-малайски значит «Лекарство для сердца». В ней я хотел поведать о славе, уготованной родителям ребенка, умершего до совершеннолетия, о том, какой благодатью для них это обернется в Судный День и сколь велик грех тех родителей, что пребывают в тоске и скорби, облачившись в траурные одежды, оплакивают свою потерю и совершают иные поступки, противоречащие закону ислама.

Написав сей труд, я прочел его жене. С помощью Аллаха она вновь обрела радость жизни и перестала тосковать по дочери. И поныне к этой книге обращаются те, кто потерял детей, а иные и переписывают ее.

Тут до Малакки дошла весть, что в Сингапуре появилось немало американских пасторов и они намерены изучать малайский язык. Меня тотчас же потянуло в Сингапур — хотелось поглядеть, каковы из себя американцы. Похожи ли они на англичан? Или на темнокожих? За всю свою жизнь мне не доводилось видеть ни одного американца, я знал о них только понаслышке. Англичане рассказывали, что те живут на отдаленном острове посреди моря. Туда ссылали людей, совершивших преступления в Англии, а сейчас жителей на том острове и не счесть. Вот что я узнал от англичан.

Спустя четыре-пять дней я отплыл в Сингапур. Вскоре после приезда у меня состоялась встреча с пастором, господином Трэси⁴⁸³. Ничего необычного в его внешности, языке, цвете кожи, убранстве дома и костюме я не обнаружил. В ту пору он проживал у пастора Томсена. Мы разговорились, и я нашел в нем воспитанного и любезного собеседника. Он стал спрашивать, откуда я родом и чем занимаюсь, а я поведал ему всю историю своей жизни. Он сказал: «Есть у меня друг, господин Норт, он ищет человека, владеющего малайским языком, ибо намерен взяться за его изучение». Вскоре появился и сам господин Норт. Я обнаружил, что и он похож на англичанина,

---

⁴⁸³ Трасу, Ira (1806–1875), миссионер-протестант, глава издательства Американской миссии в Сингапуре в 1834–1839 гг.

не отличишь. Мы сели и стали беседовать. Явились тут и супруги господ Трэси и Норта, точь-в-точь англичанки, воспитанные и любезные в разговоре. Все это я взял на заметку и сравнил с тем, что прежде слышал о них. Договорившись об уроках с господином Нортом, я начал заниматься с ним, а также с его женой и женой господина Трэси. Уроки происходили ежедневно, и каждому было отведено особое время.

Как-то раз я беседовал с женой господина Трэси и принялся ее расспрашивать о том, как возникла эта страна — Америка, благодаря чему умножилось ее население и т.п. Она поведала мне следующее: «Нашими предками были англичане. Случилось так, что у четырех порядочных, достойных граждан возникла размолвка с английскими властями по вероучительным вопросам. В итоге они покинули страну и пустились в плавание, ища место, где бы обосноваться, и наконец добрались до Америки. В ту пору эта страна представляла собой один огромный лес. Ее коренное население напоминало джакунов и отличалось воинственностью. Обосновавшись там, пришельцы начали строить дома, селения, возделывать землю. Потянулись туда и другие, и образовалось целое сообщество. Весть о том распространилась по Англии, множество людей перебралось туда, и жизнь закипела. Затем между Англией и Америкой случилась война, поскольку американцы не хотели жить по указке англичан. Те навязывали им свои законы и принуждали к выплате непомерных пошлин. Американцы же были против и не желали оставаться под пятой англичан, что и привело к большой войне. Они едва не оказались в проигрыше, но дело спас отважный правитель американцев — Вашингтон. Благодаря ему страна выстояла. Вот почему и поныне американцы ежегодно празднуют день рождения Вашингтона. С тех пор наша страна больше не знала войн».

Ее рассказ убедил меня, что все было именно так: о том говорят сами поступки ее соотечественников. Я сравнил его с речами других, утверждавших, будто эта страна заселялась людьми, изгнанными со своей родины. Взвесив все, я пришел к выводу, что основы государства в Америке заложили самые достойные, лучшие из лучших уроженцы Англии. Вот доказательство: из плохого побега доброе

дерево не вырастет. Малайская поговорка гласит: «Может ли чистая вода течь из грязного источника?» И еще одна: «Если у истока вода нечиста, такова она и в нижнем течении». Это означает: если бы Америку создали негодяи, таковыми должны были быть и их потомки.

В то время жил в Сингапуре английский пастор, господин Джон Стронак⁴⁸⁴. Вскоре, в начале 1839 г., из Америки прибыл господин Бенджамин Пич Кисберри со своей женой, тоже американкой. Они были движимы благородной целью: содействовать просвещению малайцев. Поначалу, однако, никакой связи с английскими пасторами у них не было, они трудились в одиночку. Когда же господин Джон Стронак пригляделся к господину Кисберри и убедился в его усердии и добросовестности, то пригласил его стать членом их миссии. Он написал об этом в Англию, господина Кисберри приняли, и тот включился в общую работу. Он стал преподавать малайский, а господин Стронак — китайский язык. Господин Кисберри перевел с английского на малайский немало книг, а также учил малайских детей, что делает и поныне⁴⁸⁵.

Итак, я взялся обучать этих господ и их жен. Вскоре прибыли еще несколько американских пасторов и тоже стали у меня учиться. Наконец пожаловали господа Томсон⁴⁸⁶ и Янгблад⁴⁸⁷, оба с супругами. Уроки со всеми ними я вел по просьбе господина Норта. Позднее явился господин Травелли⁴⁸⁸, и я вел с ним занятия, куда он не поднаторел в малайском, научился читать книги и немного переводить с английского на малайский. Учиться-то они учились, но все усвоили по верхам и только, ибо вскоре им предстоял отъезд.

---

⁴⁸⁴ John Stronach (1810–1878 или 1888) — пастор, сотрудник Лондонского миссионерского общества, переводчик Библии. Прибыл в Сингапур в марте 1838 г. (по нек. данным — в 1837 г.).

⁴⁸⁵ Бенджамин Кисберри был основателем первых в Сингапуре малайских школ для мальчиков и для девочек [Макейсе, 1991, р. 448].

⁴⁸⁶ Frederick B. Thomson (1809–1848), американский миссионер. Прибыл в Сингапур в сентябре 1838 г., но уже через несколько месяцев отбыл в Батавию.

⁴⁸⁷ William Youngblood (1800–1859), американский миссионер. Прибыл в Сингапур в декабре 1838 г., но вскоре перебрался в Понтианак.

⁴⁸⁸ Joseph. S. Travelli (1809–1887), американский миссионер. Прибыл в Сингапур в декабре 1836 г. и в течение четырех лет работал в школе для китайских детей, открытой миссией.

Сам же господин Норт живо интересовался малайской идиоматикой и фонетикой, сравнениями, аллегориями, иносказаниями, примерами, намеками, что в ходу у малайцев. Он собирал малайские китабы, хикайаты, шайры и пантуны, что свидетельствует, на мой взгляд, о пытливости его ума. Мне довелось перевести на малайский немало его сочинений о европейской науке, о навыках, умениях и трудолюбии европейцев, о законах природы, об атмосфере, о таких изобретениях, как пароход и паровоз, об использовании газа, об американском водопроводе, об использовании пара, о ловле китов и еще множество историй о познаниях и технических достижениях европейцев, где объяснялось, каким образом малайцы могут получить и изготовить все это.

Работая у господ Норта и Травелли, я неоднократно навещался в Малакку. Выдался год, когда мне пришлось съездить в Паханг, Тренгану и Келантан с письмом господина Бонхэма, адресованным правителю Келантана. Плыли мы на двух шлюпках: одна принадлежала господину Скотту и называлась «Мэгги Лаудер», а другая — господину Бустеду и именовалась «Waterwitch⁴⁸⁹». Не буду описывать это путешествие подробно. Тем, кому любопытно узнать обо всех его обстоятельствах, советую обратиться к моему сочинению, где об этом рассказано все — от отплытия из Сингапура и вплоть до благополучного возвращения⁴⁹⁰. Мой рассказ был напечатан господином Нортом в виде книги, на одной стороне листа — малайским письмом, а на другой — английским⁴⁹¹. Я озаглавил эту книгу «Рассказ о плавании Абдуллаха»⁴⁹². Сейчас весь ее тираж уже раскуплен. Если она попадет вам в руки, вы сможете познакомиться с обычаями и законами, принятыми у малайских правителей, с обычаями этих краев и жизнью людей, их населяющих. Все это я подробно описал

---

⁴⁸⁹ (англ.) «Водяная ведьма».

⁴⁹⁰ Плавание состоялось в 1837 г. Книга, озаглавленная *Kisah Pelayaran Abdullah ke Kelantan* («Рассказ о плавании Абдуллаха в Келантан»), была опубликована в 1838 г. и стала первым в истории коммерческим изданием малайского литературного сочинения.

⁴⁹¹ Т.е. по-малайски в двух вариантах — малайско-арабским письмом *jawi* и латиницей.

⁴⁹² [Proudfoot, 1993, p. 658].

в книге. Из Парижа мне сообщили, что некий господин перевел мои путевые заметки на французский язык⁴⁹³.

До моей жены доходили слухи, будто я стал жертвой грабителей, кое-кто и поговаривал, будто я погиб во время Келантанской войны⁴⁹⁴. Не зная, что и гадать, мои близкие пребывали в тоске. Когда я вернулся, все мои сверстники и друзья-приятели из нашего кампунга явились ко мне с расспросами о поездке. Я прочитал им свои путевые записки. Всех несказанно удивляло, насколько обычаи, нравы, установления и законы малайских раджей отличаются от установлений и законов, принятых у европейцев.

Проведя несколько дней в Малакке, я вернулся в Сингапур и узнал, что господин Норт перебрался в Кампунг Бойан. Именно там мы с ним и начали работать над малайским переводом «Евангелия», ибо в прежней его редакции многие выражения звучали совсем не по-малайски или искажали смысл оригинала. Поэтому за работу пришлось взяться заново. Помимо этого, я был занят печатанием «Малайских родословий»⁴⁹⁵ и разными прочими делами.

Волею Аллаха случилось так, что я заболел брюшным тифом. День ото дня мне становилось все хуже, а тоска по дому только усугубляла мое состояние. Под конец я уже не мог ни есть, ни спать и рассудил: если смерть неизбежна, то уж лучше, чтобы рядом были и жена, и дети. Я стал отпрашиваться у господина Норты, и тот был вынужден дать согласие. В тот же день я, больной, отплыл в Малакку на шлюпке. В море нас встретили дождь и ветер, и мне стало еще хуже. Добравшись до дома, я потерял сознание, ибо болезнь разыгралась с новой силой. Близкие переполошились, в дом хлынуло множество народа. Меня напичкали лекарствами, я очнулся, но опасное положение сохранялось. Я не мог ни есть, ни спать и ждал скорой смерти. Время от времени сознание покидало меня. Примерно в три

---

⁴⁹³ Имеется в виду перевод, выполненный и опубликованный французским востоковедом Э. Дюлорье. См. [Dulaugier, 1850].

⁴⁹⁴ В ходе гражданской войны, разгоревшейся в то время в Келантане, у сингапурских коммерсантов было реквизировано четыре рыболовных баркаса. Разрешить конфликт посредством писем не удалось, и судовладельцы направили в Келантан миссию, где Абдуллах выступал переводчиком [Hill, 1970, p. 291].

⁴⁹⁵ «Малайские родословия», (Sejarah Melayu) — историко-литературный памятник средневековой Малайи. Абдуллах был первым публикатором его краткой версии (1840 г.).

часа ночи я попросил дать мне перо, чернила и бумагу. Жена рыдала, решив, что я умираю. Дрожащей рукой я написал завещание, где указывалось, какими деньгами, недвижимостью и прочим имуществом я обладаю. Назвал двух душеприказчиков, которым, в соответствии с завещанием, надлежало исполнить мою посмертную волю и распорядиться собственностью. Затем я вручил грамоту жене вместе со всеми ключами.

Настало утро. Я ощущал полное бессилие, мне было жарко из-за отросших волос, к тому же со дня отплытия из Сингапура в Малакку я не брился — мне не разрешали и говорили: «А вдруг от этого станет хуже?» Я отвечал: «Пожалуйста, разрешите! Умру, ну и пусть! Из-за отросших волос невозможно спать». Только тогда меня побрили, но думали при этом: «Он непременно умрет». Я же почувствовал облегчение, глаза стали слипаться, и сон овладел мною. Домашние собрались вокруг. Однако, по милости Аллаха, мой срок еще не настал, и я потихоньку начал поправляться. Спустя четыре месяца, проведенных мною на ложе болезни, Аллах даровал мне выздоровление, и я вновь обрел силы.

Когда по милости Аллаха я уже окреп, как-то вечером под пятницу моя жена почувствовала приближение родов. Мы не спали всю ночь. В пятницу в половине шестого утра шестого числа месяца раби ул-авваль 1256 года⁴⁹⁶ она разрешилась сыном. Произведя на свет дитя, она по воле Аллаха покинула сей бренный мир и переселилась в мир вечный, обретя достоинство мученицы⁴⁹⁷. Не могу поведать, объяснить и рассказать здесь, в этой книге, о своей скорби, тоске и печали. Сердце было разбито, словно упавшее на камень стекло. Иные тонут в море, я же чувствовал, что потонул на суше. Давным-давно мы соединились с моей любимой, и вот внезапно «словно ястреб налетел на курицу»⁴⁹⁸, и я ее больше не вижу. Еще горше мне было глядеть на детей, рыдающих по матери, «словно осиротевшие цыплята». В доме же все шло вверх дном, «словно в стране,

---

⁴⁹⁶ 8 мая 1840 г.

⁴⁹⁷ Syahid. Употребляется в значении «мученик/мученица за веру».

⁴⁹⁸ Здесь и далее Абдуллах использует малайские поговорки, в издании Кассима Ахмада они выделены курсивом.

оставшейся без правителя», где каждый творит что хочет. Новорожденный кричал от голода, не получая молока, а все мои вещи валялись в беспорядке. Только тут я осознал свою потерю: светоч моего дома угас. Скорбь теснилась в груди, мир померк в глазах, тучи обрушились внезапным ливнем. Я воздел руки к небесам и взмолился: «О Аллах, уповаю на Тебя и прошу, дабы ты, Господи, разлучивший меня с любимой, вновь соединил нас с нею в день, когда все усопшие воскреснут».

В три часа пополудни жену похоронили за михрабом келингской мечети. Терзаемый сердечной мукой, я воротился домой, тяжело вздыхая, и вознес Аллаху молитву: «Прошу, избавь меня от воспоминаний и неизбежной тоски!» Если бы не помощь Аллаха, не миновать бы мне сетей приспешников дьявола! И хотя раны мои зарубцевались, от шрамов избавиться не мог. Я чувствовал, что не смогу оставаться в этом доме: везде мне чудилась жена, ибо все там было устроено и украшено ею, и я вспоминал о ней снова и снова. Оставаясь в плену этих дум, я дней через десять обнаружил, что ослаб и что мысли мои путаются. И понял я: так продолжаться не может. Чтобы обрести душевный покой, мне надлежит продать все имущество и обстановку и забрать детей с собою на Пролив.

Приняв это решение, я наавтра же разобрался со своим добром, и вскоре все вещи были выставлены на продажу. Затем, получив деньги, я продал и дом, назначив весьма скромную цену: видеть его просто не было сил. Постройка этого красивого каменного здания обошлась в тысячу семьсот рингитов, теперь же я отдал его за пятьсот, а затем отплыл в Сингапур на поиски жилья. Один из друзей, что был мне вроде родного брата, приютил меня у себя в Кампунг Мелака. Там я построил дом, и дети из Малакки перебрались туда. Так состоялся мой переезд из Малакки в Сингапур.

Начиная с этого времени, я постоянно был занят писчей работой, занятиями с англичанами и господином Нуртом. Я также обучал господина Кисберри и переводил книжки с английского на малайский: сборник церковных гимнов с мелодиями, книгу «Генри и его няня»⁴⁹⁹

---

⁴⁹⁹ Возможно, имеется в виду детская назидательная книжка, выдержавшая к 1822 г. 5 изданий и переизданная позднее Американским Союзом воскресных школ (Lucy

да еще сочинения, рассказывающие о сотворении мира, о человеческом характере, о природе и небесных телах, солнце, луне, звездах и тому подобном. Была и книжка «Рождение Иисуса» и еще несколько коротких сочинений.

Как-то господин Стронак обратился ко мне с просьбой отредактировать перевод Евангелия, выполненный пастором Томсеном: в нем было множество ошибок, искажений смысла, да и стиль тоже хромотал. Причиной тому были присущая господину Томсену привычка настаивать на своем и неверное понимание [смысла слов]. Я согласился выполнить просьбу господина Стронака, и работа над переводом книги началась заново. Он знал греческий, понимал малайский и владел китайским, не говоря о его родном английском. Подспорьем для нас стали труды знатоков, разъяснявших смысл, суть и предназначение этой книги, что облегчало работу по редактированию и изменению ее слога сообразно с законами малайского языка. Оставались, впрочем, некоторые стилевые трудности, потому что эти господа⁵⁰⁰ были против любых изменений в таких несвойственных малайцам оборотах, как «Царство небесное», «уста Божии», «дети Божии», «Отец наш, сущий на небесах», «жизнь вечная» и т.п. Подобные выражения на слух малайцев звучат неуклюже. [Хорошо], если бы господа Стронак, Норт и Кисберри учли все это. В противном случае моей вины тут нет, и пусть потом меня не считают неучем, не владеющим малайским слогом. Меня уже однажды при переводе той же книги обманул господин Томсен, навязавший мне стиль, весьма далекий от малайского. И поныне меня именуют его учителем, а ведь он не может и не хочет следовать учительскому совету, у него-де своя голова на плечах! За это его и порицают. Вторично попасть впропуск мне не хочется. Как гласит малайская поговорка: «Пусть оленек и забудет о капкане, но капкан об оленьке — нет».

Однажды я отправился заниматься с господином Кисберри. Он показал мне удивительную вещь: медную пластинку длиной примерно в две пяди и шириной более одной пяди. На пластинке была

Lyttelton Cameron. The Story of the Kind Little Boy. Philadelphia, American Sunday School Union, 1827). Ее сингапурское издание состоялось в 1840 г. [Proudfoot, 1993, p. 658].

⁵⁰⁰ Т.е. миссионеры.

нарисована подробная карта Сингапура, причем все тени выдавались рельефно. Рассматривая их, я увидел, что на карте все, что ни есть в Сингапуре, было воспроизведено с точностью. Изумленный, я спросил: «Что это за диковина, сударь, и кто ее изготовил?» Он ответил: «Это недавнее изобретение — дело рук белых людей. Доктор с американского военного корабля привез необходимые инструменты. Пока я не разобрался сам, не могу тебе все объяснить. Однако он пообещал мне показать, как с этим управляться, в ближайший понедельник». Я был счастлив, что нам с ним удастся увидеть все воочию.

В понедельник я отправился проводить занятие. К полудню явился и доктор. Господин Кисберри приветствовал его и представил меня: «Вот мой учитель». Мы пожали друг другу руки, начался разговор. Господин Кисберри сказал: «Моему учителю не терпится посмотреть, как это работает и каким путем создавалась карта». Тот ответил: «Можно, только придется подняться на холм к господину Бонхэму⁵⁰¹, там находится все оборудование». Господин Кисберри встал и отправился за господином Стронаком, сказав мне при этом: «Подожди меня там, на холме, я скоро буду».

Я поднялся на холм, прочие тоже не заставили себя ждать. Я наблюдал, как доктор зашел куда-то и вышел, неся ящик, из которого торчало нечто вроде подзорной трубы. Съемная линза была диаметром с дуйт и состояла из двух слоев, причем внутренний ее слой был больше по размеру и увеличивал изображение находящегося перед ней предмета. Одна из стенок ящика открывалась. Доктор достал медную пластину шириной в одну пядь с лишним и длиной в две пяди, тонкую и отполированную до блеска. Он натер ее красноватым порошком, так что медная поверхность засверкала, словно зеркало. Затем достал какую-то емкость, наполненную порошком черного цвета, и положил отполированную пластину сверху, на расстоянии ладони от поверхности порошка. Минут через десять он поднял медную пластину. Цвет ее изменился: она стала красновато-золотой. Тут он поместил ее в ящик с трубкой и нацелил трубку на карту. Изображение проникало в трубку и попадало на медную пластину. Он заметил: «Если погода хорошая и жарко, все происходит быстро.

---

⁵⁰¹ Т.е. в резиденцию губернатора.

Если же плохая, приходится подождать». Затем он извлек пластину, но, как нам показалось, на ней ничего не было видно. Он унес пластину в затененное место и протер каким-то веществом. Был там еще какой-то ящик, а под ним наполненная ртутью ванночка. Он положил на нее медную пластину на расстоянии ладони от поверхности ртути. Под ванночкой поместили лампу, и ртуть стала нагреваться. Вскоре образовался ртутный пар и достиг медной пластины. Вещество, которым была протерта медь, разрушилось в тех местах, куда попало изображение из трубки, а там, куда свет не проник, осталось в целостности. Спустя положенное время медную пластину достали, и я своими глазами увидел на ней карту Сингапура, ни на волосок не отличающуюся от оригинала, во всей ее красе. Пластина с картой могла быть представлена на всеобщее обозрение и воспроизводила изображение точь-в-точь.

Я спросил этого господина: «А увеличить его возможно?» Он ответил: «Можно настолько, насколько необходимо. Все зависит от аппарата. Если он большой, то и изображение тоже». Придумал эту штуку некий француз, затем взялись за дело англичане и прочие европейцы. Случилось это совсем недавно, года четыре или пять тому назад⁵⁰².

15 числа месяца джумади-л'ахир 1256 года, или 3 августа 1841 г.⁵⁰³ несколько достойных и образованных англичан, проживающих в Сингапуре, позвали меня с собой встречать большой пароход «Сесострис», где находилось некое важное лицо, именуемое «полномочным»⁵⁰⁴. Оно должно было прийти на смену служившему в Китае капитану Эллиоту⁵⁰⁵ и занять место представителя Британской компании по вопросам англо-китайских отношений. Я последовал за этими господами.

---

⁵⁰² Речь идет о Луи Дагерре (Louis Daguerre, 1789–1851), изобретшем в 1837 году технологию проявления слабого латентного изображения при помощи паров ртути (дагерротипия).

⁵⁰³ Приведенная Абдуллахом дата хиджры соответствует 14 августа 1840 г., однако фактически здесь речь идет о событиях 1841 г.

⁵⁰⁴ В тексте *panapatensyari* (*plenipotentiary*) — полномочный. В широком смысле — дипломат, наделенный полномочиями представлять свое правительство.

⁵⁰⁵ Charles Elliott (1801–1875) — племянник лорда Минто, морской офицер, дипломат и колониальный администратор. В 1841 г. был отозван с поста полномочного представителя в Китае. Его сменил Генри Поттингер (Henry Pottinger, 1789–1856), ставший послом и главой торговой миссии в Китае, а позднее — губернатором Гонконга.

При виде корабля я был потрясен, увидев воочию плод знаний и умений, дарованных Аллахом человеку, готовому ревностно и усердно трудиться! Налюбовавшись кораблем и всеми имеющимися там диковинами, мы снова спустились в шлюпку. Сидя на носу, я размышлял об увиденном. Вдруг один из англичан, улыбнувшись, крикнул мне: «Энчик, напиши по-малайски обо всем, что ты видел, чтобы малайцы тоже об этом узнали». В ту минуту я едва мог пробормотать: «Если будет на то воля Аллаха, напишу». Данное другу обещание тяжким грузом легло на мои плечи. Но хоть я и не знаток в подобных вопросах, мне с помощью Аллаха удалось описать все, что я видел, слышал и ощущал: все, касающееся парохода, с начала и до конца, а уж правильно или нет — не ведаю. Господин Алфред Норт напечатал мое сочинение, получилась книжка толщиной в большой палец руки. Туда же были включены очерки о пользе пара, об устройстве паровоза и пр. Желаяющим взглянуть на сие сочинение советую обратиться к пастору Кисберри, у него оно наверняка найдется.

Несколько дней спустя на холме Телук Беланга Датук Бендахара из Паханга возвел Тенгу Чика, известного как Даенг Гангек, в должность теменггунга, которую прежде занимал его отец, Теменггунг Абдул Рахман. При сем присутствовал господин Бонхэм, губернатор трех областей: Сингапура, острова Пенанг и Малакки.

Глава 26. О губернаторе Баттеруорте⁵⁰⁶

28 августа 1843 г. христианского летосчисления в Сингапур прибыл губернатор Баттеруорт с супругой. Он стал правителем трех областей: Сингапура, Пенанга и Малакки. Впрочем, с недавнего времени ходили слухи, что с отъездом господина Бонхэма губернатором Сингапура должен стать господин Бланделл⁵⁰⁷. Спустя четыре-пять

⁵⁰⁶ William John Butterworth (1801–1856) — губернатор Стрейтс Сеттлментс в 1843–1855 гг.

⁵⁰⁷ Edmund Augustus Blundell (1804–1868). Вопреки слухам, он не стал губернатором и занял лишь пост резидента-советника Малакки, а позднее, в 1849 г. — резидента-советника Пенанга. На посту губернатора он сменил Баттеруорта лишь в 1855 г. и прослужил в этой должности до 1859 г.

дней после его прибытия в Сингапур там появился господин Баттерорт. Он и стал губернатором, а почему так вышло, мне неизвестно.

По прибытии он арендовал для себя особняк, именуемый «Сан Хосе». Вскоре, движимый желанием освоить малайский язык, он обратился ко мне, и я ежедневно давал ему уроки. После шести-семи месяцев занятий он постиг малайскую графику, но с разговорной речью дело не шло на лад. Работать приходилось много, и на учебу не хватало времени. Вежливый и благожелательный по натуре, он производил впечатление человека здравомыслящего и просвещенного. Также привлекли мое внимание характер и манеры его жены, ее обходительность и такт, уважительное обращение с людьми. Я ликовал при мысли об удаче, выпавшей на долю жителей Сингапура, — появлении доброго правителя, способного расположить к себе народ. Об этом его свойстве я мог судить, наблюдая за их отношениями с супругой, где царило полное согласие, ибо сам Аллах благословил их союз. Точь-в-точь по поговорке: «Словно молоко с сахаром, словно кольцо с самоцветом». Мудрецы говаривали: «Доброе дерево приносит добрые плоды». Вот каково мое мнение, а прав я был или не прав, со временем узнают и увидят люди.

Прежде всех его достоинств я упомяну умение заслужить приязнь местных жителей. Его занимало все, будь то представления ваянга, празднование Нового года или что-то иное, — везде он принимал участие, дабы порадовать людей. Понимая, что все это пустое занятие, он также знал, что таким путем завоеует их сердца. Второе достоинство — его деятельность по благоустройству улиц и переулков города. Обновлялись водоемы на перекрестках, насущно необходимые для тушения пожаров, и тому подобное. Третье достоинство, в котором я мог убедиться лично, — его действия во время большого пожара в Кампунг Гелам. Следом за всеми, перепачканный угольной пылью, он тащил насосы и метался в поисках источника воды для борьбы с огнем. Я рассказал о его поступке в «Поэме о пожаре в Кампунг Гелам»⁵⁰⁸. В Сингапуре я прожил немало лет, но видел впервые, чтобы правитель вел себя так. Прямо по пословице: «Доброе дерево приносит добрые плоды». А как он относился к малайцам! Помогал

⁵⁰⁸ Syair Kampung Gelam terbakar. См. [Sweeney, 2006, p. 175–196].

тем, кто оказался в беде, привозил людей, павших жертвой грабителей, в Сингапур, утешал, помогал деньгами, дарил подарки. Все эти поступки малайцам крепко запомнились.

Из всех его добрых деяний самым важным, на мой взгляд, было следующее. Со времен господина Раффлза безопасностью на море близ Сингапура, Малакки и острова Пенанг не озаботился никто из сингапурских правителей и губернаторов. Лишь губернатор Баттеруорт сумел совладать с этим бедствием. Прежде, невзирая на множество имевшихся там сторожевых кораблей, грабители, словно цыплята во дворе, подбирали все подчистую и даже крали рыбачьи лодки и тому подобное в малаккском порту. Плавание из Малакки в Сингапур было как бы нисхождением в могилу, ибо на полпути туда тысячи малаккцев разного роду-племени уже распрощались с жизнью и всем своим добром. Губернатор в Сингапуре и резиденты в Малакке и на Пенанге надзирали за работой суда и полиции, ограничиваясь территорией своего округа — и только. К рыданиям, воплям и горестям людей, павших жертвами грабителей, они оставались глухи. Один лишь губернатор Баттеруорт был готов им внимать. Аллах сподвигнул его искать пути, дабы избавить здешние моря от этой напасти. Изгнание пиратов совершалось при поддержке британских боевых кораблей, проявивших редкое мужество. Да благословит Аллах царствование королевы Виктории! Я же тысячекратно благодарю Его за мир и благоденствие, обретенное под сенью британского флага и под властью столь достойного правителя.

Все эти обстоятельства, а также доброта, присущая губернатору, способствовали его сближению с теменггунгом Сери Махараджей⁵⁰⁹. Они стали добрыми, верными друзьями, настолько, что теменггунг полностью передал ему бразды правления. Губернатор от всего сердца приветствовал его решение и относился к теменггунгу, как к родному сыну. Благодаря их сближению и взаимной симпатии губернатору удалось узнать имена пиратских главарей. Сам же теменггунг во всем следовал его указаниям, и затем, где бы ни скрывались разбойники, будь то даже в местах, недоступных для боевых кораблей

---

⁵⁰⁹ Temenggung Seri Maharaja (Temenggung Ibrahim, Tengku Ci', Daeng Ganggik) — сын теменггунга Абдул Рахмана, сподвижника Султана Хусейн Шаха.

и пароходов, за помощью обращались к теменггунгу, и он находил средство для их поимки. Таким образом губернатору удалось покончить с этой напастью — пиратством. Изготавливать боеприпасы самостоятельно пираты не умеют и поныне. Народу же было объявлено: тому, кто сообщит, где прячутся эти разбойники, положена награда. Самые известные и жестокие из здешних пиратских вожаков были задержаны теменггунгом, а их убежища уничтожены силами боевых кораблей. Одни попали на виселицу, а других отправили на каторгу в Бомбей. Упомяну в их числе лишь Панглиму Туджуха, а имена прочих мне неизвестны.

Учитывая заслуги теменггунга перед правительством, губернатор сообщил о них в Бенгалию. Генерал-губернатор принял решение отметить их особым подарком Британской компании, который теменггунгу Сери Махарадже должен был вручить губернатор Баттеруорт. Едва подарок доставили губернатору в Сингапур, как эта весть молнией разнеслась по городу. Сообщали, что теменггунг получил некий знак отличия, но какой именно, не ведали. Губернатор объявил об этом и назначил день, когда его вручат теменггунгу. Собралось множество людей, все хотели увидеть, что за подарок и как будет проходить его вручение.

Церемония должна была состояться первого сентября 1846 года, или 9 числа месяца рамадана 1262 г.х., на Правительственном холме⁵¹⁰, в резиденции губернатора. Собралась многотысячная толпа разноплеменного народа: большие и малые, старые и молодые, мужчины и женщины, хромые приковыляли, опираясь на палку, слепых привели, богатые прикатили в экипажах, а бедные пришли пешком⁵¹¹. На холме соорудили несколько шатров, и развлечений там было не счесть: малайские и келантанские танцы, гамбанги⁵¹², скрипки и тому подобное. Народ все прибывал и прибывал. В полном составе явились важные особы, европейские, китайские, арабские и келингские негоцианты. Затем при полном параде пожаловал и господин майор с прочими офицерами и множеством сипаев,

---

⁵¹⁰ Он же Заповедный холм (см. ранее гл. «О городе Сингапуре»).

⁵¹¹ Этот пассаж — распространенное эпическое клише, встречающееся во множестве произведений малайской хикайатной прозы.

⁵¹² Ударный музыкальный инструмент наподобие ксилофона.

выстроившихся в шеренги по обеим сторонам дороги, ведущей к губернаторской резиденции. Все главные персоны заняли положенные им места. Вскоре показался и теменггунг в большом экипаже, влекомом двумя мощными лошадьми, а с ним — султан Лингги и Тенгку Али, сын покойного султана Хусейн Шаха. Экипаж проследовал между двумя шеренгами солдат и наконец оказался у цели своего пути. Встречен он был салютом из орудий, а уж сколько прозвучало залпов — и не ведаю. Губернатор встретил всех троих на ступенях лестницы у входа и провел на веранду. Все выстроились перед портретом королевы Виктории, а затем четыре человека внесли ящик, где лежал меч. (Здесь вы можете видеть его изображение.) Когда губернатор открыл ящик, меч ослепительно засиял на солнце. Затем явился господин Генри Хьюэтсон⁵¹³, владеющий малайским, он должен был переводить слова губернатора Баттеруорта теменггунгу и всем присутствующим. Вот эти слова:

«Слушайте же, друзья мои и все собравшиеся! Всем вам известно, для чего мы собрались здесь сегодня. Не буду перечислять случаи налетов, грабежей и убийств, что совершались злодеями, пиратами и грабителями и от которых пострадали местные жители всякого рода-племени. Вам также известны мощь и неустрашимость британского военного флота, сумевшего прогнать отсюда их суда. Сегодня мы выражаем свою признательность за то, что сейчас в наших краях очень редко доводится слышать о разбойниках. Если порой они и появляются поодиночке, Компания задерживает их при содействии правителей Лингги, Паханга и Тренггану. Особое место в этом ряду занимает теменггунг, махараджа Джохора. И сегодня на меня возложена обязанность вручить ему этот меч, дар Британской компании, за его заслуги в борьбе против грабителей. Мы славим друга, удостоенного Британской компанией сего знака отличия и славы. С сердечной, искренней приязнью я преподношу ему дар Компании, блюдущей справедливость и умеющей быть щедрой. Ныне же да будет известно малайцам и китайцам, присутствующим здесь, что Британская компания желает всем вам мира и спокойствия, успеха и прибыли в торговых делах, которые ныне можно вести

---

⁵¹³ Henry Hewetson — клерк сингапурского магистрата [Sweeney, 2008, p. 578].

на всех островах нашего края. Но рано радоваться, покуда разбойники и злодеи живы! Потому-то я и прошу вашей помощи: ищите их и сообщайте, если что-то узнаете о разбойниках и злодеях. В случае их появления у Сингапурского пролива того, кто сообщит об этом, Британская компания отметит наградой».

Когда губернатор завершил речь, теменггунг Сери Махараджа почтительно принял в свои руки подарок и сердечно поблагодарил. Вот его ответная речь:

«Выражаю искреннюю благодарность Его превосходительству губернатору, полковнику Баттеруорту, за оказанную мне высокую честь. От всего сердца благодарю Его превосходительство генерал-губернатора, пребывающего в Бенгалии, за признание моих скромных заслуг и деяний на благо людей. Этот почетный, удивительный дар, коего я был удостоен, наполняет меня гордостью и возвышает душу. После меня носить его будут мои дети, внуки и правнуки. Благодарю господина губернатора за слова, сказанные в мою честь. Его благодеяния повергают меня в смущение. Ничего более сказать не могу, но сохраню все это в своей памяти на веки вечные. Рад подтвердить сегодня, что губернатор не жалел усилий, принесших много блага народу. Его деяния изумят будущие поколения. Станет примером его забота о благе всех, как богатых, так и бедных. Он — мудрый и дальновидный правитель, и да останется он таковым на долгие времена, дабы Господь, чьим промыслом существуют и ислам, и христианство, споспешествовал ему во всех его благородных делах. Аминь, аминь, аминь!»

Получив в дар сей знак отличия — меч, теменггунг возлюбил губернатора еще более. Он всецело предал себя ему и с еще большим рвением исполнял его приказы. Сам же губернатор также любил его и потому направил двух сыновей теменггунга в школу пастора Кисберри, где они могли бы изучать и родной малайский, и английский языки, а также писать на них. Сия чудесная новость разнеслась от наветренных до подветренных стран, служа примером и наставлением для тех, кто отстал от века. Уподоблю ее чудесному аромату — любой, кто его вдыхает, испытывает наслаждение, чувствует себя посвежевшим и светлеет лицом. Нрав и манеры губернатора я бы

сравнил с раскидистым деревом посреди поля, с зеленой листвою, благоуханными цветами и вкусными плодами, под сенью которого рабы Аллаха могут укрыться от жаркого солнца и вознести благодарственную молитву за то, что обрели приют и отраду. Об этом я сочинил следующий пантун:

Не подтянуть ослабнувшую бечеву,
Самому не сделать ее тугой.
Господин губернатор — хороший человек,
Он мудро правит страной.

Самому не сделать ее тугой,
Не обрезая тонких бечевок.
Он мудро правит страной
И умеет завоевать любовь народа.

Не обрезай тонких бечевок,
Опустив голову и свивая шнур.
Он умеет завоевать любовь народа —
Все обрели жизнь без забот.

Талисман на шнурке лежит в сосуде,
Девочка играет с обрывком шнура.
Господин сделал важное дело —
Изгнал разбойников из Пролива.

Девочка играет с обрывком шнура.
Взяв веточку агарового дерева, несешь его на ладони.
Изгнал разбойников из Пролива,
И теперь люди рады ездить туда-сюда.

Взяв веточку агарового дерева, несешь его на ладони,
А зажжешь — пламя видно издалека,
И теперь люди рады ездить туда-сюда.
Аллах благословил этого господина.

Как-то по Сингапuru пронеслась весть, будто англичане задумали идти на Китай войной, ибо китайцы преследовали их у себя в стране: слышал я, что их и убивали, и отрезали уши, и разбивали носы, и чего еще только ни творили! Вторая причина — китайцы

запретили им торговать опиумом у себя в стране. Всего этого стерпеть было нельзя, и англичане решили идти на Китай войной. Было доставлено армейское снаряжение, прибыли боевые подразделения всех родов войск, парусные суда, пароходы, кавалерия и тому подобное. Весть об этом разнеслась и в наших краях. В то, что Англия одолеет Китай, местные народы не верили, а китайцы особенно. Слушая, что Англия идет войной на Китай, они смеялись до упаду: «Ну и дурни же эти англичане! Пусть хоть тысячу кораблей приведут, им не победить. Чего ради Китаю обороняться? Если бы даже китайцы не сопротивлялись и позволяли себя уничтожить, их и через десять лет еще довольно останется!» Другие, люди почтенные и обеспеченные, приговаривали: «Если китайцы разом начнут мочиться, то затопят всю Англию». А еще кто-то сказал: «Англичане — безмозглый народ! Готовы отдать свои жизни китайцам ни за ломаный грош. Не только нынче, но и прежде десятки раз англичане пытались их одолеть — и все без толку! Ищут забот себе на голову». В ту пору, куда бы я ни пошел, везде велись все те же разговоры.

Ежедневно десятками прибывали корабли, и у всех целью был Китай. Спустя две недели разнеслась весть, будто Англия атаковала Кантон. Затем еще один корабль принес новость, что Кантон взят, и о том, что британские корабли ведут наступление на более отдаленные территории. Позднее сообщили, что эти районы были захвачены и что готовится соглашение между императором Китая и королевой Великобритании. Однако, несмотря на бесспорную достоверность сей новости, ни один из сингапурских и малаккских китайцев в нее не поверил, подобно лягушке, спрятавшейся под скорлупой кокосового ореха⁵¹⁴. Они утверждали: «Все это болтовня англичан. Неужели Англия способна добраться до места, где пребывает наш государь, разве ее корабли доплывут туда? А если отправятся, от них останется один лишь пепел». Спорить с глупцами было бесполезно, и я сказал: «Хорошо, допустим, что это ложь. Через несколько дней, когда придут письма от ваших родичей, вы узнаете, прав я был или нет».

---

⁵¹⁴ Seperti katak di bawah cempuring — так именуют человека ограниченного и не понимающего, что же происходит вокруг.

Миновало около двух недель, и начали приходить письма и газеты из Китая, где сообщалось, что война закончена и что китайцы готовы исполнить требование британского губернатора: признать свое поражение и возместить его военные расходы в размере двадцати одного миллиона ринггитов. Прочитав сию новость, я поспешил к тем китайцам, что объявляли ее лживой, и заметил, что при моем приближении они помрачнели. Мне предложили сесть. Я, не колеблясь, занял место и спросил: «Вам не писали из Китая? Что там слышно? И вправду от англичан остался один лишь пепел?» Они посмеялись и сказали: «Вчера на корабле прибыли китайцы и подтвердили, что Китай потерпел поражение и выплатил англичанам непомерную сумму денег. Поэтому англичане прекратили военные действия. В противном случае они с боями двинулись бы к месту, где пребывает император. Их пароходы уже добрались до цели и поджидали своих». Я ответил: «Все врут эти китайцы, бесовестно врут! Мыслимо ли такое? Ведь Англия не сегодня-завтра превратится в пепел или потонет в море китайской мочи!» Они захохотали и сказали: «Стоит удивляться хитроумию англичан». Затем продолжали: «Китайцы сооружали крепость целых два года. Трудились тысячи рабочих, установили восемьсот пушек. Все было сделано основательно. Но едва лишь подошли шестнадцать английских кораблей, выстроились в ряд и открыли огонь, как спустя пару часов от крепости остались одни обломки». Я отозвался: «Теперь вы сами знаете, каковы на вкус английские мандарины». Они сказали: «Ты был прав, энчик. Мы просто поражены».

Через пять дней объявили о договоре, составленном сэром Генри Поттинджером в Нанкине на борту флагманского корабля «Корнуоллис» 29 августа 1842 года, его сторонами выступали английская королева и император Китая. При этом присутствовали три посланца китайского императора: Ци Ин, И Либу и Нью Цзянь⁵¹⁵. Условия договора гласили:

«Первое. Впредь да пребудет мир и дружба между королевой Великобритании и императором Китая.

---

⁵¹⁵ Ци Ин — уполномоченный императора, И Либу — член императорской семьи, Нью Цзянь — генерал-губернатор провинции Цзянсу и Цзянси.

Второе. Император Китая обязан уплатить королеве Великобритании сумму в 21 миллион ринггитов, начиная выплаты с текущего года и в течение последующих трех лет, вплоть до полного ее погашения.

Третье. Подданным Великобритании будет дозволено пребывать для осуществления их торговых целей без беспокойства и стеснений в городах Кантоне, Амое, Фучжоу, Нинбо и Шанхае. Представители британской короны, консулы, будут проживать в каждом из этих городов, дабы следить за соблюдением правил торговли.

Четвертое. Остров Гонконг переходит в вечное владение Ее Величества Виктории, королевы Великобритании.

Пятое. Все британские подданные, будь то англичане или иноподданные, подвергшиеся в Китае заключению, должны быть освобождены.

Шестое. Император обязуется подписать и удостоверить печатью документ, согласно которому китайцы, находившиеся ранее на службе у британских подданных, подлежат освобождению и им возмещаются убытки.

Седьмое. Устанавливается прямой обмен корреспонденцией между высшими сановниками Китая и Великобритании на равноправной основе.

Восьмое. По получении согласия императора Китая на сей договор ему полагается уплатить 6 миллионов ринггитов, дабы флот покинул Шанхай и Нанкин; однако острова Гулансу и Чусан, а также Шанхай будут заняты силами ее величества вплоть до выплаты контрибуции в полном размере. Тогда все эти области будут открыты для торговли законным образом⁵¹⁶».

По составлении документа он был доставлен в Пекин, где 8 сентября 1842 г. его подписал китайский император. Затем договор был отправлен в Англию, где 31 декабря 1842 года королева Виктория приложила к нему печать⁵¹⁷. *Один лишь Аллах ведает истину.*

---

⁵¹⁶ Оригинальный текст Нанкинского англо-китайского договора о мире, дружбе, торговле, возмещении убытков и т. д. от 29 авг. 1842 г. см. [Hertslet, Parkes, 2012, p. 7–12].

⁵¹⁷ Ратификация договора состоялась в Гонконге 26 июня 1843 г.

Я же прилагаю к сему повествованию печать признательности и благопожеланий обеим сторонам: как сочинителю, так и тем, кто будет читать или внимать чтению этой книги. С сокрушением объявляю, что я не сумел избежать ошибок, оплошностей, пропусков по забывчивости, посему и прошу прощения у всех вас, господ⁵¹⁸ и братья мои, за свою глупость, неученость, непросвещенность, недаровитость и недостойнство. Один лишь Аллах мой владыка, к Его помощи я взывал, ибо полагал, что написанная мною книга будет полезной по ряду причин. Во-первых, нынешнее поколение сможет узнать из нее о событиях давних времен. Во-вторых, люди смогут взять за образец поступки, манеры, трудолюбие и прилежание тех достойных людей, о которых шла речь в этой книге и чьи имена с благоговением повторяют новые поколения. В-третьих, люди смогут избежать мучений в загробном мире, если они своим нравом и поступками не будут уподобляться мерзавцам, упомянутым в этой книге и заслужившим презрение потомства. В-четвертых, она послужит образцом для всех, кто берется изучать малайский язык: в ней показано, как выражаться кратко, как начинать фразу, как строить высказывание, продолжать высказывание, придать ему благозвучие и тому подобное. Там можно найти и сведения о малайской стилистике, о метафорах, пантунах, аллегориях, сравнениях и иносказаниях, используемых малайцами.

Если Аллах продлит мои дни, я продолжу работу над вторым томом этой книги. Да поможет мне Аллах в осуществлении этого замысла! И да благословит Он и меня, и моих читателей! Аминь.

«История Абдуллаха» писана⁵¹⁹ в Сингапуре, в Кампунг Мелака 4 числа месяца раби ул-ахир, 1259 года хиджры, или 3 мая 1843 года по христианскому календарю⁵²⁰. Литографировано в Сингапуре 17 числа месяца джумада ал-аввал 1265 года, или [...] марта 1849 года⁵²¹.

---

⁵¹⁸ По мнению Хилла, этими словами автор здесь обозначает европейцев.

⁵¹⁹ Т.е. завершена.

⁵²⁰ Значительная часть этой главы опирается на письменные источники, доступные Абдуллаху: газеты и иные документы. Описание церемонии торжественного награждения теменггунга 1 сентября 1846 г. — позднейшая вставка в издание 1849 г.

⁵²¹ Указанная дата по хиджре соответствует 10 апреля 1849 г.

[Без заглавия]⁵²²

Завершив первую часть сей книги, я на некоторое время погрузился в раздумья. За долгие годы жизни мне довелось переживать немало диковин, стать очевидцем смены эпох, обычаев и иных событий, подобных которым не знавали и о которых не слыхивали наши предки. Размышляя об этом, я стал с неодобрением относиться к образу жизни малайцев. Находясь среди них с самого рождения и до настоящего дня, я наблюдал за их бытом, нравами, повадками и обычаями и пришел к выводу, что за это время они не только не поумнели, но даже поглупели. Поразмыслив, я заключил, что причин тому несколько, но что наибольший вред принесла необычайная жестокость их государей и угнетение ими собственного народа. Сердца людей окаменели, словно почва, лишенная удобрений. Могли ли возрасти на ней благие деяния, умения, науки и ремесла? Подобно деревьям в лесу, при первом порыве ветра они рухнут там, где стояли. Заметил я и то, что власть над людьми всегда вершили инородцы, сами же они, словно мелкая рыбешка, служили для прокорма крупных рыб.

О жестокости и произволе малайских властей говорит их привычка помыкать людьми и относиться к ним, как к бессловесным тварям. Поэтому при приближении раджи встречные были обязаны сесть на землю, пусть то даже в грязь. Если раджам приглянулась девушка или понравилась вещь, принадлежащая простолюдину, они забирали ее без зазрения совести, не боясь гнева Господня. С народом не считались и не помнили о нем. Любой приговор или указание, обращенное к народу, исполнялись сообразно с их предпочтениями: любимцам делалась поблажка, а на недругов возлагалась ноша потяжелее. Они потакали своим детям или родичам, совершавшим злодеяния против народа и государства, и скрывали содеянное. Держали при себе десятки и сотни слуг. Глумились над людьми: между убийством человека или муравья они не видели разницы. Их заботило не благо народа, но лишь их собственное.

---

⁵²² В издании Касима Ахмада этот раздел книги назван «Заключением» (Penutup).

Причиной всему этому была непросвещенность. Они и рады были бы стать мастерами своего дела, однако из-за отсутствия необходимых орудий все, что бы ни сотворили они, на сторонний глаз казалось неуклюжим и шло во вред им самим и их доброму имени. Да и прочие народы их не жаловали.

Вторая причина — малайские раджи не умеют воспитывать детей с самых ранних лет, потворствуют им, потакают любому желанию. Не заботятся о том, чтобы обучить отпрысков правилам поведения, воспитать их вежливыми, послушными, скромными и совестливыми, вооружить знаниями и умениями, преподать им законы чести и т.п. Напротив, еще с малолетства сыновьям подбирают в подруги девочек, которые позднее станут их наложницами, и вручают сыновьям крис⁵²³. Простой народ воздаст почести государевым отпрыскам и робеет перед ними. Что бы они ни вздумали сотворить с простолюдинами, никто не осмелится им противостоять. Отцы вовлекают их в азартные игры, приучают к петушиным боям, обеспечивают деньгами, если у отпрыска в том есть нужда. Следом за отцами дети приучаются курить опиум. Чем старше становится сын, тем хуже он ведет себя. И если отец решит наложить на что-то запрет, прознав, что люди говорят о сыне дурное и ненавидят его, неудачу потерпит не только сам государь, но и десять ему подобных. Пламя произвола пожирает и страну, и ее жителей. Малайская поговорка гласит: «Если не обрубить молодой побег бамбука, что поделаешь с ним, когда он наберет рост?» И еще говорят: «Маленький огонь — товарищ, а большой — враг».

Многие из малайских городов, подвластных им земель и селений пришли в упадок из-за того, что не нашлось управы на произвол и бесчинства государевых сыновей. Подобных нравов и обычаев не встретишь нигде, кроме как у малайцев. Будь то европейцы, келингцы, арабы или китайцы — у всех этих народов дети правителей обязаны учиться, набираться ума. Родители наказывают детей, принуждая к учебе, удерживают от пороков, дабы добронравие отпрысков служило примером и целительным лекарством для народа. Не устаю удивляться! Как могут правители, невежественные

---

⁵²³ Здесь крис выступает как символ власти.

и необразованные, вершить свою власть над подданными и страной? Как, пребывая во грехе, могут они побуждать людей к добру? Не странно ли это? Если малайские раджи не в силах наказать своих отпрысков и позволяют им глумиться над людьми, как же могут они судить своих подданных? Сыновья правителей, лиходеи, подобны свирепым тиграм. И когда их отец-тигр упокоится, они уничтожат всех рабов Аллаха. По моему разумению, заборы существуют для защиты посевов от животных или чего-то иного. Если же забор сам губит посевы, к чему это приведет?

Аллах создал правителей, дабы они заботились о народе, учили его добру и не позволяли чинить зло. Что же произойдет, если сами правители или их сыновья станут творить произвол и истреблять свой народ? Разве беда и гибель не обрушатся на самого государя, его страну и ее жителей?

Обитатели краев, где у власти малайцы, и головы не смеют поднимать, не способны радоваться жизни или совершить нечто значительное: правители запретили им это. Боятся построить каменный или просто пышный на вид дом, соорудить хорошую лодку и украсить ее позолотой или еще что-нибудь подобное. Им позволена не всякая одежда, носить башмаки и зонтики они побаиваются. Опасаются даже иметь у себя в доме предметы роскоши, приличествующие одним лишь владыкам. Знать же пребывает в постоянном трепете. Лишишься богатства — считай, что тебе еще повезло, можно и голову сложить. Способов наказать и разорить есть великое множество. Неготовность одолжить правителю вещь, которая ему приглянулась, считается изрядным проступком, а отдашь ее — и поминай как звали. Если у кого-нибудь из обитателей малайских стран есть красивая дочка — беда: раджа обязательно заберет ее себе в наложницы, даже если родители возражают. Для людей хуже этого несчастья нет ничего. Слышал я о человеке, что не хотел отдавать свою дочь. Раджа подстроил убийство отца и смог забрать девушку. Но Аллах и его Пророк строго-настрога запретили подобное, и любому смертному такие деяния ненавистны. По душе они одному лишь дьяволу, противнику Всевышнего Аллаха, и не приходится сомневаться, что

и лукавому, и тем, кто действует по его указке, суждено погибнуть в неугасимом адском пламени.

Есть еще одна причина, по которой мы, малайцы⁵²⁴, лишены способности изменяться, возрастать разумом или ученостью, изобретать что-то новое. Это неумение отринуть старые, глупые обычаи. Их диктует не вера, и блага они не приносят: люди глупеют и становятся посмешищем в глазах других народов. Отказ от них не есть грех, а следование им не идет человеку в заслугу. Люди упорно придерживаются этих дурацких правил, унаследованных ими от тупоумных предков. А уж коли нам положено соблюдать установления пращуров, то разве не надлежит детям и внукам нашим следовать сему примеру? Однако можете ли вы считать себя людьми достойными, справедливыми в суждениях, совершенными в познаниях, умениях и тому подобном? Полагаю, что вы не осмелитесь утверждать подобное. И если вы скажете: «Лучше уж останусь таким, какой есть», я возражу вам так: «Насколько мне известно, в давние времена англичане были в десять раз глупее вас нынешних — они одевались в звериные шкуры, строили жилища из глины, вымазывали руки и ноги синей краской, ходили нечесаными, людей закалывали, принося их в жертву идолам, и творили еще множество несуразных вещей. Однако с течением времени их потомки стали постепенно отказываться от нелепых обычаев в пользу новых. А сегодня что вы видите в итоге? Глупо ли это, умно ли, не скажу: сами судите, умны или неразумны нынешние англичане? Если вы скажете, что действующие у вас обычаи хороши и менять их не следует, то и англичанам, наверное, стоит вернуться к раскрашиванию рук и ног в синий цвет, отказаться от современной одежды и облачиться в шкуры, разрушить свои дома и поселиться в глиняных хижинах, отправить на слом паровые механизмы и строить лодки-долбенки и сампаны, отказаться от компаса и ограничиться плаванием вдоль побережий или по руслам рек?»

Неужели вам хочется, чтобы до скончания времен потомки разделяли ваши нелепые предрассудки? Осмелитесь ли вы утверждать, что нынешние ваши обстоятельства — достойное наследство и пример

---

⁵²⁴ Здесь и ниже автор причисляет себя к малайскому сообществу и не дистанцируется от него как сторонний наблюдатель.

для будущих поколений? Полагаю, что язык не повернется заявлять такое, ибо самим вам ясно, сколь недостаточны ваши усилия. Да и что тут поделаешь: у вас принято соблюдать любые, даже самые вредные дедовские обычаи. Знаю, что вам хотелось бы видеть своих детей и внуков умными, богатыми и обладателями прочих достоинств. Однако, посеяв ныне семена невежества и праздности, не ждите, что их плодами станут разум и прилежание. Все возвратится на круги своя [по поговорке]: «Из доброго семени вырастет доброе дерево, а из негодного — негодное».

Коли уж Аллах сотворил людей совершенными, наделил сознанием, разумом и смекалкой, то не обязаны ли мы с его помощью видеть разницу между тем, что идет нам на благо и чему надо следовать, и тем, что пойдет нам во вред и чего надо избегать? Малайцы этого не понимают. Утратив и разум, и смекалку, они идут на поводу у собственных страстей и стародавних обычаев. Но если их спросишь: «Отчего ты такой неученый и неудачливый, отчего не хочешь получить полезные знания и пошевелить умом?», тебе ответят: «Что поделаешь! Я человек бедный, видно, мне на веку написано горе мыкать». Но причина их бедности — невежество, а причина невежества — нежелание учиться. Усердию в учебе есть несколько препятствий. Первое: у предков это не было принято — и сейчас этого не надо. Второе: правители и прочие лица высокого звания не учились — и остальным этого не надо. Третье: на пути всего нового стоит боязнь людской молвы. Вот и получается так, что, подражая другим, люди не оттачивают более свой ум и смекалку, их положение не улучшается, а ухудшается, они не достигают новых высот, но катятся вниз, не упражняют свой мозг, но тупеют. В отсутствие точильного камня их разум ржавеет и более ни на что не годится. В итоге их ждет одна судьба — стелиться, словно прах земной, под ногами других народов.

Не устаю удивляться заведенному у малайцев порядку, какого нигде в мире не встретишь. Разве у других наций родной язык заброшен и нет школ, где бы ему обучали? Однако, как видно, малайцам и горя мало: их прадеды во времена оны своего языка не изучали, оттого и сейчас дело не движется. Удивительно! При этом в быту они разговаривают по-малайски, используют этот язык при любой

надобности, переписываются тоже на малайском, а вот изучать его не желают. Из ста человек не найдешь и одного сведущего. Если кто и возьмется за дело, то не по собственному желанию, а в подражание другому: глядит на него — и сам поступает так же. Спроси его, что означает какое-нибудь слово, каково его происхождение и почему оно здесь поставлено — оторопееет и не сможет ответить, ибо сам не учился и может лишь повторять с чужого голоса. Мыслимо ли такое: тысячи и десятки тысяч человек не имеют навыка в чтении, письме и счете? Иноплеменники смеются над ними и обводят их вокруг пальца, когда дело доходит до мер, весов и сложных расчетов, особенно же при переписке и составлении документов.

Мне знакомы иные нации, ставшие могущественными и просвещенными благодаря умению читать, писать и понимать свой язык, беречь его. Это арабы, европейцы, китайцы, индийцы, заботившиеся о сохранении своего языка и его славе. Их усилиями, не прекращающимися и поныне, языки становились богаче, пополнялся их словарь, совершенствовался стиль. Поистине язык есть орудие просвещения народа, он содействует развитию наук и ремесел, любой деятельности человека, его самосовершенствованию и обучению других. Аллах позволил людям раскрывать с его помощью тайны человеческого сердца. У великого народа таковым является и язык, ибо в нем выражается все, что ни существует на свете сем или в мире загробном, ведутся дела, посредством языка вещи обретают свое название, люди добывают себе хлеб насущный, достигают богатства и признания. Язык делает человека знаменитым, он служит ему и в земной жизни, и за гробом. Позволительно ли пренебрегать им? Если бы сейчас я спросил своих предков: «Достаточно ли сегодня вашей учености? По душе ли вам видеть, в каком положении оказались ваши потомки?» — уверен, они бы ответили отрицательно, сожалея, что пренебрегали многими важными и нужными вещами, служащими делу добра и пользы.

Не во вред ли пойдет нынешним детям изучение наук и ремесел, которые их предкам были незнакомы? Полагаю, что, если прадеды наши были мудры, учены и добродетельны, их правнукам негоже быть тупицами, неучами и лиходеями. Стыдно, если тигренок станет

котенком. Если же котенок превратится в тигра, люди начнут восхищаться и славить его. Счастливы те, кому выпала такая судьба! Однако, судя по всему, люди довольны нынешним положением вещей, не тянутся к знанию и не стремятся постичь науки и освоить новые ремесла. Уподоблю их лягушке, укравшейся под скорлупой кокосового ореха и полагающей, что над ней небосвод. Сколь же неразумны они: ведают о своем убожестве и серости, но боятся пойти против закона предков и бездействуют. И, видя воочию великие достижения современной науки и сотворенные человеком чудесные вещи, удивляющие, восхищающие и радующие всех, сами не готовы двинуться с места.

Когда же взяться за учебу тому, кто осознал свое невежество и недостаточность собственных знаний и навыков? Лучше начинать в детстве или юности, не правда ли? В эти годы ум и смекалка работают в полную силу, подобно молодому дереву, ветви которого растут на глазах. В старости это дерево принесет обильный урожай плодов. Так и человек: если в детстве он научится чему-либо, в старости эти знания сослужат ему добрую службу. Однако мне приходилось видеть и людей, не думающих о детях и не заботящихся о них — тех, что потакают всем их желаниям, позволяют им возиться в грязи на улице. Сами дети не виноваты: у них перед глазами пример родителей, которые сподобились произвести их на свет, но ничему обучить не могут. Так и вырастет из них нечто подобное ядовитому дереву: любой, отведавший его плодов, заболеет и пожалеет о случившемся. Завершаю сию повесть и надеюсь, что люди прислушаются к моим советам. Конец.

РАССКАЗ О ПЛАВАНИИ АБДУЛЛАХА ИЗ СИНГАПУРА В МЕККУ

Вот мои записки о том, как я отплыл из Сингапура на корабле «Сабил ал-Ислам» шейха Абдулкарима в 29 день месяца джумада ал-авваль 1270 г. х.¹, то есть в 1854 г. христианского летосчисления, что совпало с первым днем китайского Нового года.

С помощью Аллаха через два дня на третий мы достигли Малаккского моря и, не высаживаясь на берег, продолжали плыть при северном ветре. Спустя три дня плавания на четвертый мы оказались близ острова Пенанг, но и там не остановились и продолжили свой путь.

В воскресенье, в седьмой день месяца, часов в десять поднялся сильный северный ветер, заштормило, и большой корабль, словно кокосовую скорлупу, швыряло вверх и вниз. Ящики и вещи катались с правого борта на левый и обратно, и так продолжалось до утра, а к одиннадцати ветер спал. Мы плыли дальше и к четырем часам пополудни оказались близ острова Перак².

На этом острове не найдешь ни травы, ни дерева, но одни только груды белых камней, которые издали кажутся серебряными. Потому и именуют его люди Пулау-Перак³. Туда слетаются на ночной отдых всякие морские птицы. Ко времени вечернего намаза появились четыре птицы и стали летать вокруг корабля. Темнело, и до острова было далеко, так что они расположились на реях, но тут матросы потихоньку подкрались и изловили птиц. Оперение у них было синее, клювы желтые, а лапы, как у уток. Поймали всех четырех, зарезали и изжарили.

На девятый день месяца показались берега Аче⁴, остававшиеся в поле зрения в течение примерно двух дней. Далее мы шли великим океаном, не имея перед глазами ничего, кроме неба и воды. Плавание по океану длилось девять дней и девять ночей, пока не показался остров Цейлон, то появляясь, то исчезая из виду.

¹ Как показал Р. Че-Росс [Ché-Ross, 2000, p. 180–181], Абдуллах здесь, как и в своем завещании, указывает неверную дату. Следует «29 день месяца раби ул-ахир 1270 г. х.».

² Небольшой остров в Малаккском проливе к северо-западу от о. Пенанг (5°42'00" N, 98°56'00" E).

³ Серебряный остров.

⁴ Аче — северная область о. Суматра.

На одиннадцатый день мы прибыли в Галле⁵. Тут подошла целая стая рыбачьих судов, *как на рисунке выше*⁶, груженных разнообразной рыбой. Была там рыба, похожая на бамбанган⁷, но подлиннее, и каракатицы весом около гантанга⁸ каждая. Это обошлось нам в двенадцать центов. К вечеру пришли две или три барки с апельсинами, плодами джамбу⁹ и ананасами. Еще они привезли завязанный мешочек, полный всевозможных цейлонских камней, колец и прочих драгоценностей — всем этим они торгуют.

Затем корабль достиг места прямо напротив Цейлонской горы¹⁰. При этом матросы принялись кричать, бить в цимбалы и барабаны, а одного абиссинца обрядили стариком с посохом в руке и с длинной бородой. Все остальные, танцуя, следовали за ним и выстроились перед капитаном, сидевшим рядом со мной, и кланялись ему. Каждому он давал понемногу денег. Я спросил начальника над матросами — боцмана Мухаммада, что это означает. Он ответил: «По обычаю, когда какой-нибудь корабль прибывает сюда, люди забавляются тем, что выпрашивают деньги себе на еду и читают Фатиху¹¹, помяная имя праотца нашего Адама, мир ему!»

Поднялся сильный ветер, а нам предстояло пройти близ мыса Коморин¹². Аллах! Аллах! Аллах! Не рассказать, какие трудности нам пришлось пережить и как огромны были волны — об этом только Аллах ведает. Впору пожалеть, что вообще появился на свет¹³. Морские валы перекачивались с борта на борт и обратно. Все вещи, сундуки, коврики и подушки катались туда-сюда, вода потоком обрушивалась в каюты, где все вымокло. Мысль у каждого была только

---

⁵ Галле — город и порт на юго-западе Шри-Ланки.

⁶ Здесь и далее звездочками выделены фрагменты, присутствующие только в рукописи W215, а также ссылки на рисунки, не сохранившиеся в трех дошедших до нас источниках.

⁷ Бамбанган — луциан красноперый (морская рыба *Lucianus sanguineus*).

⁸ Гантанг — мера объема сыпучих тел = 4,54 л.

⁹ Джамбу — плодовое дерево *Syzygium aqueum* семейства Миртовые.

¹⁰ Имеется в виду т. наз. Адамов Пик — гора в западной части о. Шри-Ланка, почитаемая священной как буддистами, так и индуистами и мусульманами.

¹¹ Фатиха — первая сура (глава) Корана, широко используемая как молитва.

¹² В тексте «Гамри». Коморин (Канникумари. Кумари, англ. Cape Comorin) — каменистый мыс, южная оконечность полуострова Индостан.

¹³ Букв. «Хотелось вновь оказаться в материнском чреве».

о смерти. Казалось, волны вот-вот поглотят наш большой корабль — они вздымались выше верхушки мачты. Люди сидя творили молитву, уцепившись [за что попало]. Тех, кто находился в каютах, рвало, они мочились под себя. Матросы держали трюмные помпы наготове, а вода продолжала захлестывать корабль. Ничего не было слышно, кроме гудения снастей. Ветер налетал шквал за шквалом. Хотя погода стояла ясная и нет-нет да проблескивало солнце, ветер и шторм разгулялись вовсю. Океан казался белее белого. Все до единого вцепились в снасти, но не раз рвались паруса — и снасти следом за ними. И заплакал бы тут, да слез нет, и губы пересохли. Отовсюду слышалось, как люди призывали имена Аллаха и Пророка. Штурман сказал: «Известно, что мыс Коморин всем внушает страх. Молитесь — здесь много кораблей пропало без следа, их и названий не упомянуть, и никого из людей в живых не осталось, увы!»

Так прошло три ночи и два дня, покуда ветер не спал и мы не смогли миновать мыс Коморин. Волнение утихло. Наконец мы оказались вблизи города Алфиах¹⁴, но слишком далеко от берега. Вдали показался большой корабль, который к полудню подошел ближе. Поравнявшись с нашим судном, он поднял красный флаг, и мы ответили поднятием красного флага. Затем он под всеми парусами приблизился к нам на двадцать маховых саженей, его команда приветствовала нас, и наш экипаж ответил тем же. На наши расспросы они отвечали: «Судно наше зовется «*Фатх ул-мубарак*», главный на нем — капитан Хаджи Али бин Ахмад бин Иса. Мы плывем из Бенгалии с грузом риса в 850 тысяч мешков, везем их в Маскат¹⁵». Капитан прокричал свое приветствие капитану Абдул Кариму, а потом его корабль выдвинулся вперед, и оба судна наперегонки устремились к устью¹⁶ Алфиаха.

Спустя два дня бросили якорь в Алфиахе. Наутро мы с капитаном сошли на берег, стали прогуливаться по городу и наблюдать, как в нем все устроено. Из местных обычаев больше всего меня поразило

---

¹⁴ По-видимому, речь идет о городе Аллеппи (совр. штат Керала).

¹⁵ Маскат — нынешняя столица султаната Оман.

¹⁶ В регионе островной Юго-Восточной Азии портовые города обычно располагались в устьях рек. Слово «устье» в этом случае служит синонимом слова «город».

одно: здесь не почитается позором нагота сотен и тысяч женщин, которые не носят кофт и расхаживают, тряся грудью — что молодые, что старухи. Но это все индуски. Мусульманки не таковы: с покрытой головой и в кофтах. Дома в этом городе крыты пальмовыми листьями, но встречаются и крытые черепицей. Только это не такая черепица, что в ходу у нас.

Правит в этом краю и во всем том царстве индус по прозванию Дармараджа. Его столица в трех днях пути по берегу от Алфиаха, и жителей в ней не счесть. Зовется она Тирваненда Пурам¹⁷. Жители платят Англии в год по восемь личумов¹⁸, а в личуме сто тысяч рупий. Все дела в стране вершит царь, и англичане тоже следуют его закону. Есть товары, запрещенные для ввоза в страну: это соль, табак, черный перец, кардамон, воск и слоновая кость.

Протяженность этой страны — десять дневных переходов по морю или по суше. Они торгуют чуку¹⁹, куркумой, сушеным кокосом, [...] ²⁰ и кокосовым маслом, кардамоном, кокосовым волокном, слоновой костью, черным и китайским перцем²¹, тиковым деревом и марантой²². Капиц у них множество, в них находятся идолы: и золотые, и серебряные, и всякие иные.

Мечетей в Алфиахе всего десять, но соборных только три. Там протекает пресноводная река, по которой можно плыть пятнадцать дней, богатая рыбой и омарами. В лесах обитают слоны, тигры, носороги, вепри, олени, мунтжаки²³, пеландуки²⁴, волки и шакалы. Змей множество, некоторые — огромные. Всяких птиц не счесть, есть и павлины, и много других пернатых, но больше всего здесь ворон: не меньше, чем мух в доме.

---

¹⁷ Тривандрум, тж. Тхируванантхапура (совр. штат Керала на юго-западе п-ова Индостан).

¹⁸ Видимо, искаж. Lacham, («сто тысяч» на яз. тамили и малаялам).

¹⁹ Сушеный корень гамбира, используемый для приготовления бетелевой смеси.

²⁰ Buah pulaga (?). М.б., pula — «хлопок» (яз. малаялам).

²¹ Китайский, тж. японский, перец (*Zanthoxylum piperitum*), используется в медицине и кулинарии.

²² Растение (*Maranta arundinacea*), из корневищ которого добывается крахмальное вещество — аррорут.

²³ Kijang (*Muntiacus muntjak*) — род небольших оленей.

²⁴ Pelanduk (*kancil*) — мышинный оленек (*Tragulus javanicus*).

Из денег у них в ходу бераган; в одном берагане 33 калина²⁵, в одном калине — 4 чакрама, в одном чакраме — 15 каш²⁶, рингит²⁷ равен 60 чакрамам, в одном чакраме 16 каш²⁸. За одну золотую бомбейскую рупию дают 15 рупий. За сабран дают десять рупий с четвертью. Выкуп за невесту в стране Алфиях — 1200 чакрамов. Есть у них и кади, и хатибы, и муэдзины.

В городе не встретишь чужеземцев, кроме купеческой братии: чети²⁹, келингцев — мусульман и маманов³⁰. Есть там один очень богатый маман: у него четыре или пять трехмачтовых судов, восемь или девять одномачтовых, где мачта установлена ближе к носу судна. Зовут его Хаджи Йакуб, он построил соборную мечеть. Начал постройку его отец Йусуф Сабар, а завершил сын. Говорят, эта мечеть обошлась ему в двадцать тысяч рингитов.

В Алфияхе есть дурной обычай, которого тут не принято стыдиться: едва ли не половина его жителей нищенствует — и мужчины, и женщины. Куда бы мы ни пошли, они плетутся следом и вымаливают милостыню, но сколько ни дай, все им будет мало, хотят получить больше. Особенно дети, их целые сотни — и все заправские попрошайки: выпрашивают нашу еду и любую вещь, что у нас в руках.

Британский резидент в Алфияхе — г-н Кроуфурд. Здесь вывешены британские флаги.

В этом краю шесть месяцев жара, а шесть — дождь. Дороги тут не чинят, кругом песок, и передвигаться очень трудно: ноги вязнут. На базарах больше речной рыбы, нежели морской. Тут и ползун, и тербул³¹, и путих³², и омар, и сотни видов пресноводных и иных рыб. Один лишь Аллах ведаёт истину.

---

²⁵ Вероятно, имеется в виду золотая монета «кали фанам» [см. Herrli, Hans, Gold Fanams 1336–2000. Mumbai, 2006].

²⁶ Ошибка в оригинале, следует: «16 каш».

²⁷ Малайское наименование доллара.

²⁸ Повтор (см. выше).

²⁹ Чети — торговцы из Южной Индии.

³⁰ Возможно, это искаженное «мамун», что на яз. малайлам означает «традиционный», т. е. индус. Однако ниже упоминается мамун-мусульманин.

³¹ Рыба семейства карповых (*Osteochilus hasselti*).

³² Рыба семейства карповых (*Puntius binotatus*).

Так я провел в Алфияхе шесть дней в ожидании пассажирского судна. С Божьей помощью из Калькутты прибыл корабль под названием «Атиа Рахман». Его капитана звали Мухаммад Тамин, владелец же судна — Мухаммад Гахтан из Ходейды. На корабле плыли бенгальцы-паломники, всего сто пятьдесят человек — мужчин, женщин и детей. Мы намеревались сесть на это судно, чтобы добраться до Джидды. Но поскольку прочие корабли уже отчалили, здесь с нас запросили немалые деньги: по восемь ринггитов с человека, и мы поладили.

Нашел я себе слугу, малабарца родом, по имени Мухйиддин. В третий день месяца джумада ал-ахир, в пятницу³³, началось мое плавание. Один Аллах ведает, какие муки я претерпевал: ни тебе поесть, ни посидеть, ни поспать — слишком много там было народу. *Но, если будет на то воля Аллаха, все эти обстоятельства зачтутся мне за мое стремление следовать благой стезей.* Через два дня мы приплыли в Кочи, а на третий — в Сукаду, потом миновали Пунакай, Танур и Ялатуру. Спустя шесть дней прибыли в порт Каликута³⁴, а что раньше я упоминал — это все названия деревень.

Если глянуть на устье³⁵ Каликута издали, то увидишь высокую башню, сложенную из камня, с четырехугольным основанием высотой в восемь локтей³⁶. Цилиндрическая ее часть достигает примерно ста локтей. Наверху установлен фонарь, подающий сигнал прибывающим и отплывающим судам. В полдень в четверг мы бросили якорь, и капитан сошел на берег. Назавтра собрались туда и мы с Ван Йусуфом, но волны с оглушительным грохотом обрушивались на берег, и потребовалась помощь полутора десятков людей, спустившихся в воду, чтобы удержать лодку. Дивился я, на это глядя. Подплыв ближе к берегу, гребцы стали разворачивать лодку поперек движения. О, Аллах! Казалось, она непременно перевернется: огромные валы накатывались один за другим и увлекали лодку за собой. Стоявшие в воде тянули ее к берегу и, наконец, вытащили. Сидевшие

---

³³ 3 марта 1854 г.

³⁴ Каликут (тж. Кожикод) — город на Малабарском побережье Индии (штат Керала).

³⁵ См. сноску 16.

³⁶ Локоть (hasta) — мера длины в 45,7 см.

в лодке выбирались на сушу мокрые до нитки, падали и вставали. Так изо дня в день обстояло дело с доставкой на берег, потому что волны здесь огромные даже в штиль, а когда наступает время штормов — они еще больше. Аллах ведает все.

Отправился я прогуляться, посмотреть на город. Вижу — домов тут множество, лавки торговцев стоят рядами: тут и башмачники, и сотни лавочек со специями, с посудой, тканями, всяческими кушаньями, плодами, зелеными и зрелыми кокосами, рисом и прочими товарами. Улиц и проулков не счесть, и они не похожи на те, что в Алфиахе. Песка под ногами здесь не увидишь, дороги грунтовые или каменные.

Каликут больше Алфиаха, домов и лавок тьма-тьмущая. Но даже большие дома крыты пальмовыми листьями. Женщины-индуски на улицах, и молодые, и старые, ходят нагишом, без кофт, тряся грудью. В их селениях много кокосовых и арековых пальм, есть и хлебное дерево, и манго — упомяну лишь то, что сумел увидеть. И банановых деревьев предостаточно.

Затем отправился я поглядеть на соборную мечеть. Миновал по пути немало переулков и везде видел множество деревьев моринга³⁷, усыпанных плодами.

Дома здесь строят из настоящего гранита, а не из обожженного кирпича. Камень добывают в горах, каждый его блок имеет два локтя в длину, локоть в ширину и отшлифован до блеска, толщиной же он в пядь³⁸. Удивительно, но всего за полтораста рупий их доставляют прямо до дома, как бы далеко это ни было. Дома здесь строят низенькие, а высокие редко когда увидишь. Двери и окна маленькие, как в заводе у келингов и индусов. Каждый строит, как ему заблагорассудится, не следуя никаким общим правилам. Есть улочки и широкие, и узкие, одни дома обращены к ним фасадом, другие — наоборот, тротуары стоят на высоких местах, и дорожки протоптаны, как кому нравится. Но сам город с его домами и стенами воздвигнут в стародавние времена, прочно и основательно. Немало встретишь

---

³⁷ Моринга масличная (*Moringa oleifera*) — вечнозеленое дерево, его плоды, семена и листья используются в пищевых и медицинских целях.

³⁸ Пядь (*jengkal*) — мера длины, ≈ 23 см.

недостроенных домов и иных сооружений: нынешние жители не могут завершить начатое. Многие большие кампунги окружены гранитной стеной, и постройки в них тоже из гранита.

Наконец я добрался и до мечети³⁹. На те мечети, что в наших краях, она не похожа: высокая, а окна и двери — маленькие. Вокруг нее стена, а внутри несколько отдельных помещений. Есть там и хауз⁴⁰. В мечети три яруса, и я поднялся на третий. Постройка прочная, люди могут молиться и находясь на самом верху. Мимбар целиком выполнен из камня.

Перед мечетью большой водоем: длиной в сто морских саженей, а шириной — в восемьдесят, берега облицованы гранитом в виде лестницы, тридцатью ступенями спускающейся к воде. Его глубина в сезон дождей — пять саженей, а в сухой сезон — одна сажень; там в изобилии водятся и рыба, и креветки. Здесь люди купаются, занимаются стиркой и тому подобными делами. Мечеть и водоем поразили меня, и вот что пришло мне на ум: будущие читатели моей книги, вероятно, захотят узнать, кто воздвиг все это. В поисках ответа на свой вопрос я стал опрашивать окружающих, но все они пребывали в неведении. В их числе оказался старик лет восьмидесяти, живший при мечети сторожем. Я задал ему все тот же вопрос, и он ответил: «Странное дело: прежде никто этим не интересовался. Ты сам-то что за человек? И на что тебе это знать?»

Я ответил: «Я чужестранец, совершаю хадж и здесь проездом. Удивительные сооружения! Интересно, во сколько они обошлись?»

Тот ответил: «Сказывали старики, что мечеть и водоем построены более пятисот лет тому назад попечениями одного ученого мужа⁴¹, знатока химии. Изю дня в день он добывал немного золота, и на эти средства строились и мечеть, и водоем. Был он истинный благодетель, но не хотел, чтобы имя его было начертано [на постройке]. Он похоронен здесь неподалеку. А на двери михраба написано только

---

³⁹ Mishkal Mosque – древнейшая мечеть на Малабарском побережье Индии, построена в XIV в.

⁴⁰ Хауз (перс. حوض [hauz]) — водоем близ мечети.

⁴¹ В оригинале fakir (факир, дервиш).

«Мечеть Аллаха». И добавил: «Не дивись на этот водоем — найдется здесь и другой, побольше, его построил Таиб Султан⁴². Сходи и посмотри».

Я отправился. Примерно в миле от мечети располагался облицованный гранитом квадратный водоем, в два раза больше того, что близ мечети. Вода в нем была прозрачна и свежа. Сипаи-стражники не разрешали там стирать или купаться: можно было лишь набирать воду для питья. За этим сипаи следили строго.

Рассказывают, что, когда Таиб Султан завладел этой страной, он воздвиг здесь свой шатер. Поскольку войску не хватало воды, по его приказу и был вырыт водоем. Сооружен он на славу, и лишь Аллах ведает, каких это потребовало затрат.

Я продолжил прогулку и знакомство со здешним краем. Встретились мне еще четыре или пять маленьких прудов. Мечетей тут пятьдесят, но соборных всего две. В то время в стране царила смута, и потому в обеих из них звучала проповедь, после чего творилась полуденная молитва, и таким порядком дело шло уже два месяца. А прежде пятничное богослужение совершалось то в одной из мечетей, то в другой ввиду близкого их соседства.

В этих краях всего два сезона: жаркий и дождливый. На нас пришлась жаркая и сухая погода.

Еда здесь очень дешевая: за дюжину кур просят рупию, а за большую овцу — от одной до полутора рупий, полрупии стоит сотня яиц, рис — полторы рупии за ман⁴³, кокосы — рупия за сотню.

Есть странный обычай в этой стране — здесь не существует уборных. Все справляют нужду на берегу моря, сидят рядами, нимало не смущаясь друг друга. И еще здесь чуть ли не половина жителей попрошайничает — и мужчины, и женщины. Куда бы мы ни пошли, они неотступно следуют за нами. Стоит лишь присесть, как они обступают нас со всех сторон. Сотни здешних жителей заняты шитьем шапочек, какие носят в Алфияхе.

---

⁴² По-видимому, имеется в виду Типу Султан (1750–1799), мусульманский правитель государства Майсур, ведший завоевательные войны против своих соседей.

⁴³ Ман — мера веса, ≈36,3 кг.

В Каликуте мы провели восемь дней. В шестнадцатый день месяца джумада ал-ахир⁴⁴ я взошел на корабль, и в тот же вечер, в четверг, мы снялись с якоря. Четырнадцать дней и ночей длилось плавание по безбрежному океану, и, наконец, нашим взорам открылся остров Сокотра. Мы продолжали движение, и на пятнадцатый день, в четверг, подошли к двум каменистым островкам, отстоящим на пару миль друг от друга. Сколь чудны деяния Аллаха! На обоих островках не увидишь ни травинки, не то что деревьев или чего-то иного. *Мы могли в этом убедиться, проплывая совсем близко. Все там выглядит именно так, как нарисовано ниже. Один лишь Аллах ведает истину.*

О двух этих первых островках нечего и рассказать, а вот на острове Абд-ал-кури есть небольшие деревца. Туда жители Сокотры выпускают сотнями своих овец, а спустя несколько месяцев, когда овцы уже принесли приплод, они приезжают, чтобы добывать из них сало⁴⁵. Сало с Сокотры — самого лучшего качества, с приятным запахом. Здесь также изготавливают черную ткань из чесаной шерсти и делают красные шапочки из такой же шерсти. Проживает тут немало бедуинов, обычаями своими они напоминают малайских джакунов.

На следующий день, когда мы проплывали мимо этих островов, нас нагнал какой-то корабль и подошел ближе. Наш штурман велел паломникам с корабля перебраться на корму, и спустя мгновение корабль, что к нам подходил, отстал. Был отдан приказ переместить груз: тридцать два мешка с рисом, две пушки и бочки с водой оказались на корме. Назавтра тот корабль был уже далеко позади⁴⁶.

Повстречался нам и английский трехмачтовик. Наконец, в пятый день месяца раджаба⁴⁷, в понедельник к вечеру мы оказались перед Аденом. Английский корабль бросил здесь якорь, но мы оставили

---

⁴⁴ 16 марта 1854 г.

⁴⁵ *Minyak sapi* чаще означает «сливочное масло», однако здесь речь, скорее всего, идет о топленом сале.

⁴⁶ Не совсем ясно, почему корабль Абдуллаха, где уже в Каликуте не хватало места для паломников, взял на борт новых пассажиров и дополнительные грузы. Однако автор никак не комментирует этот факт.

⁴⁷ 3 апреля 1854 г.

его справа от себя и продолжали свой путь, спеша к Вратам Искандара⁴⁸. *Вот как выглядит со стороны моря этот Аден, что занят англичанами*.

Мы плыли всю ночь, а наутро, во вторник, нашим взорам открылись острова Врат Искандара. Справа цепочкой протянулись шесть больших и малых гористых островов, где не растут ни деревья, ни иная растительность, ни даже трава: Аллах сотворил их из голого камня, и замысел Его нам неведом. Слева разворачивалась та же картина — сплошной камень на протяжении примерно одной мили. Здесь корабли проплывают из моря в океан и обратно. Глубина фарватера — от десяти до двенадцати [саженей]. Этого места все боятся, здесь опасно: рифы и мелководье, и немало кораблей нашли тут свою гибель. Оно зовется «баб» — врата, воздвигнутые султаном Искандаром Двурогим⁴⁹.

На островках по правую руку живет множество бедуинов, а на острове по левую руку можно раздобыть воды. *Англичане зовут [это место] Баб Мандеп. Вот как выглядит эта цепочка островов, что тянутся один за другим, увенчанные живописными скалами*.

Так мы и плыли при слабом ветре. При подходе к Вратам капитан и штурман приложили все свои силы и старания, и наше судно успешно их миновало. *В ознаменование благополучного преодоления пролива все прочитали Фатиху*. Кстати, на одном из островов по правую руку от нас находится могила святого — шейха Саида⁵⁰. Примерно в три часа пополудни капитан решил, что не успеет в Моху⁵¹ до сумерек, ибо подойти к городу непросто из-за множества рифов, вынуждающих лавировать при движении. Поэтому, отойдя на пару миль от Врат, мы бросили якорь, рассчитывая, что в Моху попадем ранним утром следующего дня.

---

⁴⁸ Врата Искандара (Bab Iskandar) — малый проход Баб-эль-Мандебского пролива (между Красным морем и Аденским заливом), разделенного о-вом Перим на две части.

⁴⁹ Искандар Двурогий (Зулкарнайн) — так в мусульманской традиции именовался Александр Македонский (356–323 гг. до н. э.).

⁵⁰ Шейх-Саид — небольшой скалистый полуостров близ острова Перим в Баб-эль-Мандебском проливе.

⁵¹ Моха — порт на восточном побережье Красного моря, в 74 км от Баб-эль-Мандебского пролива.

Ночью морская гладь была бездвижна, словно вода в плоском сосуде. Матросы принялись за ужение и наловили зеркальной рыбы⁵² и морских сомов⁵³. К ночи я спокойно заснул.

В полночь штурман отдал команду матросам сниматься с якоря. В темноте началась суматоха: зажгли два фонаря, принялись с великими трудами поднимать якорь и провозились с этим до самого рассвета. Заморосил дождь, и все те, что спали на палубе, промокли до нитки и стали разбегаться в темноте, словно застигнутые пожаром домовые мыши, ища укрытия. Их циновки и подушки промокли насквозь. *Господи, благослови Мухаммада!⁵⁴* Внезапно налетел западный ветер такой силы, что глаз нельзя было открыть. Якорь уже был поднят. С рассветом поднялось волнение. Ветер дул с носа, разворачивая судно к западу, волны были заодно с ветром, затрудняя движение корабля. Так мы шли целый день, и нам не только не удалось продвинуться вперед, но даже отнесло в обратном направлении. Судно стало захлестывать водой. Близился вечер. Не имея возможности бороться с ветром, мы отдали себя на его милость. Всю ночь он гнал нас назад через пролив, и мы оказались еще дальше, чем были прежде. У всех теперь была одна забота: вода на судне на исходе, и если через день-два мы не доберемся до обитаемых краев, нам нечего будет пить. Всем раздали понемногу воды. Но с помощью Аллаха на следующий день ветер немного стих. Мы плыли по морю, но не могли проследовать малым проливом, как прежде, — нас отнесло слишком далеко назад. Пришлось поэтому идти большим проливом. К часу дня мы бросили якорь в порту Мохи, отметив свое благополучное прибытие троекратным пушечным залпом.

Внезапно снова налетел резкий западный ветер, поднялось волнение. *Его любовница⁵⁵, заболевшая оспой, была отправлена на берег*, а всего на судне находилось более двадцати человек, болевших оспой, двое или трое из них скончались. Вам, слушающим мой

---

⁵² Зеркальный индийский ниточник (*Caranx gallus*).

⁵³ Ikan dugi — род хищных рыб семейства Ариевых (*Ariidae*).

⁵⁴ В тексте по-арабски.

⁵⁵ Упоминание «его любовницы» встречается только в рукописи W215 и отсутствует в рукописи K1.63 и литографированном издании в журнале *Sermin Mata*. Из текста неясно, кого эта особа сопровождала.

рассказ, легко понять, сколь трудны испытания путешествия даже для здорового, а уж что говорить о больном человеке! Некоторым из них Аллах даровал скорое исцеление, прочие же страдали от зноя и трудностей путешествия. Наше судно везло груз риса, и жара стояла день и ночь такая, словно вас пекли на огне. *Вот вид Мохи со стороны моря*.

Назавтра я сошел на берег поглядеть, на что похожа эта Моха. Оказавшись на берегу, я вступил в городские ворота со стороны моря и отправился прогуляться по городу. Поразили меня здешние дома: высокие и изящные, с множеством окон, украшенных резными растительными узорами удивительной красоты. Но из сотни зданий не найдется и десятка, где есть скамьи — все они пустые, половина разрушена, а остальные заперты. В каждом могла бы разместиться сотня человек, а живет всего пятьдесят-шестьдесят. Маленьких домов здесь не увидишь, разве что только за пределами города. Ни одно из зданий не крыто черепицей, у всех плоская земляная крыша. Стены города прочные, толщиной в пол-туловища человека.

Город выглядит заброшенным, безлюдны и лавчонки, и базар, и только кое-где к вечеру собираются торговцы всякой всячиной. Торговый квартал выглядит так: на четыре-пять открытых лавок приходится пять-шесть закрытых. Это немало изумляло меня. Два или три дня провел я на берегу, стремясь проникнуть в тайны этого города, и обошел его вдоль и поперек. В городской стене есть четверо больших ворот⁵⁶, их охраняют турки с ружьями. В семь вечера ворота закрывают, а в семь утра открывают.

Принялся я расспрашивать об этом городе местных жителей, и вот что мне поведали.

«В прежние времена город Моха славился среди прочих городов здешнего края, он процветал, и жизнь в нем кипела, много было здесь и купцов, и людей богатых. Поэтому-то они и не скупались, воздвигая эти красивые дома.

Десятки судов стояли в порту, сотни отправлялись в плавание. От множества пешеходов на улицах было не протолкнуться,

---

⁵⁶ По свидетельству путешественников 1835 г., ворот в городе было семь, а сам он процветал. См. [Путешествие..., 1840, с. 69].

царило всеобщее оживление, но волею Аллаха город этот был обречен на гибель. С гор спустились бедуины, числом в пятнадцать или шестнадцать тысяч, и начались разбои и грабежи. Турки оказали вооруженное сопротивление и перестреляли несколько тысяч человек. Бедуины же, собрав тела погибших товарищей, сложили из них лестницу, чтобы перебраться через городскую стену. Турки отстреливались из ружей, у иных выстрелами сносило головы, но лестница оставалась на месте. Проникнув в город, бедуины крушили все вокруг, турки были перебиты, но кое-кому удалось спастись бегством. Моха была захвачена и разорена, дома разрушены, а все богатства и имущество разграблены.

Обнищавшие жители города разбрелись — кто в Аден, кто в Ходейду, кто в Забид, в Байт Факих, в Тарим и прочие города. Безмолвие воцарилось в Мохе. Брошенные дома, где давно уже никто не жил, разрушались и гибли. Такова история о гибели этого города».

В Мохе находятся мавзолеи шейха Али бин ‘Умара аш-Шазили⁵⁷, саййида Хатима⁵⁸ и саййида Сандала. *Я отправился посмотреть на них и помолиться*. Все три венчаются башнями, но самая большая и высокая — у шейха аш-Шазили.

И все же еда здесь дешевая: крупная овца стоит не более ринггита, за сотню яиц просят одну рупию. Выбор плодов невелик: есть финики, манго и еще один-два вида. Вывозят же отсюда много чего — кофе, кишмиш, индиго и прочее.

В этих краях никого не встретишь, кроме арабов и бедуинов. Мне попались на глаза два-три индийца, да еще говорят, что много бедуинов проживает в горах, в трех днях пути отсюда. Все съестное и все плоды доставляются оттуда. А вода в Мохе солоноватая, и хорошей воды мне не встречалось. Здесь всего одна соборная мечеть, а малых мечетей примерно четыре десятка.

---

⁵⁷ Суфийский шейх Али б. Умар ал-Шазили (ум. 1418) считается «покровителем» кофе в арабском мире, по преданию привезшим его в Йемен из Эфиопии [Etheredge, 2011, p. 88]. По другим источникам, употребление кофе связывают с именем другого суфийского мистика — шейха Абу-л-Хасана аш-Шазили (1196/97–1258), основателя братства аш-шазилийя [Седов, Смилянская, 2005, с. 381].

⁵⁸ Возможно, имеется в виду Мухаммад Усман ал-Миргани, известный как ал-Хатим — основатель тареката хатимийя (ум. 1851, Таифа) [Тримингем, 1989, с. 47].

В этом порту наш корабль простоял четырнадцать дней, потому что капитан Мухаммад Тамин — уроженец Мохи, как и штурман Абдул Халик. Здесь выгружались одни товары и загружались другие.

Вечером в четверг капитан поднялся на судно, и мы отчалили. Аллах даровал нам попутный ветер, и всю ночь мы плыли без остановки. Назавтра, в пятницу⁵⁹, примерно в полдень мы бросили якорь в Ходейде. Это совершилось с опозданием, потому что Ходейда расположена на ровной местности, без каких-либо внешних примет, да к тому же море здесь коварное: много скал, есть и мелкие, и глубокие места. Капитану со штурманом стоило немалого труда заметить город на этой равнине, для чего штурману пришлось не раз забираться на мачту и вглядываться. *Вот вид Ходейды со стороны моря*.

Я сошел на берег, желая познакомиться с городом. Из-за мелководья наш корабль бросил якорь далеко от берега, милях в пяти. Когда наша шлюпка оказалась в десяти-двенадцати сажнях от суши, навстречу ей с берега бросились кули и, мокрые насквозь, рвались добыть себе седока. Один говорил: «Это мой!», а другой: «А это мой!» Суматоху они создали невообразимую — казалось, шлюпка сейчас перевернется. Наконец перепалка утихла, и каждый потащил на плечах к берегу своего седока, из которых иные вымокли до нитки, а другие упали в воду вместе со своим носильщиком. На берегу мокрые кули собрались толпой и стали наступать с ругательствами, словно собираясь пустить в ход руки, и требовали с каждого из седоков по курушу⁶⁰. Доставка пассажира с корабля, находящегося на расстоянии пяти-шести миль, стоила каждому из них по одному курушу, а тут просили куруш за доставку его со шлюпки на берег на расстояние десяти сажень! Они так ругались и буянили, что приходилось платить [требуемую сумму]. Получив деньги, они продолжали идти следом и галдели: «А вот со мной еще не рассчитались, и с ним...» Много приличных господ наблюдало за издевательствами кули над

---

⁵⁹ 9 раджаба, или 7 апреля 1854 г.

⁶⁰ Куруш (от лат. Grossus) — название серебряных европейских монет в Османской Турции.

чужестранцами, они посмеивались, но не вмешивались, забавляясь этим зрелищем.

Затем я вошел в город. Не зная пути, спрашивал, как пройти к мечети. Дорогу туда мне предложили показать мальчики, но требовали за это плату.

Здесьняя мечеть огромная. По местному обычаю, каждый нагишом влезает в хауз — пруд с водой для молитвы. Те же, кто совершают лишь легкое омовение, получают нагоняй.

В этом краю правят турки. Более четырех тысяч турок живут в Ходейде и ее окрестностях, есть здесь и турецкий паша. Еда здесь почти такая же дешевая, как в Мохе. Однако вода везде солоноватая, и все ее пьют — и знать, и простой народ. Торговых заведений, купцов и мануфактурных лавок в Ходейде побольше, чем в Мохе. Отсюда экспортируют кофе и кишмиш. Овцы и куры также дешевы.

Познакомился я здесь вот с каким обычаем: все, словно козы, жуют зелень. Есть такие листья шириной в два пальца, на стебельках, которыми повсеместно торгуют, и люди едят эти листья без ничего; на бетель это не похоже: его употребляют с добавками. Всем этим набивают рот и жуют. Соберутся люди, сидят, а перед ними все усыпано пережеванными листьями. Они поплевывают, и слюна от этого получается зеленая. Я спросил, для чего они употребляют эти листья. Они ответили, что проку от них никакого, одни расходы — просто это привычка такая. Тот, кто ест эти листья, должен есть вдоволь жира и меда, не то заболеешь. Листья эти именуются «кат»⁶¹.

Мечетей, больших и маленьких, немало — около сорока. Переулки в городе узкие, шириной в сажень, и редко когда встретишь шире. Почва здесь — сплошной пепельно-черный песок, земли не видать, нет ни деревьев, ни травы, одна голая земля, растут только финиковые пальмы и дерево под названием «дум»⁶². Из их листьев плетут циновки, коврики, канаты, делают маленькие шкатулки и тому подобное. Лошадей, ослов и коров кормят пшеничной соломой. Там и тут

---

⁶¹ Кат — род вечнозеленых кустарников семейства бересклетовых, включающий единственный вид — *Catha edulis*. Обладает наркотическим действием, сходным с действием кокаина.

⁶² Вид пальмы (*Nyphaene thebaica*).

пробивается колючая трава. Дома бедняков все построены с использованием травы — и стены, и изгороди⁶³.

Проведя шесть дней в Ходейде, в четверг⁶⁴ под утро мы подняли якорь и поплыли с попутным ветром, что послал нам Аллах. К полудню нашим взорам предстала цепочка островов Джабал Саваби⁶⁵ — всего их было семь. *Вот какими я их увидел*. На них не найдешь ничего, кроме камня, ни одного живого листочка. Мы на всех парусах миновали эти острова и примерно через полтора часа увидели еще один большой остров. На нем обитает множество морских птиц. Здесь обнаружены залежи серы.

Тем временем ветер утих, и мы с помощью Аллаха оказались вблизи Ламлама — места, где паломники вступают в ихрам⁶⁶. Корабль следовал своим путем до вечера. Назавтра мы увидели Джидду, но не осмелились подойти ближе. Тут появились два береговых лоцмана, которых мы забрали с собой из Ходейды. Один поднялся на заднюю мачту, второй расположился на носу, а штурман корабля занял место посередине.

Береговому лоцману, который должен был благополучно провести наше судно до Джидды, была положена плата в сорок ринггитов. Я увидел, что путь, которым мы должны были следовать, пролегает среди коралловых рифов, где вода кажется зеленой, но есть места, где пройти можно. Этим путем и повели наше судно: лоцман, сидевший на задней мачте, криком оповещал того, что был на носу, последний откликался и подавал знак штурману нашего корабля, а тот громогласно слал команды рулевому, находившемуся на корме. Капитан стоял, озабоченный, не позволяя матросам и рта раскрыть. Все до единого хранили молчание и молились, чтобы благополучно миновать опасные коралловые рифы. Внезапно оказалось, что мы — перед цепью скал, стеной поднимающихся над поверхностью воды. Спустили все паруса, кроме четырех. Вода прибывала

⁶³ Вероятно, речь идет о постройках из саманного кирпича.

⁶⁴ 15 раджаба, или 13 апреля 1854 г.

⁶⁵ Джабал ас-Сабайя

⁶⁶ Ихрам — первое действие ритуальных обрядов для паломника, совершающего хадж. Место вхождения в ихрам для паломника, прибывшего из Йемена и Индии, — Ялямляма (гора, которая находится на расстоянии 54 км от Мекки).

с невероятной скоростью. По прошествии трех часов по милости Аллаха наш корабль, невредимый, смог благополучно достичь цели. Капитан и вся команда весело смеялись *и вознесли троекратную молитву с благодарением о спасении*. Зарядили пушки и дали три залпа один за другим. Затем корабль бросил якорь.

Поверхность моря в гавани неподвижна, словно вода в плоском сосуде. Увиденная издали, Джидда представляла во всей своей красе. В ту минуту в руках у меня был карандаш, и капитан сказал: «Абдуллах, хорошо бы ты сейчас начертил карту Джидды: ведь если поднимется ветер или волнение, нам трудно будет ее разглядеть». Я забрался в джалибут⁶⁷ и стал рисовать.

Тем временем с берега приплыла лодка, а в ней турок, ведавший морскими делами, и с ним солдат в полной воинской униформе. Он поднялся на борт и уселся рядом с капитаном, беседуя и наблюдая, как я рисую. Потом он подошел посмотреть и спросил: «А это что за человек?» Капитан все рассказал ему про меня, и тот заметил: «Если паша узнает, что он умеет рисовать карты — непременно заберет его к себе». Капитан сказал: «Он прибыл сюда, чтобы совершить хадж». Тот сидел у нас еще довольно долго, потом распрощался со мной и капитаном, а солдата своего оставил на борту стеречь корабль. Такой у них обычай: направлять на каждое судно по солдату из опасения, что пошлина не будет уплачена.

Назавтра с берега пришли несколько лодок, чтобы забрать паломников и грузы, и каждый сошел вместе со своими товарищами. По обычаю Джидды, с каждого здесь берут по четверть ринггита пошлины, а вещи, сгружаемые с корабля, не пересчитывают, а складывают кучей в том месте, где производится сбор пошлин.

Там оказалось полным-полно соглядатаев и охраны, были там и двое турок с писарями и вооруженными солдатами. Казалось, словно на дворе война: грузы были навалены кучами, каждый искал свое, потому что вещи лежали кое-как, вперемешку. Одни были повреждены, другие пропали, третьи попали в чужие руки. Аллах ведает, как трудно всем пришлось, люди копошились, словно муравьи: только отвернешься — а вещь исчезла. Вокруг толпились сотни кули. Они

---

⁶⁷ Корабельная шляпка с квадратной кормой, см. [Dickson, 2015, p. 476–477].

подхватывали какой-нибудь груз и подносили его к сборщику пошлин. Если сундук открывался с трудом, его взламывали, резали бечеву на тюках, грубо разрывали упаковку, и слова им на это не скажи — что хотели, то и делали. Объявляли: «За это плати столько-то, за это столько-то». Как они скажут, так и должно быть. За одежду, что была на человеке, они иногда требовали пошлину, а иногда не требовали. Делай, как они скажут, и не задавай вопросов, не проси ни о чем и не пытайся узнать, как положено по обычаю. Ничего нельзя было понять. Ящики с принадлежностями для письма взламывались, переворачивались, чернила разливались из чернильниц, и много бумаги от этого пострадало, потому что слишком много людей зараз проходило досмотр.

Когда с этой напастью было покончено, пропавшие вещи так и остались пропавшими, а сломанные сломанными, люди подхватили свое имущество и разошлись кто куда.

Спустя день по прибытии я написал в Мекку письмо, где сообщил, что я уже в Джидде, и попросил шейха приехать за мной. В ожидании его приезда я бродил по Джидде и посетил шейха Абдул Гаффара, которому передал письмо из Сингапура от Хабиба Абу Бакра Машхура. Явившись к нему, я показал письмо его секретарю, и тот спросил: «Так ты и есть Абдуллах? Мы уже получили письмо от Хабиба Абу Бакра Машхура, и нам все о тебе известно. Здесь тебе положена хавала⁶⁸, получишь от меня столько, сколько тебе понадобится. Я слышал, ты собирался в Стамбул?» И я ответил: «Если будет на то воля Аллаха, собираюсь отправиться туда по завершении хаджа». Он сказал: «Приходи завтра после утренней молитвы — увидишься с шейхом». И я ответил: «Хорошо».

Затем я вернулся домой, а наутро снова явился туда. Он пригласил меня в дом. Увидев [шейха], я приветствовал его, и он ответил на мое приветствие, а потом велел мне сесть поближе и стал расспрашивать о здоровье Саййида Абу Бакра. Я ответил: «Сейчас с ним все в порядке, он поправляется после недавнего приступа астмы».

---

⁶⁸ Хавала — система финансовых взаимозачетов, используемая на Среднем Востоке, в Африке и в Азии на основе доверия и неформальных связей между родственниками или земляками.

Тот сказал: «Он прислал мне письмо, где рассказывает о тебе. Здесь тебе положена хавала, можешь взять столько, сколько тебе нужно». Я сказал: «Спасибо, и да благословит Аллах саййида Абу Бакра Машхура за его готовность помочь мне — я на это не мог и рассчитывать. Сейчас при мне есть немного денег, и больше мне не надо. Но если, по милости Аллаха, после посещения Мекки окажется, что мои средства на исходе, я сообщу вам об этом письмом». И ответил тот: «Хорошо». Затем я откланялся.

*Назавтра была пятница, и все жители Джидды, мужчины и женщины, отправились к могиле Хавы, супруги Адама, пророка Аллаха. Таков обычай в арабской земле: каждую пятницу мужчины и женщины посещают эту могилу. Мы пошли туда с одним из моих товарищей. Вся дорога была запружена народом. Наконец нашим взорам открылась усыпальница.

Совершив поклонение могиле*⁶⁹, мы двинулись в обратный путь, рассматривая окружающие земли и поселения. Я убедился, что в Джидде жизнь бьет ключом: сюда приплывает множество кораблей и стягивается народ со всех концов света. Торговой братии и заезжих купцов здесь целые толпы. Какого только роду-племени не встретишь тут! Лавки ломятся от разнообразия товаров, что свозятся в местный порт из других стран⁷⁰.

В Джидде я провел несколько дней, ожидая приезда шейха из Мекки. Наконец прибыл хаджи Адам, и я приветствовал его. Он провел в Джидде два дня, а затем нанял верблюдов для перевозки клади, и после полудня мы тронулись в Мекку и ехали всю ночь. Ранним утром мы вместе с шейхом Хаджи Адамом вступили в Мекку со стороны Куббах Махмуд⁷¹, облачившись в одежды ихрам — белый каин и белое покрывало.

---

⁶⁹ Выделенный фрагмент отсутствует только в издании Кисберри.

⁷⁰ На этом месте текст издания Кисберри обрывается, завершаясь словами «Wa'llahu 'alam» (сокр. от «Wa'llahu 'alam bissawab» — «Один лишь Аллах ведает истину»).

⁷¹ Куббах Махмуд (также именуется Куббах аш-Шейх Махмуд) — мавзолей шейха Махмуда в районе Джаруаль, к с.-з. от Заповедной мечети.

Стихи

Войдя в сей благодатный край, забыл
Я все мирские радости и наслажденья,
    как будто рай открылся мне всецело.
Хвалю Всевышнего тысячекратно!
Ушли из памяти превратности пути,
Ведь я достиг обители Аллаха —
    той, о которой много дней мечтал!

ЛИТЕРАТУРА

Публикации «Истории Абдуллаха» и «Рассказа о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку»

На малайском языке

- Hikayat Abdullah bin Abdul Kadir Munshi / ed. by B. P. Keasberry. 1849.
- Hikayat Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi, lithographed jawi script. Singapore: Lim Kong Chuan for the Royal Asiatic Society, 1880.
- Hikajat Abdoellah bin Abdelkader Moensji / ed. by H. C. Klinkert. Leiden: E. J. Brill, 1882. 599 p.
- Hikayat Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi. 2 vols. Rumi script // Malay Literature Series, no. 4. Singapore: Methodist Publishing House, 1907–1908.
- Hikayat Abdullah. Karangan Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi. Dikaji dan diperkenalkan oleh Kassim Ahmad. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan, 2008.
- Karya Lengkap Abdullah bin Abdulkadir Munsyi. Disunting oleh Amin Sweeney. Kepustakaan Populer Gramedia/École française d'Extrême-Orient/Perpustakaan Nasional RI. Jilid 1 & 3. Jakarta, 2005–2008.
- Kisah Pelayaran Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi dari Singapura sampai ke Kelantan. Singapura: Press of American Mission, 1838.
- Kisah pelayaran Abdullah / ed. by H. C. Klinkert. Leiden, 1889.
- Kisah pelayaran Abdullah / ed. by Kassim Ahmad. 3rd ed. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1964. P. 93–118.

Переводы на европейские и русский языки

- Горяева 2016 — Абдуллах бин Абдулкадир. Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку / предисл., пер. с малайского и комм. Л. В. Горяевой // Письменные памятники Востока. 2016. Т. 13, № 4 (27). С. 5–23.
- Горяева 2018a — О Малаккской крепости (отрывок из мемуаров Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши) / предисл., пер. с малайского, примеч. Л. В. Горяевой // Письменные памятники Востока. 2018. Т. 15, № 3 (вып. 34). С. 5–15.
- Горяева 2019 б — Союз Тянь ди хуэй в Сингапуре (по мемуарам Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши) / предисл., пер. с малайского, примеч. Л. В. Горяевой // Письменные памятники Востока. 2019. Т. 16, № 2 (вып. 37). С. 5–18.

- Горяева 2020 — *Горяева Л. В.* Альманах «Очки для ищущих знания» и его место в малайской книжной культуре нового времени // *Studia Litterarum*, 2020. Т. 5, № 2. С. 412–423.
- Ché-Ross R. *Munshi Abdullah's Voyage to Mecca: A Preliminary Introduction and Annotated Translation* // *Indonesia and the Malay World*. Vol. 28, № 81, 2000. P.173–213.
- Hill A. H. (ed. & trans.). *The Hikayat Abdullah* // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. June 1955. Vol. 28, № 3 (171). P. 3–354.
- Hill A. H. (ed. & trans.). *The Hikayat Abdullah*. Kuala Lumpur/London: Oxford University Press, 1970.
- Klinkert 1867 — *Klinkert H. C.* (ed.). *Verhaal eene Pelgrimsreis van Singapoera naar Mekkah, door Abdoellah bin Abdoul Kadir Moensji, gedaan in het Jaar 1854* // *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde*. Leiden, 1867. Vol. 14, issue 1. S. 384–408.
- Sheehan J. J. *A Translation of the Hikayat Abdullah* // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. 1936. № 14 (3). P. 226–229.
- Thomson J. T. *Translations from the Hikayit Abdullah*. London: Henry S. King & Co, 1874.

Исследования

- Брагинский 1983 — *Брагинский В. И.* История малайской литературы VII–XIX веков. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. 495 с.
- Горяева 2011 — *Памятники малайской книжности XV–XVII вв.: Повесть о победоносных Пандавах; Бухари ал-Джаухари. Корона царей / пер. с малайского, исслед., комм., прил. и указ. Л. В. Горяевой. М.: Наука, «Восточная литература», 2011. 646 с.*
- Горяева 2013 — *Горяева Л. В.* Повесть о земле Бали — «искусственная» династийная хроника начала XIX в. // *Письменные памятники Востока*. 2013. № 1 (18). С. 51–52.
- Горяева 2015 — *Повесть о раджах Пасея / пер. с малайского, исслед., примеч. и прил. Л. В. Горяевой // Памятники письменности Востока, CXLIV. М.: Наука, «Восточная литература», 2015. 190 с.*
- Горяева 2018a — *Горяева Л. В.* О Малаккской крепости (отрывок из мемуаров Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши) / предисл., пер. с малайского, примеч. // *Письменные памятники Востока*. 2018. Т. 15. № 3 (34). С. 5–15.
- Горяева 2018б — *Горяева Л. В.* В поисках жанра: мемуары Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши (1796–1854): сб. Малайско-индонезийские исследования. М.: Институт востоковедения РАН, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. С. 65–71.

- Горяева 2018в — *Горяева Л. В.* Стэмфорд Раффлз как образец «справедливого правителя» (по мемуарам Абдуллаха Мунши) // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3. № 4. С. 76–89.
- Горяева 2019а — *Горяева Л. В.* Как арабский книжник стал малайским писателем. История Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши (1796/7–1854) // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2019. № 3. С. 183–190.
- Горяева 2020 — *Горяева Л. В.* Между правдой и вымыслом: рассказ Абдуллаха Мунши о британской миссии на Яву (январь — май 1811 г.) // *Orientalistica*. 2020. № 3 (2). С. 457–469.
- ИЭС 1991 — *Ислам: Энциклопедический словарь*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с., ил.
- Парникель 1980 — *Парникель Б. Б.* Введение в литературную историю Нусантары IX–XIX вв. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980. 244 с.
- Погадаев 2012 — *Погадаев В. А.* Малайский мир (Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур): лингвострановедческий словарь. М.: Восточная книга, 2012. 798 с.
- Путешествие... 1840 — Путешествие господ Комба и Тамизие по Абиссинии и землям Галла, Хоа и Ифат // Библиотека для чтения. СПб, 1840. Т. 40.
- Ревуненкова 2008 — *Ревуненкова Е. В.* Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. СПб: Петербургское востоковедение, 2008. 672 с.
- Седов, Смилянская 2005 — *Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам, Древняя Аравия: сб. ст., посвященных 60-летию В. В. Наумкина / Сост. и отв. ред. А. В. Седов, И. М. Смилянская*. М., 2005. 410 с.
- Тримингем 1989 — *Тримингем Дж. С.* Суфийские ордены в исламе. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. 328 с.
- Холл 1958 — *Д. Дж. Е. Холл*. История Юго-Восточной Азии. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 598 с.
- Abu Talib 2003 — *Abu Talib Ahmad, Liok Ee Tan*. New Terrains in Southeast Asian History. Athens: Ohio University Press, 2003. 393 p.
- Aitchison 1909 — *Aitchison C. U. (ed.)* A Collection of Treaties, Engagements and Sanads related to India and neighbouring countries. Vol. 2, chunk . Calcutta, 1909. 577 p.
- Asma Ahmat 1992 — *Asma Ahmat*. Koleksi Manuskrip dan Buku Nadir Melayu di Library of Congress, Amerika Syarikat // *Jurnal Filologi Melayu*. 1992. № 1. P. 42–49.
- Bastin 2014 — *Bastin, John*. Raffles and Hastings. Private exchanges behind the founding of Singapore. Singapore, National Library Board Singapore and Marshall Cavendish Editions, 2014.

- Begbie 1834 — Begbie, Lt P. F. The Malayan Peninsula, Embracing its History. Manners and Customs of the Inhabitants, Politics, Natural History etc. from Earliest Times. Madras, 1834.
- Boulger 1897 — Boulger, Demetrius Charles. The Life of Si Stamford Raffles. London: Horace Marshall & Son, 1897.
- Bremner 1927 — Bremner M. J. Report of Governor Balthasar Bort on Malacca in 1678 // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. Singapore: Methodist Publishing House. 1927. Vol. 5. Pt.1. P. 1–232.
- Buckley 1902 — Buckley, Ch. B. An Anecdotal History of Old Times in Singapore. Singapore: Frazer & Neave Ltd, 1902. Vol. 1. 1867.
- Carroll 1999 — *Carroll, Diana*. Hikayat Abdullah: Discourse of Dissent. // Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society. 1999. Vol. LXXII. Part 2. P. 92–129.
- Cermin Mata Bagi Segala Orang Yang Menuntut Pengetahuan. Singapore: [Mission Press], 1858–1859 (Т. 1, № 2, июнь 1858. С. 115–122; Т. 1, № 3, октябрь 1858. С. 175–183; Т. 2, № 4, январь 1859. С. 59–68).
- Chambert-Loir 1975 — *Chambert-Loir, Henri*. Bibliographie de la littérature malaise en traduction // Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. Année, 1975. № 62. P. 395–439.
- Ché-Ross 2000 — Ché-Ross R. Munshi Abdullah's Voyage to Mecca: A Preliminary Introduction and Annotated Translation // Indonesia and the Malay World. 2000. Vol. 28. № 81. P. 173–213.
- Ché-Ross 2005 — *Ché-Ross R.* The Last Will and Testament of Munshi Abdullah bin Abdul Kadir (1797–1854) // Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society. 2005. Vol. 78. № 2 (289). P. 83–111.
- Dickson 2015 — *Dickson H. R.P.* The Arab of the Desert. A Glimpse into Badawin Life in Kuwait and Saudi Arabia. New York: Routledge, 2015. 728 p.
- Dulaurier 1850 — *Dulaurier, Edmond*. Voyage d'Abd-Allah ben Abd-el-Kader Mounschy (homme de lettres) de Singapore à Kelantan sur la côte orientale de la péninsule de Malaka, entrepris en l'année 1838. Traduit du malay avec des notes et des éclaircissements par... Paris: Arthus Bertrand, 1850. 121 p. (Extrait des Nouvelles Annales des Voyages, 1849–1850).
- Etheredge — *Etheredge Laura S.* Saudi Arabia and Yemen (Middle East: Region in Transition). S.l., Britannica Educational Publishing, Rosen Education Service, 2011. 157 p.
- Favre 1848 — An Account of the Wild Tribes inhabiting the Malayan Peninsula, Sumatra and a few neighbouring islands. By the Rev. P. Favre, Apostolic Missionary, Malacca // The Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia. Singapore: Mission Press, 1848. Vol. 2. P. 238–282.
- Gallop 1990 — *Gallop, Annabel Teh*. Early Malay printing: an introduction to the British Library collection // Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society 1990. № 63 (1). P. 85–124.

- Gallop 1994 — *Gallop, A. T.* The Legacy of The Malay Letter: Warisan Warkah Melayu. L.: British Library, 1994.
- Gibson-Hill 1969 — *Gibson-Hill C. A.* The date of Munshi Abdullah's first Visit to Singapore // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 42, № 1(215), Singapore 150th Anniversary Commemorative Issue (July, 1969). P. 107–111.
- Glendinning 2013 — *Glendinning, Victoria.* Raffles and the Golden Opportunity. 1781–1826. Profile Books Ltd, 2013. 349 p.
- Haji Abdul Majid 1926 — *Haji Abdul Majid.* Some Malay Superstitions. // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. 1926. Vol. VI. Part IV. P. 41–45.
- Harfield 2000 — *Harfield, Alan.* Raffles and the Java Light Cavalry // *Journal of the Society for Army Historical Research*. Autumn 2000. Vol. 78. № 315. P. 173–196.
- Haughton 1882 — *H.T.H. Haughton.* Landing of Raffles in Singapore. By an Eye-witness // *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society*. December 1882. № 10. P. 285–286.
- Herli 2006 — *Herli, Haans.* Gold Fanams 1336–2000. Mumbai, 2006.
- Hikayat Marong Mahawangsa yakni Salasilah Negeri Kedah. Dar al-Aman, Penang: R. J. Wilkinson, 1898 [lithograph].
- Hooykaas 1947 — *Hooykaas Christiaan.* Over Maleische literatuur. Tweede druk. Leiden: Brill, 1947.
- Hunt 1989 — *Hunt R.* The History of the Translation of the Bible into Malay // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. June 1989. Vol. 52. Part 1. P. 35–56
- Indonesian Manuscripts 2014 — *Indonesian Manuscripts in Great Britain. A Catalogue of Manuscripts in Indonesian Languages in British Public Collections. New Edition with Addenda and Corrigenda by M. C. Ricklefs, P. Voorhoeve and Annabel Teh Gallop.* Ecole française d'Extrême-Orient, Perpustakaan Nasional Republik Indonesia. Jakarta: Yayasan Pustaka Obor Indonesia, 2014.
- Kathirithambi-Wells 1969 — *Kathirithambi-Wells J.* Early Singapore and the Inception of a British Administrative Tradition in the Straits-Settlements // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. December 1969. Vol. 42, № 2 (216).
- Kemp 2004 — *Herman C. Kemp.* Oral Traditions of Southeast Asia and Oceania: A Bibliography. Jakarta: Yayasan Ubor Indonesia, 2004. 698 p.
- Lee 1973 — *Lee Y. K.* The Grand Jury in Early Singapore (1819–1873) // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. 1973. Vol. 46. № 2 (224). P. 55–150.
- Leupé 1936 — *Leupé P. A.* The Siege and Capture of Malacca, Scouten's Report, 1640–1641 // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*. 1936. Vol. 14, № 1. P. 11–178.

- Levitt 2000 — *Levitt, Gerald M.* The Turk. Chess automaton. McFarland, Incorporated, Publishers, 2000. 268 p.
- Lovett 1899 — *Lovett R.* The History of the London Missionary Society. London, 1899.
- Maier 1997 — *Maier, Henk.* «We are paying relatives»: Riau, The Cradle of Reality and Hybridity // *Bijdragen Tot de Taal-, Land- en Volkenkunde* [Journal of the Royal Institute of Linguistics and Anthropology] 1997. № 153(4). P. 672–698.
- Makepeace 1991 — *Makepeace, W., Brooke, G. E., & Braddell, R. St. J.* (eds.). One hundred years of Singapore: being some account of the capital of the Straits Settlements from its foundation by Sir Stamford Raffles on the 6th February 1819 to the 6th February 1919. Singapore, 1991. 712 p.
- Matheson 1986 — *Matheson, Virginia.* Strategies of Survival: the Malay Royal Line of Lingga-Riau // *Journal of Southeast Asian Studies.* 1986. Vol. 17. № 1. P. 5–38.
- Maxwell 1906 — *Maxwell, George.* Mantra Gajah // *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society.* June 1906. № 45. P. 1–55.
- Miller 1941 — *Miller H. E.* Extracts from the Letters of Colonel Nahuijs // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society.* 1941. № 19. Part 2. P. 169–209.
- Mills 1925 — *Mills, L.A.* A History of British Malaya, 1824–67 // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society.* 1925. № 3. P. 1–340.
- Milner 1980 — *Milner A. C.* A Missionary Source for A Biography of Munshi Abdullah // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society.* 1980. Vol. 53. № 1 (237). P. 111–119.
- Mohd. Taib Osman 2004 — *Mohd. Taib Osman* (ed.), *Hikayat Seri Kelantan*, Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 2004.
- Morrison 1839 — *Memoirs of the Life and Labours of Robert Morrison.* London: Longman, Orme, Brown, Green and Longmans, 1839. Vol. 1. P. 493–551.
- Newbold 1835 — *On the Government and History of Naning in the Malay Peninsula.* By Lieut. J. T. Newbold, 23rd Regt, Madras Nat. Inf. // *Journal of the Asiatic Society of Bengal.* Calcutta, 1835. Vol. 4. P. 297–319.
- Newbold 1839 — *J.T. Newbold.* Political and statistical account of the British settlements in the Straits of Malacca, viz. Pinang, Malacca, and Singapore: with a history of the Malayan states on the peninsula of Malacca. L.: J. Murray, 1839. Vol. 1.
- Oriental Herald 1824 — *The Oriental Herald, and Colonial Review.* Vol. 1: January to April. 1824.
- O'Sullivan 1984 — *O'Sullivan, Leona.* The London Missionary Society: A Written Record of Missionaries and Printing Presses in the Straits Settlements, 1815–1847 // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society.* 1984. Vol. 57. № 2 (247). P. 61–104.

- Phillips, Sweeney 1975 — The voyages of Mohamed Ibrahim Munshi / translated with an introduction and notes by Amin Sweeney and Nigel Phillips. Kuala Lumpur, New York: Oxford University Press, 1975. 145 p.
- Pickering 1879 — *Pickering W. A.* Chinese Secret Societies and Their Origin // *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society.* July 1879. Vol. 3. Part 2. P. 11–18.
- Proudfoot 1993 — *Proudfoot I.* Early Malay printed books. Kuala Lumpur: University of Malaya, 1993.
- Putten 2008 — *Jan van der Putten.* Abdullah Munsyi and the missionaries // *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde / Journal of the Humanities and Social Sciences of Southeast Asia.* 2008. Vol. 162. Issue 4. P. 408–440.
- Raffles 2013 — *Lady Sophia Raffles.* Memoir of the Life and Public Services of Sir Thomas Stamford Raffles. Cambridge University Press, 2013. 824 p.
- Ché-Ross 2002 — *Raimy Ché-Ross.* Malay Manuscripts in New Zealand: The 'Lost' Manuscript of the «Hikayat Abdullah» and other Malay Manuscripts in the Thomson Collection // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society.* January 2002. № 75 (2). P. 1–50. .
- Ronkel 1909 — *Ronkel, van, Ph. S.* Catalogus der Maleische Handschriften in het Museum van het Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen. Batavia-den Haag, 1909.
- Skeat 1965 — *Skeat W. W.* Malay magic. An Introduction to the folklore and popular religion of the Malay Peninsula. London: Frank Cass & Co Ltd, 1965. 684 p.
- Skeat & Ridley 1900 — Skeat W. W., Ridley H. N. The Orang Laut of Singapore // *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society.* January 1900. № 33. P. 247–250.
- Skinner 1978 — *Skinner, Cyril.* Transitional Malay literature // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde* 134 (1978). № 4, Leiden. P. 466–487.
- Skinner 1982 — *Skinner C. (ed. & transl).* Ahmad Rijaluddin's Hikayat Perintah Negeri Benggala. The Hague: Martinus Nijhoff, 1982.
- Sweeney 2005–2008 — *Sweeney, Amin.* Karya Lengkap Abdullah bin Abdulkadir Munsyi. Kepustakaan Populer Gramedia/École française d'Extrême-Orient/Perpustakaan Nasional RI. Jilid 1 & 3. Jakarta, 2005–2008.
- Taylor 2011 — *Taylor J. G.* Cleanliness and Culture: Indonesian Histories. Leiden: KITLV Press, 2011. 216 p.
- The Missionary Register 1820 — The Missionary Register for MDCCCXX containing the principle transactions of the various institutions for propagating the Gospel: with the proceedings, at large, of the Church Missionary Society. London: L. B. Seeley, 1820.
- Tjërmin mata 1866 — Tjërmin mata bagi sĕgala orang jang mĕnoentoet pĕngĕtahoewan. Batavia: Ter Lands Drukkerij, 1866.

- Tol 2001 — *Tol, Roger*. Master scribes. Husin bin Ismail, Abdullah bin Abdulkadir Munshi, their handwriting and the Hikayat Abdullah. // *Archipel Études interdisciplinaires sur le monde insulindien*. Paris, 2001. № 61. P. 115–138.
- Traill 1982 — *H.F.O'B. Traill*. The «Lost» Manuscript of The Hikayat Abdullah «Munshi» // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. 1982. Vol. 55. № 2 (243). P. 126–134.
- Traill 1984 — *H.F.O'B. Traill*. A Note On The «Lost» Manuscript Of The Hikayat Abdullah Munshi // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. 1984. Vol. 57. № 1 (246). P. 67–69.
- Turnbull 1970 — *C. M. Turnbull*. Convicts in the Straits Settlements 1826–1867 // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. 1970. Vol. 43. № 1 (217). P. 87–103.
- Turnbull 2009 — *C. M. Turnbull*. A history of modern Singapore, 1819–2005. Singapore: National University of Singapore Press, 2009.
- Ubbe 2011 — *Ubbe, Ahmad ed al*. Pamor dan Landasan Senjata Pusaka Bugis. Jakarta: Gramedia Pusaka Utama, 2011.
- Wieringa 1998 — *Wieringa E. P.* Catalogue of Malay and Minangkabau manuscripts in the Library of Leiden University and Other Collections in the Netherlands. Leiden, 1998. Vol. 1.
- Wong Wei Wen 2015 — *Wilbert Wong Wei Wen*. John Turnbull Thomson and the Hikayat Abdullah // *New Zealand Journal of Asian Studies*. 17, 2. December 2015. H. 95–117.
- Wurtzburg 1954 — *Wurtzburg. C. E.* Raffles of the Eastern Isles. London: Hodder and Stoughton, 1954.
- Yusuf A. Talib 1990 — *Yusuf A. Talib*. Munshi Abdullah's Arab Teachers. // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. 1990. Vol. 63. № 2 (259). P. 27–34.
- Zaini-Lajoubert 2008 — *Zaini-Lajoubert, M. (ed.)*. Karya Lengkap Abdullah bin Muhammad al-Misri. Jakarta: Ecole Française d'Extrême-Orient, 2008.

**Указатель личных имен, упоминаемых
в «Истории Абдуллаха» и «Рассказе о плавании
Абдуллаха из Сингапура в Мекку»**

- Абдул Гаффар, шейх в Джидде – 373
Абдул Джалил, сын султана Хусейн Шаха – 319
Абдул Кадир – отец Абдуллаха – 9, 10, 23, 63, 86, 289
Абдул Кадир, шейх, предок Абдуллаха – 9,
Абдул Кадир б. Ахмад Сахиб (Тенгку Муда) – фаворит султана Хусейн Шаха – 305, 306, 307, 308, 309, 316, 317, 318, 319, 320
Абдул Карим, капитан – 357
Абдул Разак, лебей – 114
Абдул Рахман, сын султана Джохора – 178, 179
Абдул Рахман, теменггунг – 177, 192, 193, 256, 319, 337, 339
Абдул Саид, правитель Нанинга – 299, 304
Абдул Сатар, житель Малакки – 98
Абдул Халик, штурман – 369
Аддингтон, наборщик – 159
Алауддин, правитель Берису – 303
Анджак, один из правителей Нанинга – 302
Андика Махараджа, глава одного из племен в Нанинге – 304
Армстронг, Джордж, британский коммерсант – 268, 321
Аррингтон, британский коммерсант – 268
Ахмад, капитан в Малакке – 84, 85
- Баба Хок Гуан**, владелец джонки – 307
Баба Чин Лон, сын капитана китайцев – 109
Бамгур (Ван Гоор), секретарь голландского губернатора Малакки – 186
- Басир, слуга – 98, 99
Батлер, Бенджамин, британский коммерсант – 268
Баттеруорт, Уильям Джон, губернатор – 337, 338, 339, 340, 341, 342
Бернард, Фрэнсис Джеймс, глава полицейского департамента Сингапура – 196
Билал Манджа, правитель одной из областей Нанинга – 303
Бин, командир отряда британских сипаев – 106
Битон, Томас, сотрудник Лондонского миссионерского общества – 159
Бланделл Эдмунд Огастес, сотрудник британской Ост-Индской компании — 338
Бонхэм, Сэмюэл Джордж, губернатор – 204, 306, 322, 330, 335, 337
Бустед, Эдуард, сингапурский предприниматель — 268, 320, 321, 330
- Ван Твист**, Ян, губернатор Малакки – 301
Виктория, королева Великобритании – 316, 339, 341, 346, 347
- Гарлинг**, Сэмюел, резидент-советник в Малакке – 303, 304, 317, 318, 319
Гатри, Александр, британский negociant – 209
Гента Ди-Лангит – 301, 302
Герни (?), один из учеников Абдуллаха – 268
- Дайс**, Чарлз Эндрю, художник – 301

- Датук Арум, капитан малайцев в Нанинге – 301, 302
 Датук Астур, малайский книжник – 88
 Датук Мембангун, — 304
 Датук Сераджа Мерах, правитель одной из областей Нанинга – 301
 Датук Сулейман, малайский книжник – 88
 Джамал Мухаммад бин Нур Мухаммад Сурати – 86, 291
 Джонстон, Александр Лори, сингапурский предприниматель – 195, 202, 321
 Джуара Мегат (Сераджа Мерах) – 301, 302
 Дол Кунчи, правитель одной из областей Нанинга – 304
 Дол Саид, правитель Нанинга – 302, 304
 Дол Саид (Абдул Саид) – 302, 304
 Дугалл, письмоводитель – 264, 265
 Дэвис, Чарлз Эдвард, офицер – 174, 208, 209, 210, 211
- З**айн ал-Абидин, двоюродный дед Абдуллаха – 63
- И** Либу, член китайской императорской семьи – 346
 Иббетсон, Роберт, губернатор Стрейтс-Сеттлментс – 303, 304
 Ибрахим, житель Малакки – 98, 99
 Ибрахим, писец Раффлза – 109, 134,
 Инс, Джон, британский миссионер – 158, 159
 Исмаил Лебей, дядя Абдуллаха – 74, 109, 139
- К**ерр, Адександр Джон, судебный регистратор Сингапура – 284
 Кидд, Сэмюэл, британский миссионер – 269
- Киман, правитель одной из областей Нанинга – 303
 Кисберри, Бенджамин Пич, британский миссионер и издатель – 60, 329, 333, 334, 335, 337, 342, 374
 Колли, Дэвид, британский миссионер – 269, 270, 273, 276, 279
 Коннолли, Джон, сингапурский предприниматель – 205
 Коулман, Драмголд Джордж, архитектор – 204, 323
 Крааль, Хендрик, член голландского суда в Малакке – 317
 Кретемпин (?), один из учеников Абдуллаха – 268
 Кроуфурд, Джон, британский резидент Сингапура – 202, 236, 237, 243, 253, 254, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 273, 322, 359
 Куджак, правитель одной из областей Нанинга – 304
 Кук, Адриан, голландский предприниматель – 65, 67, 84, 122
 Кук, майор – 64, 65
 Курах, правитель одной из областей Нанинга – 303
 Куэйрос, Клод – 231, 232, 233, 234
 Кэрни, Чарльз, сингапурский предприниматель – 268
- Л**аут, правитель одной из областей Нанинга – 303
 Ленгкар, правитель одной из областей Нанинга – 303
 Ли Сянь-син, учитель китайского языка – 146
 Льюис, Уильям Томас – 300
- М**айкл, типографский служащий – 161, 227
 МакДонах (?), один из учеников Абдуллаха – 268
 МакМиклинг, Гилберт, один из учеников Абдуллаха – 268

- Максвелл, Джон Эрджайл, сингапурский предприниматель – 273
- Малкин, Бенджамин Хит, сингапурский судья – 284
- Мамат, правитель одной из областей Нанинга – 303
- Марсден, Уильям, британский востоковед – 63, 64, 144, 150, 169.
- Мартин, Джордж, коммерсант – 268
- Маулана Гаранг, правитель Нанинга – 302
- Маулана Султан, правитель одной из областей Нанинга – 303
- Махмуд, султан, правитель Лингги, Риау и Паханга – 313, 319,
- Медхерст, Уолтер Генри, британский миссионер и издатель – 159, 160
- Мендес, уполномоченный губернатора Малакки – 301
- Мерлин, секретарь канцелярии Раффлза – 109
- Милн, Роберт, сын Уильяма Милна – 140
- Милн, Селия, дочь Уильяма Милна – 140
- Милн, Уильям, британский миссионер и издатель – 140, 141
- Милн, Уильям (мл.), сын Уильяма Милна – 140
- Миньоот, Адриан, сотрудник малаккского Совета юстиции – 309
- Минто, Гилберт, генерал-губернатор Британской Индии – 95, 119, 120, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 136, 137, 139, 140, 336
- Монтгомери, Уильям, доктор – 210, 213
- Морган, Джон, сингапурский предприниматель – 238, 239, 264, 265, 268
- Моррисон, Роберт, британский миссионер – 157, 158, 220, 269, 270, 285
- Муаллим Мухйиддин, йеменский шейх – 89
- Мубарак, житель Малакки – 98, 99
- Мухаммад Али, сводный брат Абдуллаха – 63.
- Мухаммад Деса, двоюродный дед Абдуллаха – 62, 63
- Мухаммад Ибрахим, дед Абдуллаха – 62, 63
- Мухаммад Латиф, дядя Абдуллаха – 74, 109
- Мухид бин Ахмад Лебей, малаккский книжник – 86
- Мэрчисон, Кеннет, резидент-советник Сингапура – 273, 283
- Норт**, Алфред, американский миссионер и издатель – 60, 329, 328, 330, 331, 333, 334, 337
- Нур Мухаммад, двоюродный дед Абдуллаха – 62, 63
- Ньюболд, Томас Джон, британский офицер, востоковед – 289, 290, 291, 292, 293, 297, 298, 299
- Ню Цзянь, генерал-губернатор провинции Цзянсу и Цзянси – 346
- Оранг Кайя Кечик**, племенной вождь в Нанинге – 304
- Паванг Гаджах**, ловец слонов – 100, 101, 102, 103, 104
- Палмер, Джон, видный британский негоциант – 201, 231
- Пангеран Шариф Омар, сингапурский негоциант – 207, 208, 209, 210, 211
- Панглима Туджух, предводитель пиратов – 340
- Паттон, Уильям, британский коммерсант – 268
- Пашам, Виллем (Фоонсен?), губернатор Малакки – 302
- Пери Ачи, бабушка Абдуллаха – 63.
- Пингеро, Франсиско, уполномоченный губернатора Малакки – 301
- Пресгрейв, Эдуард, британский колониальный администратор – 273
- Принс, Джон, резидент-советник Сингапура – 273, 283

- Раджа Нангкайя**, правитель одной из областей Нанинга – 304
- Раджа Хаджи**, бугийский военачальник – 94
- Раджа Эмбунг**, член семьи султана Джохора – 192, 193, 194
- Рату Эмас**, супруга Рату Хаджи – 94
- Раффлз**, Томас Стэмфорд, британский колониальный администратор – 109, 112, 113, 114, 115, 117, 118, 119, 120, 124, 127, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 176, 177, 178, 179, 180, 192, 193, 194, 195, 196, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 230, 232, 233, 234, 257, 261
- Ред**, Чарлз, британский коммерсант – 268
- Роджерс Дж.**, британский коммерсант – 268
- Саййид Зайн** (Панглима Бесар, Тунку Пангеран Сукма Дилага) – 117
- Саййид Мухаммад Джунид**, коммерсант – 207
- Саййид Шейх бин Алви**, арабский богослов – 89, 90
- Саййид Ясин**, коммерсант – 207, 208, 209, 210, 211, 212
- Сайкс**, Адам, британский коммерсант – 268
- Салмах**, мать Абдуллаха – 64
- Сафар**, правитель одной из областей Нанинга – 303
- Си Банчул**, житель Малакки – 308
- Сити Лела**, дочь Абдуллаха – 326
- Слатер**, Джон, британский миссионер – 158, 159
- Споттисвуд**, Уильям, сингапурский предприниматель – 205
- Стронак**, Джон, британский миссионер – 329, 334, 335
- Султан Хусейн Шах** (Тенгку Лонг) – 195, 196, 198, 200, 201, 211, 234, 256, 257, 260, 261, 305, 307, 317, 319, 339, 341
- Талиб**, правитель одной из областей Нанинга – 303
- Тамби Ахмад бин Наина Марикан**, сотрудник канцелярии Раффлза – 100
- Тамби Ахмад Сахиб**, малаккский землевладелец – 150
- Тамби Муту Бирапаттар**, житель Малакки – 320
- Тамби Мухаммад Саид**, житель Малакки – 271
- Тенгку Абдул Джалил**, сын Султана Хусейна – 319
- Тенгку Али**, сын Султана Хусейна – 341
- Тенгку Андак**, дочь Султана Хусейна – 309
- Тенгку Дауд**, раджа Кедаха – 65
- Тенгку Лонг** (Султан Хусейн Шах) – 176, 178, 179, 180, 192, 193, 194, 195, 196, 204
- Тенгку Путри**, супруга султана Махмуда – 179
- Тенгку Саид** (Теменггунг Сери Махараджа), теменггунг Муара – 317
- Тенгку Чик** (Даенг Ганггек) – 319, 337
- Тимба**, один из правителей Нанинга – 302
- Тиммерман Тайссен**, Ян Самуэль, голландский губернатор Малакки – 66, 174, 176, 190
- Томсен**, Клаудиус Генри, британский миссионер и издатель – 64, 146, 147, 148, 149, 150, 156, 157, 160, 161, 163, 164, 165, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 198, 204, 226, 238, 239, 240, 241, 243, 322, 327, 334
- Томсон**, Фредерик Б., американский миссионер – 329
- Травелли**, Джозеф, американский миссионер – 329

- Трэси, Айра, американский миссионер – 327
- У**атт, британский коммерсант – 268
- Удин, один из правителей Нанинга – 304
- Уингроув Р. Ф., суперинтендант полиции Сингапура – 273, 306, 322
- Уэстерхаут, Барчи, сотрудник британской администрации в Малакке – 291, 293, 304
- Ф**аркухар, Уильям, первый британский резидент Сингапура – 65, 67, 94, 96, 97, 99, 100, 104, 105, 106, 108, 120, 124, 127, 129, 167, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 183, 183, 184, 185, 188, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 213, 214, 217, 219, 220, 221, 230, 234, 235, 236, 237, 322
- Фаркухар, Эндрю, сын Уильяма Фаркухара – 209
- Ферриер, Илей, резидент-советник Малакки – 273, 298, 299
- Флинт, Уильям Лоуренс, суперинтендант порта Сингапура – 195, 196, 202
- Форбс, британский коммерсант – 268
- Х**абиб Абдуллах Хадад, суфийский святой, проповедник – 67, 68, 69
- Хаджи Абдуллах, наставник сыновей Султана Хусейн Шаха – 319
- Хаджи Мата-мата, рыболов – 199
- Хамфрис, Джеймс, британский миссионер – 269
- Хансен (вероятно, издатель Дж. Ф. Хансен) – 268
- Хатиб Махмуд бин Хатиб Муса, хатиб келингцев-мусульман – 219
- Хаттман, Джордж Генри, типограф – 159
- Ходжа Мухаммад, малаккский писец и переводчик – 86
- Хьюгс, Джозайя, британский миссионер – 86
- Хьюэтсон, Генри, переводчик – 341
- Хэй Эндрю, сингапурский предприниматель – 229
- Ц**и Ин, посланец китайского императора – 346
- Ч**алмерс, Уильям, доктор – 103, 104, 166, 167,
- Черч, Томас, резидент-советник Сингапура – 273
- Ш**арифа, сводная сестра Абдуллаха – 63
- Шейх Али, малаккский араб – 213
- Шейх Мир Лебей, прадед Абдуллаха – 63
- Э**ванс, Джон, руководитель Англо-Китайского колледжа – 288, 289
- Эллиот, Чарльз, дипломат – 338
- Энчик Абу Путих, приближенный Тенгку Лонга – 193, 202, 261
- Энчик Исмаил бин Мухаммад Ариф Сурати, малаккский книжник – 86
- Энчик Махбуб, капитан малайцев в Малакке – 303
- Энчик Сулунг, надсмотрщик – 100, 101,
- Энчик Тахир, житель Малакки – 271
- Энчик Яхъя бин Абдул Вахид (Энчик Сианг), писарь – 86, 172, 195
- Я**нгблад, Уильям, американский миссионер – 329

SUMMARY

The book contains translations from Malay into Russian of two works of the famous Malay writer Abdullah bin Abdul Kadir Munshi (1796/7–1854) — memoirs «The Story of Abdullah», published in the last author's version (1849), as well as his travelogue «The Story of Abdullah's voyage from Singapore to Mecca (1854), — posthumous oeuvre of the writer, who died in Mecca on his way to Hajj. Both of these writings provide valuable evidence of many historical events in the northwest of the Malay Archipelago during this period, including the rivalry between Great Britain and the Netherlands in this region, as well as the founding of Singapore as an outpost of British rule in the archipelago.

Научное издание

АБДУЛЛАХ БИН АБДУЛ КАДИР МУНШИ

ИСТОРИЯ АБДУЛЛАХА

Редактор и корректор *Н. А. Сидоркина*

Верстка *И. В. Федулов*

Подписано в печать 01.12.2021
Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 31,85. Уч.-изд. л. 22,1
Тираж 500 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Дубининская, дом № 68, корпус 3, оф. 6
тел.: (495) 651-84-56
e-mail: wwprint@mail.ru